This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4346.9.381

Harvard College Library

FROM THE

SUBSCRIPTION FUND

BEGUN IN 1858

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

533

Борисъ Лазаревскій.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

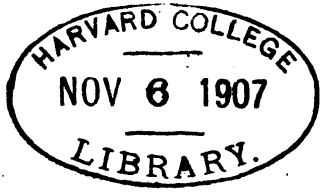
1) Любовь Константиновна.—2) Счастье.—3) Въ степи.—
4) Машинистъ.—5) Не выдержалъ.—6) Совѣсть.—
7) Человѣкъ.—8) Отъѣздъ.—9) Сирэнъ.—10) Гейша.—
11) Докторъ.—12) Въ лѣсу.—13) Бѣдняки.—14) Элегія.

Третья тысяча.

МОСКВА.
Типо-литографія „Русскаго Т-ва печатнаго и издательскаго дѣла“
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
1903.

Digitized by Google

Slav 4346.9.381



Subscription fund
(2 vols.)

546a

Digitized by Google

ЛЮБОВЬ КОНСТАНТИНОВНА.

Жена податного инспектора Любовь Константиновна была рада, что осталась дома совершенно одна. Съ утра она нервничала и жаловалась на головную боль, хотя въ сущности была здорова и только на душѣ у нея было очень тяжело. Послѣ завтрака ея сынъ Костя и нянька, единственные люди, производившіе шумъ, наконецъ ушли на бульваръ и Любовь Константиновна могла спокойно обдумать все, что случилось. Вчера для нея стало очевиднымъ, что Михаилъ Павловичъ—ея мужъ—серьезно ревнуетъ ее къ доктору Швейковскому. Узнала она объ этомъ случайно. Роясь въ папкѣ мужа, чтобы найти чистый конвертъ, Любовь Константиновна обратила вниманіе на два полулиста бумаги, бывшіе еще вчера чистыми, а теперь исписанные рукой Михаила Павловича. Каждый изъ нихъ начинался одинаково, словами: „Милостивый Государь, Николай Ивановичъ!“ Было много помарокъ, но почеркъ ея мужа, обыкновенно крючковатый и неразборчивый, какъ будто нарочно измѣненъ на четкій. Нѣсколько дугообразныя строчки доходили до самыхъ краевъ и потому сразу было видно, что это не дѣловыя бумаги, которыя, какъ она знала, пишутся съ полями. Часто бывав-

Digitized by Google

шаго у нихъ въ этомъ году Швейковскаго звали Николаемъ Ивановичемъ.

— „О чемъ бы это Михаилъ Павловичъ могъ ему писать два такихъ большихъ письма и ни одного не отослать?“ подумала Любовь Константиновна и прочла оба листа. Когда она читала, ея синіе, умные глаза сперва засвѣтились недоумѣніемъ, а потомъ вдругъ потускнѣли, наполнились слезами и она почувствовала, какъ у нея на шеѣ стала подергиваться какая-то вена. Все, что мужъ хотѣлъ сообщить Швейковскому, показалось ей нелѣпымъ и обиднымъ. „Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы писать такія вещи“, сказала она мысленно самой себѣ и заплакала на самомъ дѣлѣ.

Первая, особенно сильно перемаранная записка начиналась такъ: „М. Г. Николай Ивановичъ! Мнѣ очень не хотѣлось избирать именно этотъ способъ для выясненія вамъ всего того, о чемъ вы, вѣроятно, никогда не подумали хорошенько.“ Слово „того“ было зачеркнуто и затѣмъ дописано „что составляетъ мое счастье... Я перехожу къ дѣлу. Вы очевидно умышленно развращаете мою жену. Вы ведете съ ней другіе разговоры безъ меня чѣмъ при мнѣ. Вы приносите ей читать Зола и Мопасана, которыхъ я считаю вредными, безнравственными, настраивающими воображеніе не такъ, какъ оно должно быть настроено у порядочной женщины“... Было написано еще строкъ десять о легкомысліи женщинъ вообще. Заканчивалось все фразой: „И какъ вы поцѣловали Любѣ руку, видѣла нянька, отчего вы ей не цѣлуете руку въ моемъ присутствіи?“

На второмъ листѣ никакихъ разсужденій не было. „Я не могу больше скрывать отъ васъ, что вы имѣете

Digitized by Google

на Любу (Любу--зачеркнуто), на жену, вредное вліяніе, которая можетъ увлечься вами серьезно. Оставьте нашъ домъ, иначе для всѣхъ троихъ все можетъ окончиться грустно. Вы это понимаете"...

Закрывъ папку и оставивъ въ ней обѣ записки, Любовь Константиновна скоро перестала плакать и, поджавъ губы, долго сидѣла передъ письменнымъ столомъ не мѣняя позы. Услыхавъ, что часы пробили три, время, когда мужъ обыкновенно возвращался домой, она прошла въ спальню и, снявъ кофточку, стала умываться, чтобы скрыть слѣды слезъ. Вода въ умывальникѣ была нехолодная и не освѣжила лица. Взявъ съ оленьяго рога полотенце, Любовь Константиновна вспомнила, что обманутыхъ мужей почему-то называютъ рогатыми, и перешла вытираться къ зеркалу. Разсмотрѣвъ свое изображеніе, она нашла, что за послѣднее время подурнѣла: подъ глазами легли двѣ коричневыя полосы и на лбу появились прыщики. „Это пустяки. Пройдетъ", подумала она, и, взглянувъ на свои круглыя плечи и почти дѣвственную грудь, улыбнулась, хотя ей и было грустно.

— „Если Михаилъ Павловичъ ревнуетъ, значитъ онъ допускаетъ, что я могу принадлежать не только ему", пронеслось у нея въ головѣ. „Не сказавъ мнѣ ни одного слова, онъ хочетъ выгнать Швейковскаго изъ-за того, что тотъ приноситъ иногда мнѣ книги и только разъ принесъ Мопасана. Швейковскій всегда много читаетъ, любитъ говорить о прочитанномъ и поэтому съ нимъ не скучно. Мопасана онъ называетъ великимъ художникомъ, это такъ и есть. Одинъ только учитель латинскаго языка Зелинскій при словѣ Мопасанъ

Digitized by Google

начинаетъ подмигивать и называетъ его развратникомъ, потому что самъ развратенъ и глупѣе Швейковскаго". Невольно сдѣлавъ выводъ, что, слѣдовательно, и ея мужъ, Михаилъ Павловичъ также глупѣе Швейковскаго, Любовь Константиновна чуть было снова не заплакала, но удержалась и только ея лицо приняло еще болѣе сосредоточенное выраженіе, такое, съ какимъ она, будучи гимназисткой, ходила говѣть, и она подумала, что будетъ безполезно говорить съ мужемъ о видѣнныхъ въ папкѣ запискахъ. Потомъ ей стало страшно и казалось, что моментъ, когда она открыла эту папку, есть начало конца ея спокойствія. Скрутивъ волосы на затылкѣ потуже, вмѣсто того, чтобы сдѣлать свою любимую прическу, она надѣла блузу, въ которой ходила во время беременности, и рѣшила еще разъ, что не заговоритъ первая съ мужемъ ни о Швейковскомъ, ни о запискахъ, ни о ревности.

Въ домашней жизни Михаилъ Павловичъ такъ же какъ и отецъ Любови Константиновны выше всего ставилъ порядокъ и былъ скупъ. Денегъ не жалѣлъ только на обѣдъ, но предпочиталъ кушанья простыя и жирныя. Очень любя жену, онъ сердился, если та дарила свои старыя платья прислугѣ, и собиралъ чистыя четвертушки бумаги. За три года Любовь Константиновна не могла добиться, чтобы онъ ей купилъ дюжину черныхъ чулокъ вмѣсто бѣлыхъ, вышедшихъ давно изъ моды, полученныхъ ею въ огромномъ количествѣ въ приданое отъ матери. Михаилъ Павловичъ отшучивался и говорилъ, что подъ длиннымъ платьемъ ихъ все равно не видно. Симпатизировалъ онъ больше людямъ пожилымъ, въ числѣ которыхъ были военный

Digitized by Google

докторъ и учитель латинскаго языка Зелинскій, замѣчательный разсказчикъ анекдотовъ. Когда же приходилъ докторъ Швейковскій, Михаилъ Павловичъ почти непринималъ участія въ разговорѣ, ходилъ взадъ и впередъ по гостиной или останавливался у окна и, подергивая ногою, наблюдалъ за прохожими.

Вспоминая теперь всю свою будничную жизнь въ замужествѣ, Любовь Константиновна вдругъ поняла, что самымъ интереснымъ и пріятнымъ въ этой жизни, дѣйствительно, были тѣ моменты, когда она могла разговаривать со Швейковскимъ въ отсутствіи мужа, но не могла отдать себѣ отчета, почему это стало для нея такъ ясно только послѣ прочтенія нелѣпыхъ и оскорбительныхъ писемъ мужа къ Швейковскому. Въ передней позвонили. Вернулась нянька съ Костей, потому что сталъ накрапывать дождикъ. Въ половинѣ четвертаго Любовь Константиновна сѣла обѣдать, не ожидая мужа, но почти ничего не ѣла. Все раздражало, а не успокаивало. Костя успѣлъ всунуть палецъ въ банку съ горчицей и готовился расплакаться. Слышно было, какъ на кухнѣ няня обозвала кухарку воровкой и та въ отвѣтъ ей завизжала что-то быстро-быстро. Предстояло идти туда мирить ихъ.

Михаилъ Павловичъ возвратился домой къ шести часамъ и сказалъ, что случайно остался обѣдать у городского архитектора, къ которому заходилъ по дѣлу. Замѣтивъ грустное выраженіе на лицѣ жены, онъ покривился и потомъ спросилъ няньку, кто приходилъ во время его отсутствія. Нянька отвѣтила, что ей это неизвѣстно, такъ какъ она гуляла съ Костей на бульварѣ. Любови Константиновнѣ захотѣлось крикнуть и

Digitized by Google

назвать мужа подлецомъ и хамомъ, но она промолчала и только сильно покраснѣла. Михаилъ Павловичъ посмотрѣлъ на нее, посвисталъ и ушелъ въ кабинетъ. Вечеромъ пришелъ учитель Зелинскій и разсказалъ, что въ городъ пріѣхала сессія окружнаго суда и что первое засѣданіе назначено на слѣдующую пятницу. Будетъ разбираться дѣло о нанесеніи тяжкихъ побоевъ какимъ-то каменщикомъ своему товарищу, „послѣдствіемъ которыхъ была смерть послѣдняго“. Это дѣло было замѣчательно, во-первыхъ, тѣмъ, что въ качествѣ обвиняемыхъ привлекались одновременно отецъ и сынъ и, во-вторыхъ, интересной судебно-медицинской экспертизой. Учитель сидѣлъ очень долго, прихлебывая изъ большой рюмки марсалу, и подъ конецъ началъ разсказывать двусмысленный анекдотъ о монахѣ. Любовь Константиновна ушла спать, не дождавшись окончанія анекдота. Укутавшись въ одѣяло съ головой, она долго не могла уснуть и слышала, какъ потомъ вошелъ мужъ и растиралъ себѣ грудь скипидаромъ. Она нарочно старалась дышать ровнѣе, чтобы казаться уснувшей, боясь, что Михаилъ Павловичъ можетъ съ ней заговорить и помѣшаетъ думать.

До замужества жилось не весело. Старикъ отецъ, молчаливый и строгій, вѣчно болѣвшій ревматизмомъ, установилъ въ семьѣ опредѣленный, до тошноты скучный, режимъ, которому должны были безпрекословно подчиняться и мать, и Любовь Константиновна, и братья гимназисты. Казалось, что семья живетъ для точнаго соблюденія порядка, а не этотъ порядокъ заведенъ для удобства семьи.

За обѣдомъ обыкновенно всѣ молчали и ѣли каж-

Digitized by Google

дыи день одни и тѣ же кушанья, очень похожія на больничныя. Въ театръ ходили во время Рождественскихъ праздниковъ и на Пасху, приглашая въ ложу еще знакомыхъ, и вступали въ препирательства съ капельдинеромъ, когда тотъ требовалъ плату за приставной стулъ. Новая одежда покупалась въ магазинѣ готоваго платья и лишь тогда, когда старая окончательно никуда не годилась. Жили въ своемъ большомъ каменномъ домѣ, приносившемъ до пяти тысячъ дохода, но Любови Константиновнѣ казалось, что они бѣднѣе фруктовщика, нанимавшаго въ подвальномъ этажѣ двѣ комнаты. На протесты братьевъ, что такъ жить скучно и тяжело, мать шепотомъ отвѣчала:

— Такъ живутъ всѣ честные люди,—и уходила къ себѣ въ спальню.

Гимназисткой восьмого класса Любовь Константиновна одно время думала, что влюбилась въ студента, который пѣлъ теноромъ въ университетской церкви, и считала себя великой грѣшницей, когда, слушая его голосъ, не могла молиться. Послѣ праздниковъ Пасхи этого студента она уже никогда больше не встрѣчала. Лѣтомъ у нихъ началъ бывать только что окончившій юридическій факультетъ ея теперешній мужъ Михаилъ Павловичъ. Онъ нравился ея отцу. Однажды за обѣдомъ послѣ второго блюда старикъ даже предложилъ ему закурить, чего не позволялъ никому. Лицомъ и бородкой Михаилъ Павловичъ очень напоминалъ студента-пѣвчаго и поэтому Любови Константиновнѣ было пріятнѣе проводить время съ нимъ чѣмъ съ другими знакомыми. Когда онъ вдругъ обнялъ ее на темной парадной лѣстницѣ, Любовь Константиновна хотѣла

Digitized by Google

закричать, но вмѣсто этого только слабо отстраняла свои губы отъ его губъ и говорила:

— Зачѣмъ это, зачѣмъ это?...

Свадьба была осенью, сейчасъ же послѣ назначенія Михаила Павловича податнымъ инспекторомъ въ маленькій приморскій городокъ.

Квартиру Михаилъ Павловичъ нанялъ недорогую, но на главной улицѣ. Обстановку частью привезли съ собою, частью покупали по случаю.

Михаилъ Павловичъ находилъ, что устроились очень элегантно. Спальню ему хотѣлось сдѣлать какъ можно изящнѣе. Тамъ стояли двѣ огромныя купеческія деревянныя кровати съ рѣзьбой, было туалетное зеркало также въ рѣзной рамѣ, но нѣсколько неправильное, и мраморный умывальникъ.

Хотя жили и въ новомъ городѣ и возлѣ моря, котораго Любовь Константиновна раньше не видала, но въ сущности ея жизнь почти не измѣнилась. Такъ же одинъ день былъ похожъ на другой. Такъ же считалось роскошью пойти въ театръ не на праздникахъ, или купить книгу. Такъ же все сводилось къ тому, что въ жизни самое главное здоровье и деньги.

— Всѣ же иныя блага дадутся вамъ свыше, — говорилъ иногда Михаилъ Павловичъ—стараясь произносить слова по-славянски, и сердился когда ему замѣчали, что такого текста въ священномъ писаніи нѣтъ.

Первый годъ замужества прошелъ незамѣтно. Когда наступила беременность, Любовь Константиновна стала задумчивой, и случалось, что безъ всякой видимой причины плакала; на вопросы гостившей у нихъ матери, счастлива ли она, отвѣчала:

Digitized by Google

— Да, конечно, Миша такъ любитъ меня,—и вспоминала горячія объятія мужа, потому что вспоминать больше было нечего.

Послѣ рожденія сына Кости она ожила, точно проснулась послѣ безконечной спячки. Явилась масса заботъ. Думать о своей личной жизни не было времени, да и не хотѣлось. Любовь Константиновна удивительно похорошѣла и недовѣрчиво улыбалась, когда ей говорили объ этомъ. И этотъ годъ пробѣжалъ еще незамѣтнѣе перваго.

Костя началъ уже ходить, какъ вдругъ заболѣлъ скарлатиной. Лѣчившаго у нихъ старичка военнаго доктора не оказалось въ городѣ. Послали за молодымъ и незнакомымъ докторомъ Швейковскимъ. Во время остраго періода болѣзни онъ приходилъ два раза въ день, и случалось, что оставался обѣдать.

Когда Костя сталъ выздоравливать, Михаилъ Павловичъ уѣхалъ на двѣ недѣли въ командировку. Швейковскій продолжалъ бывать часто и также оставался иногда обѣдать, но за Любовью Константиновной не ухаживалъ и о чувствахъ не распространялся, а только не хотѣлъ брать денегъ за визиты. Говорили обыкновенно о дѣлахъ, о медицинѣ и о новыхъ романахъ. Разъ, когда у Кости снова повысилась температура, Швейковскій засидѣлся до двѣнадцати часовъ ночи и разсказалъ всю свою прошлую жизнь. Какъ во время университетскихъ окончательныхъ экзаменовъ умерла отъ скарлатины его невѣста и, не получивъ диплома, онъ едва дожилъ до слѣдующей осени, не имѣя ни денегъ, ни книгъ, ни уроковъ. Послѣ его

Digitized by Google

разсказа Любовь Константиновна долго думала и потомъ вдругъ ласково сказала:

— Бѣдный вы, бѣдный, тяжело вамъ тогда было!.. —и совершенно неожиданно для себя погладила его по рукѣ, а Швейковскій взялъ ее за руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ эту руку.

Затѣмъ онъ сталъ бывать у нихъ, какъ знакомый, но не чаще одного раза въ недѣлю. Когда онъ долго не приходилъ, Любовь Константиновна скучала, но думала, что скучаетъ безъ книгъ, которыя обыкновенно приносилъ съ собою Швейковскій. Иногда, прощаясь, онъ цѣловалъ ей руку, и это случалось большею частью тогда, когда Михаила Павловича не было дома.

Совѣсть Любови Константиновны была покойна. Послѣ прочтенія двухъ нелѣпыхъ писемъ, найденныхъ ею въ папкѣ мужа, чувство личной обиды улеглось скоро, но все время волновало любопытство. Хотѣлось еще разъ перечитать оба эти письма и сообразить, что могъ подумать и сдѣлать Швейковскій, получивъ ихъ, но Михаилъ Павловичъ заперъ папку къ себѣ въ столъ и теперь это было невозможно. Съ тѣхъ поръ, какъ Швейковскій былъ послѣдній разъ, прошло полторы недѣли, въ теченіе которыхъ Любовь Константиновна ни разу не встрѣчала его на улицѣ. Случайно услышавъ отъ жены нотаріуса, что онъ будетъ давать экспертизу по дѣлу объ убійствѣ, Любовь Константиновна рѣшила, что непремѣнно пойдетъ въ засѣданіе суда.

Въ пятницу она встала раньше обыкновеннаго и, на вопросъ мужа, почему надѣваетъ ботинки, а не туфли, отвѣтила, что идетъ въ судъ.

Digitized by Google

— Что тамъ интереснаго, не понимаю,—сказалъ Михаилъ Павловичъ.

— Я думаю, что очень много.

— Удивительныя, право, эти госпожи женщины; говорятъ будто онѣ нѣжныя, нервныя и сердобольныя созданія... А чуть только гдѣ нибудь драка, похороны, убійство, сейчасъ же первыя тамъ онѣ. Имъ нужно видѣть все это, смотрѣть, какъ тамъ кто-то кому-то выворачиваетъ кишки, слушать истеричные крики... Михаилъ Павловичъ наклонилъ голову на бокъ и засмѣялся. Видъ у него былъ профессора, удивляющагося наивному отвѣту студента первокурсника.

— Ну ужъ это мое дѣло, зачѣмъ я туда иду,—сказала Любовь Константиновна. Тонъ ея голоса сталъ нетерпѣливымъ и злымъ.

— Да?

— Дда...

Михаилъ Павловичъ пожалъ плечами и подумалъ, что жена обидѣлась и ему не слѣдовало говорить ей устарѣлой проповѣди о страсти женщинъ къ происшествіямъ.

Выйдя на улицу, Любовь Константиновна взяла извозчика и поѣхала въ городскую думу, гдѣ засѣдала сессія суда. Ей пришло въ голову, что теперь, когда она спѣшитъ именно за тѣмъ, чтобы увидѣть Швейковскаго, мужъ этого, очевидно, и не предполагаетъ, а въ то время, когда она о Швейковскомъ и не вспоминала, Михаилъ Павловичъ успѣлъ выдумать и написать ему цѣлый рядъ нелѣпостей.

Въ судъ пускали по билетамъ. Узнавъ объ этомъ отъ швейцара, Любовь Константиновна растерялась

Digitized by Google

нѣсколько минутъ постояла на мѣстѣ, потомъ, увидѣвъ знакомаго ея мужа полицейскаго пристава, подошла къ нему и спросила, гдѣ можно купить билетъ для входа въ засѣданіе. Приставъ что-то промычалъ, улыбнулся и самъ ввелъ ее въ залъ безъ билета.

Предсѣдатель недружелюбно посмотрѣлъ на вошедшихъ, потому что въ это время приводили къ присягѣ свидѣтелей. Среди нихъ былъ и Швейковскій. Онъ подошелъ къ аналою послѣднимъ, перекрестился, поцѣловалъ крестъ и евангеліе и, какъ показалось Любови Константиновнѣ, что-то прошепталъ.

„Такъ можетъ подходить къ кресту только тотъ, кто вѣритъ", подумала она, и отъ мысли, что Швейковскій вѣрующій, ей стало почему-то пріятно и весело.

— Громче говорите слово „клянусь",—обращаясь къ Швейковскому, сказалъ предсѣдатель.

— Клянусь,—повторилъ за нимъ Швейковскій, отошелъ отъ аналоя и, увидѣвъ среди публики Любовь Константиновну, прищурился, поднялъ голову и улыбнулся, какъ улыбаются изъ окна вагона пріѣзжіе, увидѣвъ на платформѣ близкихъ людей.

— „Если бы я не знала, что мужъ писалъ ему письмо, то навѣрное у меня сейчасъ не билось бы такъ сердце", подумала Любовь Константиновна, встрѣтивъ его взглядъ и садясь на лавку, потому что уже сѣли и всѣ судьи.

Свидѣтелей вывели изъ зала и стали допрашивать, вызывая по одному. Швейковскому предсѣдатель предложилъ остаться и слушать ихъ показанія. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли крестьяне Орловской губерніи

Digitized by Google

Синегубовы, отецъ и сынъ. Отецъ обвинялся въ томъ, что, имѣя возможность не допустить драки, подзадорилъ сына погнаться и избить земляка, который потомъ умеръ въ больницѣ отъ воспаленія мозга. Свидѣтелей по дѣлу было пятнадцать человѣкъ, почти всѣ они были такіе же каменщики, пришедшіе на заработки, какъ и оба подсудимые. На судей и присяжныхъ засѣдателей они смотрѣли съ испугомъ и недоумѣніемъ, точно боясь, что и ихъ станутъ судить. Послѣ показаній первыхъ трехъ свидѣтелей Любовь Константиновна поняла, что драка между двумя пьяными товарищами произошла изъ-за того, что умершій, желая пошутить, сорвалъ фуражку съ Синегубова и бросился бѣжать. Случай произошелъ на крыльцѣ трактира. Отецъ крикнулъ погнавшемуся за обидчикомъ сыну:

— Отыми картузикъ-то, отыми, а то изорветъ.

Догнавъ товарища, молодой Синегубовъ схватилъ его за руку и сталъ бить нераскупоренной пивной бутылкой по головѣ. Затѣмъ, сцѣпившись, оба упали на землю.

По дорогѣ въ судъ Любовь Константиновна думала увидѣть на скамьѣ подсудимыхъ двухъ глядящихъ изъ подлобья, почему-то непремѣнно черноволосыхъ людей, съ злыми лицами, и теперь была удивлена тѣмъ, что молодой безусый Синегубовъ почти все время плакалъ, вытирая рукавомъ арестантскаго халата свои красныя вѣки, а его отецъ, длиннобородый, сѣдой человѣкъ, одѣтый въ чуйку съ узкими рукавами и поэтому очень похожій на священника въ подрясникѣ, сидѣлъ совершенно спокойно. Сѣрые выцвѣтшіе глаза старика говорили, что онъ увѣренъ въ оправданіи ихъ

Digitized by Google

обоихъ и больше недоволенъ малодушіемъ сына, чѣмъ судебной процедурой. И Любови Константиновнѣ было непонятно, почему сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ этотъ спокойный, точно скучающій человѣкъ.

Послѣ допроса послѣдняго свидѣтеля, особенно словоохотливаго рабочаго въ синей косовороткѣ, предсѣдатель взглянулъ на часы и, точно испугавшись, что уже такъ поздно, объявилъ перерывъ на обѣдъ.

Выходя изъ зала вмѣстѣ съ толпой, Швейковскій остановился въ дверяхъ, чтобы подождать Любовь Константиновну. Подавая ей руку, онъ опять радостно улыбнулся и повелъ бровями. Любовь Константиновна почувствовала, что краснѣетъ, и подумала, что было бы хорошо, если бы этого не замѣтила шедшая за ней знакомая дама.

— Ужасно, ужасно давно не видѣлъ васъ, а сегодня меньше всего ожидалъ встрѣтить, и встрѣтилъ,— сказалъ Швейковскій и повелъ снова бровями.

— Я никогда не была въ судѣ, а мнѣ говорили, что это интересно; вотъ я и пошла.

— Ну ужъ нашли интересное, особенно въ такомъ дѣлѣ, какъ сегодняшнее. И зачѣмъ они его такъ тянутъ, просто не понимаю. Судебный приставъ мнѣ говорилъ, что сегодня могутъ даже и не кончить. Положительно не понимаю, зачѣмъ я здѣсь понадобился. Все ясно, какъ на фотографіи, нѣтъ, давай имъ еще экспертизу. Вѣдь была же экспертиза на предварительномъ слѣдствіи, а что же я еще могу сказать? Повторить то же?

— Вообще, сегодня вы, кажется, всѣмъ недовольны,—сказала Любовь Константиновна, когда они вышли на улицу.

Digitized by Google

— Далеко не всѣмъ.

Онъ остановился и, покрутивъ въ воздухѣ палкой, спросилъ уже другимъ серьезнымъ тономъ:

— Вы, что же, будете сидѣть до конца засѣданія?

— Право, еще и сама не знаю, хотѣлось бы до конца.

— Не знаете. Ну, хорошо. Такъ. А я бы вамъ посовѣтовалъ вотъ что, поѣзжайте-ка вы сейчасъ домой, да пообѣдайте, а потомъ приходите, а то вѣдь устанете, и такъ вы сегодня какая-то блѣдная. Послѣ перерыва будутъ читать всякіе документы. Потомъ начнется эта самая экспертиза, которую я давать буду не долго, а затѣмъ прокуроръ и защитникъ станутъ упражняться въ краснорѣчіи, и меня, вѣроятно, отпустятъ совсѣмъ. Если хотите, выйдемъ тогда вмѣстѣ, погуляемъ на бульварѣ, поболтаемъ...

Швейковскій вздохнулъ, и выраженіе его лица стало задумчивымъ.

„Онъ получилъ отъ Михаила Павловича то письмо и хочетъ говорить именно о немъ, но не теперь, а послѣ окончанія дѣла, когда можно будетъ говорить много и долго“, подумала Любовь Константиновна, и ей стало страшно предстоящаго разговора.

— Право, поѣзжайте-ка вы сейчасъ домой, а потомъ возвращайтесь, такъ будетъ лучше,—повторилъ Швейковскій.

— Да, пожалуй, что лучше,—отвѣтила Любовь Константиновна.

Потомъ, когда онъ, взявъ ее крѣпко за локоть, помогъ сѣсть въ извозчичій фаэтонъ, ея страхъ передъ предстоящимъ разговоромъ вдругъ прошелъ.

Digitized by Google

Проѣзжая мимо квартиры Швейковскаго, Любовь Константиновна, вспомнивъ выраженіе его глазъ, которое только что видѣла, подумала: „Должно быть, ему жаль меня. Онъ нарочно посовѣтовалъ ѣхать обѣдать, боясь, что Михаилъ Павловичъ устроитъ мнѣ сцену за долгое отсутствіе... Но если Швейковскому меня и жаль, то это еще не значитъ, что онъ меня любитъ... Хотя... сколько у него въ глазахъ сочувствія... Сколько мысли... Что-то необыкновенно ласковое есть въ немъ“... И ей опять стало страшно уже отъ мысли, что это „ласковое“ можетъ охватить ее всю, и она не въ силахъ будетъ бороться сама съ собою, какъ никто не въ силахъ бороться съ болѣзнью, когда она овладѣетъ всѣмъ организмомъ.

Когда Любовь Константиновна позвонила у своего подъѣзда, у нея мелькнула мысль, что, можетъ быть, Михаилъ Павловичъ никакого письма Швейковскому и не посылалъ, а если послалъ, то Швейковскій первый никогда объ этомъ съ ней не заговоритъ.

Ей отворилъ самъ мужъ съ недовольнымъ видомъ человѣка, котораго оторвали отъ ѣды.

— Ты же знаешь, Люба, что я терпѣть не могу, если опаздываютъ къ обѣду. Я ждалъ, ждалъ тебя...— проговорилъ онъ и, не заперевъ двери, пошелъ въ столовую.

Супъ уже убрали. Костя, увидѣвъ мать, принялся слазить со своего высокаго стула.

— Не смѣй вставать изъ-за стола,—громко сказалъ ему Михаилъ Павловичъ и, опустивъ голову, сталъ ѣсть свиную котлету, выворачивая послѣ каждаго глотка нижнюю губу.

Digitized by Google

Костя хотѣлъ заплакать, но, почувствовавъ на своей головѣ поцѣлуй матери, успокоился.

— Если ты сердишь на меня, то зачѣмъ же ты кричишь на Костю?— сказала она мужу.

— Ахъ, послушай, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не пріучать его къ порядку, да, наконецъ, я и не кричу, а говорю... Неужели ты до сихъ поръ была въ судѣ?— спросилъ онъ, проглотивъ кусокъ.

— Въ судѣ. И не только была, но сейчасъ опять пойду, засѣданіе еще не окончилось.

— У тебя какая-то новая манера разговаривать.

— Не знаю.

— Ты еще и завтра, можетъ быть, пойдешь въ судъ?

— Можетъ быть.

— Господи милостивый, да что же тамъ интереснаго?

— Если хочешь знать, прійди и посмотри.

— Ну, ужъ на счетъ этого, слуга покорный... Кофе мнѣ, пожалуйста, пришли въ кабинетъ.

Михаилъ Павловичъ всталъ и, разстегивая на ходу воротъ крахмальной сорочки, вышелъ изъ столовой.

Черезъ два часа, надѣвая перчатки, чтобы идти въ судъ, Любовь Константиновна почувствовала, какъ у нея дрожатъ руки, и подумала, что волнуется не потому, что мужъ говорилъ съ ней грубо, а отъ боязни опоздать къ началу засѣданія. Затѣмъ уже на улицѣ ей пришло въ голову, что она не виновата, если мужъ не пошелъ съ нею, а легъ спать.

Возвратившись въ судъ, она сѣла на послѣднюю лавку и на всякій случай дала стоявшему у дверей курьеру тридцать копеекъ. Засѣданіе началось сей

Digitized by Google

часъ же послѣ ея прихода. Секретарь, постоянно откашливаясь, сталъ читать протоколы осмотра мѣста, гдѣ упалъ Лашкаревъ, и вскрытія его трупа. Любовь Константиновна мысленно представила себѣ небольшую закрытую бесѣдку въ оградѣ городской больницы, гдѣ, какъ она знала, вскрываютъ трупы, и гдѣ, вѣроятно, рѣзали и убитаго каменщика. Когда секретарь умолкъ и сѣлъ, зачѣмъ-то опять передопросили словоохотливаго свидѣтеля. Потомъ предсѣдатель попросилъ Швейковскаго подойти ближе и разсказать, отчего, по его мнѣнію, могло произойти сотрясеніе мозга у покойнаго, —отъ ударовъ ли, нанесенныхъ бутылкой, или отъ паденія на мостовую.

Швейковскій осмотрѣлъ бутылку, стоявшую на столѣ для вещественныхъ доказательствъ, подбросилъ ее на рукѣ и началъ говорить. По его словамъ, рѣшить этотъ вопросъ, имѣя такъ мало данныхъ, невозможно. Сотрясеніе мозга могло произойти и отъ той и отъ другой причины, но больше вѣроятія, что оно могло быть результатомъ паденія, такъ какъ голова умершаго, который былъ высокаго роста, должна была описать большую дугу, прежде чѣмъ коснуться о камни мостовой.

Швейковскій говорилъ не долго, спокойно, ясно и просто. И публика, и присяжные слушали его внимательно съ серьезными лицами, какъ слушаетъ толпа человѣка, чувствуя, что онъ говоритъ искренно. Защитникъ послѣ каждой его фразы наклонялъ голову, точно желая сказать: „и я думаю совершенно такъ же“. Товарищъ прокурора иногда кривился, подергивая своими рыжеватыми усами; вѣроятно, экспертъ казался

Digitized by Google

ему слишкомъ молодымъ для того, чтобы говорить такъ авторитетно.

— „Этого несчастнаго парня и его отца непремѣнно оправдаютъ, не могутъ не оправдать", думала Любовь Константиновна. „Такъ вѣдь всякій можетъ стать убійцей... Какъ красиво говоритъ Швейковскій, и вся красота въ простотѣ: если бы онъ свою рѣчь пересыпалъ латинскими словами, то не вышло бы такъ хорошо". И потомъ ей въ первый разъ въ жизни пришло въ голову, что сила самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ въ простотѣ и ясности изображенія всего того, что дѣлается на свѣтѣ.

— Такимъ образомъ вы, господинъ экспертъ, прослушавъ эту часть судебнаго слѣдствія, не можете намъ отвѣтить опредѣленно на предложенный вамъ вопросъ?—спросилъ предсѣдатель и чмыхнулъ носомъ.

— Не могу, да я думаю и ни одинъ врачъ не можетъ,—сказалъ Швейковскій.

— Объ этомъ мы васъ не спрашиваемъ,—сказалъ предсѣдатель.

Товарищъ прокурора опять покривился и, не ожидая добиться выгодныхъ для себя отвѣтовъ, лѣниво началъ задавать Швейковскому вопросы. Такіе же вопросы потомъ задавалъ защитникъ, но постоянно вскакивая, и другимъ тоненькимъ голосомъ. Когда Швейковскаго отпустили, Любовь Константиновна, стараясь не шумѣть юбками, поднялась съ своего мѣста и подошла къ дверямъ. Курьеръ молча отворилъ ихъ. Швейковскій ожидалъ на крыльцѣ.

— Ну, что, правда, скоро отдѣлался?—спросилъ онъ, подходя и здороваясь еще разъ.

Digitized by Google

— Я думала, что скорѣе. Уже стемнѣло. Долго этотъ защитникъ приставалъ къ вамъ со своими вопросами. Вы хорошо говорили, этихъ Синегубовыхъ навѣрно оправдаютъ.

— Ну, это еще неизвѣстно,—сказалъ Швейковскій.

Отъ зданія, гдѣ помѣщался судъ, повернули влѣво; прошли по бульвару внизъ къ берегу. У самыхъ ихъ ногъ то подходила, то снова возвращалась назадъ, по мелкимъ камешкамъ, волна, точно желая и не рѣшаясь ихъ о чемъ-то спросить. На морѣ былъ туманъ Невидимый маякъ мигалъ своимъ вертящимся фонаремъ, и казалось, что на самомъ небѣ поперемѣнно выступаютъ то зеленая, то бѣлая огненныя точки. Отъ воды пахло водорослями и іодомъ. Гдѣ-то очень далеко ревѣлъ пароходъ.

— Хорошо здѣсь, — сказалъ Швейковскій;—только вотъ скамейка, кажется, немного сырована.

— Да, хорошо, я давно не была вечеромъ возлѣ моря, — отвѣтила Любовь Константиновна, подбирая платье и садясь на скамейку.—Послушайте, отчего вы у насъ такъ давно не были? Мы уже соскучились безъ васъ.

— Кто это „мы“?—спросилъ Швейковскій, дѣлая удареніе на словѣ „мы“, и опустилъ голову.

— Я и Мина, да и Костя, онъ васъ такъ любитъ...

Швейковскій помолчалъ, потомъ поднялъ голову и раздраженно заговорилъ:

— Знаете, мнѣ всегда дѣлается ужасно больно, когда люди, къ которымъ я отношусь хорошо и искренно, вдругъ безъ всякаго повода говорятъ то, чего не думаютъ. Зачѣмъ это? Вѣдь вы отлично знаете, что Ми-

Digitized by Google

хаилъ Павловичъ меня терпѣть не можетъ, и для васъ это должно быть ясно, во всякомъ случаѣ гораздо яснѣе, чѣмъ для меня. Теперь дальше. Вамъ лично мое долгое отсутствіе, вѣроятно, также было не очень чувствительно, и вспомнили вы обо мнѣ только потому, что увидѣли въ судѣ. Такъ вѣдь? Зачѣмъ же говорить фразы? Тогда лучше говорить о погодѣ или о городскихъ новостяхъ.

— Вы меня обижаете.

— Ну вотъ и „обижаете“, говорю только то, что знаю навѣрное.

Швейковскій опять опустилъ голову и досадливо почесалъ себѣ кончикъ носа.

— Я не знаю, какъ относится къ вамъ Михаилъ Павловичъ, а если и знаю, то могу ошибаться; но мнѣ самой пріятно всегда васъ видѣть и говорить съ вами и вы это также навѣрное знаете, а говорите другое.

Швейковскому показалось, что онъ дѣйствительно скрывалъ отъ себя сознаніе, что его присутствіе всегда доставляло ей радость, которая сквозила и въ тонѣ ея голоса, и во взглядѣ, и въ походкѣ, когда Любовь Константиновна шла изъ гостиной къ нему навстрѣчу. Помолчали.

— Допустимъ, что сейчасъ вы сказали искренно, но все ли?... Скажите, Михаилъ Павловичъ говорилъ вамъ что-нибудь обо мнѣ на прошлой недѣлѣ?

— Нѣтъ.

— Ничего рѣшительно?

— Ничего рѣшительно.

— Ну, а вотъ это письмо онъ писалъ безъ вашего вѣдома?...

Digitized by Google

Швейковскій вынулъ изъ бокового кармана конвертъ и помахалъ имъ въ воздухѣ, и голосъ его сталъ прерывистымъ.

— Безъ моего вѣдома, но я, должно быть, знаю его содержаніе. Михаилъ Павловичъ проситъ васъ перестать бывать у насъ.

— Это интересно! Безъ вашего вѣдома, т.-е. вы его не читали и нигдѣ о немъ не слыхали, а знаете, что тамъ написано. Это интересно!—повторилъ онъ еще разъ и искривился, какъ товарищъ прокурора послѣ его экспертизы.

Любовь Константиновну всю передернуло.

— Не смѣйтесь. Я васъ прошу не смѣйтесь,—сказала она, заглядывая въ его лицо.—Если бы вы знали, какъ мнѣ стыдно, но не за себя, а за него—за мужа.

И волнуясь, и часто не находя подходящихъ выраженій, она разсказала о томъ, какъ прочла это письмо, роясь въ папкѣ на столѣ мужа.

— Видите, я не виновата. Теперь мнѣ легче, когда вы все знаете, но если бы вы знали, какъ я мучилась до этого разговора съ вами. Я никогда не говорила ему, что у меня на душѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ прочла тѣ два листа, я не могу сказать ему ни одного слова и не скажу, потому что мнѣ противно съ нимъ говорить, и потому, что это безполезно и унизительно. Вѣдь вы сами знаете, что, разговаривая съ вами, мы ничего дурного не дѣлали и ничего у него не отнимали... Если же онъ вздумалъ писать вамъ по глупости, то это еще ужаснѣе.

Въ ея голосѣ послышались слезы.

— Ну, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ; стоитъ ли

Digitized by Google

такъ волноваться,—ласково заговорилъ Швейковскій.— Довольно объ этомъ, ну его!.. и, взявъ обѣ ея руки, онъ сталъ крѣпко цѣловать ихъ горячими губами, потомъ приложилъ ея ладонь къ своему разгорѣвшемуся лицу и сидѣлъ уже не двигаясь. Прошло минутъ пять. Любови Константиновнѣ показалось, что та ласка, которую она прежде слышала въ его голосѣ и видѣла въ его глазахъ, теперь подхватила ее, какъ подхватывала иногда во время купанья въ морѣ огромная масса воды, съ которой она вдругъ составила одно цѣлое.

— Зачѣмъ это, зачѣмъ это?.. не нужно, пойдемте отсюда,—вдругъ сказала она, вырывая свою руку, и встала.

„Въ самомъ дѣлѣ не нужно поддаваться соблазну", подумалъ Швейковскій и, стараясь говорить ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, что было очень трудно, отвѣтилъ:

— Ну, пойдемте.

На душѣ у него было тревожно и радостно отъ сознанія, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы удержать ее здѣсь еще долго. Могъ бы обнять за талію и цѣловать въ губы. И ему казалось, что онъ не дѣлаетъ этого только потому, что онъ честный человѣкъ, и стало страшно отъ сейчасъ же мелькнувшей мысли, что эта честность можетъ отъ него уйти.

Пошли не подъ-руку и долго гуляли возлѣ зданія суда, стараясь убѣдить себя, что не прощаются, желая узнать резолюцію, такъ же какъ и другіе ожидавшіе здѣсь люди. Въ десять часовъ стало извѣстно, что старикъ Синегубовъ оправданъ, а его сынъ приговоренъ въ арестантскія роты и къ церковному покаянію.

Digitized by Google

Участь осужденнаго парня не поразила Любовь Константиновну, и теперь ей только хотѣлось знать, когда она опять увидитъ Швейковскаго.

Въ слѣдующій разъ встрѣтились черезъ недѣлю и уже не могли скрыть другъ отъ друга своей радости. Потомъ также, въ темнотѣ, пошли на берегъ моря къ скамейкѣ и у ногъ ихъ также плескали волны, точно желая ихъ о чемъ-то спросить. Только пробыли здѣсь гораздо дольше и Любовь Константиновна, подъ конецъ, сидѣла не рядомъ съ Швейковскимъ, а у него на колѣняхъ и, крѣпко прижавшись къ его горячей щекѣ, говорила:

— Послушай, правда, если бы кто-нибудь изъ знакомыхъ увидалъ меня сейчасъ здѣсь съ тобою, то подумалъ бы: вотъ она была честной женщиной, а теперь обратилась въ развратную, обманывающую своего мужа... но вѣдь обманывать—значитъ лгать, а сегодня, именно сегодня, можетъ быть въ первый разъ за всю мою жизнь, я не сказала ни одного слова неправды, а лгала тогда, когда говорила мужу, что люблю его, лгала, сама этого не зная... Лгала, когда, цѣлуя руку отца, думала, что уважаю его... Лгала сама передъ собой, когда силилась убѣдить себя, что наша семья живетъ честною жизнью, и въ то же время ненавидѣла эту жизнь, и просыпаясь и засыпая. Въ моихъ отношеніяхъ съ мужемъ никогда не было ни одной хорошей, чистой минуточки. Въ первый годъ замужества какъ-то мы возвращались домой отъ знакомыхъ. Свѣтила луна и ночь была такая тихая, привѣтливая. Хотѣлось ласки, хотѣлось хорошихъ словъ. Я сказала ему: посмотри, какъ красиво освѣщены деревья.

— Да, когда свѣтитъ луна, тогда свѣтло, а когда

Digitized by Google

луны нѣтъ, тогда темно, и какъ бы все это красиво ни было, но если ужъ двѣнадцатый часъ, то нужно идти спать,—отвѣтилъ онъ, ровно шагая по пыли пустынной улицы. Я чуть не расплакалась отъ этой фразы.

— Самое ужасное, что для него я только предметъ комфорта. Если онъ узнаетъ, что я принадлежу тебѣ, онъ испугается, но его страхъ будетъ точно такой же, какъ и въ томъ случаѣ, если бы вдругъ украли его любимый кожаный диванъ, на которомъ онъ спитъ послѣ обѣда.

— Моя жизнь до сегодняшняго дня была сномъ и самымъ ужаснымъ, похожимъ на летаргію. Теперь я проснулась, но проснулась уже послѣ погребенія... Тотъ, кто очнется въ могилѣ прежде чѣмъ умереть, долженъ вытерпѣть страшную муку... Нѣтъ, постой, не перебивай меня, ты уменъ и поймешь, что я не фантазирую... Въ романахъ это бываетъ иначе,—женщина бросаетъ мужа и уходитъ къ тому, кого любитъ. Я же этого не сдѣлаю потому, что у меня есть сынъ, котораго мужъ не отдастъ мнѣ никогда и ни за что... Не видѣть же тебя хоть разъ въ недѣлю, не принадлежать тебѣ, я уже не въ силахъ, и вотъ начнется новая, еще болѣе ужасная ложь... и въ этомъ та страшная мука, о которой я говорю...

Швейковскій слушалъ ея прерывистый, милый для его слуха, голосъ, и, глядя на темную массу воды, думалъ, что Любовь Константиновна права и счастья никакого у нихъ не будетъ, и что среди людей постоянно являются положенія, предупредить которыя никто не въ силахъ, хотя и кажется, что создаютъ эти положенія они сами.

Digitized by Google

СЧАСТЬЕ.

I.

На бульварѣ было пусто и жарко. Глаза уставали смотрѣть на залитыя свѣтомъ раскаленныя дорожки. Море притихло, точно дремало, и сидѣвшій на скамейкѣ художникъ Соловьевъ думалъ: если написать его такимъ, какое оно сейчасъ, то непремѣнно скажутъ, что я переборщилъ на счетъ синевы. Потомъ Соловьевъ сталъ смотрѣть на господина, который сидѣлъ на слѣдующей лавочкѣ. Несмотря на духоту, человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ черный суконный сюртукъ и на головѣ у него была фетровая шляпа. Смотрѣлъ онъ прямо передъ собой, какъ-будто что-то обдумывалъ. Изрѣдка его взглядъ переходилъ на мальчика и дѣвочку, которые возились въ пескѣ, и тогда его худые, съ утолщеніями на суставахъ пальцы, начинали машинально перебирать по скамейкѣ. Лицо у него было молодое, болѣзненное и печальное, и Соловьеву пришло въ голову, что если набросать красками этого грустнаго человѣка среди богатой крымской природы, то получится этюдъ, который можетъ пригодиться для большой картины.

Пріѣхавъ нѣсколько дней назадъ въ Ялту, Соловьевъ спѣшилъ осмотрѣть городъ и окрестности, и съ

Digitized by Google

бульвара пошелъ пѣшкомъ въ Аутку. Вечеромъ онъ былъ въ городскомъ саду. Здѣсь дорожки и скамейки были пропитаны сыростью и пахло соками какихъ-то жирныхъ растеній. Народу было много: гвардейскіе офицеры, кокотки, моряки, студенты, иностранцы и нѣсколько извѣстныхъ писателей—и всѣ они перемѣшались. Въ театрѣ шелъ концертъ и, когда тамъ отворяли двери, слышался звенящій soprano. Глядя на снующую взадъ и впередъ толпу, Соловьевъ думалъ, что тутъ можно встрѣтить только богатыхъ, свободныхъ и счастливыхъ людей, и почему-то мысленно сравнилъ Ялту съ пахучимъ, роскошнымъ, но сильно подгнившимъ цвѣткомъ магноліи. Онъ побродилъ взадъ и впередъ по дорожкамъ, закурилъ папиросу и сѣлъ на скамейку. Къ нему подошелъ тотъ самый господинъ, котораго онъ видѣлъ на бульварѣ, и тихимъ, немного хриплымъ голосомъ, сказалъ:

— Будьте любезны, позвольте и мнѣ огоньку.

Потомъ этотъ человѣкъ сѣлъ рядомъ и, какъ это бываетъ между пріѣзжими, они разговорились. Соловьевъ узналъ, что господина этого зовутъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Страдецкій, что онъ учился въ университетѣ, служилъ, теперь-же не имѣетъ опредѣленнаго мѣста и пока устроился здѣсь, въ оркестрѣ мѣстнаго театра, гдѣ играетъ первую скрипку.

— Сегодня концертируетъ какая-то пѣвица и поэтому музыканты, въ томъ числѣ и я, свободны,—добавилъ онъ.

— Она петербургская?—спросилъ Соловьевъ о пѣвицѣ.

— Право, не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ Ѳедоръ

Digitized by Google

Ѳедоровичъ, вздохнулъ и потомъ добавилъ:— откуда бы она ни была, все равно ее жаль.

— Почему?

— Видите ли, у меня сложилось глубокое убѣжденіе, что люди, преданные искусству, въ личной своей жизни никогда счастливы не бываютъ. Да оно такъ и должно быть. Нельзя вѣдь за двумя зайцами гнаться. Госпожа судьба такихъ людей сильно наказываетъ. По ея законамъ въ этихъ случаяхъ полагается смертная казнь, да еще медленная, утонченная.

— Не всегда,— сказалъ Соловьевъ, но почему-то вспомнилъ, какъ онъ чуть не отравился, когда его лучшую картину осмѣяли и не допустили на выставку. Обмѣнялись еще нѣсколькими фразами и рѣшили ужинать вмѣстѣ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ съѣлъ только яичницу, но, не переставая, пилъ пиво и разсказалъ почти всю свою жизнь. Чувствовалось, что онъ давно ни съ кѣмъ не говорилъ и теперь процессъ изложенія отдѣльныхъ эпизодовъ доставляетъ ему самому острое, до болѣзненности, наслажденіе и ему все равно, кто его слушаетъ. Просидѣли часа два, и все, что Соловьевъ услыхалъ въ этотъ вечеръ, произвело на него непріятное и тяжелое впечатлѣніе.

— Собственно говоря, зачѣмъ я поѣхалъ въ Ялту, а не въ Казань или Астрахань, я и самъ не знаю,— началъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Послали меня сюда доктора, но вылѣчиться я здѣсь не вылѣчусь, потому что, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я нахожусь, никакой климатъ не поможетъ. Условія эти вытекаютъ изъ всей моей жизни,

Digitized by Google

которая уже кончена, и, такимъ образомъ, пребываніе мое здѣсь не имѣетъ ровно никакого смысла. Въ моей жизни все было нелѣпо, начиная съ рожденія, и это, ей Богу, не фраза... Я выросъ въ богатой обстановкѣ, никогда не былъ ничьимъ пріемышемъ и въ то же время никогда не зналъ, кто мой отецъ, и, можно сказать, совсѣмъ не былъ знакомъ со своею матерью. Знаю, что она была пѣвицей съ выдающимся голосомъ, пѣла два года въ Миланѣ, потомъ возвратилась въ Россію, дебютировала въ Императорской оперѣ и туда ее приняли. Въ самый разгаръ сезона она заболѣла. Болѣзнь эта была беременность мною, къ несчастью, незаконная. Императорская сцена, конечно, ухнула на всегда. Послѣ родовъ мать снова уѣхала за границу, а я остался въ деревнѣ, у бабушки, гдѣ провелъ все дѣтство. Очень богатая, важная, вѣчно молчаливая, бабушка какъ-будто боялась меня и держала отъ себя подальше,—я помѣщался даже на другой половинѣ ея огромнаго дома. Выходила и отчасти воспитала меня ея главная домоправительница Мастрида, женщина съ безконечно добрымъ сердцемъ, немного суевѣрная и съ сильно развитой фантазіей. По отцу — гречанка, смуглая, когда-то должно быть очень красивая, она отлично разсказывала. Я никогда не могу забыть одной изъ ея сказокъ, вѣрнѣе, передѣланной греческой легенды, о которой помнятъ, вѣроятно, не многіе. Сущность этой сказки заключается въ слѣдующемъ. Послѣ сотворенія міра люди стали размножаться очень быстро и число обитавшихъ на небѣ душъ оказалось недостаточнымъ, чтобы вложить ихъ во всѣ тѣла появлявшихся на свѣтъ дѣтей. Тогда Господь раздѣлилъ ка-

Digitized by Google

ждую душу на двѣ части, которыя и вселялъ поровну въ мужскія и женскія тѣла. Становясь взрослыми, люди женились, и когда случалось, что въ такомъ бракѣ соединялись части одной и той же души, то такая пара была необыкновенно счастлива, а дѣти ихъ выходили или геніями или людьми, трудившимися всю жизнь для счастья человѣчества. Самая идея тогда мнѣ была непонятна, но Мастрида вносила въ изложеніе столько образовъ и подробностей, что, слушая ее, я всегда волновался и просилъ повторить разсказъ еще и еще. Въ болѣе счастливый періодъ моей жизни я пробовалъ на эту тему писать музыку, что-то вродѣ ораторіи. Но объ этомъ потомъ... Бѣдная Мастрида, я помню, какъ она плакала, когда меня увозили; плакала и все цѣловала въ глаза. Съ тѣхъ поръ я ее ни разу не видалъ. Въ гимназію меня приготовлялъ другъ и сосѣдъ бабушки– обнищавшій, но очень образованный помѣщикъ Алексѣевъ, и я поступилъ прямо во второй классъ, а затѣмъ меня поселили въ очень дорогомъ пансіонѣ преподавателя французскаго языка monsieur Пекюса. На чей счетъ я учился,—не знаю, вѣроятно, на счетъ бабушки, хотя возможно, что и зналъ да забылъ. Въ послѣднее время память у меня очень испортилась: иные факты помнятся съ большой точностью, а иные, бывшіе сравнительно недавно, совсѣмъ расплылись въ головѣ. Вотъ Пекюса я и сейчасъ отлично себѣ рисую. Низенькій, съ лысиной во все темя и остатками волосъ на затылкѣ, похожими на расчесанный ленъ, лицомъ онъ очень напоминалъ французскаго историка Мишле, какъ его изображаютъ въ иллюстраціяхъ. Смѣшной человѣкъ былъ этотъ Пекюсъ:

Digitized by Google

вспливъ, онъ страшно размахивалъ руками, топал своими маленькими, какъ у женщины, ногами на высокихъ каблукахъ и хрипѣлъ прямо въ лицо воспитаннику: „парву, палямаю, на кууски палямаю“... Впрочемъ, его никто не боялся. Онъ былъ очень добрый человѣкъ и страстный музыкантъ. Віолончель пѣла подъ его смычкомъ, но я никогда не слыхалъ, чтобы онъ игралъ что-нибудь свое. Насъ, пансіонеровъ, жило у него пять человѣкъ, изъ нихъ одинъ я пріѣзжій, остальные были сыновья мѣстныхъ богатыхъ людей, отданные не то для исправленія, не то для болѣе вѣрнаго полученія аттестата зрѣлости. Жизнь моя въ этотъ періодъ была ровная и скучная, какъ ходъ товаро-пассажирскаго поѣзда. Интересными днями были только тѣ, въ которые мы съ Пекюсомъ ходили въ оперу. Иногда на цѣлое воскресеніе меня приглашалъ кто-нибудь изъ товарищей, но я вездѣ чувствовалъ себя чужимъ и держался въ сторонѣ. Лѣтомъ вдвоемъ съ французомъ мы переѣзжали на дачу, тамъ я пользовался полной свободой, то есть спалъ, читалъ запоемъ французскіе романы или ходилъ купаться.

Въ одно изъ воскресеній я не пошелъ въ городъ, а сидѣлъ въ полутемной такъ называемой музыкальной комнатѣ и подбиралъ на роялѣ нѣкоторые мотивы изъ „Фауста“. Особенно удачно вышелъ у меня вальсъ, я игралъ его съ полузакрытыми глазами и мысленно представлялъ себѣ балеринъ.

Вдругъ надъ ухомъ у меня раздался голосъ француза:

— Bien, bien, очень карьешо, дальше, дальше.

Онъ потрепалъ меня по плечу и вышелъ, а потомъ написалъ Алексѣеву, что у меня большія музыкаль-

Digitized by Google

ныя способности. Тогда мнѣ было 14 лѣтъ и я только что перешелъ въ пятый классъ. Я началъ брать уроки на скрипкѣ у одного изъ лучшихъ преподавателей и мнѣ стали высылать на музыку ежегодно еще пятьсотъ рублей. Способности у меня оказались дѣйствительно хорошія. Благодаря этому я попалъ къ французу въ любимцы и самъ привязался къ нему какъ къ родному. Черезъ два года мы съ Пекюсомъ уже разыгрывали подъ аккомпаниментъ рояля очень серьезныя вещи. Какъ-то осенью французъ цѣлый день нервничалъ и былъ со мною особенно нѣженъ, а вечеромъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, и на глазахъ у него вдругъ заблестѣли слезы. Потомъ онъ вынулъ изъ бокового кармана письмо, потрясъ имъ въ воздухѣ и сообщилъ, что получилъ извѣстіе о смерти моей матери. Я ничего не сумѣлъ ему сказать, а только старался отдать себѣ отчетъ, почему это событіе меня нисколько не волнуетъ. Когда я выходилъ, Пекюсъ тихо и съ грустью въ голосѣ произнесъ вслѣдъ:

— Эдакій, эдакій mouton.

Онъ никогда не могъ произнести русскаго слова, не повторивъ его два раза. Не задолго до окончанія гимназіи умерла и бабушка, не оставивъ духовнаго завѣщанія, а потому на мою долю изъ ея состоянія не осталось ничего. Къ счастью, черезъ Алексѣева она внесла за меня плату за годъ впередъ и французу, и въ гимназію, и за музыку.

Дружба моя съ Пекюсомъ вдругъ безъ всякой видимой причины пошатнулась. Онъ сталъ избѣгать меня и на похвалы моего учителя музыки только кривился и сопѣлъ. Когда въ мѣстной газетѣ было

Digitized by Google

напечатано, что на литературно-музыкальномъ вечерѣ ученикъ Ѳедоръ Страдецкій выказалъ тонкое пониманіе композитора и выдающуюся технику, — въ этотъ день французъ не отвѣтилъ мнѣ ничего даже на обычное „bonne nuit“.

Съ этихъ поръ я почувствовалъ себя ужасно одиноко и меня надолго охватила тоска, хотя и не острая, но неотступная и вязкая, какъ болото, по которому идешь и конца ему не видишь.

II.

Послѣ окончанія гимназіи во мнѣ принялъ участіе нашъ инспекторъ, онъ далъ мнѣ тридцать рублей съ тѣмъ, чтобы я ѣхалъ въ Тверскую губернію къ помѣщицѣ Самойловой готовить ея сына въ гимназію. Дѣваться мнѣ было некуда и, конечно, я поѣхалъ. Семья состояла изъ пяти человѣкъ. Отецъ—глухой и молчаливый старикъ, лѣтъ пятидесяти, съ красной лысиной, вѣчно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и чертилъ планы своихъ имѣній. Управлять этими имѣніями ему не приходилось и зачѣмъ онъ это дѣлалъ, я не знаю. Всѣмъ завѣдывала его жена—толстая, подвижная, необразованная, но очень остроумная дама. Лицо у нея было такое, какъ будто она только что вышла изъ бани. Двѣ ея дочери Шура и Маня, — совсѣмъ молоденькія, некрасивыя и похожія на евреекъ, характеромъ напоминали мать, а мой ученикъ Петя былъ такой же молчаливый и несообщительный какъ отецъ. Въ домѣ было всегда шумно и людно. Почти весь уѣздъ былъ населенъ ихъ родственниками. Все лѣто проходило въ

Digitized by Google

поѣздкахъ въ гости и на пикники. Гдѣ-нибудь въ лѣсу собирались пить чай и закусывать нѣсколько семей. Старики, кромѣ самого Самойлова, сидя и лежа на коврѣ, обыкновенно говорили объ отсутствующихъ родственникахъ и всегда одно худое, а молодежь разбивалась на парочки и играла въ любовь. Въ слѣдующій разъ собирались другія семьи, и старики, особенно барыни, снова говорили худо на счетъ тѣхъ, которые были въ прошлый разъ. Получалась этакая „теорія соединеній“ сплетенъ. Казалось бы, я, незаконнорожденный, безъ всякихъ средствъ и будущности, никому ненужный человѣкъ, долженъ былъ чувствовать себя въ богатой помѣщичьей семьѣ несчастненькимъ и приниженнымъ,—и Самойловы такъ и думали. На самомъ же дѣлѣ мнѣ казалось, что я похожъ на путешественника, попавшаго къ гостепріимнымъ дикарямъ, которые дали ему рису, уложили спать на соломенной цыновкѣ и убѣждены, что осчастливили и удивили его такимъ пріемомъ. Отъ многихъ понятій, которыя исповѣдывались въ этой семьѣ, меня ужасно коробило. Напримѣръ, и мамаша, и дочери были убѣждены, что всякую приличную свадьбу нужно играть, т.-е. нѣсколько дней подъ-рядъ объѣдаться, опиваться и танцовать. Слово „пошлость“ у нихъ понимали какъ неприличіе. Думали такъ же, что одинъ и тотъ же поѣздъ идетъ изъ Твери и въ Вязьму, и въ Петербургъ; что, собираясь на танцовальный вечеръ, барышни обязательно должны надѣвать въ уши серьги, но могутъ быть въ прюнелевыхъ ботинкахъ. Все это, конечно, пустяки и не отъ этого зависитъ симпатичность или несимпатичность людей, но до сихъ поръ я бывалъ толь-

Digitized by Google

ко въ семьяхъ иного строя и первое время такія понятія меня удивляли и приводили въ ужасъ. Тяжелѣе всего для меня были это—приставанья ихъ во время пикниковъ и вечеровъ—сыграть имъ на скрипкѣ какой-нибудь танецъ. Обыкновенно просили „камаринскую".

— Ну, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ну, голубчикъ, ну, дуся, ну сыграйте, что вамъ стоитъ...

Не знаю, музыкантъ ли вы, но думаю, что можно и не играя понять, что я испытывалъ во время такихъ просьбъ. Madame, Шура и Маня думали, что я ломаюсь, а я думалъ, что надо мною издѣваются. Проживъ у нихъ лѣто, я вынесъ убѣжденіе, которое къ несчастью у меня осталось на всю жизнь,— что всякіе два человѣка, разговаривая о третьемъ, въ большинствѣ случаевъ говорятъ о немъ дурно. Въ августѣ мнѣ вручили полтораста рублей и я ужасно обрадовался не такъ деньгамъ, какъ возможности уѣхать, поступить въ университетъ и быть свободнымъ. Время моего студенчества прошло безъ особыхъ воспоминаній. Настоящихъ друзей у меня не было. Не то, чтобы я не любилъ товарищей, а какъ-то не находилось времени съ ними сближаться, кромѣ того мнѣ всегда казалось, что тѣмъ, которые были мнѣ симпатичнѣе другихъ,— не нравлюсь я. Многіе, несмотря на мою скромную тужурку и малорусскую сорочку, называли меня почему-то аристократомъ, и это меня бѣсило. Я поступилъ на математическій факультетъ, любилъ науку, особенно астрономію и занимался много. Уроки, которые приходилось давать, чтобы жить и ходить въ оперу и на симфоническіе вечера, — меня очень утомляли. И въ

Digitized by Google

свободное время, котораго набиралось не болѣе двухъ часовъ въ день, я читалъ или игралъ на скрипкѣ.

Повѣстей и разсказовъ новыхъ русскихъ писателей, кромѣ одного-двухъ,—я не любилъ. Мнѣ всегда казалось, что каждый изъ нихъ, начиная новую работу, думаетъ больше о тѣхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, которыя онъ пріобрѣтетъ этимъ произведеніемъ у публики, чѣмъ о томъ, чтобы все время оставаться художникомъ правды... Я всегда благодарилъ судьбу за то, что имѣлъ возможность изучить французскій языкъ, такъ же какъ и русскій. Читать въ подлинникѣ Гюго, Мопассана и Додэ — это большое счастье. Однако, я отвлекся. Университетъ такъ же какъ и гимназія прошелъ сѣро и скучно, если не считать двухъ—трехъ увлеченій не совсѣмъ платоническаго характера, но о нихъ говорить не стоитъ. Послѣ окончательныхъ экзаменовъ мое здоровье,—особенно нервы,—сильно разъѣхалось. Мнѣ стало чаще и чаще приходить въ голову, что бороться съ жизнью будетъ не подъ силу, а потому не лучше ли самому выпуститься въ тиражъ заблаговременно. Я рѣшилъ, однако, обождать до осени. Судьба, или называйте это какъ тамъ хотите, точно испугалась моего рѣшенія. Такъ иногда ломовой извозчикъ замѣтитъ, что его кляча можетъ упасть и издохнуть, вдругъ перестаетъ ее бить и начинаетъ изо всѣхъ силъ помогать ей самъ. Мнѣ вдругъ повезло и до такой степени, что приходилось иногда вспоминать эту глупую пословицу о счастьѣ, которое будто идетъ само въ руки незаконнорожденнымъ. Въ числѣ моихъ учениковъ былъ юноша, котораго я готовилъ въ пятый классъ реальнаго училища. Когда онъ по-

Digitized by Google

ступилъ туда и я пришелъ за деньгами, его отецъ спросилъ, не желаю ли я, какъ знающій французскій языкъ, поступить на заводъ къ его родственнику. Потомъ вышелъ и самъ родственникъ, рыжій, похожій на англичанина въ необычайныхъ какихъ-то воротничкахъ. Онъ коротко отрекомендовался: „—Поздняковъ“ и заговорилъ по-французски, точно желая меня проэкзаменовать. Условія, которыя онъ мнѣ предложилъ, были слѣдующія: сто рублей въ мѣсяцъ, квартира изъ трехъ комнатъ, отопленіе и прислуга, шесть часовъ занятій въ конторѣ, а потомъ полная свобода. У меня даже дыханіе сперло, точно меня вдругъ великимъ композиторомъ признали. Заводъ земледѣльческихъ орудій, на который я поступилъ, находился въ одномъ изъ южныхъ городовъ на Днѣпрѣ, и сначала мои обязанности состояли въ перепискѣ съ иностранными фирмами и веденіи книгъ по этой части. Жизнь круто измѣнилась. Будто я съ грязнаго скучнаго проселка свернулъ на шоссе, вьющееся отъ Байдарскихъ воротъ надъ моремъ. Правда, жизнь очень похожа на дорогу...

Теперь играть на скрипкѣ и читать можно было сколько угодно. Въ городъ пріѣзжала хорошая опера и я бывалъ въ театрѣ каждый вечеръ. Весной, когда вскрывался Днѣпръ, я по цѣлымъ вечерамъ катался въ лодкѣ. Запахъ распускавшейся по берегамъ зелени и сизый туманъ, стлавшійся по рѣкѣ послѣ захода солнца, и крикъ чаекъ,—просто одуряли меня. Вернусь въ квартиру и спать не могу. Окно отворено. Возлѣ склада сторожъ стучитъ колотушкой и звукъ этотъ кажется музыкальнымъ. Возьму скрипку и часа два играю,—какъ будто самъ себѣ разсказываю обо всемъ,

Digitized by Google

чего бы я хотѣлъ. Потомъ лягу на подоконникъ и не двигаюсь, пока на томъ берегу лѣса не станутъ голубоватыми. Въ такія ночи на меня иногда нападалъ страхъ и вотъ почему. Я всегда былъ убѣжденъ, что на свѣтѣ существуетъ непреодолимый законъ справедливости и что за каждую минуту счастья или наслажденія рано или поздно придется расплачиваться горемъ. И это еще ничего. Ну, справедливость таки справедливость, но судьба никогда не требуетъ возвращенія взятаго у нея наслажденія въ такой же мѣрѣ, а всегда съ процентами, и съ какими процентами!.. Въ ожиданіи этихъ процентовъ я весь ушелъ въ свою личную жизнь, и должно быть на всемъ заводѣ не было существа болѣе эгоистичнаго.

Сослуживцевъ я по возможности избѣгалъ. Были среди нихъ очень хорошіе люди, были и дурные, но у всѣхъ я видѣлъ ту черту, которую замѣтилъ въ семьѣ Самойловыхъ, — объ отсутствующихъ говорили всегда дурно или съ ироніей. Ругаютъ, ругаютъ Позднякова, а придетъ онъ въ своихъ вылощенныхъ воротничкахъ, сейчасъ же каждый улыбается и кланяется такъ особенно, точно кадильницей размахиваетъ. Впрочемъ въ числѣ нашихъ служащихъ была барышня, ни въ глаза, ни за глаза дурно она ни о комъ не говорила и только работала на пишущей машинѣ. Звали ее Зинаида Николаевна Левандовская. Блондинка съ черными глазами, немного блѣдная, всегда въ своемъ синемъ суконномъ платьѣ, которое удивительно облегало ея фигуру, она была не только красивой женщиной, но и симпатичнымъ человѣкомъ вообще. Часто мнѣ хотѣлось съ ней поговорить или предложить ей по-

Digitized by Google

кататься на лодкѣ, но я стѣснялся и даже боялся ея. Случалось, что она оставалась въ конторѣ позже четырехъ часовъ за дополнительную плату. Тогда я уходилъ наверхъ и, отворивъ окно, игралъ и самъ удивлялся силѣ, которая звучала въ моей скрипкѣ. Сидя за своимъ столомъ, я иногда чувствовалъ, понимаете ли, не видѣлъ, а чувствовалъ, что эта барышня смотритъ на меня. Мы цѣлый годъ проработали въ одной комнатѣ и ни разу не сказали ни слова. Какъ-то съ недѣлю ея не было, а потомъ въ конторѣ стали говорить, что у Левандовской тифъ. Я страшно испугался и отъ мысли, что она можетъ умереть, и отъ того, что понялъ, какъ люблю ее. Черезъ дворника я узналъ ея адресъ, — она жила въ далекомъ переулкѣ, вмѣстѣ съ матерью и сестрой гимназисткой Лелей. Я сталъ каждый день ходить возлѣ ихъ деревяннаго, плохо оштукатуреннаго дома и, надѣвая пальто передъ этой прогулкой, уже волновался. Болѣзнь или смерть близкихъ людей часто открываютъ глаза и тогда особенно ясно видишь то, въ чемъ не хотѣлось сознаваться самому себѣ раньше. Когда въ домѣ Левандовскихъ зажигался огонь, черезъ окна гостиной, въ которой ставни не затворялись, мнѣ было видно, что тамъ дѣлается. Наблюдать людей, когда они объ этомъ не подозрѣваютъ, и дѣлать умозаключенія о ихъ жизни, всегда было моей страстью. Это все равно, что, зная очень мало данныхъ, рѣшать сложную задачу. Сначала я видѣлъ только мать Зины,—высокую, худую старуху во всемъ черномъ, очень похожую издали на ксендза. Около шести часовъ она всегда провожала полнаго краснолицаго доктора и долго говорила съ нимъ у дверей. Черезъ полторы

Digitized by Google

недѣли докторъ сталъ бывать рѣже, и старуха почти не показывалась, видно было только, какъ въ слѣдующей комнатѣ — столовой — сестра Зины Леля готовила уроки. Въ одинъ изъ вечеровъ Леля изъ столовой перешла въ гостиную, открыла рояль и, раскачиваясь, громко заиграла этюды Черни. Я прошелся взадъ и впередъ по тротуару и чувствовалъ, какъ мои губы сами собой растянулись въ улыбку,—если можно было громко играть, значитъ Зина почти поправилась. Въ слѣдующій вечеръ я опоздалъ и, подходя къ знакомымъ окнамъ, замѣтилъ, что гостиная освѣщена сильнѣе обыкновеннаго. На столѣ горѣла лампа подъ голубымъ абажуромъ и топилась печка, недалеко отъ ея дверцы въ креслѣ сидѣла—Зина. Я не узналъ ее сначала. Волосы были острижены и вились. Серьезная, спокойная, какъ всегда, она похудѣла, но еще больше похорошѣла. Съ такими лицами профессоръ Нестеровъ часто рисуетъ святыхъ женщинъ. Должно быть Зина задумалась, руками обняла свою шею и головка склонилась на бокъ. Вмѣсто синяго платья на ней была простенькая коричневая, не совсѣмъ застегнутая на груди, кофточка и гладкая черная юбка. На улицѣ дулъ вѣтеръ, а въ комнатѣ, казалось, такъ было уютно, свѣтло и тихо. Тутъ подъ окномъ я еще разъ понялъ, что если Зина не будетъ моей—то мнѣ лучше умереть. Ужасъ на меня напалъ. Когда-то я тонулъ и въ нѣсколько секундъ вспомнилъ всю свою жизнь, такъ же быстро побѣжали мои мысли и теперь.

Зина нѣсколько разъ безпокойно обернулась, потомъ встала и затворила ставню. Можетъ быть она сообразила, что не совсѣмъ одѣта и ее могутъ увидѣть

Digitized by Google

съ улицы, а можетъ быть почувствовала на себѣ мой взглядъ. Я какъ пьяный пошелъ домой. Пробѣжала еще недѣля. Зина снова была на заводѣ, и казалось, что всѣмъ молодымъ и старымъ людямъ, которые сидѣли въ этой комнатѣ, стало веселѣе писать до тошноты скучныя вѣдомости, меморіалы и гросбухи. Все пошло по старому, только иногда мы съ ней стали разговаривать. На рождественскихъ праздникахъ я встрѣтилъ Зину въ городѣ. Шелъ дождь пополамъ съ снѣгомъ и было очень скользко. Я посовѣтовалъ ей взять меня подъ руку, она приняла эту услугу очень просто и мы пошли рядомъ.

— Ахъ какая грязь на улицахъ, — сказала Зина,— нѣтъ санной дороги и нѣтъ, и это всегда на праздникахъ такъ.

— Ну здѣсь еще сносно, а вотъ возлѣ вашего дома еще хуже,—отвѣтилъ я.

— А вы почемъ знаете, гдѣ я живу?

Я разсказалъ, какъ во время ея болѣзни ходилъ подъ окнами, какъ видѣлъ ее, и все, что тогда передумалъ. Говорить я старался въ комическомъ тонѣ, какъ разсказываютъ пріятелямъ о какомъ-нибудь приключеніи. Голосъ только у меня прерывался и во рту стало сухо, точно его ватой внутри вытерли. Пусть знаетъ, хуже не будетъ, думалъ я. Зина долго молчала.

— Теперь я припоминаю: Леля нѣсколько разъ говорила, что видѣла у нашего дома какого-то господина и, судя по ея описанію и по вашему костюму, это были вы,—сказала она и добавила:—только въ окна заглядывать хоть и очень интересно, въ чемъ я съ вами вполнѣ согласна, а не хорошо,—на воровство похоже.

Digitized by Google

Оба мы очень удивились, когда замѣтили, что давно миновали ихъ домъ и на цѣлыхъ три квартала прошли впередъ.

— Это все погода надѣлала,—сказала Зина, когда мы осмотрѣлись, и засмѣялась.

Въ этой фразѣ и въ ея смѣхѣ я услыхалъ радостную нотку и понялъ, что Зина радуется и тому, что слышала отъ меня, и тому, что мы вмѣстѣ, и тому, что мы не замѣтили ея дома.

— Конечно, погода,—отвѣтилъ я.

Повернули обратно и меня охватила тоска при мысли что черезъ нѣсколько минутъ мы разстанемся и встрѣтимся только въ конторѣ, гдѣ можно думать, но нельзя говорить. Она угадала мое настроеніе и сказала:

— Вы навѣрное смерзли. Знаете что, зайдемте къ намъ чаю выпить, — обогрѣетесь. Мама человѣкъ не очень привѣтливый, но вы идете не къ ней, а ко мнѣ, а потому смущаться вамъ нечего.

Я согласился. Вечеръ прошелъ вяло и неинтересно. Мать Зины никакого неудовольствія по поводу моего прихода не выразила. Она только кашляла, вздыхала, пила чай съ какими-то пряниками и молчала. Я чувствовалъ бы себя свободнѣе, если бы она хоть что-нибудь говорила. Есть люди, которые молча давятъ своимъ присутствіемъ. Вообще у нихъ мнѣ не понравилось и отношенія Зины съ матерью показались не нормальными. Бывать тамъ я избѣгалъ, но съ этихъ поръ сталъ провожать Зину съ завода каждый день. Говорили мы почти всегда о моей музыкѣ и о моемъ прошломъ. И мнѣ нравилось выставлять себя нехорошимъ, черствымъ и бездарнымъ человѣкомъ и слушать, какъ Зина

Digitized by Google

горячо возражала, что я на себя клевещу. Днемъ всегда говорилось какъ то плохо, но когда мы шли по темнымъ улицамъ подъ руку, особенно возвращаясь изъ театра, — слова и мысли шли сами собой какъ музыка.

IV.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Зина разсказала о себѣ и о своей семьѣ. Ея отецъ служилъ по судебному вѣдомству, пробылъ восемнадцать лѣтъ исправляющимъ должность слѣдователя и умеръ отъ чахотки. Пенсія осталась ничтожная, такъ какъ всей службы не набралось и двадцати пяти лѣтъ. Перебивались доходами съ двухъ квартиръ въ подвальномъ этажѣ и Зининымъ заработкомъ.

Когда-то въ камерѣ ея отца занимался кандидатъ на судебныя должности Павловъ, богатый молодой человѣкъ. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ жилъ у нихъ на квартирѣ и полюбилъ Зину. Теперь Павловъ самъ сталъ исправляющимъ должность судебнаго слѣдователя въ другомъ городѣ, но нѣсколько разъ пріѣзжалъ и упрашивалъ Зину сдѣлаться его женой.

— Мнѣ было его жаль, ужасно жаль, — говорила Зина, — но я не виновата, если не чувствую къ нему ничего. Онъ добрый, веселый, не ревнивый, не скупой, онъ считался лучшимъ чиновникомъ изъ всѣхъ кандидатовъ въ судѣ, но онъ только машина. Искусство для него лишь средство развлечься, изящную литературу онъ можетъ читать исключительно послѣ обѣда и оставляетъ неразрѣзанными большинство книжекъ

Digitized by Google

толстаго журнала, который выписываетъ. Однажды при немъ заговорили о пьесахъ Гауптмана и онъ сказалъ: „ахъ это тотъ, котораго рисуютъ съ растрепанными волосами“, вѣроятно, думая, что говорятъ объ Ибсенѣ. Положимъ, теперь у него мало времени для чтенія, а раньше, когда онъ жилъ у насъ, времени было больше, но было то же. У него прежде всего я, то-есть общественное положеніе и репутація, а потомъ уже все остальное. И вотъ мама считала его моимъ женихомъ. Послѣ того, какъ я сказала Павлову окончательное „нѣтъ“, она сердита и не хочетъ со мной говорить. Я не оправдывалась, все равно она не поняла бы меня. Не сдѣлавъ въ сущности ничего худого, я чувствую себя виноватой; ужасно это непріятно,—давитъ.

Ощущеніе искренности въ голосѣ Зины взволновало меня больше, чѣмъ самый ея разсказъ, — такія женщины говорятъ о томъ, что у нихъ на душѣ, только близкимъ.

Мѣсяца черезъ два скрывать отъ самихъ себя, что мы другъ друга любимъ, стало secret de polichinel.

Предложенія я ей не дѣлалъ, такъ какъ объ этомъ приходилось слыхать, помню, я сказалъ:

— Зина, хотѣли бы вы... ты хотѣла бы послѣ Пасхи стать моей женой?

Она медленно опустила голову и молчала, потомъ заговорила точно чужимъ голосомъ:

— Я владѣю собой хорошо, но теперь каждый моментъ безъ васъ—тоска! Тяжело и въ конторѣ,—видѣть васъ и нельзя подѣлиться тѣмъ, что думаешь.

Я долго не могъ упросить Зину говорить мнѣ „ты“. Когда черезъ мѣсяцъ я объявилъ о нашемъ рѣшеніи

Digitized by Google

старухѣ Левандовской, она поблѣднѣла, точно ей приговоръ прочли, долго шевелила губами и, наконецъ, отрывисто произнесла:

— Какъ знаете. Меня это не касается... не можетъ касаться, понимаете, не касается...—и ушла.

— Не сердитесь на маму, — сказала Зина, — она и любитъ и желаетъ мнѣ счастья по своему.

Я молча въ первый разъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы, въ оба глаза, въ лобъ и почувствовалъ, какъ все личико ея вдругъ стало горячимъ.

О свадьбѣ необходимо было сказать и Позднякову. Онъ не удивился, покрутилъ цѣпочкой часовъ и сказалъ, что жалованья прибавить ни мнѣ, ни Зинѣ не можетъ, точно я его объ этомъ просилъ, потомъ искривился и добавилъ:

— Охота вамъ, право...

Вѣнчались мы на Ѳоминой, днемъ и безъ пѣвчихъ. Должно быть, со стороны, эта свадьба казалась печальной. Было всего двѣ барышни—Леля и одна старая дѣва. Шаферами—сослуживцы, принявшіе на себя эту обязанность изъ любопытства. Священникъ, читая молитвы, поднималъ иногда на насъ глаза, и въ нихъ я видѣлъ не то упрекъ, не то грусть. Послѣ вѣнца заѣзжали на полчаса къ матери Зины, она насъ приняла сухо, но и это не испортило нашего настроенія.

Побѣжали дни, которые когда вспоминаешь, то сердце будто на секунду остановится и потомъ сладко и медленно повернется. Счастье было въ томъ, что каждый изъ насъ былъ откровененъ другъ съ другомъ какъ со своею совѣстью. Зина любила одинаково мои и хорошія, и худыя качества... Иногда въ тихія, без-

Digitized by Google

лунныя ночи мы садились въ лодку и переѣзжали на заросшій лозой и кустарникомъ противуположный берегъ. Зина садилась на разостланномъ пледѣ, а я ложился возлѣ, клалъ ей голову на колѣни и въ разговорахъ вся ночь проходила какъ полчаса.

Мокрымъ пескомъ пахнетъ, прошелеститъ въ лозѣ турухтанъ и снова тихо, слышно только, какъ мѣрно плещетъ, точно дышетъ Днѣпръ. Гдѣ-то далеко, далеко, лаютъ собаки.

Случалось, что и среди этого счастья ко мнѣ начиналъ подкрадываться тотъ самый страхъ, о которомъ я уже говорилъ, — безсмысленный, совсѣмъ не идущій къ обстановкѣ.

Должно быть историческій Поликратъ испытывалъ нѣчто подобное. Зина только улыбалась и гладила меня по головѣ, когда я говорилъ ей о своемъ настроеніи, и подъ ея ласками снова забываешься и на душѣ становится легче.

Потомъ вдругъ откроешь глаза и видишь, что по небу точно блѣдно-зеленые мазки положены. Листочки лозы трепещутъ, шевелятся и покрылись росой, закрякала въ сторонѣ чѣмъ-то испуганная утка и весь воздухъ кругомъ посвѣжѣлъ...

Скорѣе складывали пледъ и спѣшили къ себѣ въ квартиру, чтобы насъ никто не замѣтилъ. Одинъ только котъ Ванька зналъ объ этихъ прогулкахъ и встрѣчалъ насъ снисходительнымъ мурлыканьемъ, точно хотѣлъ сказать: я не сержусь, я не сержусь. Въ этотъ періодъ времени я нѣсколько разъ начиналъ писать музыку на легенду, которую слыхалъ отъ Мастриды, но ничего не выходило. Меня совсѣмъ перестало тя-

Digitized by Google

нуть къ скрипкѣ, и если бы она была живымъ существомъ, то навѣрное ревновала бы къ Зинѣ. Прошло лѣто, прошла и вся осень и ни одного момента не было грустнаго въ нашей жизни. Обставились мы уютно, комфортабельно и не по шаблону. Жалованья хватало какъ разъ и только сбереженій дѣлать мы не умѣли.

V.

Въ январѣ Зина свою службу должна была оставить потому, что наступила беременность. Она ужасно обрадовалась, когда узнала объ этомъ навѣрное, но стала хуже спать, а днемъ не отпускала меня ни на шагъ.

— Послушай, — говорила иногда Зина, — вѣдь это должно быть очень интересно и навѣрное не такъ страшно, какъ объ этомъ разсказываютъ... Ты правъ, что не любишь людей, между ними мало хорошихъ... А тотъ ребеночекъ нашъ, будетъ-ли онъ хорошимъ? Поздняковъ ужасно странный человѣкъ, узнавъ, что я не могу работать на пишущей машинѣ, онъ разсердился: значитъ, во мнѣ онъ видѣлъ только рабочую силу. Досадно мнѣ за него и жаль его даже...

Снова пришла весна и разлился Днѣпръ, но мы уже не переѣзжали по ночамъ на другой берегъ, а сидѣли въ квартирѣ и обсуждали будущее.

Хорошенькое личико Зины вытянулось и пожелтѣло. Она тосковала и часто повторяла: „ахъ, скорѣе бы, скорѣе бы“...

Не задолго до родовъ, Поздняковъ позвалъ меня и сказалъ, что помѣщеніе, въ которомъ мы живемъ, ему

Digitized by Google

нужно для склада, поэтому онъ прибавляетъ мнѣ къ жалованью еще 30 рублей въ мѣсяцъ и проситъ найти себѣ квартиру въ городѣ.

Я сначала упрашивалъ, потомъ пересталъ владѣть собой и началъ говорить дерзости. Поздняковъ только покраснѣлъ, но повторилъ, что если я хочу остаться на службѣ, то долженъ въ трехдневный срокъ исполнить его желаніе.

Мнѣ стало ясно, что ему просто не хочется, чтобы въ зданіи, гдѣ только стучатъ машины и скрипятъ по бумагѣ перья, была еще иная, не машинная жизнь.

Квартиру я нашелъ скоро, но дорогую и неудобную. Нѣсколько дней мы устраивались и оба очень утомились.

Я сразу не понялъ въ чемъ дѣло, когда Зина вдругъ разбудила меня ночью и сказала:

— Ну, одѣвайся и поѣзжай скорѣе за Маріей Павловной.

— Можетъ быть это просто ложная тревога? спросилъ я.

— Нѣтъ, не ложная, поѣзжай, милый.

Я одѣлся, вышелъ на улицу, и изо-всѣхъ силъ крикнулъ: „извозчикъ“.

По другой сторонѣ, шатаясь, шли два пьяныхъ. Услыхавъ мой окрикъ, они тоже начали кричать: „извозчикъ“, и помогли мнѣ. Акушерка долго не отворяла дверей, потомъ вышла заспанная, непричесанная, измученная и сказала,—сей часъ, но собиралась еще минутъ десять. Пріѣхали домой. Все было еще благополучно. Поставили самоваръ и стали приготовляться. Я не находилъ себѣ мѣста. Мало-по-малу началось это ужасное

Digitized by Google

crescendo страданій Зины. Подъ конецъ отъ ея криковъ у меня звенѣло въ ушахъ, я отупѣлъ и потерялъ всякую способность владѣть собою.

Къ утру акушерка вышла изъ спальни и торопливо поздравила меня съ дочерью. Я хотѣлъ туда пройти, но она взяла меня за руки и, шепотомъ, отчеканивая каждое слово, сказала:

— Постойте, не выражайте своихъ восторговъ, а скорѣе поѣзжайте за докторомъ, скажите, что я прислала, и чтобы взялъ наборъ и бинты. Только скорѣе, дѣло очень серьезно.

Я задрожалъ, набросилъ пальто и побѣжалъ. На улицѣ не было ни одного извозчика. У меня стала кружиться голова. „Если я упаду, подумалъ я, то Зиночка пропала“, и замедлилъ шаги. Доктора, котораго мнѣ указала Марія Павловна, я не засталъ и, случайно прочитавъ на дверяхъ табличку, привелъ другого. Потомъ снова стоны Зины, но не громкіе, а жалобные и умоляющіе. Въ полдень, я, наконецъ, вошелъ въ спальню. Зина поблѣднѣла, осунулась и глаза ея глубоко впали, но искрились радостью. Я молча поцѣловалъ ее въ лобъ. Теща и акушерка возились съ ребенкомъ. Пріотворили ставню и прорвавшійся лучъ заигралъ на обояхъ и на мраморѣ умывальника. О минувшей ночи напоминалъ только общій безпорядокъ въ квартирѣ и запахъ карболки. Хотѣлось плакать и смѣяться, и я не зналъ, о чемъ говорить съ окружающими людьми. Къ вечеру у Зины сильно повысилась температура, а ночью она звала меня и нараспѣвъ говорила:

— Примите же эту занавѣску, вѣдь мнѣ же не

Digitized by Google

видно ребенка. Зачѣмъ ты, Ѳедя, приказалъ затопить печку, кто же лѣтомъ топитъ печи, да гдѣ же онъ. Позовите Ѳедю, Ѳедю позовите, прошу... роды вѣдь кончились.

— Я здѣсь, Зина, возлѣ тебя,—сказалъ я.

— Да, да, знаю, ахъ, что это я хотѣла тебѣ сказать... Что это я хотѣла... Ахъ, какъ болитъ у меня голова-а-а, особенно какъ-то...

Было слышно въ слѣдующей комнатѣ, какъ теща молилась Богу. Въ кабинетѣ, на диванѣ, сидѣла старая незнакомая женщина и покачивала на рукахъ, завернутую въ безчисленное количество одѣялъ, новорожденную дѣвочку. Кто-то опять ѣздилъ за докторомъ и въ аптеку — и эта ночь прошла еще непонятнѣе и ужаснѣе первой.

Потомъ сознаніе снова возвратилось къ Зинѣ: она держала мою руку въ своей и спрашивала:

— Вѣдь я не умру, правда, не умру?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ,—отвѣчалъ я, и думалъ, что на свѣтѣ, вѣрсятно, нѣтъ человѣка безсердечнѣе меня, потому что я не умѣю сказать ей ничего въ утѣшеніе. На другой день личико ея сильно измѣнилось, глаза впали еще больше и обострился носъ.

Она, не переставая, бредила. Снова были доктора, и я узналъ, что у Зины началось зараженіе крови. Черезъ сутки уже пришли два гробовщика съ мѣркой... На первой панихидѣ были Поздняковъ, всѣ сослуживцы, Леля съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ, какія-то двѣ тетушки Зины, которыхъ я раньше не видалъ, и нѣсколько совсѣмъ незнакомыхъ дамъ. Въ моей головѣ стоялъ туманъ, будто меня начали хлороформировать,

Digitized by Google

но я еще не потерялъ сознанія. Въ квартирѣ толкались посторонніе люди и смотрѣли на меня съ жалостью и любопытствомъ...

Когда на гробъ стали бросать землю, мнѣ сдѣлалось дурно. Раньше я не испытывалъ, что такое обморокъ, подумалъ, что умираю, и не испугался, а обрадовался этому.

VI.

Началась новая странная жизнь. Я ходилъ на службу, ѣлъ, пилъ, спалъ, не выражалъ особой печали и совсѣмъ разучился чего-нибудь сильно желать. Волновалъ меня только одинъ котъ—Ванька. Когда я приходилъ домой, онъ бѣжалъ на встрѣчу, мурлыкалъ, терся о мои ноги, потомъ снова подходилъ къ двери и, поднявъ голову, смотрѣлъ на ея ручку,—онъ все еще ждалъ Зину. Теща прожила у меня почти годъ и сдѣлала много добра мнѣ и моей дочуркѣ—Любочкѣ. Она сама купала ее, и въ то время, когда я не могъ еще ничего сообразить, наняла мамку, купила корытце и все необходимое.

Я долго боялся своего ребенка, и когда слышалъ писк Любочки, въ моей головѣ ясно рисовалась та ночь, въ которую она родилась, вспоминались стоны Зины и запахъ лекарствъ. Цѣлый день я проводилъ теперь на заводѣ и работалъ безъ устали. Поздняковъ прибавилъ мнѣ еще пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и назначилъ завѣдывающимъ сбытомъ орудій и машинъ. Дома я чувствовалъ себя чужимъ. Съ тещей почти не разговаривалъ, а съ Лелей встрѣчался за обѣдомъ.

Digitized by Google

Она выросла, подурнѣла и смотрѣла на меня съ какою-то затаенной ненавистью, — вѣроятно, считала убійцей Зины. Однажды зимой я вошелъ въ дѣтскую. Теща съ Любочкой на рукахъ сидѣла на кровати, а мамка играла съ Ванькой, который прыгалъ ей черезъ руки. Послѣ каждаго его прыжка Любочка начинала громко смѣяться. Выраженіе ея личика поразило меня сходствомъ съ Зиной,—также морщился носикъ и по угламъ рта дѣлались такія же ямочки. Тогда Любочкѣ уже было одиннадцать мѣсяцевъ. Во мнѣ вдругъ проснулось во всей силѣ отцовское чувство. Удивительное это чувство. Мнѣ кажется, его почти невозможно опредѣлить. Для неимѣющихъ дѣтей оно непонятно совсѣмъ, а каждый отецъ чувствуетъ къ своимъ дѣтямъ любовь иначе чѣмъ другой. Съ этого дня я сталъ проводить возлѣ Любочки все свободное время и слѣдилъ за ея сномъ, ѣдой и играми. Тещѣ это не понравилось. Сначала она только сопѣла, досадливо чесала у себя за ухомъ и отворачивалась, когда я входилъ въ комнату. Потомъ намекала, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать, и, наконецъ, вечеромъ вошла ко мнѣ въ кабинетъ и заговорила дрожащимъ шепотомъ:

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вы погубили свою жизнь, вы погубили мою дочь,—отняли Зину у меня и у человѣка, который любилъ ее въ тысячу разъ больше, чѣмъ вы, и сумѣлъ бы сберечь. Теперь со своими теоріями о воспитаніи вы погубите и Любочку... Отдайте мнѣ ее... Отдадите?..

Сначала мнѣ захотѣлось выгнать эту старуху вонъ изъ комнаты, но я сдержалъ себя, закурилъ папиросу и только раздавилъ бывшую у меня въ рукахъ ко-

Digitized by Google

робку отъ спичекъ. Я инстинктивно чувствовалъ, что ея просьба была вызвана не эгоизмомъ, но отъ ея первыхъ двухъ фразъ кровь бросилась мнѣ въ голову: онѣ были сказаны исключительно съ цѣлью сдѣлать мнѣ больно.

— Нѣтъ,—сказалъ я.

— Въ такомъ случаѣ я уѣзжаю изъ вашего дома.

— Буду очень радъ...

— Вы думаете, что вы умны, но вы сумасшедшій, и я сумѣю взять у васъ ребенка,—уже крикнула она и вышла.

Я ничкомъ облокотился на письменный столъ и думалъ: не можетъ быть, чтобы разумное отношеніе къ ребенку его погубило. Если нужно будетъ, я брошу эту службу и отдамъ для дочери всю свою жизнь.

На слѣдующій день теща и Леля переѣхали въ свой домикъ. Любочку только что отняли отъ груди, она капризничала и, видимо, скучала безъ бабушки. Пришлось перемѣнить нѣсколько нянекъ. Всѣ онѣ бѣсили меня неряшливостью, непроходимой глупостью и равнодушіемъ къ ребенку. Прогнавъ одну изъ нихъ, я рѣшилъ написать тещѣ, что согласенъ отдать ей Любочку на годъ, съ правомъ навѣщать ее, когда захочу. Перо рвало бумагу и не находилось нужныхъ выраженій. Я откинулся на спинку кресла и долго смотрѣлъ на большой портретъ Зины. На парадномъ позвонили. Кухарка, шлепая босыми ногами, пробѣжала отворить дверь, а потомъ просунула голову въ дверь и сказала, что пришла наниматься новая нянька. Я велѣлъ ее позвать. Вошла женщина лѣтъ тридцати, съ серьезнымъ и спокойнымъ взглядомъ, немного рябая, одѣтая не совсѣмъ по городскому.

Digitized by Google

— Здравствуйте,—она поклонилась.

— Здравствуйте, васъ кто-нибудь прислалъ?

— Никто не присылалъ, а отъ людей слыхали.

Я хотѣлъ отправить ее, но то, что она разсказала, расположило меня въ ея пользу.

Она недавно пріѣхала изъ Симбирской губерніи, потому что тамъ былъ голодъ, и слыхала, что на югѣ платятъ больше жалованья. Дома оставила мужа, котораго искалѣчило на желѣзной дорогѣ, и двухъ подростковъ дѣтей.

— Ради нихъ я, баринъ, и заѣхала сюда, времена у насъ настали тяжкія. Рекомендаціи у меня нѣтъ никакой, а только я вашему ребеночку за мѣсто родной буду. Служила я въ нянькахъ у дьякона и у исправника и довольны мной были. Какъ мужа переѣхало—пошла домой...

Было что-то скромное въ ея фигурѣ и искреннее въ словахъ.

Должно быть не избалована и мудрить не будетъ, подумалъ я и сказалъ, чтобы она оставила паспортъ. Новую няньку звали Ариной. Съ Любочкой она обращалась нѣжно и была опрятна. По воскресеньямъ поздравляла меня съ праздникомъ и всегда очень долго молилась Богу. Когда я засыпалъ, ея шепотъ смѣшивался въ моихъ ушахъ съ чиканьемъ часовъ. Мнѣ не нравилась только одна особенность ея характера. Она не могла равнодушно видѣть ничего недопитаго и недоѣденнаго и сейчасъ же прятала или съѣдала остатки хлѣба и жаркого. То же было съ чаемъ, молокомъ и Эмской водой. Однажды она выпила растворъ бертолетовой соли и чуть не отравилась. Любочка привяза-

Digitized by Google

лась къ Аринѣ съ перваго же дня, за это я готовъ былъ простить ей ея обжорство и часто думалъ, что сдѣлалъ хорошо, оставивъ дочурку у себя. Теща не появлялась, но мнѣ казалось, что я даже съ другой далекой улицы чувствую на себѣ ея ненависть и она хотѣла взять къ себѣ Любочку, чтобы научить и ее ненавидѣть меня.

VII.

Развивалась Любочка быстро. Въ полтора года она уже говорила и знала, въ какой книгѣ, изъ стоявшихъ у меня въ шкафу, какія картинки. Когда я игралъ на скрипкѣ, она сидѣла не двигаясь, и слушала съ такимъ же самымъ выраженіемъ личика, какъ и Зина. Я никогда не говорилъ объ ея способностяхъ и развитіи, боясь увидѣть снисходительную улыбку. Хотѣлось мнѣ, чтобы Любочка была и здоровой, и проводила лѣтомъ и весной цѣлые дни на воздухѣ. Такимъ мѣстомъ во всемъ городѣ былъ только бульваръ. Я посылалъ ее туда каждое утро съ Ариной, которая брала съ собой еще завтракъ, гармонію и кота Ваньку,—какъ она говорила „для веселости“. Съ завода я заходилъ за ними самъ. Иногда возлѣ Любочки я издали замѣчалъ фигуру тещи и замедлялъ шаги, чтобы дать ей время уйти. Жизнь посвѣтлѣла. Я завелъ даже нѣсколько знакомствъ и сталъ играть на скрипкѣ. Въ началѣ іюня Любочкѣ должно было окончиться два года. По дорогѣ на бульваръ я купилъ ей игрушечнаго медвѣдя. Было очень жарко, но я шелъ быстро и улыбался при мысли, какъ Любочка обрадуется неожиданному подарку,—съ утра

Digitized by Google

она была скучной. На той скамейкѣ, гдѣ онѣ всегда сидѣли, никого не было, я подумалъ, что онѣ возлѣ фонтана, но и тамъ ихъ не было. Возлѣ будки кваснника, я вдругъ увидѣлъ Арину. Она держала Любочку на лѣвой рукѣ, а правой поила ее изъ жестяной кружки квасомъ,—этой ужасной настойкой непереваренной воды на коркахъ зацвѣтшаго хлѣба, въ которой плаваетъ ледъ, собранный весною на улицахъ. Такимъ мнѣ всегда представлялся квасъ, который продаютъ въ этихъ будкахъ, и казалось еще, что отъ этой жидкости должно непремѣнно пахнуть мокрой кожей. Я бросился впередъ и вырвалъ Любочку изъ рукъ Арины.

— Что вы, баринъ, что вы...—залепетала она.

— Какъ ты смѣешь давать ей всякую гадость?

— Вы, баринъ, не тревожьтесь, я допить ей только дала.

— Ну хорошо... сію минуту домой.

Руки у меня тряслись и, должно быть, я былъ страшенъ. Арина всю дорогу моргала глазами и оглядывалась, точно собиралась убѣжать въ сторону. Дома я сейчасъ же досталъ изъ письменнаго стола и швырнулъ ей паспортъ и деньги. Она попросилась только переночевать. Я махнулъ рукой и ничего не отвѣтилъ. Послѣ обѣда Любочка стала вялой и грустной, а къ вечеру у нея сдѣлался жаръ и она безъ умолку говорила, въ горлѣ у нея немного хрипѣло. Я самъ уложилъ ее спать и не отходилъ отъ постели. Въ одиннадцать часовъ Любочка стала метаться, а потомъ вскочила и сѣла.

— Папа, болитъ у меня головка, болитъ...—Голосъ былъ сдавленный.—Водички мнѣ дай.

Digitized by Google

Я подалъ чуть теплаго чаю.

— Нѣ-ѣ-ть, водички, водички.

Она заплакала, закашлялась и захрипѣла. Я принесъ переваренной воды и, обнявъ за плечики, сталъ ее поить. Тѣльце ея было горячо, какъ накаленный солнцемъ песокъ. Любочка соскользнула съ моихъ рукъ и, казалось, снова задремала. Оставивъ около нея кухарку, я сбѣгалъ въ аптеку и по телефону вызвалъ лучшаго въ городѣ доктора по дѣтскимъ болѣзнямъ. Онъ пріѣхалъ черезъ часъ. Послѣ осмотра Любочки лицо доктора осталось какъ будто покойнымъ, но я видѣлъ, какъ онъ сжалъ губы и этимъ движеніемъ держалъ мускулы лица. Онъ вымылъ руки и спросилъ, давно ли заболѣла дѣвочка. Я разсказалъ все съ момента, когда увидѣлъ, какъ нянька поила ее квасомъ. Послѣ каждой моей фразы докторъ кивалъ головою и говорилъ: такъ, такъ... Потомъ спросилъ:

— Вы одинъ?

— Одинъ.

— Нужно, чтобы былъ еще кто-нибудь. Кажется дифтеритъ, впрочемъ я могу ошибиться. Нужно попробовать сыворотку, у меня ея нѣтъ, но я думаю, что достану ее отъ Уклейна, и пріѣду вмѣстѣ съ нимъ. Сыворотка чудеса дѣлаетъ.

Рано утромъ у меня были оба доктора съ сывороткой, теща и сидѣлка. Любочка лежала съ мутными глазами, почти безъ сознанія. Шторы опустили, въ комнатѣ уже пахло, какъ въ аптекѣ, и было душно. Я не хотѣлъ думать о смерти Любочки, но мнѣ будто уже объ этомъ кто-то сказалъ. Въ столовой мы встрѣтились съ тещей. Она хотѣла со мной заговорить. Я замоталъ

Digitized by Google

головой, заперся въ кабинетѣ и заплакалъ, кажется, въ первый разъ въ жизни. Передъ вечеромъ снова былъ Уклейнъ, удивился тому, что дѣвочкѣ не лучше, и обѣщалъ заѣхать еще. Любочка умерла въ три часа ночи.

И до погребенія и послѣ погребенія я владѣлъ собою хорошо и даже помогалъ какимъ-то людямъ дезинфекцировать квартиру. Потомъ легъ и крѣпко заснулъ. Когда я открылъ глаза, въ сосѣдней комнатѣ былъ еще дневной свѣтъ, а у меня въ кабинетѣ темно. Очевидно, кто-то входилъ и закрывалъ ставни, но я не могъ сообразить кто. Я сѣлъ на диванъ, закурилъ папиросу и задумался. Вошелъ Ванька, мяукнулъ и потерся носомъ о мой сапогъ. Стало жутко и снова захотѣлось плакать. Вдругъ я почувствовалъ, что на меня кто-то смотритъ, оглянулся и увидѣлъ въ дверяхъ Арину. Она стояла въ своей обычной позѣ, сложивъ руки на груди.

— Баринъ, а баринъ, дозвольте мнѣ еще одну ночку переночевать,—проговорила она ровнымъ и спокойнымъ голосомъ. Отъ этого голоса у меня вдругъ зазвонило въ ушахъ. Я всталъ и силился сообразить, почему не видалъ ее въ эти два дня. Затѣмъ подошелъ къ стоявшему въ углу стальному пюпитру и стиснулъ его рукою.

— Баринъ, а баринъ, — снова повторила Арина, но какъ-то глухо, точно я услышалъ ее черезъ подушку. Не помню хорошо, какимъ образомъ, должно быть, со страшною силой, я запустилъ пюпитръ въ голову Арины. Она упала навзничь, и изъ-подъ ея чепчика тоненькой, черной струйкой побѣжала кровь. Дальнѣйшія обстоятельства совсѣмъ перепутались теперь въ моей памяти. Знаю, что Арина осталась жива,

Digitized by Google

но лежала нѣсколько недѣль въ больницѣ. Меня не арестовали, но я два раза былъ у слѣдователя, и онъ ничего не могъ отъ меня добиться. Я немного пришелъ въ себя только, когда меня привезли въ психіатрическое отдѣленіе. Комната моя помѣщалась совсѣмъ отдѣльно, на той половинѣ, гдѣ содержались тихіе. По ночамъ было страшно, и черезъ потолокъ слышался иногда чей-то плачъ, не громкій, но безнадежный такой. Шаги больныхъ и служителей тоже меня мучили. Должно быть, черезъ все зданіе тянулся длинный коридоръ, выкрашенный сѣрой масляной краской. Освѣщался онъ только тремя высоко подвѣшенными, коптившими всегда лампами и пахло въ немъ сырыми дровами и тряпками. Когда съ другого конца этого коридора кто-нибудь идетъ, то никакъ не поймешь, что за шумъ, точно въ воздухѣ на тебя надвигается что-то. Передумалъ я за это время много. Меня почти не трогали и выпустили черезъ два мѣсяца, но подъ судъ я почему-то не попалъ.

Я снова поселился на заводѣ, но работать по прежнему уже не могъ. Поздняковъ очень скоро въ вѣжливой формѣ предложилъ мнѣ уѣхать и полѣчиться. Прощаясь, онъ захотѣлъ, кажется, свеликодушничать, если только его машинная душа могла быть способной на это чувство. Кромѣ слѣдовавшаго мнѣ жалованья, онъ мнѣ вручилъ еще четырнадцать рублей и тридцать двѣ копейки на билетъ третьяго класса до Севастополя; я не взялъ ихъ и поѣхалъ во второмъ. Вотъ теперь гуляю по Ялтѣ и ищу службы, не служить же мнѣ все время въ этомъ шантанномъ оркестрѣ. А, впрочемъ, только тутъ и мѣсто. Недобросовѣстно те-

Digitized by Google

перь предлагать себя въ работники. Со стороны я, должно быть, похожъ на пса съ перебитыми ногами. Волочитъ онъ ихъ и старается куда-то уйти, а куда—и самъ не знаетъ, и до тѣхъ поръ лѣзетъ, пока его трамвай или извозчикъ не переѣдетъ...

Знаете, какая самая ужасная мука для человѣка,—это потерять волю... Нѣтъ у меня ея даже настолько, чтобы всунуть голову въ веревку... А такъ вотъ пивка попьешь, поплывутъ кругомъ всѣ эти господа, кипарисы, и столики,—и легче.

— Нѣтъ, вы вдумайтесь: отнять все, посадить меня, такъ любившаго серьезную музыку, въ этотъ оркестръ и сдѣлать такъ, что ни я самъ себѣ и никто другой не въ состояніи, не въ силахъ теперь помочь...

Федоръ Федоровичъ замолчалъ, допилъ пиво, расплатился и закурилъ папиросу.

— Ну пора идти. Надоѣлъ я вамъ...—добавилъ онъ, и не то искривился, не то улыбнулся.

Соловьевъ чувствовалъ себя неловко, не зная, что ему отвѣтить, и думалъ, что должно быть, этотъ бѣднякъ теперь цѣлую ночь будетъ не спать и сердиться на себя за то, что разоткровенничался передъ чужимъ человѣкомъ.

На эстрадѣ флотскій оркестръ заигралъ вальсъ изъ „Продавца птицъ“.

— Ну, пора,—еще разъ повторилъ Федоръ Федоровичъ,—неловко подалъ Соловьеву свою немного влажную руку и быстро потерялся среди толпы людей, шуршавшихъ ногами по мелкимъ камешкамъ, которыми были усыпаны дорожки.

Digitized by Google

ВЪ СТЕПИ.

Весь путь занесло на большомъ разстояніи. Рельсовъ не видно. Телеграфные столбы сдѣлались вдвое ниже, и кажется, что вмѣсто проволокъ на нихъ висятъ опустившіеся бѣлые шнуры, каждый толщиною въ палецъ. Небо уже совсѣмъ прояснилось. Звѣзды стали крупнѣе и ярче и равнодушно глядятъ на землю, мигая своими зеленоватыми лучами.

Вся степь и крыши на хатахъ ближайшаго хутора покрыты ровнымъ толстымъ слоемъ снѣга, кажущагося ночью блѣдно-лиловымъ.

Только въ одномъ мѣстѣ рѣзко выдѣляется полоса свѣта, пробивающагося черезъ обледенѣлыя окна казармы, въ которой временно живутъ ремонтные рабочіе и артельный староста Кравцовъ.

Кругомъ такъ тихо, что голосъ стоящаго у самыхъ дверей Кравцова раздается вокругъ, вѣроятно, саженей на триста. Его молча слушаютъ восемь рабочихъ съ лопатами въ рукахъ и путевой сторожъ. У всѣхъ усы и бороды отъ мороза бѣлые, точно собрались одни старики. Неуклюжія, темныя укутанныя фигуры стоятъ неподвижно.

Digitized by Google

Топчется на одномъ мѣстѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, только тотъ, который поближе къ артельному старостѣ.

— Ну нечего тутъ разсуждать,—говоритъ ему Кравцовъ. — Ступай и скажи имъ еще разъ, что грѣха въ этомъ нѣтъ. Грѣхъ будетъ, если они не помогутъ людямъ выѣхать со станціи.

— Такъ якъ бы-жъ не щедрый вечіръ,—нараспѣвъ отвѣчаетъ рабочій.

— Что?

— Кажу, якъ бы не щедрый вечіръ, а то-жъ Новый годъ завтра.

— Скажи, что по два рубля въ сутки будутъ давать.

— Та я вже казавъ. Тамъ народъ такій слабосільный, шо страсть.

— Ну ступай, ступай, кого хочешь веди, только чтобы люди были сегодня же. Ступай, ступай...

Посланный досадливо машетъ рукой и идетъ. Фигура его дѣлается все меньше и меньше, и затѣмъ кажется, что онъ уже совсѣмъ не двигается, покачивается только изъ стороны въ сторону свѣтлая точка фонаря.

Кравцовъ все время мигаетъ глазами, потому что ясно ощущаетъ, какъ начинаютъ обмерзать его рѣсницы, потомъ протираетъ ихъ рукавомъ и, обращаясь къ остальнымъ рабочимъ, произноситъ:

— Ну...

Люди выстраиваются гуськомъ и, проваливаясь по поясъ въ снѣгу, двигаются къ едва выдѣляющейся насыпи.

Digitized by Google

Впереди всѣхъ Кравцовъ. На душѣ у него тоскливо. Въ такомъ неопредѣленномъ и нелѣпомъ положеніи онъ давно не былъ.

Телеграфъ не дѣйствуетъ. Поѣзда не идутъ. Не пришелъ и рабочій поѣздъ. Неизвѣстно даже, который часъ. Одни часы въ казармѣ испортились, а карманные стали на пяти, должно быть отъ холода, потому что онъ ихъ часто вынималъ. Нѣтъ начальства, нѣтъ дорожнаго мастера, нѣтъ и достаточнаго количества людей, а предпринимать что-нибудь нужно. Настроеніе его передается всѣмъ рабочимъ.

Лѣниво втыкаютъ „для проформы“ на палкѣ красный фонарь и принимаются копать снѣгъ съ такимъ видомъ, точно ихъ заставили вычерпать ложками огромный прудъ.

Чтобы согрѣться, Кравцовъ самъ беретъ лопату и намѣчаетъ, гдѣ нужно рыть.

„Или въ управленіи еще неизвѣстно, думаетъ онъ или начальникъ участка выѣхать не можетъ. Что будешь дѣлать?.. Вотъ тебѣ и Новый годъ... И себя жаль и рабочихъ жаль — все равно напрасно бьются, а не начать расчистку страшно, — пріѣдетъ начальникъ участка, пожалуй, подъ горячую руку и должности лишитъ. Хоть къ утру, а онъ непремѣнно будетъ“.

Потомъ Кравцову представляется внутренность казармы. Печь, лавки, лампа на стѣнѣ и въ углу большой столъ. Приглашенная изъ хутора на праздники баба Горпина, вѣроятно, уже разогрѣваетъ борщъ со свининой и колбасу. Все это необыкновенно вкусно,— къ тому же въ шкафу подъ замкомъ стоятъ двѣ бу-

Digitized by Google

тылки съ водкой. Полдничали уже давно, а послѣ ѣды всѣ очень долго спали.

Вообще, время тянется убійственно медленно.

Часа черезъ два является посланный и приводитъ съ собою только десять человѣкъ. Все это самые захудалые мужики, по большей части, парни изъ бѣдныхъ семей.

Одинъ изъ нихъ не похожъ даже на мужика, не похожъ онъ и на рабочаго. Тощій, согнувшійся, одѣтый въ сѣрое драповое пальто съ черными пуговицами и подпоясанный ремнемъ, съ головой, обмотанной башлыкомъ, онъ весь ежится и оглядывается, какъ собака, которая боится, что ее прогонятъ.

Кравцовъ откашливается и строгимъ голосомъ произноситъ:

— Такъ по два карбованца въ сутки и работать по настоящему, а кто будетъ часто бѣгать грѣться, съ того вычтется.

Всѣ молчатъ.

— Согласны?—спрашиваетъ Кравцовъ громче.

Два—три голоса отвѣчаютъ:

— Та согласни.

— Якъ було, такъ и буде, — произноситъ послѣ кто-то одинъ.

Затѣмъ всѣ идутъ въ казарму. Кравцовъ прибѣгаетъ въ свое помѣщеніе и, отворивъ шкафикъ, наскоро пьетъ изъ бутылки нѣсколько глотковъ водки. Потомъ онъ достаетъ изъ кармана книжку въ засаленномъ парусиновомъ переплетѣ и записываетъ имена и фамиліи прибывшихъ.

Digitized by Google

— А ты откуда?—спрашиваетъ онъ у человѣка въ сѣромъ пальто.

— Я изъ далека.

— Такъ чего же ты на хуторѣ очутился?

— Такъ случилось.

— Ну хорошо, для насъ это все равно. Имя?

— Иванъ.

— Фамилія?

— Бакинъ.

— На ремонтѣ пути работалъ когда-нибудь?

— Нѣтъ.

— А на заносахъ?

— Тоже нѣтъ, но думаю, что смогу.

— Думать не нужно, работать нужно.

Человѣкъ въ сѣромъ пальто едва замѣтно улыбается.

Лицо у него чистое, совсѣмъ молодое, подъ глазами черныя пятна. Смотритъ онъ какъ-то задумчиво, произноситъ слова правильно по-русски и мягко, точно начальникъ дистанціи говоритъ.

Кравцовъ еще разъ внимательно его осматриваетъ, затѣмъ раздаетъ лопаты и всѣ выходятъ на морозъ. Изъ каждаго рта и носа вырываются расплывающіяся въ воздухѣ струи пара.

Работа пошла какъ будто веселѣе, но и черезъ два часа ея почти не замѣтно. Прошли саженей сорокъ, не больше.

Чтобы не бѣгать грѣться въ казарму, до прибытія рабочаго поѣзда, разложили два костра. Горятъ они плохо, дрова шипятъ и постоянно трескаютъ.

Кравцовъ сидитъ на корточкахъ у огня и, глядя на спину человѣка въ сѣромъ пальто, думаетъ: „слу-

Digitized by Google

жишь на желѣзной дорогѣ, такъ какихъ только людей не насмотришься. И зачѣмъ этотъ Бакинъ очутился на хуторѣ? Если потребовать у него паспортъ, то навѣрное не окажется. Какъ бы дорожный мастеръ не сталъ ругаться, что шляющихъ принимаемъ. Впрочемъ на сутки или на двое, не все ли равно, съ паспортомъ онъ или безъ паспорта"...

„Который это можетъ быть часъ?.. Вѣроятно не меньше десяти... Придетъ до утра служебный поѣздъ или не придетъ?.. Нѣтъ, не можетъ онъ притти. Если такъ занесло отъ самой станціи, то до утра не откопаютъ. Снѣгочистеля тоже близко нѣтъ, говорили, что третьяго дня его увезли на заносы, на другой конецъ дороги!"

Кравцовъ встаетъ и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по расчищенному мѣсту.

Работаютъ ужасно вяло. Слѣдовало бы на нихъ накричать, но это не поможетъ.

Сочувствія ждать не отъ кого. И небо, и степь такъ же равнодушны къ нему, какъ и ко всѣмъ остальнымъ людямъ. Жутко.

Слышно, какъ на хуторѣ закричалъ одинъ пѣтухъ, потомъ другой, третій.

„Вотъ онъ Новый годъ", думаетъ Кравцовъ и, приподнявъ подъ башлыкомъ шапку, крестится.

Большинство мужиковъ перестало работать совсѣмъ, сошлись въ кучку и толкуютъ. Одинъ изъ нихъ отдѣляется и подходитъ къ Кравцову.

— Люды заморыліся,—говоритъ онъ.—Хотятъ, шобъ, поки рабочій поиздъ прыиде, вы ихъ до дому пустылы, а то тутъ на степу одъ морозу погыбнуть можно.

Digitized by Google

— Ваше дѣло, а завтра я никого не приму.

— Такъ якъ же?

— А вотъ такъ же.

— Та мы жъ свои люды.

— Пріѣдетъ утромъ дорожный мастеръ, я такъ ему и скажу.

— Та мы ще у досвіта прыйдемъ.

— Ну какъ знаете.

Кравцовъ понимаетъ, что за ночь будетъ сдѣлано немного, и самому ему невыразимо хочется согрѣться, поѣсть и отдохнуть.

— Ступайте куда хотите, — произноситъ онъ уже мягче и, рѣшаясь пойти на компромиссъ, добавляетъ,— если дорожный мастеръ согласится, такъ мнѣ все равно, можете и завтра продолжать.

Рабочій кланяется и уходитъ. Остальные, поговоривъ между собою еще, складываютъ лопаты и небольшой группой спускаются съ насыпи.

Остается одинъ Бакинъ. Онъ долго стоитъ на мѣстѣ, потомъ, не оставляя лопаты, нерѣшительно приближается къ Кравцову и, немного задыхаясь, произноситъ:

— Господинъ староста, я, кажется, отморозилъ себѣ щеку, будьте добры, позвольте мнѣ зайти въ вашу казарму обогрѣться.

— Пожалуйста, зайдите, — отвѣчаетъ Кравцовъ, неожиданно для самого себя переходя на „вы“.

У костра онъ оставляетъ только двухъ рабочихъ и строго-на-строго приказываетъ имъ: „Если послышится свистокъ или покажутся огни, сейчасъ же дать знать“ и обѣщаетъ черезъ часъ ихъ подсмѣнить.

Digitized by Google

Повторивъ еще разъ то же самое, Кравцовъ, поскрипывая сапогами по снѣгу, быстро направляется къ казармѣ, а за нимъ, поминутно спотыкаясь, спѣшитъ Бакинъ.

Казарма раздѣлена на двѣ половины. Въ первомъ большомъ и грязномъ помѣщеніи ночуютъ рабочіе и пахнетъ здѣсь лукомъ, соломой и мокрыми сапогами.

Во второй комнатѣ живетъ самъ староста, въ ней гораздо чище, свѣтлѣе горитъ лампа, носится запахъ жареной колбасы и очень тепло, почти жарко.

Свернувшись калачикомъ на лавкѣ, дремлетъ баба Горпина. Услыхавъ стукъ двери, она вскакиваетъ и мотаетъ головой, должно быть соображая, во снѣ ли она видитъ Кравцова и другого неизвѣстнаго человѣка, или на яву.

— Ну, бабо, давайте намъ шо тамъ у васъ у печи,— обращается къ ней Кравцовъ. Затѣмъ подходитъ ближе къ Бакину, прищурившись смотритъ на его побѣлѣвшую, точно присыпанную пудрой щеку и говоритъ уже по-русски:

— Сейчасъ же идите и разотрите снѣгомъ то мѣсто котораго не чувствуете, а то пропадетъ все лицо. Хорошенько только трите.

— Хто жъ то такій,—спрашиваетъ баба, глядя Бакину вслѣдъ.

— Рабочій,—отвѣчаетъ Кравцовъ.

— Такъ на шо жъ его сюды пускать?

— Да такъ,—нехай... Отъ шо, бабо, дайте вы ще и другу чарочку.

Баба достаетъ съ полки чарочку и со злостью стучитъ ею объ столъ.

Digitized by Google

— Ну, что, оттерли?—спрашиваетъ Кравцовъ, когда Бакинъ снова показывается въ дверяхъ.

— Да, теперь какъ будто бы чувствую щеку.

— Вотъ и хорошо. Ну, что же, раздѣвайтесь, садитесь и повечеряемъ.

— Очень вамъ благодаренъ, только съ какой стати вы меня еще и кормить будете?—отвѣчаетъ Бакинъ и все лицо его выражаетъ смущеніе.

— Да такъ, зашли, ну и будьте гостемъ. Побалакаемъ. Спать ложиться сегодня я все равно не буду.

— Благодарю васъ,—отвѣчаетъ Бакинъ, смущаясь еще больше и начинаетъ разматывать свой башлыкъ. Отъ усталости руки у него дрожатъ и ноетъ въ спинѣ.

Кравцовъ задумчиво наблюдаетъ за его движеніями. Онъ привыкъ относиться подозрительно къ каждому новому рабочему, но этотъ человѣкъ кажется ему почему-то симпатичнымъ и не похожимъ ни на босяка, ни на пьяницу.

— Хоть вы теперь и состоите у меня въ рабочихъ, а по разговору вашему слышно, что вы не простого званія. Какъ вы сюда попали?—спрашиваетъ онъ.

— Собственно говоря, попалъ довольно неожиданно. Пріѣхалъ я по желѣзной дорогѣ еще прошлою ночью, нужно мнѣ было тутъ въ одно село, къ знакомому учителю. Я нанялъ санки и поѣхалъ, а учитель оказался въ отпуску. Жена его меня не знаетъ и не пустила. Деньги у меня всѣ вышли. Я рѣшилъ итти назадъ пѣшкомъ на станцію и пошелъ, а тутъ метель поднялась и я сбился съ дороги. Кое-какъ попалъ на хуторъ. Обогрѣлся немного у какого-то мужичка, хотѣлъ ему заплатить да нечѣмъ, а тутъ, слышу, по улицѣ

Digitized by Google

вашъ посланный ходитъ, стучитъ въ окна и зоветъ на расчистку пути, я и пошелъ...

— Такъ чи не такъ, а садитесь вечерять. Кравцовъ налилъ себѣ и гостю по большой рюмкѣ водки и подвинулъ къ нему пироги и миску съ горячимъ борщемъ.

Бакинъ молча выпилъ водку и поперхнулся.

— Эге, да, я вижу, пить вы не мастакъ.

— Да, какъ-будто.

— А съ холоду выпить все-таки слѣдуетъ.

— Да, я промерзъ.

Выпили снова по рюмкѣ и стали ѣсть борщъ. Бакинъ очень голоденъ, но стѣсняется слишкомъ часто опускать свою ложку въ миску.

Передъ колбасой выпили еще. А послѣ ужина сейчасъ уже стало замѣтно, что Бакинъ захмелѣлъ. Глаза его заблестѣли и все лицо стало краснымъ. Онъ уже не отвѣчаетъ односложными „да“, а говоритъ безъ умолку

Кравцовъ не можетъ понять многихъ выраженій, но ему пріятно слушать рѣчь человѣка, который кажется ему очень образованнымъ, какъ пріятно было когда-то смотрѣть въ кабинетѣ начальника участка на хорошія картины, гдѣ были изображены никогда невиданныя имъ горы и люди въ странныхъ костюмахъ. Баба тоже слушаетъ и все время мигаетъ глазами, какъ старая обезьяна.

Бакину уже, очевидно, все равно и говоритъ онъ больше для самого себя, потому что не въ силахъ молчать.

— Знаете, право мнѣ нисколько не жаль, что я разошелся съ отцомъ, и совѣсть меня нисколько не мучаетъ, должно-быть я безсовѣстный.

Digitized by Google

Главное, что я себя ни въ чемъ виноватымъ не чувствую,—это главное.

И прошлой своей жизни, когда я пользовался полнымъ комфортомъ, мнѣ нисколько не жаль. Ничего, ничего абсолютно въ ней хорошаго не было, все одна ложь, одна грусть. Отецъ мой уважаемый, хорошій человѣкъ, родилъ меня, кормилъ и одѣвалъ, а потомъ отдалъ въ гимназію.

Правда, онъ никогда не интересовался тѣмъ, что у меня дѣлается на душѣ, и послѣ смерти матери я себя чувствовалъ въ семьѣ такимъ же одинокимъ, какъ и вчера, когда заблудился въ степи. Но это—Богъ съ нимъ. Показалось ему, что я дѣлаюсь строптивымъ и начинаю имѣть другой образъ мыслей, чѣмъ его.—Отвезъ онъ меня, тогда уже семнадцатилѣтняго человѣка, въ другой городъ и отдалъ для исправленія въ пансіонъ при такой гимназіи, гдѣ я долженъ былъ непремѣнно получить аттестатъ зрѣлости.

Ну, ничего. Я смирился, прожилъ зиму, перешелъ благополучно въ шестой классъ и вернулся на каникулы домой.

Тяжело мнѣ жить здѣсь показалось. Дышать нечѣмъ, точно во всѣхъ комнатахъ сѣркой накурено.

Отецъ больше въ кабинетѣ сидитъ, своими дѣлами занимается, меня не трогаетъ. Тетка и сестра бродятъ по дому, точно тихо помѣшанныя по саду городской больницы. Спрашиваешь ихъ, что думаютъ дѣлать, чѣмъ интересуются. Ничего, говорятъ, дѣлать не собираемся и будемъ такъ жить, какъ теперь живемъ,—намъ хорошо.

А мнѣ вотъ все кажется, что онѣ лгутъ, что каждой изъ нихъ хочется своего личнаго счастья, хочется про-

Digitized by Google

явить свою личную жизнь, да боятся онѣ огорчить отца и потому только утверждаютъ, что имъ хорошо.

Гдѣ-то я читалъ, что есть люди, о которыхъ можно сказать, что они ходятъ надъ землей, и есть такіе, которые ходятъ подъ землей,—такъ вотъ, казалось мнѣ, что онѣ ходятъ подъ землей.

За обѣдомъ тоска смертная и молчаніе, какъ въ пустомъ погребѣ, или разговоры о моей неизбѣжной погибели.

Послѣ обѣда тетка опять начинаетъ мораль проповѣдывать:

— Отецъ—святыня, передъ нимъ молчи и не разсуждай.

— Вполнѣ съ этимъ согласенъ, — говорю, — только мнѣ кажется, что отецъ прежде всего другомъ долженъ быть.

— Не можетъ онъ, серьезный человѣкъ, быть другомъ пустого мальчишки, о чемъ ему съ тобой говорить? — отвѣтитъ она, махнетъ рукою и тоже уйдетъ въ свою комнату.

Выпросилъ я у сестры какъ-то десять рублей, пошелъ въ городъ, накупилъ книгъ, большею частью повѣстей и разсказовъ новѣйшихъ писателей, взялъ столовый ножъ, легъ себѣ на кровать, разрѣзаю листы, читаю и блаженствую.

Опять тетка:

— Кто же,—говоритъ,—покупаетъ книги беллетристическаго содержанія, вѣдь это безуміе. Живи по средствамъ, береги каждую копейку и никогда себя не балуй.

А я ей отвѣчаю:

Digitized by Google

— Душа человѣческая дороже денегъ, если она болитъ и можно ее облегчить, то и послѣдній рубль можно истратить.

Замѣтилъ и отецъ, что я все читаю. Какъ-то входитъ въ мою комнату и говоритъ:

— Что ты съ романами возишься, ты бы поучился задачи рѣшать, что ли.

Хотѣлъ я ему отвѣтить:

— Я учусь,—настроеніе сейчасъ такое, что я въ этой формѣ больше усвою и потомъ мозгами шевельну сильнѣе, а настроеніе вѣдь не отъ насъ зависитъ. Что же касается беллетристики, такъ она ближе къ дѣйствительной жизни и потому вліяетъ сильнѣе сухой книги, а наукѣ она никогда не мѣшаетъ.

Да ничего я не отвѣтилъ, побоялся его разсердить, а страхъ плохой проводникъ довѣрія къ словамъ того, кого боишься.

Прошло кое-какъ и это лѣто. Поѣхалъ я снова въ пансіонъ. Началась другая жизнь: звонки, уроки, завтракъ, опять уроки, обѣдъ, прогулка, занятія, по спальнямъ...

Отмѣтки я получалъ не важныя, но такъ себѣ — больше удовлетворительныя.

Весной, передъ экзаменами, встрѣтилъ я въ домѣ одного товарища гимназистку. Барышня была самая обыкновенная, а мнѣ показалась необыкновенной; какъ теперь соображаю, просто была она немного ненормальная. Тянуло меня къ ней ужасъ какъ и совсѣмъ безотчетно. Жаль ее было, казалась она такой же нравственно одинокой въ своей семьѣ, какъ и я.

Digitized by Google

Пошла у насъ любовь. Начались свиданія, а тутъ изъ пансіона не пускаютъ. Удралъ я разъ—поймали и въ карцеръ посадили. Удралъ я снова—возлюбленной своей не увидалъ, съ горя взялъ да и уѣхалъ по желѣзной дорогѣ за городъ, а въ пансіонъ явился только черезъ два дня. Тутъ уже и отецъ. Оказывается—исключили меня окончательно.

Поѣхали мы домой. Послѣ страшной сцены рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ готовиться въ шестой классъ реальнаго училища. Сталъ я заниматься со студентомъ-математикомъ.

Днемъ учусь, а вечеромъ меня своимъ порядкомъ отчитываютъ. Отецъ все больше на счетъ денегъ донималъ.

— Я,—говоритъ,—на тебя истратилъ почти двѣ тысячи, въ самый дорогой пансіонъ тебя отдалъ, а ты меня убилъ.

Какъ-то вечеромъ, слушалъ я его, слушалъ, въ головѣ у меня затуманилось, я и отвѣтилъ:

— Вѣдь ты самъ себя обманываешь, двѣ тысячи ты заплатилъ не за одно мое будущее счастье, а больше за собственное спокойствіе, чтобы не видать моей физіономіи. Счастье своимъ дѣтямъ покупаютъ не деньгами, а нравственною близостью къ ихъ печалямъ и радостямъ.

Что послѣ этого произошло и разсказать я не въ силахъ. Словомъ, выгналъ онъ меня изъ дому совсѣмъ. Я этому даже обрадовался.

Жилъ я нѣкоторое время у товарища. Служилъ потомъ въ контрольной палатѣ и, наконецъ, попалъ письмоводителемъ къ городскому судьѣ. Хорошій человѣкъ былъ этотъ судья, хоть и вспыльчивый... Да

Digitized by Google

жена его ко мнѣ приставать стала. Вы, говоритъ она, необыкновенный человѣкъ, вы геній, свѣтлый умъ, о васъ когда-нибудь вся Россія узнаетъ. Я сначала думалъ, что баба просто такъ себѣ дуритъ, а потомъ уже ясно стало, къ чему дѣло клонится.

Если бы она не жена этого судьи была, ну, кто его знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось. Да очень ужъ онъ сердечный человѣкъ былъ,—не захотѣлъ я его обидѣть, взялъ да и ушелъ. Ну...

Дверь въ комнату отворилась и среди ворвавшагося пара показалась закутанная фигура одного изъ рабочихъ съ фонаремъ въ рукахъ. Баба перестала хлопать глазами и тревожно подняла голову.

Кравцовъ вскакиваетъ съ лавки и спрашиваетъ:

— А что тамъ, дорожный мастеръ пріѣхалъ?

Рабочій смотритъ сначала на Бакина, потомъ на остатки ужина, и не спѣша отвѣчаетъ:

— Та ни, нема ни якого чорта. Дрова уси погорилы, а вы сарай замкнулы. Дайте ключи.

Кравцовъ ищетъ въ карманѣ ключи и, нащупавъ связку, вспоминаетъ, что въ сараѣ у него спрятаны за дровами оставшіяся отъ лѣтняго ремонта стальныя гайки, которыя онъ собирается продать.

„Найдутъ ихъ, украдутъ и ничего не скажешь“, думаетъ онъ, потомъ произноситъ вслухъ:

— Сейчасъ, я самъ, и начинаетъ надѣвать тулупъ.

Бакину кажется почему-то неприличнымъ оставаться, когда уходитъ хозяинъ, и онъ тоже одѣвается.

Выходятъ во дворъ и направляются къ сараю. Кравцовъ долго возится съ замкомъ, къ которому примерзаютъ его пальцы.

Digitized by Google

Бакинъ тяжело вздыхаетъ и изо-рта у него вылетаетъ струя пара, точно онъ затянулся папироской и выпустилъ дымъ. Рабочій нетерпѣливо помахиваетъ фонаремъ.

На всѣхъ трехъ глядятъ съ неба крупныя звѣзды, какія только бываютъ въ сильный морозъ, и равнодушно мигаютъ своими зеленоватыми, остренькими лучами.

Digitized by Google

МАШИНИСТЪ.

I.

Станція, гдѣ задержали нашъ поѣздъ, чтобы пропустить курьерскій, была расположена на опушкѣ лѣса. По другую сторону рельсовъ уходила вдаль безконечная, темная равнина. На самомъ горизонтѣ, гдѣ безвѣздное небо соединялось съ полемъ, медленно выплывалъ ярко-оранжевый мѣсяцъ и выяснялись силуэты далекихъ хатъ. Со стороны лѣса пахло отсырѣвшей дубовой корой. Гдѣ-то очень далеко, должно быть, въ самой чащѣ, пѣлъ соловей. Его трелей нельзя было уловить ухомъ, отчетливо слышалось, по временамъ, только такъ называемое, „техканье“. Былъ второй часъ ночи, но спать не хотѣлось. Передъ этой поѣздкой паровозъ, на которомъ я ѣздилъ въ качествѣ практиканта помощника машиниста, простоялъ сутки въ депо для промывки котла. За промывкой наблюдалъ самъ машинистъ Дитмаръ, великодушно предоставившій мнѣ отсыпаться въ „дежурной“ комнатѣ, чѣмъ я и воспользовался. Кромѣ того, и ночь была ужъ очень хороша. Съ самаго наступленія весны не было еще ни одной такой тихой и ласковой ночи. Дитмаръ спалъ на тендерѣ, почмокивая губами. Нашъ кочегаръ Ѳедотъ ушелъ къ

Digitized by Google

лѣсу печь картошку. Было видно издали, какъ отблески огня перебѣгали по его загорѣлому обвѣтревшемуся лицу. Онъ пѣлъ мою любимую малороссійскую пѣсню:

Ой ты жывешь на гори,
А я пидъ горою...
Ой чы тужышь такъ за мною,
Якъ я за тобою...

Пѣлъ тихо и почти безъ мотива, долго вытягивая высокимъ фальцетомъ каждую послѣднюю строфу. Что-то ужасно грустное и безнадежное слышалось въ этой пѣснѣ, точно и не пѣсня это была, а его разговоръ съ самимъ съ собою... Точно онъ увѣренъ былъ, что никогда во всю жизнь не увидитъ уже той, о которой такъ тужилъ. Замѣтивъ, что я подхожу, Ѳедотъ вдругъ смолкъ. Лѣсное эхо протяжно и грустно повторило еще разъ:

Якъ я за тобою...

Я прилегъ на траву возлѣ костра. Ѳедотъ посмотрѣлъ на меня своими всегда усталыми глазами и сталъ подгребать сухой вѣткой тлѣвшія щепки. Подложивъ правую руку подъ голову, я задумался о той совершенно новой для меня жизни, въ которую окунулся послѣ свѣтлыхъ коридоровъ технологическаго института и предэкзаменаціонной горячки. Какъ ни тяжела и убійственно ненормальна была эта новая жизнь, но я, незамѣтно для самого себя, успѣлъ полюбить и ее и тѣхъ людей, которымъ предстояло мириться съ ней до самой смерти. Глядя на Ѳедота и вспоминая еще цѣлые десятки такихъ же кочегаровъ, машинистовъ и ихъ помощниковъ, которыхъ я узналъ за это врем

Digitized by Google

у меня неотступно вертѣлась въ головѣ одна и та же мысль: что всѣ эти люди, работая на паровозахъ, отдаютъ службѣ всю свою жизнь, буквально все свое здоровье, а иногда и все свое семейное счастье, и никто изъ нихъ не считаетъ себя особеннымъ труженикомъ. Чтобы подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими думами, я попробовалъ вызвать на разговоръ Ѳедота и спросилъ:

— Можно взять одну картошку?

— Чтожъ, берите.

— Съ саломъ это очень вкусно, правда?

Ѳедотъ ничего не отвѣтилъ, только дернулъ плечомъ, усмѣхнулся и сталъ смотрѣть куда-то въ лѣсную темь. „Вкусно, коли ты завтра въ залѣ перваго класса будешь ѣсть антрикотъ съ гарниромъ, а ты бы лѣтъ десять проѣздилъ кочегаромъ, да сдѣлалъ бы на своемъ вѣку верстъ тысячъ триста, да зналъ бы, что никогда и помощникомъ машиниста не будешь (Ѳедотъ былъ неграмотенъ), такъ и картошка бы съ саломъ надоѣла“... казалось, хотѣлъ онъ сказать этой улыбкой. Я былъ глубоко убѣжденъ, что въ это время онъ думалъ именно такъ. Минутъ десять мы молчали.

— Курьеръ бѣжитъ,—произнесъ вдругъ Ѳедотъ.

— Развѣ слышно?

— Теперь еще по степи летитъ, а вотъ въ лѣсъ вскочитъ, еще слышнѣе будетъ... О, какъ зашумѣлъ!..

Уснувшій лѣсъ дѣйствительно вдругъ глухо застоналъ, а черезъ нѣсколько секундъ, среди ночной тишины, ясно раздался гулъ бѣшено мчавшагося еще версты за двѣ поѣзда.

Digitized by Google

— Силенко сыпетъ *). сказалъ Ѳедотъ.

— Ты почемъ знаешь?

— На уклонѣ на парахъ бѣжитъ, еще и конусъ натянулъ, — чмыхаетъ, опозданіе нагоняетъ. Мы когда выѣзжали, онъ къ своему паровозу А. 13 шелъ, ему сегодня по наряду съ курьерскимъ ѣхать. И бѣдовый же машинистъ!..

— Чѣмъ бѣдовый?

— Да такъ, — ѣздить хорошо можетъ. А какъ посмотрѣть на него, то ничего не стоитъ: безусый, худой, желтый, только глаза блестятъ...

Изъ лѣсу вдругъ раскатился протяжный, дрожащій свистокъ и выпрыгнули сначала три яркихъ фонаря, затѣмъ промелькнули паровозъ и освѣщенныя электричествомъ окна четырехъ длинныхъ вагоновъ. Такта ихъ колесъ нельзя было уловить, слышенъ только былъ одинъ сплошной звукъ вввв... Мигнули три красныя точки послѣдняго вагона. Потомъ рѣзкій, но уже отрывистый свистокъ, и поѣздъ пропалъ въ темнотѣ такъ же быстро, какъ и появился.

— Отъ вы на тендерѣ номера и не разобрали, а я замѣтилъ,— сказалъ Ѳедотъ.

— Развѣ? — удивился я.

— Оно если бы не бѣлой краской срисовано, то можетъ и я проморгалъ бы, а то мѣсяцъ какъ освѣтилъ, такъ и видно, что А и 13. Да я его и безъ номера знаю, восемь мѣсяцевъ на этомъ паровозѣ катался; добрый паровозъ, паръ на немъ никогда не падаетъ и тормазъ-автоматъ за первый сортъ.

---

*) На языкѣ машинистовъ: летитъ, несется.

Digitized by Google

— Съ Силенкой ѣздилъ?

— Съ Силенкомъ.

При воспоминаніи о Силенкѣ Ѳедотъ сразу оживился.

— А дозвольте узнать, — вдругъ спросилъ онъ, — что этому инженеру Стенгаузу, который тормазъ-автоматъ выдумалъ, памятникъ гдѣ-нибудь поставленъ?

— Вестингаузу? Не знаю, кажется, что нѣтъ.

— А стоило бы. Черезъ него много людей живыми поостава̀лось, такихъ, которымъ безпремѣнно пришлось бы помирать. Если бы не этотъ тормазъ, такъ и я, и господинъ Силенко Андрей Антоновичъ, вонъ тамъ на уклонѣ, не доѣзжая лѣса, давно бы уже Господу Богу представились. Въ прошломъ году, осенью, въ первый день, какъ поѣхали зимнимъ росписаніемъ, съ курьерскимъ, онъ тогда здѣсь проходилъ, въ семь часовъ утра, а можетъ и въ шесть... Послѣ дождей, да морозъ сразу захватилъ. Вѣтеръ прямо какъ ножомъ по лицу рѣжетъ. Андрей Антоновичъ въ шубу закутался, медвѣжій воротникъ поднялъ, папаха на лобъ надвинута, только носъ виденъ, да глаза блестятъ. А у меня и кожуха не было, такъ я поверхъ жилетки четыре спинжака надѣлъ, а лицо по бабьему шархвомъ умоталъ, оно и легче. Сыпемъ мы это верстъ по семьдесятъ въ часъ, только рычагъ бренчитъ. Стало разсвѣтать. Завиднѣлся и лѣсъ. Вижу, Андрей Антоновичъ вдругъ лѣвой рукой за колонку схватился, а правой папаху придерживаетъ и совсѣмъ изъ будки свѣсился, впередъ смотритъ, голова только отъ ходу мотается. Потомъ говоритъ: „а ну, Ѳедотъ, глянь-ка и ты на путь, а то у меня глаза отъ вѣтру заслезились“. Глянулъ я.

Digitized by Google

Впереди, такъ саженей за сто, одно мѣсто на рельсахъ будто сѣрой ниткой перетянуто. Можетъ, думаю, это возлѣ барьера дорога такъ показывается, ну да знаю, будки здѣсь не должно быть. Можетъ, думаю, путевой сторожъ лопату или ломъ положилъ, а самъ отдыхаетъ, такъ и человѣка близко нигдѣ не замѣтно. Хотѣлъ я это сказать Андрею Антоновичу, а онъ какъ прыгнетъ къ регулятору — трахъ... и закрылъ его, перекрутилъ рычагъ, а потомъ за тормазъ-автоматъ. Паровозъ только дергъ, дергъ, дергъ... меня на котелъ такъ и бросило, губу до крови разбилъ. Отпустилъ онъ немного тормазъ, а потомъ сразу на всю ручку открылъ. Опять такъ рвануло, что страсть, а паровозъ все-таки двигается. Дернуло еще разъ, и стали. Спрыгнулъ я на землю, смотрю, шагахъ въ двадцати отъ паровоза поперекъ рельсовъ длинный желѣзный ломъ проволокой прикрученъ. Оглянулся на поѣздъ, и кондуктора, и пассажиры тоже повыскакивали. Какой-то старикъ стоитъ на ступенькахъ вагона перваго класса въ одномъ бѣльѣ и самъ весь бѣлый, какъ бумага, а изъ окна, черезъ разбитое стекло, высунулась барышня съ голыми плечами, кровь у нея изъ руки такъ и льетъ. Должно быть, сонная отъ толчка съ верхней полки полетѣла, да съ перепугу въ окно бросилась. Андрей Антоновичъ, уже красный весь и безъ шапки, стоитъ надъ ломомъ, головой качаетъ и смотритъ на него, смотритъ, будто глазамъ своимъ не вѣритъ. Вдругъ подскакиваетъ ко мнѣ господинъ изъ пассажировъ, въ котелкѣ, штаны на немъ широкіе, а книзу узкіе; снимаетъ котелокъ, голова у него гладко такъ выстрижена, и все онъ этой головой кланяется.—Вы машинистъ?—спрашиваетъ меня.

Digitized by Google

— Нѣтъ, говорю, я машинистомъ не могу быть, потому я неграмотный.

Онъ только плечами повелъ и опять спрашиваетъ:

— А гдѣ же онъ, гдѣ?

— Вонъ въ шубѣ безъ шапки стоитъ.

Тотъ къ нему опять закланялся и руку подаетъ: „я докторъ, объясняетъ, — и фамилію какъ-то чудно сказалъ,—позвольте васъ поблагодарить, потому вы и мнѣ, и женѣ, и столькимъ людямъ жизнь спасли... спасибо вамъ, спасибо!..“ А самъ чуть не плачетъ. Андрей Антоновичъ отъ него только все назадъ подается, а потомъ какъ набѣжитъ на меня: „Ты чего смотришь? Бери зубило да молотокъ, западню эту нужно расклепывать, а то потомъ опозданія и лопатой не выберемъ“. Сняли мы ломъ, положили къ сторонкѣ и мѣсто то, гдѣ онъ былъ прикрученъ къ рельсамъ, обозначили. Смотримъ, и путевой сторожъ бѣжитъ. Понемногу успокоились всѣ. Главный кондукторъ все пассажировъ упрашиваетъ въ вагоны садиться. Наконецъ, поѣхали опять. Андрей Антоновичъ молчитъ, смотритъ на путь и все вздыхаетъ, все вздыхаетъ, а послѣ и говоритъ:

— Ну, если бы мы на этомъ мѣстѣ лѣтнимъ росписаніемъ ѣхали, въ два часа ночи, пожалуй и тормазъ не помогъ, не выскочили бы...

— А не выскочили бы.

— Ну, а какъ ты думаешь, Ѳедотъ, что это за человѣкъ такой долженъ быть, который рѣшается столько душъ погубить?

— Не знаю, говорю, должно быть и на человѣка онъ не похожъ.

— Должно быть. И опять вздохнулъ тяжко такъ.

Digitized by Google

Прибыли на станцію. Сейчасъ жандарма потребовали. Суета опять пошла. Насъ и пассажировъ допрашивали. На дрезинѣ, на то мѣсто, гдѣ ломъ былъ, ѣздили. Протоколы писали. Передъ самымъ отходомъ поѣзда приходитъ къ паровозу опять тотъ докторъ, что руку трясъ Андрею Антоновичу, и подаетъ ему какой-то пакетъ.

— Вы позволите предложить вамъ... Собственно не только отъ меня... всѣ пассажиры выразили желаніе... собрали какъ знакъ особой благодарности. Правда, жизни людей дороже денегъ, но я и жена, мы только вчера повѣнчались, мы такъ благодарны вамъ. Тутъ всего двѣсти двадцать рублей... Вы, конечно, не откажетесь принять...

И такъ у него языкъ заплетается, какъ у пьянаго, Андрей Антоновичъ красный такой сталъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я не могу. Я жалованье получаю, мнѣ не нужно, да и не за что, я только тормазъ повернулъ.

— Да, но если вы не возьмете этихъ денегъ, вы насъ всѣхъ такъ огорчите.

— Хм... Что же мнѣ дѣлать? Не могу... Ну хорошо, только пусть эти деньги на Красный Крестъ, что ли, пойдутъ.

— Конечно, конечно, это уже отъ васъ зависитъ.

— Только вы сами и передайте, а то я ей-Богу не знаю, куда и посылать нужно, да и времени у меня нѣтъ.

До тѣхъ поръ торговались, пока оберъ-кондукторъ не далъ свистка къ отправленію. Такъ Андрей Антоновичъ и не взялъ этихъ денегъ. Не знаю, куда дѣ-

Digitized by Google

вался и господинъ этотъ, въ вагонъ ли сѣлъ или на станціи остался. Я въ пути не вытерпѣлъ и говорю Андрею Антоновичу: „хотя бы вы для меня десяточку на сапоги взяли, вѣдь двѣсти двадцать рублей изъ поддувала не вытрясешь“. Какъ закричитъ онъ:

— Да за что? Что мы съ тобой пассажировъ только спасали, а про себя и не думали? И сапогъ ты хорошихъ все равно не сдѣлалъ бы, а купилъ бы за пять рублей старые, дрянные, а другую пятерку пропилъ бы. Ты и такъ почти тридцать рублей получаешь. Что у тебя семья? дѣти малыя?

— Ну, говорю, если вы кричите, такъ я и разсказывать не хочу, отворилъ топку и сталъ уголь подбрасывать. И то потомъ, какъ раздумался, такъ и правда, онъ только тормазъ повернулъ, а я смотрѣлъ, что изъ того будетъ.

Ѳедотъ замолчалъ и сталъ выгребать изъ потухавшаго костра картошки.

Со стороны поля потянуло предразсвѣтной прохладой. Небо надъ горизонтомъ поблѣднѣло. Вдоль безконечныхъ товарныхъ вагоновъ нашего поѣзда прошелъ съ фонаремъ въ рукѣ сторожъ, одѣтый, несмотря на теплоту ночи, въ тулупъ и баранью шапку. Его шаги мягко прозвучали по сырому песку и замерли гдѣ-то возлѣ паровоза. Долго еще только покачивался зеленый фонарикъ. Скоро нужно было и ѣхать...

II.

Съ Силенкой я познакомился въ это же утро въ „дежурной“ комнатѣ оборотнаго депо. Знакомства среди машинистовъ завязываются быстро и просто. Сближа-

Digitized by Google

ютъ общія радости и горести паровозной службы. Онъ сидѣлъ за грязнымъ дубовымъ столомъ и ѣлъ нарѣзанную ломтиками московскую колбасу съ чернымъ хлѣбомъ. Возлѣ него стояла бутылка настойки съ плававшими въ ней какими-то корешками. Только что поднявшееся солнце ярко освѣщало, черезъ открытое окно, худую, немного сгорбленную фигуру Силенки, одѣтаго въ костюмъ изъ толстой волохатой матеріи и высокіе смазные сапоги. На видъ ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Кожа на его лицѣ была почти безъ растительности, дряблая и блѣдная, какая бываетъ у душевнобольныхъ и у людей, страдающихъ отъ безсонницы. Его жидкіе, свѣтлые волосы казались взъерошенными: вѣроятно, пріѣхавъ, онъ умывался и не вытеръ головы. Выраженіе сѣрыхъ быстрыхъ глазъ сразу обращало вниманіе, въ нихъ одновременно отражались и доброта и лукавство. Когда встрѣчаешь человѣка съ такимъ взглядомъ, — думаешь: должно быть, очень веселый малый. Увидѣвъ Дитмара, Силенко поздоровался съ нимъ и сказалъ: „ну, что, нѣмецъ, желаешь на сонъ грядущій выпить настойки отъ всѣхъ болѣзней?“ Дитмаръ потеръ руку объ руку, выпилъ двѣ рюмки подърядъ и, тряхнувъ головою, пошелъ спать. Онъ сильно усталъ.

— А вы? — обернулся ко мнѣ Силенко.

Я не отказался и подсѣлъ къ столу.

— Давно вы съ нѣмцемъ ѣздите? — спросилъ онъ и, не ожидая отвѣта, проглотилъ настойку, затѣмъ потянулъ въ себя воздухъ, какъ будто обжегся выпитымъ.

— Нѣтъ, не очень, съ мѣсяцъ.

— Проклинаете нашу жизнь, разумѣется?

Digitized by Google

— Не совсѣмъ, въ ней много интереснаго.

— Это рѣдкость. Жизнь тяжелая, отчаянная жизнь.

— Значитъ, она вамъ не нравится?

— Мнѣ? Напротивъ, нравится и очень нравится, да вотъ, кажется, придется бросить ее. Здоровье совсѣмъ раскисло и другія причины есть, еще поважнѣе здоровья. Но куда же я пойду потомъ, чѣмъ займусь? Я вѣдь ничего не умѣю дѣлать того, что дѣлаютъ другіе люди. Могу не спать ночь и другую, могу сутки не поѣсть и буду свѣжимъ. Топливо беречь умѣю, ѣздить умѣю, ну, а чѣмъ бы я могъ быть, не служа на паровозѣ, и вырабатывать сто, сто двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, право не знаю. Скверное положеніе. Вродѣ, извините, дѣвицы изъ нехорошаго дома, которая и рада бы заняться чѣмъ-нибудь другимъ, да не можетъ. Здоровья нѣтъ, нѣтъ и привычки къ правильному труду... Ну, что же, кончимъ мы бутылочку? Какъ-разъ на двѣ рюмки осталось.

Его водка мнѣ понравилась. Отъ нея шелъ какой-то неуловимый букетъ и холодило во рту.

— Какая это настойка? — спросилъ я.

— Да я и самъ хорошо не знаю. Водка хорошая, слова нѣтъ. Случалось, какъ угостишь ею, въ добрый морозъ, моего бывшаго кочегара Ѳедота, такъ онъ, дуракъ, отъ восторга даже корчится. Всегда, бывало, безъ собственнаго запаса ѣздитъ. Теперь, я слыхалъ, онъ на вашемъ паровозѣ?

— На нашемъ.

— Что же, вы имъ довольны?

— Да, съ нимъ спокойно. Знающій онъ, только мрачный.

Digitized by Google

— Все досадуетъ, что ему помощникомъ нельзя ѣздить: теперь, по новымъ правиламъ, неграмотнымъ нельзя. Мы съ нимъ пріятелями жили. Онъ какъ будто бы и глуповатъ, а души въ немъ много. Поетъ славно, ахъ славно поетъ!..

— Онъ о васъ тоже вспоминаетъ, сегодня ночью разсказывалъ мнѣ, какъ вы не захотѣли взять денегъ отъ пассажира, когда курьерскій поѣздъ спасли отъ крушенія.

— Такихъ случаевъ у каждаго изъ насъ много бываетъ. Всѣмъ бы хорошъ этотъ Ѳедотъ, да вотъ за одно его не люблю, — брешетъ много. Вы не всему вѣрьте, что онъ разсказываетъ... Онъ такъ, иной разъ цѣлую недѣлю молчитъ, а потомъ какъ заведется, такъ и не отвяжешься отъ него.

Силенко посмотрѣлъ на свои огромные карманные часы и вскочилъ съ лавки.

— Черезъ сорокъ минутъ ѣхать со вторымъ номеромъ. Нужно еще кое-что посмотрѣть на паровозѣ. Теперь у меня вмѣсто Ѳедота помощникъ, хоть и техникъ, а такой лѣнтяй, что просто бѣда. Разбудить его только одно средство и есть—пятки пощекотать. Пойду. До свиданья. Спасибо за компанію. Еще встрѣтимся.

И, захвативъ свой саквояжъ, онъ быстро вышелъ изъ дежурной.

Обратно мы съ Дитмаромъ выѣхали въ полдень съ моимъ любимымъ поѣздомъ № 11. Это единственный товарный поѣздъ большой скорости, идущій черезъ всю Россію съ юга на сѣверъ, съ живностью и фруктами. Съ нимъ нѣтъ томительныхъ часовыхъ и двухчасовыхъ остановокъ. На промежуточныхъ станціяхъ не заста-

Digitized by Google

вляютъ дѣлать маневровъ, отъ которыхъ потомъ нѣмѣетъ правая рука, потому что черезъ каждыя двѣ-три минуты нужно переворачивать тугой рычагъ, измѣняющій передній ходъ на задній.

Дитмаръ хорошо выспался и, не спѣша, напился кофе, а потому былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ все время насвистывалъ какой-то вальсъ, дирижируя самому себѣ указательнымъ пальцемъ.

День выдался не жаркій и пасмурный. Но отъ этой свѣжести воздуха уже не вѣяло ничѣмъ зимнимъ. И поля, и хутора, и отдаленныя помѣщичьи усадьбы съ тополями — все зазеленѣло. Иногда поѣздъ бѣжалъ по болотистымъ мѣстамъ, гдѣ насыпь всегда обсажена вербами. Ихъ только-что распустившіеся листочки шумѣли и трепетали, проносясь мимо могучей груди паровоза, и въ ихъ шумѣ слышалась радость, что они опять надолго ожили. Подъ мѣрную тряску машины хорошо думалось. Невольно приходило въ голову, что для природы каждый годъ наступаютъ дни, когда она вся оживаетъ и наслаждается, но нѣтъ и не можетъ быть такихъ дней, когда бы всѣ люди чувствовали себя счастливыми. Промелькнула фигура барьерной сторожихи съ подвязанной щекой, и я подумалъ: „пропустивъ поѣздъ, она сейчасъ же вернется въ свой казенный домикъ, гдѣ пахнетъ тряпками, на окнахъ сидятъ тысячи мухъ, храпитъ вернувшійся съ обхода участка мужъ и ползаетъ по полу ребенокъ съ перепачканнымъ личикомъ. И завтра, и послѣзавтра она въ это время встрѣтитъ такой же поѣздъ № 11 и, вернувшись, увидитъ все то же. И въ слѣдующемъ году... Развѣ только, кромѣ одного ребенка, будетъ еще надрываться въ люль-

Digitized by Google

кѣ, съ мокрыми пеленками, другой... И что жизнь этой сторожихи, вѣроятно, гораздо скучнѣе и тяжелѣе, чѣмъ жизнь Дитмара и Ѳедота"...

На той станціи, гдѣ мы ночью скрещивались съ курьерскимъ поѣздомъ, Ѳедотъ сбѣгалъ въ буфетъ и заварилъ чай въ огромномъ жестяномъ чайникѣ. Черезъ минуту послѣ него изъ буфета вышелъ, вытирая ротъ рукавомъ, нашъ главный кондукторъ, и далъ свистокъ къ отправленію. Опять ѣдемъ, опять гремитъ рычагъ. Миновали потухшій костеръ, въ которомъ Ѳедотъ пекъ картошку и гдѣ пѣлъ заунывное:

Ой чи тужышь такъ за мною,
Якъ я за тобою...

Уклонъ на обратномъ пути сталъ подъемомъ, и паровозъ заработалъ медленнѣе и грубѣе. Эхо его тяжелыхъ вздоховъ гремѣло по всему лѣсу.

III.

Въ іюлѣ казенное зданіе, гдѣ я жилъ, начали ремонтировать. Необходимо было искать новую квартиру. Обходивъ все мѣстечко, я не нашелъ ни одного помѣщенія, гдѣ бы можно было устроиться на полномъ пансіонѣ, и, наконецъ, вспомнилъ о бабушкѣ Свистунихѣ, у которой жилъ Силенко. Настоящая ея фамилія была Трегубова. Свистунихой же ее называли по кличкѣ ея покойнаго мужа, тоже машиниста. Онъ получилъ свое прозвище за манеру, пріѣхавъ на складъ топлива, давать непрерывные свистки до тѣхъ поръ, пока не приходили рабочіе, грузившіе уголь на паровозы.

Digitized by Google

Свистуниха, еще очень бодрая, только слегка дрожавшая головою, старушка, съ удовольствіемъ согласилась принять меня на полный пансіонъ и сказала, что жившій у нея въ прошломъ году студентъ-технологъ былъ очень доволенъ ея столомъ и квартирой. Въ лицо ее машинисты называли бабушкой. О своихъ квартирантахъ она заботилась, дѣйствительно, какъ родная. Изъ нихъ всегда хоть одинъ возвращался или ночью, или на разсвѣтѣ и всякій разъ сейчасъ же получалъ и горячій борщъ, и кусокъ свинины, и чарку настойки. Послѣ поѣздокъ, всѣ мы, кромѣ Силенко, ѣли и пили много и даже „страшно“, какъ выражался четвертый нашъ сожитель, машинистъ Михайловъ. Плата, вносимая бабушкѣ квартирантами, едва оплачивала наше содержаніе, и казалось, что наша хозяйка дала обѣтъ посвятить остатокъ своей жизни людямъ, ѣздившимъ на паровозахъ.

Я помѣстился одинъ въ маленькой, полутемной комнатѣ, въ которой было всегда прохладно, не надоѣдали мухи и такъ хорошо отдыхалось.

Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, я часто вспоминалъ нашу бабушку, удивляясь ея добротѣ. Среди машинистовъ, хотя и очень рѣдко, встрѣчались такіе, которые жили у нея въ домѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ, потомъ переводились въ другія депо и забывали платить за квартиру совсѣмъ. Бабушка никогда не напоминала имъ о неаккуратности и даже не любила объ этомъ говорить.

У бабушки мнѣ не нужно было ни о чемъ заботиться, и потому въ свободное время, котораго выпадало очень немного, можно было погулять въ окрестно-

Digitized by Google

стяхъ станціи. Любимымъ мѣстомъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, такъ сказать клубомъ, былъ пивоваренный заводъ. Тамъ, въ густомъ паркѣ, по воскресеньямъ, игралъ чешскій оркестръ, а въ большомъ деревянномъ павильонѣ хорошенькая чешка, Розалія Войтеховна, продавала пиво и предлагала желающимъ сыграть въ кегли. Я люблю бывать на заводѣ и за кружкой пива думать о тѣхъ людяхъ, которые меня позабыли. Случалось, что я засиживался слишкомъ долго и за мной прибѣгалъ Ѳедотъ звать въ поѣздку. Въ ненастные дни я, лежа въ своей комнатѣ, у бабушки, или читалъ, или разговаривалъ съ Силенкой.

Теперь я видѣлъ его почти каждый день. Мы сблизились. Въ немъ было много дѣтскаго добродушія и откровенности. Въ машинисты онъ попалъ случайно изъ пятаго класса гимназіи. Послѣ смерти отца, котораго очень боялся, Силенко залѣнился и публично заявилъ учителю греческаго языка, что учить ерунды не станетъ. Его уволили. Долго горевавшей матери едва удалось его устроить въ желѣзнодорожное училище. Тамъ Силенко считался лучшимъ математикомъ и кончилъ курсъ первымъ. Иногда мнѣ казалось, что Силенко ничѣмъ не отличается отъ другихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, до такой степени бывалъ онъ наивенъ въ рѣшеніи самыхъ сложныхъ житейскихъ вопросовъ. Говоря же о механикѣ и о паровозѣ, онъ точно лекціи читалъ, и тогда казалось, что слушаешь очень серьезнаго и ученаго человѣка. Онъ былъ почти единственнымъ машинистомъ во всемъ депо, который любилъ свою службу, какъ любятъ искусство для искусства.

Digitized by Google

„Сверху мой паровозъ всегда былъ и будетъ какъ куколка, а въ будкѣ чистота такая, какъ въ кабинетѣ у начальника тяги“, часто говорилъ Силенко. И это было на самомъ дѣлѣ такъ. Я долго не могъ понять, почему, несмотря на такую любовь къ дѣлу, онъ, иногда безъ всякой видимой причины, начиналъ говорить хныкающимъ тономъ, что ему необходимо бросить службу, иначе онъ пропащій человѣкъ. Разсказывалъ онъ это обыкновенно возвратившись отъ какихъ-то своихъ знакомыхъ. Мѣсяца черезъ полтора для меня, наконецъ, стало яснымъ, въ чемъ тутъ дѣло. Силенко увлекся станціонной библіотекаршей. Увлекся искренно и страстно, что называется „во всю“. Все свободное время онъ проводилъ не у знакомыхъ, а возлѣ нея, помогая сортировать книги. Спать днемъ переставалъ. Пассажирскіе же поѣзда, съ которыми ему приходилось ѣздить, были почти всѣ ночные. Его глаза стали блестѣть еще сильнѣе и темныя подпалины подъ ними выдѣлились рѣзче. Но на страдальца онъ все же похожъ не былъ. Часто шутилъ и разсказывалъ анекдоты.

Какъ-то проснувшись въ своей комнатѣ, я курилъ папиросу и, сладко потягиваясь, думалъ о томъ, что до поѣздки осталось, должно быть, еще часа три и можно будетъ написать нѣсколько писемъ. Вдругъ дверь скрипнула и вошелъ Силенко.

— Можно? — спросилъ онъ.

— Пожалуйста.

— А я боялся васъ тревожить, думалъ, вы спите.

Онъ сѣлъ на стулъ, потеръ двумя пальцами свой блѣдный лобъ съ выступившими на немъ каплями пота и, понизивъ голосъ, продолжалъ:

Digitized by Google

— Хотѣлъ я съ вами на счетъ одного дѣла поговорить, такъ какъ имѣю къ вамъ довѣріе и вы все же образованный человѣкъ. Самому не видно. Только дайте мнѣ слово, что ни одна душа про это знать не будетъ.

Я далъ слово.

— Есть тутъ, на станціи, одна барышня, настоящая барышня, образованная, красивая и чудесный человѣкъ. Знакомъ я съ нею уже давно — съ полгода. Если бы всю жизнь возлѣ нея быть, такъ, кажется, ничего другого на свѣтѣ не пожелалъ ни видѣть, ни знать. Ну и вотъ думаю я на ней жениться... Ахъ, ахъ, ахъ, все это такъ, но точитъ меня одна мысль: захочетъ ли Марія Ивановна быть женой машиниста? Захочетъ ли каждый день видѣть меня грязнымъ, чернымъ? И выходитъ, по моему, такъ, что нужно бросать паровозъ. А на кой чортъ я годенъ, если я оставлю свою службу? Какъ вы скажете?

— Думаю, что если она васъ любитъ, такъ ей все равно — машинистъ вы или нѣтъ.

— Ахъ, какіе вы ей-Богу... Развѣ все равно видѣть мужа въ недѣлю три раза и замученнымъ, или каждый день?

— Да вѣдь вы же пассажирскій машинистъ и дома бываете почти каждый день.

— То-то и есть, что только почти. Днемъ пріѣдешь, заснешь, а вечеромъ уже къ шестому номеру пожалуйте. Развѣ это дома?

— Ну, хорошо, а что она вамъ говоритъ?

— Она? да покамѣстъ ничего не говоритъ.

— Да вѣдь вы предложеніе уже сдѣлали?

— Нѣтъ еще. Вторую недѣлю собираюсь. Не идетъ

Digitized by Google

языкъ, да и шабашъ. Только, кажется, вотъ-вотъ могу ей всю душу выложить, а тутъ кого-нибудь принесетъ въ библіотеку. А останемся одни, — всѣ мысли врассыпную пойдутъ, все изъ головы выскочитъ. И не трусъ же я. Въ дорогѣ, Боже мой, какихъ только случаевъ не бывало. А вотъ въ этакомъ дѣлѣ на мертвую точку сталъ и не сойду. Посовѣтуйте, какъ сдѣлать? Развѣ письмо написать? Только не выражу я...

— Очень она васъ любитъ?

— Да какъ же я это могу знать? Относится ласково, хорошо. Постоянно благодаритъ, если помогу ей счеты свести или записать что. Улыбается. Двадцать второго числа, на ея именины, я ей конфектъ самыхъ лучшихъ привезъ. Тоже благодарила и ручку поцѣловать дала Стало быть...

— Нѣтъ, это еще не стало быть.

— Развѣ?

Выраженіе его лица стало испуганнымъ.

— Что же я вамъ могу посовѣтовать? Если бы я зналъ ее, ну тогда еще другое дѣло, а такъ, право трудно.

— Я васъ познакомлю.

— Хорошо.

Силенко опять сталъ тереть лобъ, повидимому, что-то соображая, и надолго замолчалъ.

— Вамъ скоро ѣхать?—вдругъ спросилъ онъ и поднялся со стула.

— Часа черезъ три.

— А мнѣ ночью, почтовымъ. Знаете что, дорогой мой, хорошій, пойдемте мы сейчасъ въ библіотеку. Вы скажете, будто вамъ нужно руководство паровозной

Digitized by Google

механики Бема. Пойдемте, пожалуйста! Въ другой разъ такого времени не выберется вѣдь днемъ. Хорошо?..

Мнѣ ужасно не хотѣлось идти по жарѣ, а главное, вставать и одѣваться, но не хотѣлось огорчать и Силенку.

— Ну, хорошо, пойдемте. Только я не знаю, зачѣмъ? Все равно изъ этого ничего не выйдетъ...—сказалъ я, глядя въ его добрые, умолявшіе глаза.

— Да я васъ познакомлю. Ахъ, спасибо вамъ! Давайте-ка я помогу вдѣвать запонки въ чистую сорочку, скорѣе будетъ.

Лѣтомъ надѣвать крахмальное бѣлье — для меня всегда было мученьемъ и я невольно покривился. Но Силенко сказалъ объ этомъ такимъ тономъ, какъ будто идти къ Маріи Ивановнѣ въ блузѣ было рѣшительно нельзя. По дорогѣ въ библіотеку онъ безъ умолку болталъ, очень спѣшилъ и два раза споткнулся о шпалы.

Я почему-то подумалъ, что для него это дурное предзнаменованіе.

— Ахъ, ахъ, Боже мой, и какъ же такъ говорить, все равно быть женой машиниста или вольнаго человѣка. Машиниста никто не уважаетъ, кромѣ своего же брата. Руки никто не подаетъ. Какой-нибудь кондукторъ, глупый, какъ индюкъ, и тотъ себя выше почитаетъ, потому что хоть онъ манометръ и за часы принимаетъ, но у него, видите ли, работа чистая и онъ дамамъ въ купэ ноги пледомъ можетъ укутывать. Положеніе наше скверное, что и говорить. О машинистѣ вспоминаютъ когда? Тогда, когда онъ или поѣздъ разобьетъ, или сонный проѣдетъ станцію, а какъ же не быть соннымъ, если нѣтъ ни дня, ни ночи? И для чего

Digitized by Google

вспоминаютъ, чтобы подъ судъ отдать, а сами же на запасный путь и направятъ на товарные вагоны. Пассажирскому машинисту, правда, легче, за его отдыхомъ больше слѣдятъ. Да вѣдь изъ пассажирскаго не такъ трудно стать товарнымъ, а тамъ, сами знаете, малое движеніе, сиди; большое движеніе — нѣтъ тебѣ ни отдыха, ни праздника, ни погоды... Ну это все еще туда сюда, привыкнуть можно. А какъ жена измѣнять начнетъ, такъ и къ этому развѣ привыкать? А какъ же ей не измѣнять, будь она сто разъ образованная и добродѣтельная, когда она и днями и ночами безъ мужа.

Силенко говорилъ такимъ тономъ, какъ будто его женитьба на Маріи Ивановнѣ была дѣломъ рѣшеннымъ, и потому именно, что я согласился пойти въ библіотеку. Отъ его словъ мнѣ стало и смѣшно, и грустно. Марія Ивановна встрѣтила насъ обоихъ очень равнодушно. Высокая блондинка съ золотыми волосами и лукавымъ взглядомъ, она была дѣйствительно хороша. Въ общемъ же отъ ея красоты получалось непріятное впечатлѣніе чего-то неестественнаго, какъ отъ изображеній тѣхъ женщинъ, которыхъ рисуютъ конфектные фабриканты на своихъ объявленіяхъ.

— Позвольте вамъ представить, Марія Ивановна, это нашъ будущій начальникъ депо, а можетъ быть и всей тяги, инженеръ...—началъ Силенко.

— А пока еще ни то, ни другое и ни третье,—перебилъ я его, подавая ей руку.

Марія Ивановна улыбнулась, облизала кончики своихъ розовыхъ губъ и проговорила:

— Очень пріятно познакомиться съ просвѣщеннымъ труженикомъ механики.

Digitized by Google

Силенко многозначительно посмотрѣлъ на меня, дескать: „слышите, какъ она выражается“, не подозрѣвая, что ея слова меня сразу же непріятно поразили. Въ этой фразѣ такъ же, какъ и въ самой Маріи Ивановнѣ, почувствовалась дѣланность. Въ библіотекѣ я былъ въ первый разъ. Но, разсмотрѣвъ Марію Ивановну, могъ навѣрное сказать, что встрѣчалъ ее гдѣ-то прежде.

Перелистывая каталогъ, я старался возстановить въ памяти эту встрѣчу и вдругъ вспомнилъ прошлое воскресенье и пивоваренный заводъ. Слушая заунывную мелодію чешскаго оркестра и любуясь закатомъ, я засидѣлся въ одномъ изъ отдаленныхъ павильоновъ парка. Когда солнце ушло за деревья и въ просвѣтахъ вѣтвей остались только золотистые блики, мое вниманіе неожиданно было отвлечено звуками сочнаго поцѣлуя. Цѣловались гдѣ-то очень близко отъ меня. Потомъ стали шептаться. Не желая мѣшать счастливымъ, я тихонько вышелъ изъ павильона и, пройдя нѣсколько шаговъ, увидѣлъ сценку, которая совсѣмъ не была рѣдкостью въ паркѣ завода. За развѣсистымъ кустомъ орѣшника на лавочкѣ сидѣлъ учитель станціонной школы Пантюховъ, обнявъ за талію какую-то женщину. Услыхавъ мои шаги, она быстро подняла свою голову съ плеча учителя и испуганно посмотрѣла въ мою сторону. Насколько возможно, я прикинулся ничего незамѣтившимъ и поспѣшилъ къ кассѣ Розаліи Войтеховны расплачиваться за пиво. Все видѣнное мною забылось въ ту же ночь на паровозѣ. Теперь же, взглянувъ еще разъ на Марію Ивановну, я уже не сомнѣвался, что женщина, которую обнималъ Пантюховъ, была она. На душѣ у меня стало ужасно больно, когда я посмотрѣлъ

Digitized by Google

въ радостно блестѣвшіе глаза стоявшаго возлѣ меня Силенки. Радовало только одно, что Марія Ивановна не узнала меня, вѣроятно, потому, что я былъ тогда въ грязной блузѣ и жокейской шапочкѣ. Посидѣвъ еще минутъ пять и захвативъ ненужнаго мнѣ Бема, мы вышли изъ библіотеки.

— Ну, что? Ну, какъ? Сразу видно, правда?—забросалъ меня на ходу вопросами Силенко, заглядывая мнѣ въ лицо.

— Да. Конечно. Ничего. Красивая барышня...—отвѣчалъ я ему, думая, сказать или не сказать ему все, что я видѣлъ на заводѣ. Чѣмъ веселѣе и радостнѣе звучалъ голосъ Силенки, тѣмъ печальнѣе казался мнѣ его романъ. Я рѣшилъ ему ничего не говорить и, по возможности, устранить себя отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ отношеніяхъ съ Маріей Ивановной. Я былъ увѣренъ, что, узнавъ всю правду, онъ счелъ бы меня за клеветника.

Чтобы вѣрнѣе удержаться отъ излишней откровенности, я сказалъ Силенкѣ, будто мнѣ нужно сейчасъ перемѣнять набивки на своемъ паровозѣ, и, крѣпко пожавъ его худую руку, пошелъ въ депо.

IV.

Марію Ивановну я потомъ видѣлъ довольно часто, обыкновенно гуляющей съ учителемъ или съ рябымъ помощникомъ начальника станціи изъ неудавшихся кавалеристовъ.

„И дернуло же этого Силенку влюбиться!“ часто ду-

Digitized by Google

малъ я, глядя на нее. „Совсѣмъ онъ къ ней не подходитъ. Самымъ лучшимъ для нея мужемъ былъ бы Пантюховъ, человѣкъ спокойный, полуинтеллигентный, будетъ по вечерамъ съ тещей раскладывать пасьянсъ, а Марія Ивановна няньчить своихъ дѣтей, и больше ничего на свѣтѣ имъ не будетъ нужно. А впутается Силенко со своею страстностью, — и ихъ мѣщанское счастье разоритъ, и самъ пропадетъ!..“. Иногда мнѣ приходилось встрѣчаться съ Маріей Ивановной въ библіотекѣ. Она бывала со мною очень любезна. Въ ея голосѣ все время какъ будто звучало: „я васъ понимаю, я вамъ сочувствую“. Здороваясь, она подавала руку мягко, точно хотѣла погладить. Часто принимала задумчивыя позы и говорила, что ее всю трясетъ, когда она думаетъ о машинистахъ. Но трясетъ ли ее отъ того, что ихъ работа грязная, или отъ сознанія, что имъ живется тяжело, — разобрать было невозможно. Какъ-то и для меня и для Силенки выдались цѣлыя свободныя сутки. Его паровозъ сталъ на промывку, а мой былъ въ ремонтѣ. Я пошелъ гулять, выкупался въ рѣкѣ и вернулся къ бабушкѣ только часа въ четыре.

— Андрей Антоновичъ обѣдалъ? — спросилъ я ее о Силенкѣ.

— Какъ же, станетъ онъ днемъ обѣдать. Съ самаго утра нарядился въ сюртучную пару, раскричался, что тутъ никто не умѣетъ манишекъ гладить, и убѣжалъ. Теперь развѣ явится завтра, когда подъ поѣздъ выѣзжать будетъ нужно. Что-то съ нимъ происходитъ и сама не пойму...

Но противъ нашего ожиданія Силенко вернулся скоро и даже самъ попросилъ ѣсть. Видъ у него былъ уста-

Digitized by Google

лый, воротникъ крахмальной сорочки отъ пота раскисъ и галстукъ съѣхалъ на бокъ. Послѣ обѣда онъ переодѣлся въ свой волохатый пиджакъ, легъ на кровать, заложивъ ногу на ногу, и принялся что-то насвистывать. Видно было, что онъ золъ и на душѣ у него скверно.

Передъ вечеромъ, чтобы немного развлечь его, я предложилъ пойти вмѣстѣ на станцію.

— Лучше бы уже ѣхать, чѣмъ тамъ шататься, — сказалъ Силенко, когда мы вышли.

— А что?

— Да помилуйте. Вчера вѣдь человѣческимъ голосомъ сказалъ я Маріи Ивановнѣ, что паровозъ мой станетъ на промывку. Спрашиваю, будете дома?—Буду. А сегодня пошелъ я къ нимъ,— нѣтъ — говорятъ. Пошелъ въ церковь и тамъ нѣтъ, и въ библіотекѣ нѣтъ. Такъ вѣдь дѣлать не годится.

— Знаете, чѣмъ больше заискивать у женщины, тѣмъ меньше будетъ вниманія, — сказалъ я.

— Можетъ быть.

Силенко опять сталъ что-то насвистывать. Былъ седьмой часъ. На пассажирской платформѣ ожидали почтовый поѣздъ и по случаю праздника гуляло много народу. Я предложилъ Силенкѣ пойти тоже на платформу. Онъ отказался.

— Не стоитъ. Мы вѣдь не публика, лучше послѣ поѣзда пойдемъ въ буфетъ и выпьемъ пива. Тогда спокойнѣе.

Мы сѣли на бревнахъ по другую сторону рельсовыхъ путей, какъ разъ противъ платформы. Возлѣ насъ постоянно проходилъ то взадъ, то впередъ маневриро-

Digitized by Google

вавшій паровозъ. Изъ его будки выглядывало веселое лицо помощника машиниста Ольшевскаго. Проѣзжая мимо, Ольшевскій каждый разъ улыбался, должно быть желая выразить сочувствіе тому, что мы свободны. Вечеръ наступалъ тихій, хорошій. Отъ маневрировавшаго паровоза иногда проносился легкій запахъ каменноугольнаго дыма. Со стороны пивоваренаго завода слышалась музыка. На платформу вышелъ лакей-татаринъ съ салфеткой въ рукѣ и, широко разставивъ ноги, съ удовольствіемъ втягивалъ въ себя свѣжій воздухъ.

Силенко сидѣлъ молча, опустивъ голову, потомъ прищурился и сталъ внимательно смотрѣть на платформу. Возлѣ лакея появился рябой помощникъ начальника станціи и, сдѣлавъ строгое лицо, изо всѣхъ силъ закричалъ по направленію къ составителю, руководившему маневрировавшимъ паровозомъ:

— Это чортъ знаетъ что за свинство, черезъ двадцать минутъ прибудетъ почтовый поѣздъ, а вы со второго пути еще не убрали товарныхъ вагоновъ!.. Вѣдь онъ на второмъ пути станетъ. Да поспѣшите же, что вы меня подъ судъ хотите отдать...

Составитель остановился, замахалъ краснымъ флагомъ Ольшевскому, потомъ вскочилъ на ступеньку паровоза и быстро уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ впередъ къ стоявшимъ на запасномъ пути товарнымъ вагонамъ. Послышались три свистка. Затѣмъ еще два и черезъ минуту товарные вагоны, заднимъ ходомъ, тронулись къ намъ.

— Смотрите, смотрите, — вдругъ сказалъ Силенко, схвативъ меня за руку и указывая на платформу. Я

Digitized by Google

посмотрѣлъ и увидѣлъ возлѣ помощника начальника станціи расфрантившуюся Марію Ивановну, съ учителемъ подъ руку; она чему-то громко смѣялась и размахивала своимъ зонтикомъ.

— Я пойду туда, — сказалъ Силенко.

— Да плюньте вы, вѣдь это значитъ—не имѣть самолюбія.

— Нѣтъ, пойду.

Силенко сорвался съ мѣста, поправилъ фуражку и быстро пошелъ черезъ рельсы впередъ.

Уголъ вагона маневрировавшаго поѣзда толкнулъ его и чуть не сбилъ съ ногъ. Силенко не обратилъ на это обстоятельство никакого вниманія, вѣроятно, ему и въ голову не пришло, какъ близокъ онъ былъ къ смерти. На платформѣ онъ замедлилъ шаги и, не доходя до Маріи Ивановны и ея кавалеровъ, вѣжливо поклонился, но не получилъ отвѣта. Должно быть рѣшивъ, что его не замѣтили, онъ подошелъ еще ближе и опять снялъ фуражку. Марія Ивановна круто повернулась и, взявъ крѣпче учителя подъ руку, двинулась въ противоположную сторону. Силенко показался мнѣ очень похожимъ на нищаго, просящаго подаянія, и на душѣ стало невыразимо больно за него. Онъ вдругъ, въ одну секунду, страшно поблѣднѣлъ, — такъ блѣднѣютъ суевѣрные люди при видѣ явленія, кажущагося имъ сверхъестественнымъ. Руки его точно судорогой дернулись впередъ и снова опустились. Не взглянувъ вслѣдъ Маріи Ивановнѣ, Силенко почти побѣжалъ съ платформы въ станціонный садикъ. Я рѣшилъ въ этотъ день ничего у него не спрашивать, а поговорить послѣ моего возвращенія изъ поѣздки, и пошелъ домой. Въ

Digitized by Google

этотъ разъ нашъ паровозъ долго держали въ оборотномъ депо, и мы съ Дитмаромъ вернулись только черезъ сутки въ часъ ночи.

Придя на квартиру, я сразу замѣтилъ, что кровать Силенки была безъ тюфяка, а висѣвшія надъ нею фотографіи сняты.

Бабушка испуганнымъ голосомъ сообщила мнѣ, что онъ взялъ полный разсчетъ, расплатился съ нею и уѣхалъ, не сказавъ никому ни слова. Потомъ машинисты говорили, что видѣли его на одной изъ отдаленныхъ станцій сильно пьянымъ. Встрѣтивъ какъ-то Марію Ивановну одну, я завелъ разговоръ о Силенкѣ. Она томно улыбнулась и въ носъ протянула:

— Я не понимаю, къ чему вы мнѣ все это разсказываете, вѣдь большой бѣды для него не произошло никакой...

Черезъ два года я былъ по службѣ въ главныхъ мастерскихъ нашей дороги. Проходя по токарному отдѣленію, у одного изъ станковъ я увидѣлъ Силенко и подошелъ къ нему. Онъ сильно измѣнился, подъ глазами были мѣшки, все лицо сморщилось, и впалая его грудь стала какъ будто еще уже. Мнѣ онъ не обрадовался и на всѣ разспросы отвѣчалъ неопредѣленно и неохотно, точно умоляя, чтобы я скорѣе оставилъ его въ покоѣ. Подавъ на прощаніе ему руку и взглянувъ на этого полуживого человѣка, я вспомнилъ слова Маріи Ивановны: „вѣдь большой бѣды для него не произошло никакой“...

Digitized by Google

НЕ ВЫДЕРЖАЛЪ.

Въ половинѣ перваго ночи съ берега пріѣхалъ командиръ. Правый трапъ стоявшаго на рейдѣ крейсера освѣтился электрическими лампочками, и ихъ отраженія заиграли по темной зыби. Командиръ выслушалъ рапортъ вахтеннаго начальника, повадыхалъ и, мягко ступая по доскамъ палубы, ушелъ въ свое помѣщеніе.

Отсвистали фалрепныхъ, убрали вельботъ. Огни на трапѣ исчезли. Стало тихо. Весь огромный силуэтъ крейсера, убаюканный монотоннымъ плескомъ моря о борты, задремалъ. Вступившему на вахту мичману, часовымъ, вахтеннымъ и подвахтеннымъ матросамъ—каждому казалось, что до смѣны еще очень много времени, чуть ли не цѣлыя сутки,—и что кругомъ все на свѣтѣ спитъ, а бодрствуетъ только одинъ онъ.

Часовой съ дѣтскимъ лицомъ, стоявшій возлѣ флагштока кормового, спущеннаго теперь флага, то переступалъ съ ноги на ногу, то, облокотившись на магазинку, замиралъ въ одной позѣ и, не отрываясь, глядѣлъ на берегъ. Раскинувшійся тамъ городъ былъ похожъ на огромное темно-сизое пятно, усѣянное огненными точками, но часовому Степану Макаренкѣ казалось, что онъ узнаетъ направленіе той улицы, на которой помѣщается зданіе воинскаго присутствія, гдѣ

Digitized by Google

онъ десять мѣсяцевъ назадъ стоялъ передъ начальниками голый.

Тогда вся кожа на его тѣлѣ стала шероховатой, и подергивались сами собою ноги. Степану пришло на память, какъ онъ забылъ тамъ шапку и вышелъ къ матери, ожидавшей его на улицѣ, сказать, что его приняли, и какъ старуха вся затряслась и не плакала, а только начала стонать, какъ будто у нея вдругъ заболѣлъ зубъ.

Потомъ Степанъ пробылъ дома еще цѣлыхъ десять дней, и родные надъ нимъ постоянно причитывали, какъ причитывали, два года назадъ, надъ умершимъ мужемъ его сестры Назаромъ. Отъ этихъ причитаній Степану дѣлалось страшно. Чтобы прогнать страхъ, онъ уходилъ съ товарищами на „досвитки“, шутилъ тамъ съ дивчатами и пилъ водку. Самая красивая изъ нихъ, Катря, которая прежде не подпускала къ себѣ и близко, теперь не прогнала его, когда въ темныхъ сѣняхъ онъ прильнулъ къ ея горячимъ губамъ.

„Должно быть чувствуетъ, что долго, долго, а можетъ быть и никогда не увидитъ,—такъ и не толкнула даже, — жалѣетъ“, подумалъ тогда Степанъ, „ну, да все равно, за другого замужъ отдадутъ“.

Чтобы не думать о Катрѣ и о страхѣ, который находилъ на него отъ воя матери и сестры, онъ снова пилъ водку, горланилъ пѣсни и чуть не избилъ попавшагося на встрѣчу лавочника Янкеля.

Десять дней пробѣжали быстро, точно десять часовъ.

Какъ онъ прощался окончательно съ отцомъ, матерью, братомъ и сестрою, Степанъ припоминалъ плохо; у него осталось только въ памяти, что вмѣстѣ съ

Digitized by Google

другими новобранцами онъ долго плылъ на пароходѣ; тамъ были очень твердыя нары, кусались клопы и скверно пахло, потому что многихъ изъ его сосѣдей укачало. Всю дорогу онъ думалъ о Катрѣ и соображалъ, за кого изъ односельчанъ она вѣрнѣе всего выйдетъ замужъ, а когда уснулъ, то ему приснилось, будто онъ уже настоящій матросъ и плыветъ по тому самому морю, о которомъ сопровождавшій ихъ унтеръ-офицеръ разсказывалъ, что тамъ отъ жары дышать нечѣмъ, а вода вся красная, и Степану казалось, что онъ вотъ-вотъ задохнется.

Цѣлую зиму его и другихъ новобранцевъ учили, какъ называть начальниковъ, разбирать магазинку и ходить въ строю.

Ранней весною имъ надѣли на околыши фуражекъ ленточки и выстроили всѣхъ на плацу для принятія присяги.

Когда адмиралъ поздравилъ ихъ настоящими матросами, заиграла музыка и загремѣло „ура“, настроеніе у Степана вдругъ стало совсѣмъ непонятнымъ для него самого. На душѣ было радостно, глаза почему-то слезились, кололо въ носу и хотѣлось кричать „ура“ такъ сильно, чтобы экипажные командиры и всѣ присутствовавшіе офицеры оглянулись.

Крейсеръ, на который попалъ въ плаваніе Степанъ, имѣлъ паруса и три мачты съ реями для ихъ крѣпленія. Все вмѣстѣ это называлось „рангоутомъ“. Такое слово было не трудно запомнить, за то названія отдѣльныхъ частей были ужасно головоломныя и, несмотря на всѣ старанія, выговорить ихъ было почти невозможно. Языкъ Степана ударялъ по губамъ, какъ

Digitized by Google

у нѣмого, и вмѣсто обыкновеннаго „брамъ-рея“ выходило такое слово, что даже самый суровый человѣкъ на суднѣ, боцманъ, улыбался и сплевывалъ черезъ зубы за бортъ. Нужно было учиться не только произносить слова, но еще многому, и Степанъ учился изо всѣхъ силъ, чтобы поскорѣе старые матросы перестали подсмѣиваться и самому стать такимъ же, какъ они. О Катрѣ, объ отцѣ и товарищахъ онъ сталъ думать рѣже и былъ убѣжденъ, что они его позабыли, какъ рано или поздно забываютъ люди всѣхъ тѣхъ, кого не видятъ передъ глазами каждый день.

И только ночью, когда смолкали надоѣдливыя дудки квартирмейстеровъ, сильнѣе пахло моремъ и раздавались лишь нервные шаги ходившаго взадъ и впередъ по палубѣ вахтеннаго начальника, Степану припоминались и запахъ хаты, въ которой бывали „досвитки“, и пѣсни дивчатъ, и обжигающая своимъ дыханіемъ Катря. Но на слѣдующій день онъ не могъ бы самъ себѣ отвѣтить, стремится ли къ этому на самомъ дѣлѣ, или видѣлъ все только во снѣ. Такъ было до тѣхъ поръ, пока крейсеръ не пришелъ на рейдъ города, отъ котораго было всего шестнадцать верстъ до родного села и до Катри.

Захотѣлось домой хоть на одинъ часъ, хоть на полчаса, хоть на нѣсколько минутъ!

Просить, чтобы отпустили, нечего было и думать. Въ этотъ день Степанъ съ восьми часовъ утра вступилъ въ караулъ. Крейсеръ зашелъ только принять уголь и на слѣдующій день долженъ былъ сняться съ якоря. По всей палубѣ летала черная ѣдкая пыль. Кадки съ угломъ быстро поднимались съ подошедшей къ

Digitized by Google

борту баржи и съ грохотомъ опускались внизъ. Всѣ спѣшили, стараясь окончить грязную работу скорѣе. Степану казалось, что и офицеры, и матросы въ этотъ день были въ особенно скверномъ расположеніи духа, а самъ онъ какъ будто оглохъ или отупѣлъ. Когда баржа, выгрузивъ уголь, ушла и суета прекратилась, на душѣ стало какъ будто легче.

Къ вечеру послѣ спуска флага воздухъ посвѣжѣлъ. Море стало темно-фіолетовымъ и запестрѣло бѣлыми гребешками. Красное, матовое солнце садилось за тучи. Говорили, что на завтра можно ожидать шторма. Въ восемь часовъ западъ совсѣмъ померкъ. Скоро и молитва. Прогремѣла отрывистая, бьющая по ушамъ, дробь барабана, и на шханцахъ, посреди палубы, затопали босыя ноги строящихся матросовъ. Стихло. Чей-то голосъ быстро сталъ читать одну за другою вечернія молитвы. Его прервали нѣсколько высокихъ теноровъ, въ унисонъ начавшихъ:

Воскре-се-ніе Хри-сто-во ви-дѣвше,

— и сейчасъ же двѣ сотни здоровыхъ голосовъ подхватили:

Поклонимся Святому Господу Іисусу, Единому безгрѣшному-у-у...

Справа слышится одинъ голосъ, похожій на женскій. Это поетъ квартирмейстеръ Сухановъ. Онъ всегда тоскуетъ о томъ, что въ хорѣ нѣтъ дискантовъ и альтовъ и старается восполнить этотъ недостатокъ, и когда поетъ тоненькимъ голосомъ, ему самому это кажется очень эффектнымъ.

Весь мотивъ гудитъ торжественно и спокойно и несется, и къ слившемуся уже съ небомъ морю, и къ городу, похожему теперь на сизое пятно, отъ котораго

Digitized by Google

всего шестнадцать верстъ до родной деревни Степана и до Катри.

Степанъ зналъ, что въ эту ночь будетъ стоять на посту, но спать не ложился, а, обнявъ колѣни, сидѣлъ на палубѣ. Его давила какая-то непонятная, назойливая тоска, отъ которой не знаешь, какъ избавиться. Когда было безъ десяти минутъ полночь, за нимъ пришелъ разводящій и очень удивился, что всегда исполнительный Макаренко, у котораго глаза были открыты, поднялся только послѣ третьяго оклика. Отъ флагштока, возлѣ котораго нужно было стоять на часахъ, городъ былъ виденъ еще лучше. Степанъ глядѣлъ на отдаленные огни и чувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то нехорошее. Какъ послѣ присяги ему хотѣлось кричать „ура“ и радоваться, такъ теперь хотѣлось плакать и очутиться тамъ, на берегу. Завидѣвъ вздрагивавшій на водѣ огонекъ командирскаго вельбота, онъ обрадовался, что явилось обстоятельство, хоть на нѣсколько минутъ отвлекшее отъ назойливыхъ думъ, и изо всѣхъ силъ крикнулъ:

— Кто гре-бетъ?

— Ко-а-ндиръ...—долетѣло въ отвѣтъ съ моря—„фалрепныхъ на правую“,—отрывисто прозвучалъ откуда-то изъ темноты голосъ вахтеннаго начальника и побѣжали къ трапу люди.

Наступившая послѣ пріѣзда командира тишина стала непріятной. Было какъ будто еще труднѣе справляться съ собственными мыслями. „Вѣдь всего шестнадцать верстъ“ мелькнуло въ головѣ у Степана, „если хорошимъ шагомъ, такъ это всего часа на два ходу“... И вслѣдъ за этой мыслью наплыла, неизвѣстно отку-

Digitized by Google

да, новая, до головокруженія сладкая и страшная: „а что если вплавь?..“

Вспомнилось что-то о наказаніяхъ за побѣгъ съ поста и сейчасъ же расплылось и ушло. Разсудокъ вдругъ пересталъ работать, а руки автоматически прислонили ружье къ борту, сняли патронную сумку и снова опустились, чтобы снять сапоги. Нужно было спѣшить и спѣшить, пока никто не замѣтилъ.

Дышать стало трудно. Черезъ полъ-минуты темная фигура Степана, судорожно цѣпляясь руками за трапъ тали лѣваго борта, спускалась внизъ. На площадкѣ трапа онъ на мгновеніе остановился, разорвалъ однимъ движеніемъ фланелевую рубаху и безшумно опустился въ воду. Плыть было тяжело: мѣшала оставшаяся одежда и отъ холоду совсѣмъ забивало дыханіе.

Четверть часа уже работалъ Степанъ изъ всѣхъ силъ руками и ногами, а темная линія берега почти не приближалась. „Лишь бы только судорога ногу не схватила“, подумалъ онъ, отфыркнулся и, набравъ полную грудь воздуха, повернулъ къ открытому берегу, подальше отъ раскачивавшихся силуэтовъ барказовъ. Зубы стучали. Подъ самымъ уже берегомъ ему показалось, что силы его совсѣмъ уходятъ, и хотѣлось закричать, но помогъ прибой.

Больно ударился Степанъ колѣномъ о подводный камень и вмѣстѣ съ широкой волной, весь въ пѣнѣ, выкатился на песокъ. Охватившая дрожь не давала опомниться. Сами собой дергались руки и ноги, нельзя было ни на секунду удержать прыгавшую нижнюю челюсть. Съ моря дулъ холодный вѣтеръ, и спрятаться отъ него было некуда.

Digitized by Google

Мокрые, холодные тѣльникъ и брюки плотно облегли все тѣло. Тепло чувствовалось только на правой ногѣ, потому что изъ разбитаго колѣна шла кровь. Инстинктивно Степанъ проползъ подальше отъ набѣгавшихъ со страшной силой, одинъ за другимъ, валовъ. Когда дышать стало легче, онъ осмотрѣлся. Справа видны были огни города, а слѣва тянулось въ гору темное, невспаханное поле. „Тамъ, повыше, должна быть нѣмецкая колонія, мимо которой идетъ дорога, туда и пойду... скорѣе, скорѣе нужно... На крейсерѣ навѣрно уже хватились, а можетъ и видѣли... Бѣгомъ нужно, согрѣться“... думалъ онъ и поднялся. Въ ушибленной ногѣ точно задребезжалъ раскаленный стальной прутъ. Отъ боли сами собой изъ глазъ полились слезы.

„Если останусь здѣсь—пропалъ, и если пойду дальше, все равно—тоже пропалъ,“—пришло ему въ голову. Стараясь ступать на ушибленную ногу какъ можно легче и балансируя, точно онъ двигался не по землѣ, а по бревну, Степанъ все-таки пошелъ.

Домой уже не хотѣлось, а гнало впередъ только одно желаніе, какимъ бы то ни было образомъ очутиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хоть на минуту можно было бы избавиться отъ холода и боли. Наступивъ на обрубокъ вѣтки, онъ поднялъ его и началъ опираться, какъ на палку. Идти стало легче.

Уже небо поблѣднѣло и на востокѣ протянулась оранжевая полоса, когда завиднѣлись бѣлые домики нѣмецкой колоніи и послышался далекій крикъ пѣтуха. Слѣва обозначилась, немного посвѣтлѣе всего фона, дорога. Послѣ долгой ходьбы ощущеніе холода немного уменьшилось, и мысли пошли ровнѣе.

Digitized by Google

Степанъ зналъ, какъ нѣмцы боятся всѣхъ неизвѣстныхъ, не хорошо одѣтыхъ людей, и рѣшилъ, минуя колонію, во что бы то ни стало, идти впередъ. Онъ только остановился у колодца и, нагнувшись къ корыту, выпилъ нѣсколько глотковъ воды, показавшейся ему очень сладкой. Шагать по гладкой, хоть и пыльной дорогѣ, стало легче; боль въ ногѣ притихла; нельзя было только бѣжать.

Что онъ скажетъ домашнимъ, когда придетъ домой, и что скажутъ тамъ ему, онъ никакъ не могъ себѣ представить. Одно только было несомнѣнно, что мать, увидя его, прежде всего заплачетъ, а потомъ останется ли онъ въ селѣ или уйдетъ куда-нибудь, все равно —пропалъ.

Поднялось солнце такое же красное, негрѣющее и непривѣтливое, какъ и вчера, когда уходило за море. На придорожныхъ кустахъ заблестѣла роса, похожая на иней. Далеко, далеко стали видны казавшіяся синеватыми деревья и забѣлѣла колокольня.

Степанъ на минуту сталъ, перекрестился, вздохнулъ и зашагалъ сильнѣе, подымая за собою известковую мелкую пыль, прилипавшую къ все еще мокрымъ тѣльнику и шароварамъ.

Впереди на дорогѣ показалось другое облако пыли; съ каждой минутой оно становилось все больше и больше. Потомъ завиднѣлась дуга и заблестѣли ея обитые мѣдью концы подъ лучами поднявшагося солнца, а черезъ нѣсколько мгновеній можно было уже разобрать, что ѣдетъ телѣга, на которой сидятъ два человѣка,—одинъ въ бѣлой фуражкѣ, другой въ барашковой шапкѣ.

Digitized by Google

„Свернуть или не свернуть?“ подумалъ Степанъ. „Если и сверну, все равно отойти далеко не успѣю“. И онъ пошелъ дальше, только по самому краю дороги. „Ахъ, Господи, хоть бы на головѣ у меня какой картузъ былъ!“, мелькнула мысль, и въ предчувствіи чего-то страшнаго въ вискахъ застучала кровь.

Въ телѣгѣ сидѣлъ жившій въ ихъ деревнѣ урядникъ Цвѣтковъ,—Степанъ его сейчасъ же узналъ, узналъ и сотскаго Микиту Батюка, который въ прошломъ году нѣсколько разъ приходилъ къ нимъ въ хату напоминать, что пора собираться въ городъ на призывъ.

Оба они теперь не обратили или, какъ показалось, не хотѣли обратить на него вниманія. Когда телѣга поровнялась, Степанъ чуть не упалъ и во рту въ одну секунду стало такъ сухо, точно онъ проглотилъ цѣлую горсть пыли.

Колеса прогремѣли по дорогѣ дальше, потомъ вдругъ смолкли.

Степанъ невольно оглянулся и съ ужасомъ увидѣлъ, что лошадь поворачиваетъ назадъ.

— Постой, постой, братику, а ты не Макаренко ли будешь?...—заговорилъ нараспѣвъ урядникъ, когда телѣга остановилась возлѣ Степана, и, придерживая полу своей бурки, сошелъ на землю. Степанъ молчалъ.

— Куда же ты это идешь, домой, въ отпускъ что ли?

— Въ отпускъ,—повторилъ Степанъ не слыша своего голоса.

— Только въ отпускъ, братику, въ такомъ видѣ не ходятъ, это мы очень хорошо даже знаемъ, сами служили.

Digitized by Google

— „Сказать, что меня ограбили", мелькнуло въ головѣ. „Все равно не отпуститъ", точно отвѣтилъ кто-то. И Степанъ не сказалъ ничего.

— Синій, какъ пупъ,—обратился урядникъ къ сотскому, указывая на Степана и, раздумывая, что ему дѣлать, погладилъ свой носъ.

— Ну что же, садись, поѣдемъ въ городъ, а тамъ видно будетъ, какой у тебя отпускъ,—добавилъ онъ. Степанъ не двигался.

— А ну, Микита, пособи-ка ему, а то онъ, кажется, хочетъ съ нами у дурачки играть,—сказалъ урядникъ и крѣпко взялъ Степана за руку.

— Постой же, такъ же невозможно, братику, ты не на свое мѣсто лѣзешь. А ну двигайся туда впередъ, на соломку оно кстати и мягчѣе будетъ.

И урядникъ, схвативъ Степана своими жилистыми руками за талью, сталъ его усаживать самъ.

— Только ты, братику, и не имѣй въ мысляхъ соскочить, потому что у меня вотъ это одно, а это и другое,—добавилъ онъ, указывая сначала на эфесъ шашки, а потомъ на кобуру револьвера.

Телѣга опять загремѣла по дорогѣ, и за нею побѣжалъ столбъ пыли, похожій на дымъ.

Наступила гнилая глубокая осень. Грязно-сѣрыя, ревущія днемъ и ночью, волны, разсыпая пѣну, били борты стоявшихъ на рейдѣ броненосцевъ, точно задались цѣлью не дать и теперь покоя ставшимъ на отдыхъ великанамъ. Вторыя сутки шелъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ. Бѣлые, мокрые хлопья непрерывно па-

Digitized by Google

дали и въ море, и на землю, и на крыши стоявшихъ на мысу зданій морского госпиталя. Отъ мельканья этихъ хлопьевъ кружилась голова и портилось настроеніе. Снѣгъ сейчасъ же таялъ, обращаясь въ грязь, и оставался только въ видѣ бѣлой каемки на рѣшеткахъ оконъ палаты для арестованныхъ больныхъ, отчего желѣзные прутья казались еще толще. Шлепая калошами по насыщенному водой песку, въ эту палату прошли докторъ и фельдшеръ. Впустившій ихъ разводящій почтительно сдѣлалъ шагъ назадъ и сейчасъ же, звеня ключами, сталъ запирать дверь. Въ коридорѣ, куда выходили отворенныя пять камеръ, было очень чисто, но пахло іодоформомъ и дымомъ махорки.

— Хоть бы вы тутъ за провѣтриваніемъ наблюдали, — сказалъ докторъ, посмотрѣлъ на фельдшера и досадливо почесалъ у себя въ ухѣ карандашикомъ.

Фельдшеръ сдѣлалъ какое-то неопредѣленное движеніе головой...

— Здѣсь такой народъ все лежитъ, что за ними усмотрѣть невозможно. Вотъ въ третьей камерѣ Золотаренко сидитъ и сидитъ, и никакъ его невозможно выписать.

Докторъ что-то проворчалъ и вошелъ въ камеру № 3.

Два матроса въ сѣрыхъ халатахъ вытянулись по краямъ столика, на которомъ стояла шашечная доска съ морскими камешками вмѣсто шашекъ.

— Ну, Золотаренко, какъ твое ухо?

— Чего изволите, ваше высокоблагородіе?

— Ухо твое какъ? спрашиваю,—громче повторилъ докторъ.

Digitized by Google

— Такъ что—болитъ, и вродѣ шума у головѣ дѣлается.

Докторъ вынулъ инструменты и минутъ пять осматривалъ ухо.

— Странно, отъ чего же ему болѣть, а мнѣ вотъ кажется, что тебѣ на выписку пора.

— Симулянтъ онъ, и больше ничего,—проговорилъ фельдшеръ и брезгливо искривился.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ Золотаренко и вытянулся еще больше.

— А ты развѣ знаешь, что такое симулянтъ?—спросилъ докторъ.

— Тошно такъ, — это, который воду съ мыломъ пьетъ.

— А ты не пилъ?

— Никакъ нѣтъ, не пилъ.

Докторъ улыбнулся и началъ осматривать второго матроса съ желтымъ, какъ у малайца, лицомъ. У него была перемежающаяся лихорадка. Больной, лежавшій въ слѣдующей камерѣ, спалъ ничкомъ и сильно храпѣлъ.

— Ну, его и будить не стоитъ, это по части Николая Ѳедосѣевича,—сказалъ докторъ, взглянувъ на табличку надъ койкой.—Бѣда съ этой палатой. Кто ею завѣдываетъ, никакъ не разберешь. Кого я долженъ осматривать, а кого не долженъ?...—добавилъ онъ и, вздохнувъ, прошелъ въ послѣднюю самую большую камеру.

На табличкѣ, укрѣпленной надъ единственной стоявшей здѣсь койкой, было написано „Степанъ Макаренко“, но, вмѣсто новобранца съ дѣтскимъ лицомъ, ле-

Digitized by Google

жалъ необыкновенно худой, точно высушенный, человѣкъ, обросшій черной бородой и съ запекшимися губами. Только по глазамъ и видно было, что это не трупъ.

Онъ все просилъ воздуху и чтобы койку передвинуть къ самому окну, въ которомъ открыли крохотную форточку.

— Ну что, Макаренко, какъ себя сегодня чувствуешь? —спросилъ докторъ.

Степанъ силился что-то прошептать, растягивая какое-то слово по слогамъ.

— Ва - аше... ародіе, судъ мнѣ, когда бу... удетъ?

— Суда не будетъ, не будетъ совсѣмъ. Домой поѣдешь,—въ отпускъ.

— Скоро?

— Скоро, черезъ недѣлю. А вотъ все-таки скажи ты мнѣ, молодчинище, чего тебя дернуло бѣжать, да еще вплавь? Простудиться-то легко, а поправляться трудно.

— Бо-оленъ я, болѣзнь очень...

— Да что ты теперь боленъ, это я знаю, а когда здоровъ былъ, тогда зачѣмъ бѣжалъ, спрашиваю?

Степанъ нѣсколько секундъ ловилъ ртомъ воздухъ, потомъ снова послышались хрипящіе звуки, изъ которыхъ можно было только разобрать:

— Боленъ... желал-олось очень...

— Можетъ тебѣ домой письмо нужно написать, такъ вотъ они напишутъ. Докторъ мотнулъ головой въ сторону фельдшера.

— Нѣ. Черезъ недѣлю... Самъ, самъ поѣду, а какъ поѣду...

Digitized by Google

— Ну ладно, да ты лишняго не говори. Вотъ, что тебѣ изъ ѣды на завтра выписать?

— Онъ все вишенъ проситъ, на которыхъ наливка настаивалась,—сказалъ фельдшеръ.

— Ну этого, пожалуй, и нельзя, а вотъ киселику изъ сушеныхъ вишенъ можно. Хочешь киселику?

Степанъ утвердительно опустилъ вѣки и улыбнулся, потомъ, замѣтивъ, что докторъ хочетъ уходить, двинулъ рукой, какъ бы желая его остановить.

— Ваше, ваше высоко—діе. Разрѣшите, чтобы сундукъ мой изъ ро-оты сюда.

Степанъ перевелъ дыханіе.

— Не дозволяютъ... какъ черезъ недѣлю въ отпускъ, я тамъ соберу.

— Не знаю, нужно спросить у начальства, можетъ и разрѣшатъ. Ну, будь здоровъ.

— Вотъ она Spes phtysicorum,—сказалъ докторъ въ коридорѣ не то самому себѣ, не то обращаясь къ фельдшеру, и сталъ надѣвать калоши.—Вѣдь едва дышитъ, а туда же сундукъ проситъ, въ дорогу собирается.

Фельдшеръ вздохнулъ, сохраняя безстрастное выраженіе на лицѣ. Ему предстояло еще много дѣла и не было времени вдумываться въ то, что такое Spes phtysicorum.

На слѣдующій день онъ, съ такимъ же безстрастнымъ выраженіемъ на лицѣ, несъ въ ординаторскую листъ бумаги, на которомъ было написано, что на завтра, въ часъ дня, назначено вскрытіе трупа матроса Степана Макаренки.

Digitized by Google

СОВѢСТЬ.

I.

На мосткахъ одной изъ дачныхъ купаленъ, тянувшихся вереницей по морскому берегу, сидѣлъ, съ книжкой толстаго журнала въ рукахъ, студентъ Михайловъ. Пришелъ онъ сюда, чтобы на свободѣ окончить заинтересовавшую его повѣсть, но читать не могъ. Сначала мѣшали поминутно пробѣгавшіе босикомъ по мосткамъ мальчишки, отчего и мостки и вся купальня тряслись, потомъ пришелъ и хотѣлъ писать здѣсь этюдъ скучный и бездарный художникъ Ванюхинъ, котораго едва удалось уговорить перейти на другое мѣсто. Отъ досады на мальчишекъ и на Ванюхина Михайлову стало казаться, что въ воздухѣ особенно душно. Онъ нѣсколько разъ провелъ рукою по своей коротко-остриженной головѣ и русой бородкѣ, потомъ разстегнулъ китель и свѣсилъ ноги. Стало наконецъ тихо и только изъ шлюпки, покачивавшейся на свѣтло-зеленой водѣ у самаго берега, слышались дѣтскіе голоса. Тамъ сидѣли съ удочками въ рукахъ двѣ дѣвочки въ синихъ матросскихъ платьяхъ и желтыхъ ботинкахъ, повидимому, сестры, и съ ними мальчикъ лѣтъ восьми. По временамъ они обмѣнивались короткими фразами на

Digitized by Google

какомъ-то иностранномъ языкѣ, чирикая точно воробьи. Михайловъ сталъ прислушиваться и понялъ только, что говорятъ по-англійски и что старшую сестру, почти взрослую дѣвушку, зовутъ Нелли, младшую Бесъ, а мальчика Фредъ, Когда у брата вырывалось слишкомъ громкое восклицаніе, Нелли укоризненно поворачивала въ его сторону свою хорошенькую головку съ распущенными каштановыми волосами, перехваченными внизу черной бархаткой. Михайловъ съ интересомъ сталъ смотрѣть за каждымъ движеніемъ Нелли и дѣтей, какъ наблюдаютъ за граціозными, никогда невиданными звѣрьками. Когда солнце подошло ближе къ горизонту, волосы Нелли стали переливаться золотыми тонами, а ея личико казалось еще красивѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнѣе.

„У нашихъ барышень рѣдко бываютъ такія правильныя черты лица“, думалъ Михайловъ, „есть что-то классическое въ этихъ чертахъ“. И когда Нелли съ дѣтьми ушла, онъ уже не могъ читать, хотя ничто не мѣшало. На слѣдующій день, подъ вечеръ, Нелли съ братомъ и сестрой снова были здѣсь и сидѣли въ той же шлюпкѣ, и Михайловъ, увидавъ ихъ, обрадовался. Нелли положила возлѣ себя маленькіе открытые часики, на которые время отъ времени поглядывала. Одинъ разъ, когда ея взглядъ переходилъ отъ часовъ на воду, Михайлову показалось, что она съ любопытствомъ посмотрѣла на него, и отъ этого, едва уловимаго движенія длинныхъ рѣсницъ Нелли, его будто кольнуло что-то.

„Гдѣ же это я ее видѣлъ раньше, гдѣ же это я ее видѣлъ?“ думалъ Михайловъ и не могъ припомнить, потому что и на самомъ дѣлѣ никогда ея прежде не видѣлъ.

Digitized by Google

Вечеръ онъ провелъ въ гостяхъ, и несмотря на веселое общество, собравшееся тамъ, которое онъ любилъ, ему было скучно. Спалось въ эту ночь плохо. Чтобы скорѣе задремать, онъ пробовалъ класть себѣ на голову другую подушку, но и въ темнотѣ видѣлъ личико и трепещущіе подъ вѣтромъ золотые волосы Нелли.

„Это глупо, совсѣмъ-таки глупо“, думалъ онъ, ворочаясь, „завтра я къ морю не пойду... Безусловно такъ мнѣ не нравилось еще никогда и ни одно лицо“... И его сталъ тревожить страхъ отъ смутнаго сознанія, что имъ можетъ овладѣть серьезное чувство, которое его непремѣнно поработитъ.

Хуже всего было то, что къ морю онъ все-таки пошелъ и расположился не на мосткахъ купальни, а въ той самой шлюпкѣ, гдѣ вчера и позавчера сидѣли маленькіе англичане. Михайловъ помѣстился въ носовой ея части и раскрылъ журналъ, но увидѣлъ, что взялъ предыдущую книжку, которую уже читалъ, и снова закрылъ ее. Черезъ полчаса на тропинкѣ, спускавшейся отъ дачъ къ морю, показались весело болтавшія, Нелли съ сестрой и шедшій впереди Фредъ.

Дойдя до шлюпки, всѣ трое, точно по командѣ, остановились. Нелли увидѣла Михайлова, затопталась на мѣстѣ, сморщила носикъ и прищурилась, точно желая его лучше разсмотрѣть. Фредъ, вѣроятно, испугался, чтобы сестра не вернулась назадъ, и первый прыгнулъ въ шлюпку, которая сильно закачалась. Нелли еще разъ посмотрѣла на Михайлова и шагнула за мальчикомъ, а потомъ помогла войти сестрѣ. Каждый

Digitized by Google

занялся своимъ дѣломъ. Иногда Нелли, вытаскивая удочку, недовольнымъ тономъ произносила нараспѣвъ одну и ту же англійскую фразу, и тогда Федъ поглядывалъ на нее и удивленно дергалъ плечомъ.

„Должно быть, сердится, а все-таки, какъ хороша, точно ангелъ съ неба", подумалъ Михайловъ и сейчасъ же опустилъ глаза въ книгу, которую не читалъ. Въ этотъ разъ Нелли съ дѣтьми ушла раньше обыкновеннаго. Михайловъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ и нахмурился, потомъ нагнулся, чтобы поднять свалившуюся на дно шлюпки фуражку, и замѣтилъ, что тамъ лежатъ часики Нелли. Онъ взялъ ихъ и внимательно осмотрѣлъ, на крышкѣ была монограмма N. H., сдѣланная изъ маленькихъ брилліантовъ.

„Вотъ случай, вотъ случай, возвращу часы и познакомлюсь", подумалъ онъ: но какъ?... Кому?... Кто они такіе, эти англичане, и гдѣ живутъ? Развѣ узнать и отослать черезъ посыльнаго. Нѣтъ, самъ, непремѣнно самъ, пойду и познакомлюсь"... и, бережно спрятавъ часы въ карманъ, онъ быстро пошелъ, почти побѣжалъ домой.

На дачѣ его встрѣтила мать, блѣдная, полная дама, похожая лицомъ и прической на портретъ писательницы Жоржъ Зандъ.

Ея добрые, проницательные глаза въ одну секунду осмотрѣли его съ ногъ до головы. За вечернимъ чаемъ, обращаясь къ сыну, она сказала:

— Ты, Коля, или о чемъ-то думаешь, или у тебя измѣнился вкусъ, третій разъ уже кладешь въ свой стаканъ по два куска сахару, а пить еще не начиналъ.

— Это, мамочка, отъ того, что на душѣ у меня сладко,—отвѣтилъ онъ и улыбнулся.

Digitized by Google

— Ну, и слава Богу, а только я тебѣ налью другой стаканъ, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сиропъ пить.

— Не хочу я чаю, не хочу я чаю,—запѣлъ въ отвѣтъ Михайловъ, всталъ изъ-за стола и ушелъ гулять. Мать посмотрѣла ему вслѣдъ, стараясь угадать причину его возбужденнаго состоянія. Она любила его за то, что онъ былъ у нея одинъ, за то, что онъ двадцати трехъ лѣтъ перешелъ уже на четвертый курсъ и всегда былъ съ нею откровененъ. Всякая перемѣна въ настроеніи сына ее тревожила.

„Самъ разскажетъ", подумала она, желая себя успокоить, и стала накладывать ложечкой варенье.

Михайловъ до разсвѣта ходилъ по морскому берегу, спотыкаясь о камни, и напѣвалъ какой-то неизвѣстный мотивъ, а на слѣдующій день задолго до вечера сидѣлъ уже въ шлюпкѣ, волновался и мысленно подсмѣивался надъ собой. Онъ рѣшилъ передать Нелли часы самъ здѣсь же въ шлюпкѣ. Маленькая стрѣлка на нихъ дошла уже до пяти, потомъ до половины шестого и, наконецъ, до семи, а Нелли не приходила. Вода въ морѣ посвѣтлѣла, мачты покачивавшихся на якорѣ барказовъ стали отражаться рѣзко очерченными спиралями. Слышались издалека свистки парового трамвая и военная музыка. Зашло солнце. Рыбаки варили на берегу ужинъ и огненные языки костра выдѣлялись все ярче и ярче на темно-фіолетовомъ, почти черномъ, фонѣ откоса. Стало свѣжо. Михайловъ встрепенулся, вышелъ изъ шлюпки и не зналъ, что ему дѣлать...

„А найти ее сегодня же нужно и передать часы нужно, а то вѣдь за вора принять могутъ", думалъ онъ,

Digitized by Google

и отъ одной этой мысли ему стало жарко, точно его уже уличили въ воровствѣ.

По тропинкѣ спускался внизъ, побрякивая ведромъ, садовникъ Филиппъ, красивый парень, вѣчно балагурившій со всѣми дачными горничными.

— Ты что, Филиппъ?—спросилъ Михайловъ только для того, чтобы заговорить и не такъ остро чувствовать свою безпомощность.

— Да нашъ паничъ за морской водой для акварія послали, рыбъ тамъ какихъ-то новыхъ купили, которыя въ прѣсной водѣ дохнутъ.

— Рыбъ? Такъ. Ага. А послушай, Филиппъ, ты не знаешь, кто живетъ на сосѣдней дачѣ?

— Да тамъ многіе живутъ.

— Тутъ, видишь ли, одно семейство изъ Петербурга должно пріѣхать...—солгалъ Михайловъ.

Филиппъ вопросительно посмотрѣлъ, но, какъ любитель поговорить, не придрался къ неопредѣленности отвѣта, а, загибая пальцы, началъ перечислять одну за другой фамиліи.

— На сосѣдней дачѣ сейчасъ находятся: Розенкранцовы, Финкельштейновы, потомъ докторъ Ивановъ, потомъ англичане Вилькинсовы, потомъ Козловская, это любовница хозяинова,—добавилъ онъ почему-то шепотомъ и наклонилъ голову.

— Хорошо, такъ. Ну, иди себѣ, бери воду.

— Такъ нѣту, которыхъ вамъ нужно?

— Нѣтъ, нѣтъ, да это ничего,—отвѣтилъ Михайловъ и, не глядя на Филиппа, пошелъ домой переодѣться.

„Вилькинсъ, Вилькинсъ, это они, навѣрное они, другихъ англичанъ здѣсь нѣтъ“, думалъ онъ, застегивая

Digitized by Google

передъ зеркаломъ дрожавшими руками воротъ чистаго кителя.

II.

Во дворѣ чужой дачи Михайловъ почувствовалъ себя очень неловко и совсѣмъ испугался, когда придавилъ кнопку звонка возлѣ двери, на которой была табличка съ надписью Charles Wilkins. Ему отворила пожилая дама и на ужаснѣйшемъ русскомъ языкѣ спросила, что нужно.

При словѣ „часы“ его впустили, а потомъ пригласили въ гостиную. Здѣсь ярко горѣла какая-то усовершенствованая лампа и освѣщала простую мебель, обитую зеленой кожей. Во всей комнатѣ, кромѣ двухъ старинныхъ гравюръ въ золотыхъ рамахъ, не было ни украшеній, ни цвѣтовъ, но бросалась въ глаза чистота, какъ на военномъ кораблѣ. Сначала вышелъ Вилькинсъ, высокій, сѣдой старикъ съ бритымъ подбородкомъ и спокойнымъ холоднымъ взглядомъ,—такъ смотрятъ безсердечные учителя на экзаменахъ,—онъ заговорилъ по-русски еще хуже, чѣмъ его жена, и, замѣтивъ, что Михайловъ его не понимаетъ, спросилъ по-французски, можетъ ли господинъ студентъ поддерживать разговоръ на этомъ языкѣ. Михайловъ отвѣтилъ утвердительно и протянулъ ему на ладони часики Нелли.

— Ого, го, го, oui, oui, tout de suite... tout de suite мой дочъ,—заговорилъ Вилькинсъ, потомъ поклонился и, не взявъ часовъ, позвалъ хриплымъ голосомъ:

— Нелли, Нелли...

Прошла минута. Англичанинъ посмотрѣлъ тѣмъ же холоднымъ взглядомъ на дверь и пожевалъ губами.

Digitized by Google

Послышался легкій стукъ каблучковъ, дверь безшумно отворилась и вошла Нелли. Едва замѣтно отвѣтивъ на поклонъ Михайлова, она остановилась возлѣ отца и на ея щекахъ выступили два розовыхъ пятна. Безъ шляпы, въ простомъ домашнемъ платьѣ, она казалась совсѣмъ взрослой, свѣтлые глаза ея глядѣли немного испуганно.

„А что, если все это мнѣ снится?“ подумалъ Михайловъ.

Вилькинсъ сказалъ что-то дочери по-англійски, потомъ указалъ Михайлову на кресло, сѣлъ самъ и снова пожевалъ губами. Послѣ его фразы Нелли покраснѣла еще сильнѣе и, обращаясь къ Михайлову съ чисто-русскимъ акцентомъ, сказала:

— Вы принесли мои часы, папа васъ благодаритъ и проситъ разсказать, гдѣ вы ихъ нашли, онъ самъ по-русски плохо понимаетъ.

— Я еще вчера нашелъ ихъ на днѣ шлюпки и хотѣлъ отдать, а вы ушли, и я не зналъ, какъ васъ найти, сегодня я случайно узналъ вашъ адресъ... Михайловъ говорилъ и почти не слыхалъ своего голоса.

— Да? Какъ я рада. Мама была очень недовольна, что я ихъ потеряла, а папа навсегда запретилъ ходить ловить рыбу изъ шлюпки, это было наше самое большое удовольствіе.

— Какъ вы хорошо говорите по-русски,—сказалъ Михайловъ.

— О да, я вѣдь только родилась въ Ньюкестлѣ, а съ семи лѣтъ росла и училась здѣсь. Нелли улыбнулась, ея глаза уже не глядѣли испуганно, а только блестѣли. Знаете,—продолжала она,—эти часики мнѣ подарила

Digitized by Google

мама, а ей бабушка. Фамилія бабушки до замужества была Гордонъ, и ея отецъ былъ въ родствѣ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ Lord Hordon Byron.

Михайлову хотѣлось еще и еще слушать, какъ звучитъ ея голосъ, и смотрѣть, какъ мѣняется выраженіе ея ясныхъ глазъ. Чтобы ей дать тему, онъ спросилъ: какое именно родство существуетъ между ихъ фамиліей и Байрономъ. Нелли оживилась и стала подробно разсказывать, потомъ перешла къ русскимъ поэтамъ и сказала, что больше всѣхъ ей нравится Лермонтовъ и она знаетъ его сочиненія лучше чѣмъ Байрона, котораго всего ей папа и мама не позволяютъ читать. Потомъ она спросила Михайлова: нравится ли ему стихотвореніе въ прозѣ Тургенева „Христосъ“. Онъ отвѣтилъ, что очень нравится, но смутился, такъ какъ совсѣмъ не помнилъ этого стихотворенія. Изъ дальнѣйшаго разговора онъ узналъ, что Нелли готовилась держать окончательный экзаменъ при русской гимназіи, и къ ней и ея сестрѣ ходятъ на домъ учителя, а къ профессору музыки она ѣздитъ по средамъ и субботамъ, но игры на роялѣ не любитъ, потому что на этомъ инструментѣ играютъ рѣшительно всѣ барышни.

— А мнѣ совсѣмъ не хочется быть такою, какъ всѣ,—добавила она.

Старикъ Вилькинсъ посмотрѣлъ на Нелли и что то пробормоталъ. Было замѣтно, что онъ не понимаетъ ни одного слова и удивляется, отчего Нелли такъ долго говоритъ.

Она вдругъ умолкла, снова покраснѣла и потомъ совсѣмъ другимъ тономъ сказала:

Digitized by Google

— Папа проситъ васъ сообщить: какое вознагражденіе вы желаете получить за то, что принесли часы.

— Я думаю, всякій человѣкъ долженъ возвратить найденную вещь и безъ вознагражденія,—отвѣтилъ Михайловъ, сдерживая чуть было не прорвавшееся въ голосѣ раздраженіе.

Нелли перевела. Вилькинсъ криво улыбнулся.

— Папа понялъ,—сказала Нелли. Старикъ вдругъ поднялся съ кресла и заскрипѣлъ своими необыкновенной толщины подошвами.

„Пора значитъ уходить", подумалъ Михайловъ, „а-то еще старая обезьяна сочтетъ меня хамомъ и не пригласитъ бывать, и тогда будетъ трудно поддерживать знакомство съ этой безконечно милой дѣвочкой". Онъ всталъ и раскланялся.

Нелли крѣпко пожала ему руку. Англичанинъ расшаркался и, еще сильнѣе скрипя подошвами, самъ пошелъ затворять за нимъ двери.

Показавшаяся изъ другихъ дверей мистрисъ Вилькинсъ только издали кивнула головой. Бывать его не пригласили. Выйдя на улицу, Михайловъ чуть было не попалъ подъ проходившій возлѣ самаго тротуара трамвай. На душѣ у него было тревожно и не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить.

Когда Михайловъ пришелъ пожелать спокойной ночи матери, она приложила свою ладонь къ его лбу и сказала:

— Нѣтъ ли у тебя, Коля, жара? Ты вотъ по вечерамъ все бродишь возлѣ моря, надѣвалъ бы, право, фуфайку...

Digitized by Google

Эта простая фраза показалась ему необыкновенно пошлой, а выразившаяся въ ней любовь матери—чисто животной.

— Ты, мама, иногда думаешь, думаешь да и выдумаешь,—отвѣтилъ онъ, вышелъ изъ столовой и запер-ся въ своей комнатѣ на ключъ. Черезъ окно было слышно, какъ возлѣ воротъ игралъ на гармоникѣ Фи-липпъ, и эти звуки такъ раздражали, что хотѣлось вы-бѣжать за ворота, вырвать гармонику изъ рукъ Фи-липпа и разбить ее о тротуаръ Больше всего мучила твердая увѣренность въ томъ, что попасть въ число знакомыхъ Вилькинсовъ ему не удастся и Нелли ва-всегда останется для него далекой. До сихъ поръ Ми-хайловъ никогда серьезно не увлекался ни одной по-рядочной женщиной, и если барышни были съ нимъ особенно внимательны, то онъ думалъ, что за нимъ ухаживаютъ только потому, что у его матери большое состояніе и онъ ея единственный наслѣдникъ. Женщи-ны легкаго поведенія успѣли надоѣсть. Отецъ его умеръ очень давно и Михайловъ, кромѣ самого себя, любилъ только мать.

Сознаніе, что сегодня онъ отвѣтилъ ей грубо и огорчилъ ее и безъ того всегда больную и озабочен-ную, еще больше портило настроеніе.

На слѣдующій день Михайловъ проснулся уже спокойнымъ и даже веселымъ. Онъ былъ особенно вни-мателенъ съ матерью, шутилъ и серьезно упрашивалъ ее съѣздить въ Вѣну посовѣтоваться съ докторами.

Къ вечеру его все-таки стало тянуть къ морю и въ головѣ переворачивалась все одна и та же мысль: „а

Digitized by Google

можетъ быть, Нелли снова придетъ въ шлюпку, можетъ быть, она уже тамъ"...

Вмѣсто Вилькинсовъ въ шлюпкѣ сидѣлъ и соцѣлъ надъ этюдомъ, поминутно откидывая назадъ голову, художникъ Ванюхинъ.

„И чего онъ, дуракъ, сюда забрался", подумалъ Михайловъ, „можетъ, Нелли и приходила, да, увидавъ такую рожу, сейчасъ же и ушла", и потомъ, желая сдѣлать Ванюхину что-нибудь непріятное, сказалъ:

— А, здравствуйте, вы еще не уѣхали?

— Здравствуйте, нѣтъ, еще не уѣхалъ", отвѣтилъ Ванюхинъ и поднялъ голову.

— Когда же вы ѣдете?

— Да куда?

— А вы же собирались въ какую-то деревню, иконостасъ ремонтировать.

— Не ремонтировать, а реставрировать,—сказалъ Ванюхинъ и посмотрѣлъ искоса, какъ собака, которую ни съ того, ни съ сего дернули за хвостъ.

— Не понимаю васъ, ей Богу,—продолжалъ Михайловъ, стараясь ногою спихнуть въ море камень. Положимъ, вы академіи не окончили, но вы же тамъ, кажется, полгода числились вольнослушателемъ... и потомъ ѣздить ремонтировать церкви. Не понимаю. Вы бы лучше картину написали, да продали бы ее тысячъ за пять. Вотъ Синявинъ помоложе васъ, а на послѣдней выставкѣ только и разговоровъ, что объ его картинѣ.

— Не всѣмъ же Синявиными быть,—отвѣтилъ, краснѣя, Ванюхинъ и съ искусственно равнодушнымъ видомъ снова откинулся назадъ, потомъ прищурился и сдѣлалъ одинъ мазокъ. Михайловъ изо всей силы уда-

Digitized by Google

рилъ ногою по камню, котораго не могъ спихнуть, и, посвистывая, пошелъ на гору. Когда стемнѣло, онъ поѣхалъ въ городъ, тамъ долго игралъ въ кондитерской на билліардѣ и выигралъ восемь партій подъ рядъ.

„Значитъ, въ любви не везетъ“, думалъ онъ и началъ ставить куши угломъ, пока не проигралъ.

Михайловъ не видалъ Нелли цѣлыхъ три дня, а желаніе побыть возлѣ нея и поговорить росло все сильнѣе и сильнѣе. Онъ не зналъ, что предпринять, сердился на самого себя и на всѣхъ окружающихъ, а послѣднюю ночь совсѣмъ не могъ уснуть. Проворочавшись въ духотѣ до пяти часовъ утра, онъ одѣлся и пошелъ купаться. День уже начался, но жара еще не чувствовалась. Море было спокойное, однотонное, чуть потемнѣе неба. Въ купальнѣ пахло мокрымъ деревомъ и было прохладно. Вода мѣрно шлепала по обросшимъ мхомъ ступенькамъ лѣстницы. На тропинкѣ, ведущей къ морю, послышались какъ будто знакомые шаги. Михайловъ выглянулъ въ крохотное окошечко, пробитое въ досчатой стѣнѣ, и почувствовалъ, что у него вдругъ захватило дыханіе. Къ сосѣдней купальнѣ, стоявшей шагахъ въ двадцати, шли Нелли и ея мать.

„Нужно уйти“, подумалъ онъ, „но если я сейчасъ выйду, я могу ихъ смутить. Подожду, пока затворятъ дверь“.... и не отрываясь отъ окошечка, онъ остался. Минутъ черезъ пять на лѣстницѣ сосѣдней купальни показались двѣ фигуры въ темно-синихъ костюмахъ. Уродство худого изогнутаго впередъ, какъ сухая палка, тѣла матери подчеркивала стройная изящная фигурка Нелли. Открытый матросскій воротникъ обнажалъ вполнѣ сформировавшіяся плечи и часть груди.

Digitized by Google

Михайлова удивила правильность линій, идущихъ изъ-подъ ея нѣжныхъ рукъ къ бедрамъ, и бѣлизна всего ея молодого тѣла.

„Нужно уйти“, снова подумалъ онъ и всталъ съ лавки, но вмѣсто того, чтобы направиться къ двери, снова прильнулъ къ окошечку, увидѣлъ, какъ Нелли, поднявъ обѣ руки, поправляла прическу, и понялъ, что уйти отсюда онъ не въ силахъ. „Пусть подло, пусть гадко, а я не могу, не могу“... оправдывался онъ мысленно передъ самимъ собой.

Мать Нелли нѣсколько разъ окунулась, какъ-то странно подвизгивая,—должно быть вода показалась ей холодной, сейчасъ же вышла и закуталась въ мохнатую простыню. Потомъ она побѣжала въ купальню, снова вернулась и, раскрывая неестественно широко ротъ, что-то закричала далеко уплывшей дочери.

Съ моря прозвенѣлъ короткій отвѣтъ. Головка Нелли съ высокой прической стала приближаться къ берегу.

Доплывъ до купальни, она поднялась по лѣстничкѣ на площадку, повернулась къ Михайлову бокомъ и медленно стала снимать свой намокшій, казавшійся чернымъ, костюмъ. Затѣмъ подняла его, прищурилась, поглядѣла нѣсколько секундъ на заискрившееся уже зеленоватое море и такъ же медленно вошла въ купальню.

Михайловъ отошелъ отъ окна и сѣлъ. Голова немного кружилась, онъ слышалъ удары своего сердца и мысли бѣжали одна за другой.

— Если бы кто-нибудь могъ знать, что я сейчасъ чувствую, то конечно, объяснилъ бы мое волненіе тѣмъ, что мнѣ двадцать три года, и я видѣлъ обнажен-

Digitized by Google

ную дѣвушку, но это не такъ. Почти каждый день я вижу цѣлые десятки всякихъ женщинъ, купающихся на открытомъ берегу, и ни одна изъ нихъ не производила на меня такого именно впечатлѣнія. Трудно во всемъ этомъ разобраться, да и не къ чему разбираться!.

Черезъ нѣсколько дней Михайловъ встрѣтилъ Нелли на главной улицѣ у витрины магазина съ иностранными книгами и, когда поздоровался, почувствовалъ, что теперь Нелли для него еще ближе и дороже.

Пошли вмѣстѣ. Ему хотѣлось говорить съ ней какъ можно больше. Но вмѣсто умныхъ фразъ, которыми онъ собирался ее заинтересовать, онъ говорилъ о томъ, что многіе одесскіе студенты даже и въ жару носятъ Николаевскія шинели, что юридическій факультетъ самый легкій и онъ жалѣетъ, отчего не поступилъ на математическій. Въ односложныхъ отвѣтахъ Нелли слышалось, что она рада встрѣчѣ съ нимъ, но въ то же время она постоянно тревожно оглядывалась, точно боялась еще кого-то встрѣтить другого.

Возлѣ станціи трамвая пришлось обождать поѣзда, и Нелли, стѣсняясь, попросила, чтобы онъ не садился съ нею въ одинъ вагонъ. Михайловъ въ знакъ согласія только грустно кивнулъ головой и потомъ спросилъ, откуда она возвращается. Нелли отвѣтила, что съ урока музыки, и сказала адресъ профессора, у котораго брала уроки. Михайловъ снова повеселѣлъ и на прощаніе пожалъ ея маленькую ручку съ розовыми ногтями.

Черезъ два дня, въ субботу, онъ пошелъ къ дому, гдѣ жилъ профессоръ, и у подъѣзда дождался, пока выйдетъ Нелли.

Digitized by Google

Увидавъ его, она покраснѣла и сказала:

— Я знала, что сегодня увижу васъ.—Разговаривали уже свободнѣе и Нелли разсказала, какъ она проводитъ день, какія у нея хорошія отношенія съ матерью, но ничего не упомянула объ отцѣ. Михайловъ говорилъ о себѣ и о своей предыдущей жизни, въ большинствѣ случаевъ свободной и пустой, которая его не удовлетворяетъ. И было въ этихъ простыхъ разговорахъ что-то хорошее и не шаблонное, и ему казалось невозможнымъ говорить такъ съ какой-нибудь другой барышней. Иногда на станціи трамвая онъ молча смотрѣлъ на граціозную фигурку сидѣвшей возлѣ него Нелли и думалъ: „ты необыкновенная, хорошая, чистая дѣвушка, но наступитъ время, когда жизнь тебя сдѣлаетъ самой обыкновенной. Какія бы ты умныя слова ни говорила, но ты женщина и рано или поздно будешь принадлежать какому-нибудь пошляку и будешь считать себя въ его объятіяхъ самой счастливой“, и Михайлову дѣлалось грустно.

Встрѣчались каждую среду и субботу, хотя и не условливались объ этомъ. Такъ же безъ словъ Михайлову было ясно, что бывать у родителей Нелли нельзя, и что ея отецъ и мать очень не любятъ русскихъ.

Нелли стала ему часто сниться и теперь онъ мысленно раздѣлялъ всѣ дни на интересные—среды и субботы и остальные, скучные, въ которые не зналъ, куда себя дѣвать.

IV.

Къ концу августа многіе изъ дачниковъ, также и семья Вилькинсовъ переѣхали въ городъ. Для Михай-

Digitized by Google

лова наступили скучные и тяжелые дни. Здоровье матери становилось все хуже и у нея опухли ноги. Онъ не могъ простить себѣ тайнаго, постоянно мучившаго его желанія, чтобы она поскорѣе уѣхала въ деревню, куда уже давно собиралась. Почти цѣлый день онъ проводилъ возлѣ ея постели и старался казаться особенно нѣжнымъ и откровеннымъ, но это плохо удавалось. Онъ не хотѣлъ и не могъ теперь разсказать ей о самомъ важномъ, какъ онъ думалъ, въ его жизни: о своемъ увлеченіи Нелли. Мать, казалось, чувствовала это и огорчалась, но старалась не показывать своего огорченія. Она только грустно смотрѣла своими умными, усталыми глазами, гладила его по рукѣ и называла своимъ сердечнымъ, любящимъ, чистымъ мальчикомъ. Ея ласковыя слова мучили Михайлова еще больше и звучали въ ушахъ, какъ бранныя, и тогда ему хотѣлось поскорѣе уѣхать въ городъ.

Однажды, ожидая Нелли, онъ замѣтилъ на воротахъ дома, изъ котораго она должна была выйти, билетикъ съ надписью, что здѣсь отдаются двѣ меблированныя комнаты. Квартира приходилась на одной площадкѣ и противъ дверей профессора музыки. Михайловъ бѣгло оглядѣлъ ее и, несмотря на сравнительно дорогую плату,—семьдесять пять рублей въ мѣсяцъ,—сейчасъ же далъ задатокъ и при этомъ очень волновался. Мысль, что Нелли можетъ когда-нибудь къ нему зайти, его жгла, была сладка и страшна.

Въ этотъ день Нелли встрѣтила его особенно радостно. Желая ее обрадовать еще больше, Михайловъ сказалъ, что сейчасъ нанялъ здѣсь квартиру, въ которой будетъ жить зимой. Противъ его ожиданія, ли-

Digitized by Google

чико Нелли приняло испуганное выраженіе и она сказала:

— Ахъ право... Лучше бы этого не нужно было...

— Да почему?

— Такъ. Луше бы не нужно...—и Нелли ничего больше не хотѣла, или не умѣла сказать.

Перемѣнили разговоръ, но хорошее настроеніе, съ которымъ она вышла, уже не вернулось къ ней, и Михайлову казалось, что Нелли теперь похожа на дитя, никогда не подозрѣвавшее о томъ, что существуетъ смерть, для котораго вдругъ стала ясной ея неизбѣжность.

Передъ отъѣздомъ въ деревню мать Михайлова захотѣла посмотрѣть, гдѣ онъ будетъ жить зимой. Комнаты и меблировка ей понравились, она только не могла понять, зачѣмъ Коля нашелъ квартиру такъ далеко отъ университета. На ея разспросы Михайловъ отвѣчалъ длинными, плохо склеенными фразами, что онъ будетъ писать сочиненіе и хочетъ уединиться отъ частыхъ посѣщеній товарищей, которые будутъ мѣшать. На четвертомъ курсѣ никакого обязательнаго сочиненія писать не было нужно, и послѣ каждой выдуманной фразы онъ чувствовалъ себя неловко, точно его уличили во лжи.

На вокзалѣ, передъ уходомъ курьерскаго поѣзда, съ которымъ уѣзжала мать, на душѣ было особенно больно. Крѣпко цѣлуя ее, пока раздались три удара послѣдняго звонка, Михайловъ заплакалъ.

— Пиши же, Колечка, пожалуйста, пиши, — говорила она, когда вагоны поплыли вдоль платформы.

Digitized by Google

На слѣдующій день онъ уже шелъ по улицѣ рядомъ съ Нелли, говорилъ ей о своей любви и радовался тому, что вернется въ свою одинокую квартиру, гдѣ ни передъ кѣмъ не нужно будетъ лгать и можно безъ конца думать о своемъ личномъ счастьѣ. Мысль упросить Нелли, чтобы она хотя на пять минутъ зашла къ нему, приходила въ голову все чаще и чаще, — и днемъ, и ночью. Онъ стыдился этой мысли и гналъ ее отъ себя. Но сейчасъ какъ будто бы кто-то другой шепталъ ему:

„Да вѣдь ты же не съ дурнымъ намѣреніемъ хочешь ее позвать, а только затѣмъ, чтобы побыть совсѣмъ, совсѣмъ вдвоемъ, а это невозможно ни въ театрѣ, ни на улицѣ... Ничего худого въ этомъ желаніи нѣтъ. Просто, мнительность какая-то“...

Свиданья съ Нелли на улицѣ уже перестали волновать, у него являлось только особенно хорошее настроеніе духа, и тогда всѣ остальные люди казались неумными и безцвѣтными. Разговаривали о своихъ желаніяхъ, о своемъ прошломъ и объ отношеніяхъ съ родными.

Слышно было, что для Нелли тяжелѣе всего въ отношеніяхъ этихъ, скрывать свое знакомство съ нимъ. На слова любви она обыкновенно ничего не отвѣчала, а только краснѣла и щурилась, но разъ сказала, что ея чувство къ нему кажется ей похожимъ на то, которое испытывала героиня романа Фламмаріона „Stella“ къ молодому ученому. Михайловъ, никогда не читавшій этого романа, сейчасъ же купилъ его и, когда прочелъ, долго не могъ успокоиться отъ радости, потому что тамъ описывалась самая горячая

Digitized by Google

любовь. Какъ-то заговорили объ англичанахъ, и онъ сталъ доказывать, что большинство изъ нихъ живетъ только чистымъ разсудкомъ, безъ всякаго участія того, что называется сердцемъ.

— О, это только такъ кажется, отвѣтила Нелли, мой папа на видъ вообще очень суровъ, а между тѣмъ недавно онъ пожертвовалъ тридцать фунтовъ стерлинговъ въ пользу людей, пострадавшихъ гдѣ-то за границей отъ наводненія.

Михайловъ промолчалъ, но подумалъ, что добродѣтель людей, гуманные поступки которыхъ могутъ быть измѣряемы только деньгами, должна быть не велика.

V.

Днемъ все чаще и чаще моросилъ дождикъ, а по вечерамъ надъ городомъ стоялъ туманъ, сквозь который электрическіе фонари казались фіолетовыми пятнами. Рано темнѣло, и съ первыхъ чиселъ ноября Нелли стала пріѣзжать на уроки музыки или съ отцомъ, или съ компаньонкой миссъ Госкинсъ, очень похожей на одряхлѣвшую левретку.

Разговаривать можно было только на лѣстницѣ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ и съ большой осторожностью.

Услыхавъ, какъ хлопнула нижняя парадная дверь за Нелли, Михайловъ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и бранился неизвѣстно по чьему адресу, потомъ шелъ гулять. Монотонный шумъ воды, сбѣгавшей по водосточнымъ трубамъ, и трескъ извозчичьихъ дрожекъ о мостовую раздражали и нагоняли невеселыя мысли. И тогда ему приходило въ голову, что его романъ въ

Digitized by Google

сущности выдуманъ имъ самимъ, и ни онъ, ни Нелли на самомъ дѣлѣ не любятъ другъ друга, и имъ пріятна только тайна. Проходило два дня. Нелли снова подымалась по лѣстницѣ съ муфтой и папкой нотъ въ рукахъ, въ бобровой шапочкѣ, раскраснѣвшаяся, радостно поглядывая своими лучистыми глазами, и сердце у него падало, онъ улыбался ей въ отвѣтъ самъ, и весь міръ опять сосредоточивался въ этихъ глазахъ, муфтѣ и шапочкѣ.

Выдалась одна особенно непріятная недѣля. Миссъ Госкинсъ почему-то начала провожать Нелли до самыхъ дверей квартиры профессора и говорить стало совсѣмъ невозможно. Кромѣ того, Михайловъ получилъ отъ матери два непріятныхъ письма. Въ одномъ было написано, что здоровье ея не улучшается, и она чувствуетъ свою скорую кончину. Въ другомъ мать упрекала его за рѣдкія письма и просила пріѣхать на рождественскіе праздники, какъ можно раньше, чтобы поговорить о дѣлахъ по имѣнію, сильно запутанныхъ управляющимъ.

Хотѣлось подѣлиться всѣмъ этимъ съ Нелли и все не представлялось удобнаго случая. Нѣсколько разъ онъ встрѣтилъ на улицѣ самого мистера Вилькинса, и тотъ, отвѣчая на его поклоны, всякій разъ, какъ казалось Михайлову, смотрѣлъ на него съ презрительной усмѣшкой. Настроеніе портилось съ каждымъ днемъ все больше и больше, хотѣлось сдѣлать какую-нибудь гадость или глупость, чтобы уйти отъ самого себя. Давило и полное бездѣлье. Въ слѣдующую среду Нелли провожалъ отецъ и не поднялся до верхней площадки лѣстницы, а сейчасъ же ушелъ.

Digitized by Google

Услыхавъ стукъ затворившейся за Вилькинсомъ двери, Михайловъ бросился навстрѣчу къ Нелли и неожиданно для самого себя схватилъ ее за обѣ руки и заговорилъ:

— Нелли, Нелли, хорошая моя, я не могу безъ васъ... Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело.

Она остановилась и ея глаза съ тревогой расширились.

— Что вы, Николай Николаевичъ, что съ вами?

— На душѣ у меня плохо, я съ вами двѣ недѣли не говорилъ,—кажется, будто годъ. Вотъ такъ, какъ въ жару пить хочется и не знаешь, гдѣ достать воды.

— Случилось что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего не случилось, но если я съ вами не поговорю, я съ ума сойду. Нелли, золотая моя, можетъ случиться, что я уѣду къ матери, она больна, тогда мы долго не увидимся. Понимаете, если я не побуду съ вами, я не уѣду, не уѣду, если бы даже она еще и еще меня звала... Нелли, пойдемте ко мнѣ. Меня измучили эти свиданія изъ-за угла. Пойдемъ. Вашему отцу и въ голову не придетъ, что вы не были на урокѣ, а профессору какое дѣло, онъ подумаетъ, что вы больны, вѣдь провѣрять никто не станетъ.

— Это... это невозможно...

— Это такъ просто, какъ вы себѣ и представить не можете. Выбросьте изъ головы, хоть на этотъ разъ, всѣ ваши понятія, мѣшающія вамъ жить.

Михайловъ снова взялъ ея обѣ руки и съ тоскою смотрѣлъ ей въ глаза, повторяя одинъ за другимъ всѣ приходившіе ему въ голову доводы. Незамѣтно они дошли до дверей его квартиры. Глаза Нелли расши-

Digitized by Google

рились еще сильнѣе, когда она переступила порогъ и очутилась въ ярко освѣщенной комнатѣ.

— Сядьте, сядьте,—говорилъ тѣмъ же прерывающимся голосомъ Михайловъ и подвелъ ее къ тахтѣ.

— Дурного въ этомъ ничего нѣтъ, поймите, вы мой единственный другъ, я больше никого и ничего не люблю.

Нелли автоматически сѣла. Лампа съ рефлекторомъ и огромный письменный столъ, уставленный фотографіями, и этажерка съ книгами, которые она видѣла въ первый разъ,—все закачалось и поплыло у нея въ глазахъ и ей казалось, что все это она видитъ во снѣ.

Михайловъ сталъ передъ нею на колѣни и снялъ съ ея головы бобровую шапочку, влажную отъ инея.

— Вотъ вы и у меня, вѣдь ничего страшнаго нѣтъ, правда нѣтъ?—говорилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

Нелли молчала.

— Нелли, утѣшьте меня, скажите мнѣ что-нибудь, вѣдь вы любите меня?

— Я не знаю, что вамъ нужно,—сказала она.

— Я извелся за это время. Меня давятъ тяжелыя предчувствія, можетъ быть, скоро умретъ моя мать, и я останусь одинъ,—но не въ этомъ даже вся тяжесть моего настроенія. Я не знаю, зачѣмъ я живу и зачѣмъ я учусь въ университетѣ, мнѣ стыдно такъ жить. Никогда и никому другому я въ этомъ не признавался, такъ какъ не признаются въ такихъ вещахъ тысячи людей, а вамъ я говорю, и мнѣ кажется, что одна вы только можете меня вывести изъ этого тяжелаго состоянія.

Digitized by Google

— Я думаю, это не въ моихъ силахъ. Все жъ я васъ не понимаю,—задумчиво сказала Нелли.—Работайте больше, читайте. Прочтите романъ Диккенса „Николай Никльби“, это моя любимая книга, тамъ настоящія несчастья описаны и люди умѣли переносить эти несчастья.

„Она не хочетъ меня понять“, подумалъ Михайловъ, „при чемъ тутъ книги?..“ Онъ сѣлъ рядомъ съ ней и вслухъ добавилъ:

— Мнѣ не книги нужны, мнѣ живого слова, ласки, сочувствія хочется.

— Я сочувствую вамъ, вы видите, я въ вашей комнатѣ.

— Я вижу это, моя славная Нелличка.—Михайловъ вдругъ обнялъ ее за талію и впился поцѣлуемъ въ ея губы.

Въ вискахъ у него застучало и въ одну секунду пересохло во рту.

Нелли съ усиліемъ отдернула свое личико, на ея рѣсницахъ заблестѣли слезы.

— Я не желаю, я не желаю...—отрывисто проговорила она и встала съ тахты.

— Нелли, голубчикъ, простите, я забылся, я сознаюсь...

Михайловъ опустилъ голову и, чтобы не встрѣчаться съ ея испуганными, влажными глазами, заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Чувствовалось ужасно неловко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ-то глубоко въ душѣ трепетала радость. Радость эта раздвоялась и происходила, во-первыхъ, отъ того, что, какъ ему казалось, въ отношеніяхъ съ Нелли былъ сдѣланъ огромный шагъ

Digitized by Google

впередъ,—и во-вторыхъ,—онъ испытывалъ чувство человѣка, случайно избѣжавшаго огромной, непоправимой опасности.

Личико Нелли горѣло. Она молча вытерла свои глаза носовымъ платкомъ, высморкалась и сказала упавшимъ голосомъ:

— Видите, что вы сдѣлали,—теперь я совсѣмъ не могу съ вами говорить. Я должна сейчасъ же уйти.

Михайловъ не удерживалъ ее и только повторялъ:

— Не сердитесь на меня, не сердитесь же, право, я не виноватъ.—Когда дверь въ квартиру профессора музыки за ней затворилась, Михайловъ вернулся къ себѣ и заперся на ключъ.

VI.

На другой день Михайловъ, злой и молчаливый, пошелъ въ университетъ, былъ на лекціи римскаго права и убѣдился, что совсѣмъ отсталъ отъ курса. Возвращаясь домой, онъ купилъ романъ Диккенса „Николай Никльби“, о которомъ говорила Нелли, а послѣ обѣда улегся на тахтѣ и попробовалъ читать, но романъ казался тягучимъ и онъ не могъ себѣ представить никого изъ безчисленныхъ дѣйствующихъ лицъ. „Можетъ быть, для англичанина такая книга — это цѣлое откровеніе, а мнѣ она кажется скучной“, подумалъ Михайловъ, одѣлся и снова вышелъ на улицу. Ясное ощущеніе недовольства собою не давало покоя и казалось, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, существованіе котораго было бы болѣе нелѣпо, чѣмъ его.

Digitized by Google

„За всю жизнь дѣлалъ только однѣ гадости и глупости“, думалъ онъ. Перепугалъ и взволновалъ дѣвочку, нравственно одинокую и потому беззащитную, которая никогда не будетъ ни моей женой, ни любовницей. Налгалъ, что буду писать сочиненіе, нанялъ дорогую квартиру и не видѣлъ въ этомъ году еще ни одной книги юридическаго содержанія... Обѣщалъ мамѣ писать часто, а не собрался отвѣтить на оба ея отчаянныхъ письма“...

Теперь у него было только два желанія; первое, по возможности дольше не встрѣчаться съ Нелли и, второе, поскорѣе дождаться конца ноября, уѣхать къ матери и разсказать ей все, все, что произошло за это время. Михайловъ былъ увѣренъ, что послѣ такого разговора почувствуетъ себя счастливымъ и способнымъ начать новую осмысленную жизнь, не похожую на ту, которой онъ жилъ до сихъ поръ.

Начать трудиться теперь же ему казалось невозможнымъ и ненужнымъ, потому что за одинъ мѣсяцъ все равно ничего нельзя сдѣлать. Чтобы время бѣжало быстрѣе, онъ рѣшилъ побольше развлекаться и весь слѣдующій день провелъ въ билліардной, гдѣ собирались студенты. Тамъ онъ обѣдалъ, выпилъ много вина и чуть было не отправился съ двумя товарищами, какъ они выражались, „къ женщинамъ“. Потомъ раздумалъ, подозвалъ другого извозчика, поднялъ воротникъ и поѣхалъ домой.

На душѣ уже не было такъ тяжело, отъ выпитаго кружилась голова и хотѣлось только спать. Отворившій двери швейцаръ подалъ ему телеграмму, которую принесли еще днемъ. Михайловъ скомкалъ ее и побѣжалъ

Digitized by Google

по лѣстницѣ наверхъ. „Значитъ—мамѣ плохо“, думалъ онъ, стараясь дрожавшей рукою поскорѣе найти въ карманѣ ключъ отъ квартиры. „Пожалуй, придется завтра же уѣхать... А можетъ она просто безпокоится, тогда протелеграфирую“. Въ комнатѣ онъ долго искалъ спичекъ, наконецъ нашелъ, зажегъ лампу и вскрылъ телеграмму. Сначала содержаніе ея показалось непонятнымъ, онъ прочелъ еще разъ и по его кожѣ пробѣжалъ морозъ отъ самыхъ пятокъ до затылка, а потомъ всей спинѣ стало жарко, точно на нее положили мочалку съ горячимъ мыломъ. Телеграмма была отъ управляющаго. Онъ сообщалъ о внезапной смерти матери и просилъ распоряженій. Опьяненіе и сонливость, которыя Михайловъ чувствовалъ на улицѣ, пропали въ одну секунду и у него сама собой вдругъ запрыгала нижняя челюсть. Онъ отошелъ къ окну, прислонился лбомъ къ холодной ставнѣ и тихо заплакалъ, едва замѣтно вздрагивая.

До отхода курьерскаго поѣзда пришлось побывать у знакомаго еврея Гринберга и занять денегъ. Услыхавъ печальную новость, Гринбергъ испуганно помоталъ своей гладко-выстриженной головою съ торчащими ушами и, согнувшись, пошелъ къ несгораемой кассѣ доставать деньги.

Михайловъ испортилъ два вексельныхъ бланка и, начавъ писать третій, спросилъ о процентахъ.

— Что значитъ проценты, развѣ я какой процентщикъ, что ли? Вы меня господинъ Михайловъ, оскорбляете. Я этими дѣлами не занимаюсь, а если бы и занимался, то ради такого случая не позволилъ бы себѣ

Digitized by Google

взять ни одной копейки процента,—сказалъ Гринбергъ, снова помоталъ головой и сталъ диктовать текстъ векселя на сто рублей.

„Боже мой, Боже мой, если бы я хоть на письмо ей отвѣтилъ..... Вѣдь этого нельзя исправить во всю жизнь, ничѣмъ, ничѣмъ“... съ ужасомъ думалъ Михайловъ, стараясь слушать голосъ Гринберга.

Получивъ деньги, онъ, крѣпко пожалъ Гринбергу руку, потомъ, не считая, высыпалъ ихъ въ карманъ и поѣхалъ домой за вещами. За все это время мысль о Нелли ни разу не пришла ему въ голову. Тяжелѣе всего прошла ночь въ поѣздѣ. Пока не закрылся вагонъ-ресторанъ, Михайловъ сидѣлъ тамъ и пилъ чай, а потомъ до самаго свѣта ходилъ взадъ и впередъ по коридорчику своего жарко натопленнаго вагона. По стекламъ оконъ безпрерывно сбѣгали дождевыя капли и не замѣтно было, когда взошло солнце. Поѣздъ почти безостановочно летѣлъ по мокрымъ, голымъ полямъ, изрѣдка оставляя въ сторонѣ деревню съ почернѣвшими соломенными крышами. Желто-сѣрый дымъ широкой полосою стлался вдоль вагоновъ, точно прилипая къ продрогшей землѣ. Поглядѣвъ на фигуру заспаннаго, промокшаго, укутаннаго въ башлыкъ стрѣлочника, Михайловъ подумалъ, что у этого бѣдняка на совѣсти, навѣрное, легче, чѣмъ у него, и ему захотѣлось очутиться на мѣстѣ стрѣлочника. Вспомнился почему-то Ванюхинъ, который могъ называться художникомъ только потому, что носилъ бархатную куртку и повязывалъ галстукъ узломъ. Картины его никогда не продавались и самымъ художественнымъ въ нихъ была подпись съ мудреными хвостами. Но Ванюхинъ

Digitized by Google

работалъ день и ночь и этой работой и писаніемъ иконостасовъ умудрялся кормить жену и двухъ дѣтишекъ, и Михайлову казалось, что такому человѣку всякій можетъ пожать руку, а на него долженъ смотрѣть съ преэрѣніемъ. За полчаса до станціи, на которой нужно было выходить, его снова придавилъ ужасъ, стали трястись руки и хотѣлось плакать.

На платформѣ Михайлова встрѣтилъ кучеръ Вакула въ мокромъ каучуковомъ плащѣ, надѣтомъ поверхъ тулупа и, какъ ему показалось, въ необычайно большихъ, блестѣвшихъ отъ воды, сапогахъ.

Вакула снялъ шапку, поклонился, потомъ, указавъ на вещи, принесенныя артельщикомъ, спросилъ:

— Оце усе?

— Все,—отвѣтилъ Михайловъ и вышелъ на крыльцо станціи, у котораго стояла знакомая ему коляска, запряженная четверкой вороныхъ лошадей съ подвязанными хвостами. Запахъ мокрой экипажной кожи и вылинявшая обивка напомнили дѣтство и поѣздки въ этой колескѣ съ матерью, и длинные разговоры съ ней, въ которыхъ не было неправды. Проѣхали вокзальное шоссе, свернули налѣво и копыта лошадей зачмокали по грунтовой дорогѣ.

Михайловъ долго молчалъ, потомъ спросилъ:

— Когда же это случилось?

— Въ четвергъ, передъ вечеромъ, — отвѣтилъ Вакула, и, не ожидая новаго вопроса, добавилъ: — „вышли они въ переднюю до управляющаго, какъ постоянно, потомъ сѣли на стулъ и сомлѣли. Пока за докторомъ сюды-туды, а онѣ уже и кончились.

— Что же она больна была передъ этимъ?

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ, только слабыи были, а такъ чтобы лежать, такъ не лежали.

— Кто же теперь тамъ, дома?

— Тетенька Анна Хведоровна вчерась пріѣхали, потомъ докторъ тамъ, предводитель, еще пріѣзжала тая... генеральша... Недрыбайлыха.

— Можетъ быть Адлербаумъ?—переспросилъ машинально Михайловъ.

— Она жъ, она. А управляющій въ городъ поѣхалъ за гробомъ, къ вечернему поѣзду за нимъ посылать еще надо.

Вакула вдругъ обернулся, снялъ шапку и заговорилъ другимъ жалобнымъ голосомъ:

— Теперь, Николай Николаевичъ, милости вашей прошу, не покидайте вы насъ. Управляющій разсчитать меня хочетъ, а куда я пойду, я во дворѣ у васъ и выросъ, и женился. И какъ ваша мамаша, царство имъ небесное, всегда довольніи мною были, такъ и вы довольніи будете. На весь, на весь уѣздъ не было такой барыни и не будетъ...

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Михайловъ и, прижавшись въ уголъ коляски, закусилъ нижнюю губу.

VII.

Въ передней онъ отдалъ на руки горничной пальто и подумалъ: „теперь нужно какъ можно лучше владѣть собою“, потомъ перекрестился и пошелъ прямо въ залъ.

Покойница лежала на столѣ, съ потемнѣвшимъ, точно испуганнымъ лицомъ. Въ комнатѣ еще носился сладковатый дымъ ладона, сквозь который ясно слышался другой тяжелый запахъ, напомнившій Михай-

Digitized by Google

лову аудиторію анатомическаго театра и лекцію по судебной медицинѣ. Приложиться къ вздувшейся, желтой рукѣ покойницы ему было непріятно и страшно.

Онъ перекрестился еще разъ, постоялъ нѣсколько минутъ возлѣ тѣла и вышелъ въ гостиную. Тамъ сидѣли: молодой священникъ, земскій врачъ въ сѣромъ пиджакѣ и нѣсколько дамъ въ траурѣ, говорившихъ шепотомъ. Изъ нихъ онъ узналъ только тетку, сгорбленную старушку, и поцѣловался съ ней три раза, а остальнымъ подалъ руку.

Вечеромъ служили вторую панихиду. Когда запѣли: „Со святыми упокой“, Михайловъ весь затрясся и разрыдался такъ, что его подъ руки увели въ другую комнату. Зато на другой день, во время отпѣванія и погребенія, онъ все время стоялъ спокойно и не произнесъ ни одного слова. Слѣдующіе дни прошли въ разговорахъ съ управляющимъ и прислугой. Онъ объявилъ имъ, что поживетъ здѣсь до новаго года и постарается сдѣлать для каждаго, что можетъ.

Во время этихъ разговоровъ ему казалось, что говоритъ не онъ, студентъ Михайловъ, а какой-то другой уже старый человѣкъ, не умѣющій ни сердиться, ни радоваться, ни печалиться. Онъ поблѣднѣлъ и осунулся, а по ночамъ долго не могъ уснуть. Два раза подъ-рядъ ему снилась Нелли, больная и со слезами на глазахъ. Михайловъ приказалъ ложиться въ своей комнатѣ Ѣакулѣ, который былъ ему симпатичнѣе другихъ. Днемъ онъ тоже избѣгалъ оставаться одинъ и, надѣвъ высокіе сапоги, ходилъ съ управляющимъ по усадьбѣ.

Digitized by Google

Собаки не узнавали его и лаяли, какъ на чужого, а управляющій, низенькій человѣкъ въ синей фуражкѣ, поднималъ съ земли щепочку или бумажку, грозилъ имъ и говорилъ:

— Пошли вы вонъ, съ ума посходили: на хозяина лаять.

На дворѣ все время лилъ дождь и шумѣлъ вѣтеръ, который ломалъ въ саду деревья, а по ночамъ жалобно стоналъ въ печкахъ. Нѣсколько разъ пріѣзжали въ гости сосѣди, мелкіе землевладѣльцы или кулаки сахаровары и пивовары. Настоящихъ помѣщиковъ въ уѣздѣ почти не осталось. Большинство изъ нихъ зимой жило въ Петербургѣ или, продавъ крестьянамъ дорожавшую съ каждымъ годомъ землю, переселилось навсегда въ городъ. Интеллигенція точно вымерла. Единственный человѣкъ, съ которымъ Михайлову нравилось говорить, былъ докторъ, но и онъ хандрилъ, пилъ много водки и жаловался на отсутствіе квартиръ.

Михайловъ предложилъ ему занять безплатно часть дома подъ квартиру и аптеку. Докторъ согласисся, но когда переѣхалъ, прежде всего заплатилъ за три мѣсяца впередъ. Если у доктора не было выѣзда, то послѣ пріема амбулаторныхъ больныхъ цѣлый день проводили вмѣстѣ и, разговаривая, засиживались до глубокой ночи.

Передъ тѣмъ какъ идти спать, докторъ потягивался на диванѣ, какъ котъ, и обыкновенно говорилъ:

— Послушайте, Николаша, право же, вы еще Николаша, а не Николай Николаевичъ, мнѣ безъ васъ будетъ скучно, но уѣзжайте вы, голубчикъ, поскорѣе,

Digitized by Google

не то и университетъ вашъ пропалъ и не только университетъ, а и голова, и здоровье, и нервы, все...

Михайловъ мысленно соглашался съ нимъ, но возвращаться въ Одессу ему не хотѣлось и онъ послалъ прошеніе о переводѣ въ московскій университетъ. Перевода почему-то долго не разрѣшали. Пришлось писать письма къ вліятельнымъ знакомымъ и послать еще нѣсколько прошеній; все это затянулось до половины января. За два мѣсяца Михайловъ сблизился съ докторомъ еще больше и какъ-то разсказалъ обо всемъ, что произошло у него съ Нелли. Потомъ помолчалъ, вздохнулъ и добавилъ:

— Собственно говоря, удирать теперь въ Москву, съ моей стороны, подлость, и эта мысль не даетъ мнѣ покоя. На себя и на весь этотъ глупый романъ мнѣ открыла глаза только смерть матери, а то бы я Богъ знаетъ до чего дошелъ. Но отъ этого не легче, совѣсть меня ужасно мучаетъ... Вы знаете, докторъ, я уже вторую ночь не могу уснуть... А передъ мамой какъ я виноватъ...

— При чемъ тутъ совѣсть, разстроили себѣ нервы и валите на совѣсть, — отвѣтилъ докторъ, подергивая ногою, и продолжалъ: — все это такъ естественно, такъ естественно, не понимаю, въ чемъ вы себя обвиняете?.. Вѣдь вы кусокъ природы, и эта природа непремѣнно хочетъ, чтобы рано или поздно у васъ было потомство, а потому изо всѣхъ силъ толкаетъ васъ къ женщинѣ и старается дать вамъ ее подъ такимъ соусомъ, какимъ васъ легче всего соблазнить. Въ данномъ случаѣ и золотистые волосы, и интеллигентность, и чудесное сердце, и деспотъ отецъ и все такое...

Digitized by Google

— Если такъ разсуждать, то стоитъ ли послѣ этого жить на свѣтѣ?—уныло протянулъ Михайловъ.

— Голубчикъ вы мой, голубчикъ вы мой, кто же говоритъ, что стоитъ, но та же природа, для достиженія своихъ цѣлей, вселила въ васъ и въ меня жажду жизни и мы изо всѣхъ силъ все-таки будемъ охранять себя отъ смерти. Былъ у меня одинъ пріятель, все онъ стремился стать выше толпы и сдѣлаться извѣстнымъ и знаменитымъ. Какъ-то, болтая съ нимъ, я успѣлъ его убѣдить, что ни больше ни меньше того, что онъ можетъ сдѣлать, онъ не сдѣлаетъ, и всѣ его старанія напрасны. Тотъ даже втупикъ сталъ, а между тѣмъ это такъ просто. Можетъ быть, я нахалъ, но я твердо увѣренъ, что число несчастныхъ людей въ отношеніи къ числу счастливыхъ, вездѣ и всегда, есть величина постоянная. Для того, чтобы измѣнить это отношеніе, нужно измѣнить самую природу человѣка. Скажутъ, что это возможно, а по моему невозможно. Всѣ усилія въ этомъ отношеніи будутъ похожи на труды Тришки, задумавшаго передѣлать свой кафтанъ. Станутъ люди культурнѣе,—нервная система ихъ станетъ болѣзненнѣе. Налягутъ на физическое развитіе, обязательно получится ущербъ въ нравственной чуткости. А середины нѣтъ и быть не можетъ. То же и въ жизни отдѣльныхъ субъектовъ. Вотъ васъ совѣсть мучитъ, значитъ, вы не безсовѣстный. Черезъ полгода она васъ будетъ мучить меньше, а черезъ годъ совсѣмъ притихнетъ. Съ нравственной стороны это будетъ худо, а зато съ физической хорошо,—нервы, значитъ, въ порядокъ пришли. Фалды урѣзали, зато рукава приточали.

Digitized by Google

Вотъ, милый, что. Не я эту философію выдумалъ, — всѣ ее знаютъ, да почему-то не хотятъ съ ея выводами согласиться. Оно, конечно, отчасти понятно почему,—обидно. Какъ-же съ, помилуйте, высшее существо и вдругъ съ собою ничего подѣлать не можетъ... Дѣлаютъ все время да природа...

Все, что говорилъ въ этотъ разъ докторъ, почему-то не понравилось Михайлову и произвело на него тяжелое впечатлѣніе.

Спорить ему не хотѣлось. Вполнѣ яснымъ представлялось только то, что нужно поскорѣе уѣзжать и начать жить совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ. Передъ отъѣздомъ онъ разсчиталъ управляющаго. Вакулу же съ семьей оставилъ и просилъ доктора провѣрять счеты, когда будетъ продаваться хлѣбъ.

Въ самый день отъѣзда выпалъ глубокій снѣгъ и до станціи ѣхали на тройкѣ, запряженной гусемъ. Въ воздухѣ пахло чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ, а ночное небо казалось матовымъ, темно-синимъ, какимъ оно лѣтомъ никогда не бываетъ.

Провожавшій Михайлова докторъ за ужиномъ много выпилъ и всю дорогу повторялъ:

— Только слушайте, слушайте, если вы въ этомъ году не выдержите экзаменовъ и захотите перейти на медицинскій факультетъ, то поступайте лучше въ кочегары, въ дворники, сдѣлайтесь наборщикомъ, актеромъ, чѣмъ хотите, но не земскимъ врачемъ. Быть честнымъ земскимъ врачемъ, это все равно, что пуститься пѣшкомъ въ далекую дорогу и надѣть немилосердно жмущіе ботинки, въ которыхъ вы никогда не пойдете скорымъ и ровнымъ шагомъ, а попрыгаете

Digitized by Google

сначала на одной ногѣ, затѣмъ на другой и, предположивъ, что вы этихъ ботинокъ снять не имѣете никакой возможности, вы, въ концѣ концовъ, должны будете ползти на четверенькахъ...

На станціи снова выпили и закусили, а передъ третьимъ звонкомъ крѣпко расцѣловались.

VIII.

Новый городъ и новые люди Михайлова очень заинтересовали, и воспоминанія о послѣднихъ мѣсяцахъ жгли не такъ сильно.

Множество церквей, Кремль, огромные дома рядомъ съ одноэтажными деревянными, извозчики, запрашивающіе полтинникъ и соглашающіеся сейчасъ же везти за четвертакъ, купцы, бабы—все это было оригинальное, совсѣмъ иное чѣмъ онъ привыкъ видѣть на югѣ. Ночью, часа въ три, гдѣ-то далеко всегда звонилъ колоколъ и звукъ его, густой и мягкій, какъ отъ удара басового клавиша рояля, медленно несся въ воздухѣ. Подъ этотъ вибрирующій гулъ хорошо думалось.

Михайлову нравилось, по вечерамъ, уходить въ кондитерскую Филиппова и, сидя за столикомъ, сознавать, что изъ тысячи разговаривающихъ и снующихъ взадъ и впередъ людей—ни одинъ его не знаетъ, не подойдетъ и не заговоритъ о томъ, о чемъ такъ непріятно вспоминать.

Осмотрѣвшись, онъ накупилъ учебниковъ, нанялъ квартиру на Малой Бронной и весь отдался занятіямъ.

Digitized by Google

Постоянный трудъ и безсонныя ночи за книгами давали наслажденіе, похожее на какой-то утонченный наркозъ. Цѣль этихъ занятій—дипломъ представлялся только однимъ изъ средствъ устроить свою жизнь такъ, чтобы другіе въ нее не вмѣшивались. А жить нужно стараться, какъ онъ думалъ, такимъ образомъ, чтобы возможно больше завоевать счастья для себя и помогать другимъ добиваться того, что составляетъ счастье съ ихъ точекъ зрѣнія. Иногда, измученный, онъ склонялся на письменный столъ и, охвативъ голову руками, закрывалъ глаза, и ему ясно представлялся морской берегъ, и Нелли, и синее бирюзовое небо и слышался монотонный глухой шумъ волнъ. Михайловъ испуганно поднималъ голову, закуривалъ новую папиросу и думалъ:

— Въ сущности это хорошо, что я здѣсь, въ Москвѣ. Я самъ не зналъ, чего хотѣлъ, и навѣрное принесъ бы бѣдной дѣвочкѣ много горя. Должно быть—есть таки сила, которая устраиваетъ такъ, что результатомъ большого несчастья одного бываетъ счастье другого. Навѣрное и Нелли рада моему отъѣзду... Полюбить меня она не могла, а такъ показалось ей... Если бы я женился на ней, я бы съ ума сошелъ сначала отъ ея корректности, а потомъ отъ ея сентиментальности; черезъ двадцать лѣтъ она навѣрное обратилась бы въ копію своей мамаши... и ему припомнилась фигура старой англичанки, выходящей изъ воды. Мысли эти тревожили его все рѣже и рѣже, а къ веснѣ Михайловъ не могъ уже себѣ ясно представить личика Нелли. Чтобы сохранить о ней воспоминаніе, онъ заказалъ роскошный переплетъ для романа: „Николай Никльби“

Digitized by Google

и на углу книги велѣлъ вытѣснить золотомъ „Нелли“, но самой книги такъ и не прочелъ.

Полугодіе пробѣжало необыкновенно быстро. Первые три экзамена сошли отлично. Хотѣлось выдержать такъ же и остальные. Михайловъ пріучился спать не больше пяти часовъ въ сутки и выкуривалъ за ночь цѣлую сотню папиросъ. Получивъ дипломъ, онъ не обрадовался. Хотѣлось только отдохнуть отъ страшной усталости. Ему казалось, что все это время онъ бѣжалъ впередъ безъ оглядки и теперь вдругъ остановился. Нервы совсѣмъ разстроились. Безъ всякой причины его начинало вдругъ тошнить и вмѣстѣ съ этимъ хотѣлось плакать.

Все лицо его стало угрюмымъ и непривѣтливымъ, и встрѣчные люди сторонились отъ него, какъ отъ пьянаго. Выѣхать домой онъ сейчасъ же не могъ, потому что не прислали еще денегъ.

Михайловъ ясно представлялъ себѣ всю свою усадьбу, какою она должна быть теперь. Домъ съ набитой надъ парадным крыльцомъ вывѣской „Земская аптека“, по двору ходятъ незнакомые и не считающіе его за хозяина больные мужики и бабы. Покривилась купальня надъ застывшимъ прудомъ. Въ саду дорожки поросли травой, тамъ гуляетъ и насвистываетъ печальные мотивы докторъ, послѣ разговоровъ съ которымъ на душѣ дѣлается еще безнадежнѣе.

Все это разстроитъ еще сильнѣе.

Прежде, чѣмъ ѣхать въ деревню, онъ рѣшилъ путешествовать. Когда почтальонъ принесъ повѣстку съ переводомъ на пятьсотъ рублей, Михайловъ сос

Digitized by Google

себѣ такой маршрутъ: Харьковъ, Ростовъ, Владикавказъ, затѣмъ по военно-грузинской дорогѣ до Тифлиса, оттуда въ Батумъ и моремъ до Севастополя, чтобы не быть въ Одессѣ и не разстраивать себя воспоминаніями, отъ которыхъ на душѣ дѣлалось стыдно и досадно.

На все путешествіе съ остановками ушло три недѣли. За это время онъ точно переродился,—прекрасно спалъ, съ аппетитомъ ѣлъ, знакомился съ пассажирами и ухаживалъ за хорошенькими попутчицами. И воспоминанія его не мучили. Въ Батумѣ на пароходѣ передъ третьимъ гудкомъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ и думалъ:

— Несомнѣнно, въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа, а здоровье приходитъ отъ возможно близкаго общенія съ природой. Докторъ былъ правъ, говоря, что все мое чувство къ Нелли было вполнѣ нормальнымъ, и въ сущности я ничего худого не сдѣлалъ. Не виноватъ я и передъ матерью. Разстроились нервы, вотъ и лѣзла всякая чепуха въ голову.

Глядя съ моря на кавказскія горы, онъ мысленно прощался съ ними. Возлѣ Сочи берегъ былъ особенно красивъ. Солнце вдругъ ушло за далеко протянувшуюся фіолетовую тучу. Лучи золотили ея края и задумчивыя, неподвижныя снѣжныя вершины далекихъ горъ. Туча отражалась въ водѣ, и все море подъ нею стало тоже фіолетовымъ, а на горизонтѣ блестѣла, будто стальная, ярко вычищенная, тоненькая полоска.

За Новороссійскомъ берега стали пологими и пустынными. Въ Ѳеодосію пришли ночью, когда взошла луна. Михайловъ не пошелъ въ городъ, а лежалъ въ каютѣ на койкѣ.

Digitized by Google

Глядя въ иллюминаторъ, онъ любовался блестками луннаго свѣта на морѣ и думалъ, что эту искрящуюся безконечную полосу назвали „дорогой къ счастью“, вѣроятно, потому, что у нея нѣтъ конца.

Послѣ второго гудка лакей внесъ въ его каюту два чемодана съ никкелированными застежками и затѣмъ вошелъ старый господинъ въ элегантномъ дорожномъ костюмѣ, съ холщевой каской на головѣ, которую въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ почему-то называютъ: „здравствуйте—прощайте“. Сапоги пассажира легко поскрипывали по коврику каюты. Этотъ скрипъ и вся фигура новаго пассажира показались Михайлову знакомыми и его сердце учащенно заработало. Какое-то чутье, еще ранѣе и вѣрнѣе, чѣмъ глаза, подсказало, что этотъ старикъ—Вилькинсъ. Англичанинъ разложилъ на своей койкѣ зонтикъ, двѣ палки, сумку съ биноклемъ и обернулся. Увидѣвъ Михайлова, онъ очень вѣжливо отвѣтилъ на его поклонъ, подалъ ему руку и гортаннымъ голосомъ пропѣлъ:

— А, а, а...

Заговорили по-французски. Волненіе Михайлова мало-по-малу улеглось, его точно придавилъ спокойный тонъ Вилькинса. Вспомнили исторію съ часами. Вилькинсъ назвалъ даже день, въ который это случилось. „Ну, и память же у него“, подумалъ Михайловъ и спросилъ:

— Гдѣ же теперь вся ваша симпатичная семья?

— О, они далеко. — Англичанинъ, не спѣша, вынулъ сигару, обрѣзалъ ее, попросилъ позволенія закурить и, усѣвшись на своей койкѣ, медленно началъ разсказывать.

Digitized by Google

Говорилъ онъ на плохомъ французскомъ языкѣ и постоянно останавливался, подыскивая подходящее выраженіе, и Михайловъ узналъ вотъ что. Въ минувшемъ году дѣла Вилькинса очень пошатнулись, поэтому онъ рѣшилъ переселиться на родину въ Нью-Кестль, гдѣ ему братъ предлагалъ вступить въ компанію, для веденія выгоднаго предпріятія по продажѣ хлопка. Прежде, чѣмъ уѣзжать, необходимо было покончить съ послѣдними операціями здѣсь. Устроить все, какъ слѣдуетъ, помѣшало совершенно постороннее обстоятельство. Его старшая дочь Нелли, обладавшая вообще дурнымъ характеромъ, стала сперва просить, а затѣмъ требовать денегъ для поѣздки въ Москву, гдѣ она хотѣла закончить свое образованіе.

Нелли была такъ настойчива, что успѣла привлечь на свою сторону мать. Чтобы помѣшать имъ сдѣлать этотъ неблагоразумный шагъ, пришлось сейчасъ же всѣмъ ѣхать за границу. Боясь, что слабохарактерная мистрисъ Вилькинсъ не сумѣетъ тамъ справиться съ дочерью, онъ помѣстилъ Нелли въ одномъ изъ городовъ сѣверной Англіи въ пансіонѣ миссъ Клафтонъ, извѣстной своимъ умѣньемъ исправлять даже самые испорченные характеры, а остальную семью временно поселилъ у брата въ Нью-Кестлѣ. Благодаря этому пришлось потерять много денегъ и еще разъ возвратиться въ Россію.

Если бы онъ согласился на поѣздку Нелли въ Москву, то несомнѣнно съ ней поѣхала бы и мать и остальная семья, и переѣздъ въ Нью-Кестль не состоялся бы совсѣмъ, а также ушло бы изъ рукъ и предпріятіе, и тогда было бы потеряно еще больше денегъ.

Digitized by Google

— Почему миссъ Нелли желала учиться именно въ Москвѣ?—спросилъ упавшимъ голосомъ Михайловъ.

— А-а-а, это мнѣ совершенно непонятно, но я объясняю себѣ такое стремленіе вліяніемъ тѣхъ русскихъ барышень, съ которыми она познакомилась на урокахъ. Я очень люблю свою дочь, теперь я буду платить за нее двѣсти фунтовъ стерлинговъ въ годъ только, чтобы она получила настоящее воспитаніе.

„Потому только, что ты боишься нарушить свое собственное спокойствіе и потерять впослѣдствіи гораздо больше стерлинговъ“... подумалъ Михайловъ и, изо всѣхъ силъ сдерживая охватившее его волненіе, вышелъ на палубу.

Спать въ одной каютѣ съ Вилькинсомъ онъ уже не могъ и ему казалось, что, оставшись съ нимъ вдвоемъ, ночью онъ можетъ задушить этого любящаго отца. На душѣ было снова тяжело.

„Бросить все, поѣхать разыскать ее, думалъ онъ. Разыскать... а дальше что? Сказать, что я ее люблю,— но вѣдь это неправда. Если я стану ея мужемъ, я заскучаю и брошу ее, это навѣрное. Выйдетъ еще хуже. Что же дѣлать?“

Онъ всталъ, заходилъ взадъ и впередъ по палубѣ и закашлялъ, чтобы искусственной болью въ горлѣ хоть на секунду отогнать отъ себя отвѣтъ, который опредѣлился въ его головѣ еще во время разговора съ англичаниномъ въ каютѣ.

— „Поскорѣе ѣхать домой, заняться дѣломъ и забыть навсегда и Нелли, и ея дальнѣйшую судьбу“, говорилъ разсудокъ.

Digitized by Google

Михайловъ зналъ, что онъ такъ и поступитъ, но въ то же время чувствовалъ, что гдѣ бы онъ ни жилъ, чѣмъ бы ни занимался, и въ какомъ бы состояніи ни находились его нервы, а время отъ времени онъ будетъ вспоминать, что исковеркалъ лучшія чувства ни въ чемъ неповиннаго передъ нимъ существа, и отъ этихъ воспоминаній на душѣ вдругъ точно закричитъ кто, и этого крика ничѣмъ не заглушишь.

Уже встало солнце. Его лучи перламутровой дорожкой побѣжали по тихому серебристому морю. На пароходѣ скатили палубу, запахло особой свѣжестью соленой воды и мокрымъ деревомъ. Подходили къ Ялтѣ.

Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ

Во второмъ часу дня пассажирскій пароходъ вышелъ изъ Севастопольской бухты, повернулъ возлѣ красной торчавшей изъ воды вѣхи и взялъ курсъ на Ялту. Винтъ работалъ, взбивая за собой зеленоватую пѣну и потряхивая кормовую часть, изъ-подъ которой непрерывно звучали его мѣрные удары—бук... бук... бук... Сентябрь только что начался, и погода стояла хорошая; изрѣдка только налеталъ порывистый вѣтерокъ и шевелилъ перья на шляпахъ дамъ. Большинство публики сидѣло на палубѣ. Любовались темно-синимъ цвѣтомъ моря и стоявшими на рейдѣ броненосцами. Молодыя и старыя, но всѣ нарядныя дамы сидѣли рядомъ на скамейкахъ, и у каждой было что-нибудь въ рукахъ: или ридикюль, или книжка, или тоненькая палочка. Мужчины больше ходили, знакомились, громко разговаривали и покупали у пароходнаго книгопродавца открытыя письма съ изображеніями обнаженныхъ женщинъ. Среди пассажировъ перваго класса, которыхъ было много, выдѣлялся таможенный чиновникъ Шатиловъ. Его форменная поношенная тужурка, застегнутая до самаго верха, чтобы не было видно не совсѣмъ свѣжей манишки, была не

Digitized by Google

похожа ни на франтовскіе дорожные костюмы штатскихъ, ни на бѣлые, точно натертые магнезіей, кителя офицеровъ. По выраженію молодого, но усталаго и казавшагося сердитымъ, лица Шатилова сразу можно было заключить, что это не туристъ и не больной. Шатиловъ тоже все время ходилъ, почти бѣгалъ по палубѣ и чувствовалъ себя среди этой публики грустно и одиноко. Ѣхалъ онъ не въ Ялту, а въ Ѳеодосію къ холостому брату, армейскому офицеру, погостить, отдохнуть отъ канцелярщины, отъ крика дѣтей и, главное, посовѣтоваться насчетъ своихъ денежныхъ, сильно запутанныхъ дѣлъ. Скоро на палубѣ ему стало скучно и захотѣлось ѣсть, потому что дома въ этотъ день онъ не завтракалъ. Шатиловъ спустился внизъ въ каютъ-кампанію. Здѣсь одинъ изъ столовъ былъ накрытъ скатертью. За нимъ сидѣли упитанный господинъ съ бычьей физіономіей и дама восточнаго типа въ красной шляпѣ. Они говорили по-французски, ѣли осетрину, запивая ее бѣлымъ виномъ, и чему-то смѣялись. На другомъ концѣ стола пріютился худой, точно высохшій, господинъ въ сѣромъ пиджакѣ, съ желтымъ вытянувшимся въ треугольникъ лицомъ. Передъ нимъ стояла бутылка съ содовою водою и пузырекъ темнаго стекла съ пилюлями. Шатиловъ сѣлъ недалеко отъ этого господина, покосился на пару, говорившую по-французски, на ихъ тарелки, потомъ подозвалъ лакея и тоже спросилъ осетрины. Прошло минутъ пять.

— Вотъ вѣдь и буфетъ близко, и осетрина холодная у нихъ всегда есть, а ушелъ и пропалъ,—сказалъ Шатиловъ не то въ пространство, не то обращаясь къ своему сосѣду.

Digitized by Google

— У насъ на волжскихъ пароходахъ на этотъ счетъ лучше,—прошепталъ высохшій господинъ.

— Что-съ?—переспросилъ, не разслышавъ, Шатиловъ.

— Я говорю, что у насъ, то-есть на Волгѣ, на этотъ счетъ лучше: прислуга бойчѣе,—снова прошепталъ господинъ, какъ-то по-дѣтски улыбнулся и, указывая себѣ на горло пальцемъ, добавилъ,—боленъ я, голосъ у меня совсѣмъ пропалъ.—Онъ выговаривалъ всѣ гортанныя буквы, какъ х, и послѣ каждой фразы нѣсколько секундъ отдыхалъ.

— Не знаю, я на Волгѣ не бывалъ,—сказалъ Шатиловъ и, увидавъ, что лакей несетъ осетрину, откинулся на спинку кресла, чтобы тому удобнѣе было поставить приборъ.

— Ну, а водку?.. и закусить чего-нибудь!

— Сію минуту-съ!—Лакей нагнулъ голову впередъ и побѣжалъ, помахивая салфеткой.

— Говорятъ, водка помогаетъ отъ морской болѣзни,—произнесъ сосѣдъ Шатилова, когда лакей принесъ графинчикъ и закуску.

— Это вздоръ! Кого укачиваетъ, тому ничего не помогаетъ. Лучшее средство, и то не совсѣмъ дѣйствительное, это лечь на спину и лежать, а водка тутъ не при чемъ,—такъ, дурная привычка и больше ничего.—Шатиловъ налилъ рюмку, выпилъ ее, закусилъ икрой и сталъ рѣзать осетрину.

Отъ сосѣда шелъ удушливый запахъ креозота. Видъ его изможденнаго лица съ жидкой бородкой и такими же усами, его черные зубы и выраженіе мутныхъ, медленно поворачивавшихся, точно умолявшихъ о чемъ-то глазъ,

Digitized by Google

портили Шатилову аппетитъ. Раздражалъ также черезчуръ громкій, непонятный, и потому казавшійся неумѣстнымъ, разговоръ господина съ бычьей физіономіей и его дамы. И Шатиловъ подумалъ, что хорошо было бы уйти за другой столъ въ кормовую часть салона, но сдѣлать это будетъ неловко.

Третьяго дня онъ съ трудомъ выпросилъ у начальника таможни отпускъ на десять дней. Уѣзжая, онъ увѣрялъ жену, что ему необходимо окончательно переговорить съ братомъ относительно продажи дома, доставшагося имъ въ наслѣдство отъ дяди. Домъ былъ старый, полуразвалившійся и два раза заложенный, отъ продажи его никакой прибыли ожидать было нельзя. Жена понимала это и въ день отъѣзда цѣлое утро съ негодованіемъ повторяла:

— Вотъ человѣкъ, вотъ человѣкъ!.. Отлично знаетъ, что въ семьѣ нѣтъ лишней копейки, знаетъ, что домъ этотъ никогда не продастся, и со спокойной душой отправляется тратить сорокъ—пятьдесятъ рублей;—и снова заканчивала своей любимой фразой, точно припѣвомъ:—вотъ человѣкъ, вотъ человѣкъ...—и эти два простыя слова били его по нервамъ, какъ оскорбительныя или бранныя.

Шатилову хотѣлось, чтобы съ нимъ поѣхала и отдохнула и жена, которую онъ любилъ и которую ему было жаль, но онъ зналъ, что она не согласится оставить дѣтей, и не смѣлъ ей возражать, а ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и думалъ: „А все-таки уѣхать нужно, ради той же самой Наташи. Я сталъ невыносимъ. Я придираюсь къ каждому ея слову. Я мучу и ее, и дѣтей, и себя отъ того, что у меня со-

Digitized by Google

всѣмъ разстроены нервы. Передъ самымъ ничтожнымъ несчастьемъ я падаю духомъ. Если я потрачу на эту поѣздку и на прожитье, въ общемъ, сорокъ рублей, то отъ этого особенно долговъ не прибавится, но зато я приду въ себя, стану предпріимчивѣе, веселѣе... Да и братъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, найдетъ какой-нибудь способъ поскорѣе намъ раздѣлиться... Наташа соскучится и обрадуется".

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, чтобы не слышать упрековъ жены, Шатиловъ долго сидѣлъ у воротъ на лавочкѣ. Городъ мало-по-малу затихалъ. Въ сосѣдней квартирѣ играли вальсъ, нѣжный и успокаивающій, потомъ слышно было, какъ стукнула крышка рояля, и затворилось окно. Прогремѣлъ далеко извозчичій фаетонъ и вдругъ затихъ,—должно быть, подвезъ кого-то къ крыльцу. Высоко, высоко, казалось подъ самыми звѣздами, прозвучалъ жалобный крикъ летѣвшихъ на югъ куликовъ,—ті-ю, ті-ю... Ихъ стонущее посвистываніе напомнило Шатилову студенчество, каникулы и охоту, когда, выѣхавъ еще съ вечера на болото, онъ, укрытый тулупомъ, лежалъ на телѣгѣ въ ожиданіи разсвѣта и слышалъ надъ собою точно такое же стонущее задумчивое посвистываніе куликовъ. Стало жаль молодости и самого себя. Спалось потомъ плохо. Шатиловъ долго ворочался въ постели и вспоминалъ всю свою жизнь. Женился онъ по любви, послѣ окончанія университета, когда сталъ получать на службѣ тысячу двѣсти рублей въ годъ. У Наташи были ея полторы тысячи, которыя ушли въ первый же годъ на устройство квартиры, на поѣздки и на платья. Сама Наташа была тогда худенькая, хорошенькая блонди-

Digitized by Google

ночка, съ задумчивыми черными глазами и правильнымъ носикомъ. Сослуживцы называли ее принцессой Грезой, а когда Шатиловъ шелъ съ ней по улицѣ, прохожіе часто оглядывались, чтобы посмотрѣть на ея красоту. Жили тихо, только другъ для друга, и никогда не ревновали. Послѣ рожденія перваго мальчика вдругъ стало не хватать денегъ. Шатиловъ тайкомъ отъ жены бѣгалъ и доставалъ взаймы иногда пять рублей, иногда три и потомъ увѣрялъ, что эти деньги остались еще отъ двадцатаго и печалиться не о чемъ, а самъ старался смотрѣть весело и побольше шутить. Съ теченіемъ времени, послѣ каждаго такого займа у него начинала болѣть голова, и, сказавъ женѣ, что идетъ по дѣлу, онъ долго слонялся по улицамъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Послѣ рожденія второго сына Наташа долго болѣла. Пятирублевыми займами уже нельзя было помочь. Пришлось дать сначала одинъ вексель въ двѣсти рублей и потомъ другой въ полтораста, но денегъ все-таки не хватало. Обращаться къ роднымъ было безполезно, потому что они помочь не могли. Случилось нѣсколько размолвокъ съ женою, которая упрекнула его въ неумѣньи жить. Тайкомъ отъ нея Шатиловъ далъ еще одинъ долгосрочный вексель, и казалось, что дѣла временно устроены. Не было только покоя. Ему часто снилось, будто онъ умеръ, и къ нимъ въ квартиру пришелъ судебный приставъ описывать мебель. Проснувшись, онъ долго ворочался и курилъ одну папиросу за другою до самаго утра. Жена похудѣла и подурнѣла, и прохожіе уже не оборачивались, чтобы посмотрѣть на нее. Шатиловъ застраховалъ свою жизнь. Узнавъ объ

Digitized by Google

этомъ, Наташа разсердилась, и ей было жаль денегъ каждый разъ, когда нужно было платить взносъ.

— Все-таки ѣдешь?—спросила она звенящимъ отъ досады голосомъ, когда онъ вернулся изъ таможни съ отпускнымъ свидѣтельствомъ въ рукахъ.

— Ѣду.

— Ну, такъ и завтракай, гдѣ хочешь!

— Объ этомъ не безпокойся,—отвѣтилъ Шатиловъ, потомъ подошелъ къ женѣ, насильно поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Наташа, голубчикъ, я знаю, тебѣ тяжело, но не легко и мнѣ. Не сердись... Право же и для тебя, и для меня будетъ лучше.

Она сморщила носъ, махнула рукой и только повторила:

— Вотъ человѣкъ, вотъ человѣкъ!..

На пристани, подойдя къ окошечку кассы, Шатиловъ подумалъ и взялъ билетъ перваго класса. Разница въ трехъ рубляхъ между первымъ и вторымъ классомъ казалась ему слишкомъ незначительною, и въ то же время до страсти хотѣлось, хоть на время, очутиться въ обстановкѣ, среди которой ничто не напоминало бы ни о своей, ни о чужой нуждѣ. На пароходѣ тревожное состояніе все-таки долго не покидало его, и успокоился онъ только тогда, когда выпилъ двѣ рюмки водки и поѣлъ. Разговоръ сидѣвшихъ на другомъ концѣ господина и дамы уже не казался неумѣстнымъ, и улеглось чувство брезгливости къ больному сосѣду. Глядя вслѣдъ лакею, уносившему приборъ, Шатиловъ думалъ:

Digitized by Google

„Въ сущности, я ужасная скотина, и больше ничего. Выпилъ, поѣлъ и уже чувствую себя веселѣе. Весь, весь рѣшительно зависишь отъ того, сытъ ты или голоденъ, здоровъ или боленъ физически и нравственно. Машина—и больше ничего. Дай топлива и смажь—ѣдетъ, не дай,—чортъ знаетъ, какъ работаетъ, а если и работаетъ, питаясь еще старой смазкой, то все равно черезъ очень короткій промежутокъ времени непремѣнно станетъ. Стоитъ ли послѣ этого бояться смерти? А вотъ онъ, навѣрное, ея ужасно боится, подумалъ Шатиловъ и поглядѣлъ на сидѣвшаго рядомъ чахоточнаго. Больной почувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, обернулся и тихо спросилъ:

— Вамъ часто приходится ѣздить по морю? „Пожалуйста, не отвѣчай односложно, а поддерживай разговоръ и не давай мнѣ этимъ чувствовать такъ остро свое одиночество и безпомощность“, говорили его выцвѣтшіе, грустные глаза.

— Да, довольно часто,—отвѣтилъ привѣтливо Шатиловъ.

— Ну, какъ по вашему, будетъ сегодня качать или нѣтъ?

— Судя по вѣтру, немного покачаетъ послѣ того, какъ пароходъ повернетъ за маякъ, но только чуть-чуть и не долго, пока носомъ снова по зыби станемъ.

— Мнѣ говорили, что морская болѣзнь—это ужасная вещь.

— Да, непріятная, только сегодня врядъ ли кого укачаетъ.

— Ну и слава Богу, такъ мнѣ и въ городѣ говорили, я оттого и не поѣхалъ на лошадяхъ. Впрочемъ,

Digitized by Google

больному вездѣ плохо, вездѣ тяжело. Пробылъ я лѣто на кумысѣ, прибавилось во мнѣ четыре фунта вѣсу, потомъ заѣхалъ домой, тамъ вышли непріятности. Пошла кровь горломъ, и все на смарку. Теперь я сюда, въ Ялту. Говорятъ, климатъ этотъ чудеса дѣлаетъ. Проживу здѣсь до мая и снова на кумысъ...

„Врядъ ли ты и до Рождественскихъ праздниковъ дотянешь“, подумалъ Шатиловъ, и въ немъ вдругъ заволновались ужасъ и острое чувство жалости къ этому приговоренному къ смерти человѣку.

— Да, здѣшній климатъ дѣйствительно дѣлаетъ чудеса. Я вотъ четыре года, какъ живу на югѣ. Пріѣхалъ сюда тоже и кровью харкалъ, едва ногами шевелилъ, а теперь чувствую себя очень сносно,—медленно проговорилъ Шатиловъ, стараясь тономъ голоса не выдать своей лжи, такъ какъ никогда кровью не харкалъ и всю жизнь прожилъ на югѣ.

— Что-о-о вы?—протянулъ больной, наклонилъ голову на бокъ, и глаза его вдругъ засвѣтились любопытствомъ.

— Да, да, да!

— Это хорошо, только говорятъ, не всѣмъ одинаково помогаетъ.

— Почти всѣмъ, если только болѣзнь не запущена, а у васъ она, кажется, еще не сильно развилась.

— Да, мнѣ въ Харьковѣ профессоръ Кремянскій говорилъ, что дѣла мои не очень плохи...—больной передохнулъ и добавилъ:—позвольте познакомиться, хлѣбный торговецъ Яковъ Константиновичъ Соколовъ, приволжскій житель.

Digitized by Google

Шатиловъ назвалъ свою фамилію и, пожавъ влажную руку Якова Константиновича, подумалъ: „нужно будетъ сходить внизъ въ каюту и вымыться“.

— Такъ вы говорите, что и кровью харкали, ну, а палочки эти были?

— Этого не знаю, я ни за что не хотѣлъ изслѣдовать мокроту, — къ чему?—сказалъ Шатиловъ и почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Теперь вы на видъ совершенно здоровый человѣкъ.

— Будете и вы такимъ.

— Дай-то Богъ! Это вы меня утѣшили, ахъ, какъ утѣшили! Какъ будто качаетъ, а? У меня голова вродѣ немного закружилась.

— Нѣтъ, пустяки, должно быть, поворачиваемъ.

— Коли здѣсь не поправлюсь, на слѣдующій годъ въ Алжиръ поѣду.

„Поѣдешь на кладбище возлѣ Аутки“, подумалъ Шатиловъ и добавилъ вслухъ:

— Досадно, что на этихъ пароходахъ внизу не позволяютъ курить, а вотъ на военныхъ судахъ наоборотъ—наверху курить нельзя.

— Что городъ, то норовъ,—отвѣтилъ Яковъ Константиновичъ, покачалъ головою и улыбнулся.

Наверху Шатилова сразу обдало порывистымъ, хоть и теплымъ, вѣтромъ. Пароходъ дѣйствительно поворачивалъ возлѣ Херсонесскаго маяка.

Море потемнѣло и запестрѣло бѣлыми гребешками, точно посѣдѣло. Дамы держали шляпы, и всѣ перешли на одну сторону палубы. Два франта подняли воротники своихъ пиджаковъ и, мелькая желтыми ботин-

Digitized by Google

ками, усиленно балансируя, ходили взадъ и впередъ. Парусиновый тентъ, натянутый для защиты отъ солнца, гудѣлъ и трепеталъ. Когда пароходъ совсѣмъ повернулъ, тентъ загудѣлъ еще сильнѣе, и нѣсколько матросовъ начали его быстро снимать. Хлопнула гдѣ-то дверь, заскрипѣла деревянная рубка. Кормовая часть палубы вдругъ опустѣла. Стало качать. Шатиловъ прошелъ на самый носъ парохода и снялъ фуражку. Вѣтеръ скользилъ по его волосамъ и точно расчесывалъ ихъ гребешкомъ съ холодными зубьями. Вся передняя часть парохода медленно опустилась, разбила богатырскою грудью водяной валъ и также плавно поднялась. Слышно было, какъ съ бортовъ дождемъ посыпались капли въ море, и залопоталъ неровно и хлопотливо винтъ.

„Какъ бы моего чахоточнаго не укачало, нужно на него посмотрѣть“, подумалъ Шатиловъ, надѣлъ фуражку и пошелъ назадъ. По дорогѣ ему пришлось переступить черезъ лежавшую посреди палубы пассажирку третьяго класса—женщину съ двумя дѣтьми. Лицо у нея было сѣро-зеленое, и на лбу выступилъ потъ; по временамъ она издавала не то хрипъ, не то стонъ, отъ котораго дѣлалось жутко. Старшую ея дѣвочку, лѣтъ четырехъ, тоже укачало, и она лежала неподвижно, бѣлая, съ взъерошенными волосами и закрытыми глазками, другой—совсѣмъ крохотный мальчикъ, едва завернутый въ пеленкахъ, оторвался отъ материнской груди, весь посинѣлъ и, потряхивая головкой, какъ умирающій котенокъ, непрерывно кричалъ.

„Бѣдные, бѣдные, подумалъ Шатиловъ, и помочь имъ ничѣмъ нельзя“.

Digitized by Google

Въ салонѣ перваго класса прибавилось людей, и лица у многихъ поблѣднѣли. Якова Константиновича за столомъ не было, а сидѣлъ онъ, опустивъ голову и держась руками за виски, на кругломъ, обитомъ краснымъ плюшемъ диванѣ подъ иконой.

— Ну что, какъ вы?—спросилъ Шатиловъ, подходя къ нему.

Яковъ Константиновичъ покачалъ головой и не сразу отвѣтилъ.

— Штой-то дѣлается... со мною. Какъ пароходъ внизъ... такъ въ сердце точно кто тупой иголкой кольнетъ... Должно быть смерть моя... пришла,—прохрипѣлъ онъ, наконецъ.

— Ну ужъ и смерть!—Шатиловъ посмотрѣлъ на его испуганное желтое лицо и, замѣтивъ у него на лбу крупныя капли пота, такія, какъ у женщины, которая лежала на палубѣ, сказалъ:

— Вотъ что, идемте-ка внизъ, вамъ лечь нужно, и взялъ его за талію.

Больной отдался ему въ руки, какъ ребенокъ, и пошелъ, не глядя, куда ступаетъ своими худыми ногами.

На трапѣ, который велъ въ каюты, встрѣтился лакей и, обращаясь къ Шатилову, сказалъ:

— У васъ билетикъ вѣдь безъ права на койку и у нихъ тоже-съ,—онъ кивнулъ головой въ сторону Якова Константиновича.

— Съ правомъ, или безъ права, а для больного койка должна найтись,—проговорилъ Шатиловъ и строго поглядѣлъ на лакея.

— Мы тутъ не причиной.

Digitized by Google

— А не причиной, такъ и уходите, а я койку найду.

Внизу, дѣйствительно, всѣ койки были заняты вещами. Шатиловъ посадилъ Якова Константиновича на какой то чемоданъ, а самъ бѣгомъ побѣжалъ наверхъ отыскивать пассажира, который бы не собирался ложиться. Прежде всего онъ обратился къ франтамъ въ желтыхъ ботинкахъ, все еще ходившимъ другъ съ другомъ подъ руку на палубѣ,—такъ какъ было очевидно, что ихъ не укачаетъ. Тѣ сначала не поняли, а потомъ категорически заявили, что мѣстъ своихъ уступить не могутъ. Шатиловъ подошелъ къ толстому, старому инженеру-путейцу, курившему сигару, который спокойно его выслушалъ и также спокойно отвѣтилъ:

— Если бы пассажиръ, для котораго необходима койка, былъ здоровъ, я бы, конечно, уступилъ свое мѣсто, но согласитесь сами, что спать на постели, гдѣ только-что кашлялъ чахоточный, просто-таки не безопасно, а я долженъ провести на этой постели еще двѣ ночи.

Шатиловъ закусилъ губу и направился къ молоденькому офицеру. Тотъ покраснѣлъ, извинился и сказалъ, что уже уступилъ свою койку дамѣ, которую тоже укачало, такъ какъ мѣстъ въ дамскомъ отдѣленіи не хватило. Шатиловъ снова сбѣжалъ внизъ. Яковъ Константиновичъ сидѣлъ, вѣрнѣе лежалъ, на томъ же самомъ чемоданѣ и, вращая помутившимися глазами, хрипѣлъ. Его одновременно душили и рвота, и кашель. Шатилова передернуло, онъ бросился въ ближайшую каюту, схватилъ графинъ и стаканъ и сталъ поить больного.

Digitized by Google

— Постой!—окликнулъ онъ лакея, спѣшившаго на чей-то звонокъ, и, когда тотъ остановился, крѣпко схватилъ его за руку и проговорилъ:

— Я вамъ дамъ три рубля на чай, если вы найдете свободную койку... Ну?..

— Развѣ помѣстить ихъ въ самой кормовой каютѣ, гдѣ складывается бѣлье и капитанскія вещи...—сказалъ лакей, освобождая свою руку.

— Гдѣ хотите, но только сію секунду!

Лакей и Шатиловъ взяли подъ руки Якова Константиновича и подвели его къ каютѣ, двери которой были заперты. Когда ихъ открыли, оттуда пахнуло острымъ запахомъ нафталина и грязнаго бѣлья. Отодвинули въ сторону узлы съ бѣльемъ и кое-какъ уложили больного на диванъ. Шатиловъ сѣлъ сбоку и махнулъ рукой на лакея, чтобы онъ вышелъ. Яковъ Константиновичъ открылъ глаза.

— Теперь легче?—спросилъ Шатиловъ.

Больной утвердительно опустилъ вѣки и ничего не отвѣтилъ.

— Послѣ рвоты всегда легче. Потерпите еще съ полчаса. Скоро должно совсѣмъ стихнуть: вѣтра настоящаго нѣтъ. Вотъ минуемъ еще одинъ мысъ, станемъ носомъ по зыби, и тогда пойдемъ, какъ по маслу. Шатиловъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ и, когда ему показалось, что Яковъ Константиновичъ дремлетъ, всталъ и вышелъ на палубу. Качало уже меньше. Носовая часть парохода, точно не желая обращать вниманія на угрюмое шипѣніе волнъ, спокойно двигалась впередъ, едва замѣтно опускаясь и подымаясь. Иногда брызги долетали до самой палубы и затѣмъ, играя на

Digitized by Google

солнцѣ, сыпались обратно, точно спѣшили извѣстить о томъ, что ничего не могутъ подѣлать съ такой безстрашной махиной. Миновали Георгіевскій монастырь, Балаклаву и, наконецъ, мысъ Сарычъ съ его маякомъ, похожимъ на большой наперстокъ. Горы стали выше, а краски ихъ ярче,—свѣтло-фіолетовые тоны чередовались съ зелеными и красновато-коричневыми. Кое-гдѣ нѣжныя сиреневыя облака плыли уже ниже утесовъ. Въ половинѣ пятаго прозвонили на обѣдъ. Шатилову ѣсть не хотѣлось, и мысленно онъ удивлялся, какъ можно и зачѣмъ нужно каждый день ѣсть обѣдъ изъ пяти блюдъ. Послѣ жаркого онъ всталъ, сошелъ внизъ и, замедливъ шаги, отворилъ дверь въ каюту къ больному.

„Или умеръ, или спитъ“, подумалъ Шатиловъ и подошелъ ближе. Яковъ Константиновичъ лежалъ на спинѣ, лицо его пожелтѣло еще больше. Сорочка была разстегнута, и на впалой обнаженной груди виднѣлись рыжеватые волосы. Галстукъ и пиджакъ валялись на коврикѣ возлѣ дивана. Въ дверь заглянулъ лакей, тотъ самый, который увѣрялъ, что нѣтъ ни одного свободнаго мѣста.

„Я обѣщалъ ему три рубля“, вспомнилъ Шатиловъ, досталъ изъ кармана деньги, подалъ ихъ лакею и сказалъ:

— Нужно бы здѣсь убрать, да иллюминаторъ открыть что ли, дышать вѣдь нечѣмъ.

— Да-съ, эта каюта не для пассажировъ,— произнесъ виноватымъ голосомъ лакей и добавилъ:—вотъ въ сосѣдней каютѣ есть свободная койка, одинъ господинъ въ Севастополѣ остался, намъ только теперь это извѣстно стало.

Digitized by Google

— И все вы врете! Ну, да не въ этомъ дѣло; можно туда перевести больного или нѣтъ?

— До Ялты можно.

Яковъ Константиновичъ вдругъ открылъ глаза и, увидавъ Шатилова, радостно улыбнулся все тою же дѣтской улыбкой.

— Ну, какъ, напугались?—спросилъ Шатиловъ.

Больной въ отвѣтъ снова улыбнулся и пошевелилъ головою.

— Вотъ что, мы васъ, батюшка, въ другую каюту переведемъ, а то здѣсь не того...

Шатиловъ съ лакеемъ приподняли Якова Константиновича и помогли ему перейти въ сосѣднее свѣтлое помѣщеніе на нижнюю койку. Потомъ лакей принесъ галстукъ и пиджакъ и ушелъ. Шатиловъ сѣлъ въ ногахъ больного и спросилъ:

— А, небойсь, думали, что умираете?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Отъ морской болѣзни не умираютъ. Позвольте-ка я вамъ подушку подыму выше, ну, теперь такъ.

— Вотъ человѣкъ, вотъ человѣкъ!..—восторженно произнесъ вдругъ Яковъ Константиновичъ, глядя въ глаза Шатилову.

— То-есть какъ? — спросилъ Шатиловъ и даже вздрогнулъ отъ этой знакомой, точно кольнувшей его фразы.

— Да такъ. Не сватъ я вѣдь вамъ и не братъ, а вотъ вы какъ со мной возитесь...

— Что же я особеннаго для васъ сдѣлалъ?

— Какъ что особеннаго... Вы мѣсто, гдѣ полежать можно, нашли... Тутъ всякая гадость, а вы и поддер-

Digitized by Google

живаете, и воды... За мной и дома такъ не ухаживали бы.

— Полноте, всякій на моемъ мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же.

— Всякій, всякій, да вотъ изъ всѣхъ пассажировъ вы одни нашлись. Пропалъ бы я безъ васъ тутъ... Ужъ очень я испугался, полагалъ, что смерть моя пришла, право-съ.

— Мнѣ кажется, что въ такихъ случаяхъ вообще мучительнѣе всего этотъ страхъ смерти, а не физическія страданія. А такъ какъ смерти обыкновенно боишься отъ мысли, что семья можетъ остаться въ нищетѣ, то стало быть главное — устроить хорошо семью, тогда и лѣченіе пойдетъ лучше, такъ я думаю,— сказалъ Шатиловъ и вздохнулъ.

Яковъ Константиновичъ уже совсѣмъ пришелъ въ себя и, приподнявшись на подушкѣ, оживленно, хотя и съ паузами, заговорилъ.

— Вотъ, вѣдь, какъ вы полагаете, а я нѣтъ. А я нѣтъ! Я объ этомъ не помышляю. Жена у меня и двѣ дочери, одной пятнадцать, другой шестнадцать, скоро невѣсты, за каждой будетъ тысячъ по тридцати. Что же о нихъ безпокоиться, проживутъ и безъ меня, еще и рады будутъ... Надоѣла имъ всѣмъ моя болѣзнь, охъ какъ надоѣла, должно быть! Пріѣхалъ я съ кумыса. Двѣ недѣли дома пробылъ. Сейчасъ уже начались разговоры о томъ, что вотъ, молъ, такой-то завѣщаніе сдѣлалъ и все тамъ подробно обозначилъ кому и что... Ну, я вижу, къ чему дѣло клонится и нарочно ничего, ничегошеньки имъ на это не отвѣчаю, только больно мнѣ этакъ стало, Господи, до чего больно! Ночи

Digitized by Google

двѣ потомъ плакалъ... Если жена любитъ мужа, или ребенокъ отца, то неужели такіе разговоры поднимать станутъ, или требовать, чтобы до гробовой доски на нихъ трудился? Кто своего отца любитъ по настоящему, тому все равно, — оставитъ ли ему отецъ что, или ничего. Такъ вѣдь я говорю, а? Нѣтъ, дѣти что,— не въ этомъ тоска, а вотъ... что насъ *тамъ* ожидаетъ?

— Ну, это что же, это каждый по своему понимаетъ,—отвѣтилъ Шатиловъ и подумалъ: „очутился бы ты на моемъ мѣстѣ, такъ не такъ бы еще мучился".

Яковъ Константиновичъ долго молчалъ. Разговоръ уже утомилъ его, но все его лицо выражало спокойствіе, а глаза надежду на что-то хорошее.

— Такъ вы говорите, что и кровью харкали?—опять произнесъ онъ съ разстановкой.

— Да,—коротко отвѣтилъ Шатиловъ и, боясь, что больше не сумѣетъ на эту тему лгать, сейчасъ же сказалъ:—знаете что, пойдемте мы наверхъ. Море утихло, воздухъ хорошій, тепло, вамъ тамъ лучше будетъ.

— Если вы совѣтуете,—буду слушаться.

Яковъ Константиновичъ сѣлъ на постели и все еще дрожавшими руками сталъ завязывать галстукъ, а потомъ долго не могъ попасть въ рукавъ пиджака.

На палубѣ сѣли рядомъ. Пароходъ шелъ уже совсѣмъ плавно. Винтъ не хлопалъ торопливо по водѣ, а угрюмо гудѣлъ свое бук... бук... бук... Почти всѣ пассажиры были наверху. Опускавшееся въ море солнце освѣтило весь фіолетовый Аю-Дагъ. На душѣ у Шатилова было тяжело. Ему представлялось, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его сосѣдъ будетъ лежать въ

Digitized by Google

гробу съ восковыми, сложенными на груди руками. Потомъ, какъ онъ самъ пріѣдетъ въ Ѳеодосію, увидитъ брата Димитрія, который навѣрное постарѣлъ, будетъ съ нимъ жить цѣлыхъ десять дней и ни разу не заговоритъ ни о деньгахъ ни о раздѣлѣ. Какъ онъ вернется домой, и ему сейчасъ же нужно будетъ бѣжать искать взаймы сорокъ рублей, чтобы заплатить за квартиру, и жена ему скажетъ:

— Вотъ человѣкъ, вотъ человѣкъ!..

Digitized by Google

ОТЪѢЗДЪ.

Опять собирался дождь. Въ огромномъ помѣщичьемъ паркѣ стало тоскливо, холодно и тихо. Со стороны плотины нѣкоторое время было слышно, какъ, шлепая копытами по грязной дорогѣ, лошадь провезла какую-то тяжелую, подпрыгивавшую на кочкахъ повозку. Это возвращался изъ ближайшаго села Куриловки конюхъ Иванъ, каждый вечеръ ѣздившій туда на бочкѣ за водой для самовара. Отъ пруда тянуло гніющей крапивкой и сыростью. Въ восемь часовъ вечера было уже совсѣмъ темно.

Въ домѣ по вечерамъ не зажигали огня, чтобы не налетали комары. Только на балконѣ, увитомъ дикимъ виноградникомъ, горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ и освѣщала двѣ мужскія фигуры. Передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ помѣщикъ Брагинъ, переминался съ ноги на ногу студентъ Демченко, загорѣлый, стройный брюнетъ, съ лицомъ цыганскаго типа, одѣтый въ тужурку и высокіе сапоги.

Демченкѣ хотѣлось поскорѣе окончить разговоръ съ несимпатичнымъ ему человѣкомъ и еще болѣе непріятные денежные счеты. Брагинъ, немного суту-

Digitized by Google

ловатый, угреватый господинъ, лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, улыбался, тянулъ слово за словомъ и поминутно вздыхалъ, точно шелъ на гору. Казалось, ему очень не хотѣлось разставаться съ лежавшими на столѣ двумя засаленными двадцатипятирублевыми бумажками и нѣсколькими золотыми.

— Да вы, Андрей Павловичъ, садитесь!—сказалъ Брагинъ и посмотрѣлъ на студента.

— Нѣтъ, спасибо: мнѣ еще нужно кое-что уложить.

— Ну, какъ хотите. Такъ, значитъ, съ Мишей начали вы заниматься съ четвертаго іюня... Постойте, я скручу папиросу... Ну, хорошо. Такъ. Сегодня девятнадцатое августа. По пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, значитъ, слѣдуетъ вамъ сто двадцать пять рублей. Взяли вы за это время шестьдесятъ три рубля и сорокъ копѣекъ, итого, какъ говорится, слѣдуетъ вамъ въ выдачу шестьдесятъ одинъ рубль и шестьдесятъ копѣекъ. Да, помните, на вокзалѣ за буфетомъ я далъ вамъ еще пятьдесятъ пять копѣекъ?.. Выходитъ, въ копѣйкахъ остается только пятачокъ. Такъ?

— Такъ,—машинально отвѣтилъ Демченко и переступилъ съ ноги на ногу.

— Ну, вотъ получите! Спасибо вамъ! Экзамены Миша выдержалъ хорошо, значитъ, что и требовалось доказать. Да, что я еще хотѣлъ вамъ сказать?.. Ахъ, да, да вы уже простите: фаэтона я вамъ сегодня не дамъ. Грязно знаете,—завтра мыть его придется. Тутъ хоть и недалеко, а дорога убійственная. Сидоръ теперь занятъ,—рабочая пора, всякій человѣкъ нуженъ. Васъ повезетъ въ пролеткѣ Иванъ. Поѣздъ, кажется, отходитъ въ два часа ночи, да?

Digitized by Google

Демченко кивнулъ головой и подумалъ: „Къ чему онъ все это плететъ? Вѣдь отлично знаетъ, когда уходитъ поѣздъ".

— Вы уже извините,—продолжалъ Брагинъ,—я не досижу и провожать васъ не буду, а пойду спать по-стариковски въ десять. Я вѣдь въ шесть часовъ уже на ногахъ,—молотьба у меня завтра начинается. Вѣрочка васъ накормитъ ужиномъ, а насчетъ лошади я уже распорядился. Ну, всего хорошаго! Еще разъ спасибо!

Онъ всталъ, обнялъ и поцѣловалъ студента. Демченко едва замѣтно отдернулся, такъ что поцѣлуй пришелся въ носъ; потомъ поклонился и, легко ступая по отсырѣвшимъ ступенькамъ балкона, пошелъ къ себѣ во флигель укладываться.

Проходя по темной аллеѣ, онъ радовался, что идетъ по ней въ послѣдній разъ, и мысленно представлялъ себѣ, какъ черезъ три часа къ флигелю подъѣдетъ Иванъ и понесетъ въ пролетку его чемоданъ и корзину. Потомъ въ его головѣ ясно нарисовалась тускло освѣщенная станція, буфетчикъ съ рыжей бородой и, наконецъ, медленно подходящій къ платформѣ поѣздъ съ блестящими отъ дождя стѣнками вагоновъ.

Жилось ему въ это лѣто хорошо. Послѣ занятій съ ласковымъ и способнымъ ученикомъ онъ пользовался полной свободой. Самъ Брагинъ никогда его самолюбія не задѣвалъ, а его жена, Вѣра Николаевна, двадцатишестилѣтняя, красивая, вполнѣ интеллигентная женщина, относилась къ Демченку, какъ къ равному, старалась предоставить возможный комфортъ и любила поговорить съ нимъ по душѣ. Тѣмъ не менѣе въ те-

Digitized by Google

ченіе этихъ двухъ съ половиной мѣсяцевъ онъ постоянно испытывалъ какую-то неловкость, точно это была не дѣйствительная жизнь, а какой-то очень долгій сонъ, въ душную ночь, на бумажномъ бѣльѣ.

Неловкость эта чувствовалась особенно остро тогда когда приходилось говорить и быть вмѣстѣ съ Брагинымъ.

Не отдавая себѣ въ этомъ отчета, Демченко ненавидѣлъ его и за то, что тотъ кричалъ за столомъ на сына, и за то, что онъ, получая въ годъ около шести тысячъ дохода, ѣздилъ по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ и женился въ сорокъ лѣтъ на семнадцати лѣтней дѣвушкѣ.

Брагинъ былъ противенъ ему, когда кричалъ на крестьянъ за потраву, когда приказывалъ кучеру давать лошадямъ овесъ только передъ поѣздкой и когда кривился при видѣ всякаго въѣзжавшаго въ усадьбу гостя, а потомъ, размахивая руками, шелъ скорымъ шагомъ къ нему навстрѣчу и улыбался. Вѣра Николаевна казалась женщиной, продавшей себя, не сумѣвшей настоять, чтобы ея единственнаго сына, девятилѣтняго Мишу, не отдавали въ закрытое учебное заведеніе, а потому заслуживавшей только презрѣнія. Если она говорила съ нимъ особенно ласковымъ, задумчивымъ тономъ, Демченко старался отвѣчать такъ, чтобы сдѣлать ей больно.

Глядя на роскошные волосы, высокій бюстъ и немного утомленное лицо Вѣры Николаевны, онъ часто думалъ: „Тебѣ хотѣлось комфорта и спокойной жизни,— ты и получила все это. Теперь тебѣ еще хочется, чтобы тобою увлекся и объяснился въ любви кто-нибудь

Digitized by Google

молодой, пылкій, не похожій на твоего мужа; но отъ меня ты этого не услышишь никогда. Нельзя въ одно время служить Богу и мамонѣ. Твой Богъ — мужъ съ его приходо-расходными книгами и разговорами о деньгахъ, котораго ты видишь только за обѣдомъ да въ спальнѣ, когда онъ приходитъ туда, чтобы, кряхтя и охая, переодѣться въ чистое бѣлье".

Зимой Демченка ожидала лихорадочная жизнь большого города и бѣготня по урокамъ, и все-таки онъ былъ радъ, что уѣзжалъ отъ Брагиныхъ, и ему не было жаль ни огромнаго парка, ни свободы, ни комфорта.

Во флигелѣ онъ долго укладывалъ книги, одежду и засушенныя растенія, уложенныя въ какія-то рамки съ пропускной бумагой, которыя горничная Дуняша называла пяльцами. Застегнувъ ремни на чемоданѣ, онъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, насвистывая грустный малороссійскій мотивъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго пришла Дуняша и, поглядывая на увязанную корзину и чемоданъ, сказала:

— Барыня проситъ, чтобы вы ишли кушать.

— А, сейчасъ, сейчасъ! Обождите! Демченко остановился, вынулъ изъ кошелька пятирублевый золотой и положилъ его въ руку Дуняши.

— Что вы, Андрей Павловичъ, зачѣмъ это мнѣ?

— А такъ, за труды ваши,—отвѣтилъ онъ и потомъ взялъ ее за плечо и поцѣловалъ въ щеку.

Дуняша густо покраснѣла и, пятясь назадъ, выскочила на крыльцо. Демченко не сталъ ее догонять, дунулъ на свѣчку, надѣлъ фуражку и пошелъ по аллеѣ, насвистывая все тотъ же мотивъ.

Digitized by Google

„Славная эта Дуняша! Напрасно я раньше съ ней не затѣялъ легкаго флирта. Ей-Богу, въ тысячу разъ симпатичнѣе и искреннѣе этихъ несчастныхъ барынь“, думалъ онъ, подходя къ дому.

На балконѣ былъ накрытъ столъ, и на немъ разставлены: бутылка съ водкой, вишневая наливка въ стеклянномъ кувшинѣ, холодные караси въ сметанѣ и варенники, все его любимыя блюда. Возлѣ стола въ креслѣ-качалкѣ сидѣла Вѣра Николаевна въ сиреневомъ шелковомъ пеньюарѣ. Увидѣвъ Демченко, она встала, грустно улыбнулась и сказала:

— Что же это вы, Андрей Павловичъ, не хотите даже провести съ нами послѣдній вечеръ?..

— А развѣ супругъ еще не улегся?—спросилъ Демченко, не отвѣчая на вопросъ.

— Нѣтъ, уже спитъ.

— Такъ почему же вы говорите „съ нами“?

— Просто по привычкѣ, а вы къ словамъ придираетесь.

Слово „супругъ“ и тонъ его голоса обидѣли Вѣру Николаевну; она замолчала и снова сѣла въ качалку, зашелестѣвъ своимъ пеньюаромъ.

Демченко выпилъ рюмку водки, положилъ на тарелку карася и сталъ ѣсть. Молчали. Въ саду сторожъ застучалъ въ колотушку, и гдѣ-то далеко залаяли собаки. Прогудѣлъ возлѣ лампы жукъ съ растопыренными крыльями и снова улетѣлъ въ темноту.

— Вы напрасно думаете, что я не хотѣлъ сидѣть съ вами: нужно было уложиться,—вотъ и все. На вокзалъ раньше, чѣмъ въ часъ, ѣхать не стоитъ, и

Digitized by Google

поговорить еще успѣемъ,—сказалъ Демченко, проглотивъ кусокъ, и голосъ его прозвучалъ гораздо мягче.

Вошла Дуняша, поставила на столъ огромный глиняный кувшинъ съ простоквашей, покосилась на Демченко и снова ушла.

— Скажите, только совершенно откровенно: вы очень рады, что покидаете насъ? Мнѣ бы это хотѣлось знать,— быстро проговорила Вѣра Николаевна.

— Видите ли, говорить о такихъ вещахъ откровенно не принято... Конечно, отчасти я радъ. Мнѣ въ этомъ году предстоитъ получить дипломъ и поступить на службу. У меня есть сестры, имъ помогать нужно. Одна вотъ собирается выходить замужъ за бѣднаго человѣка, котораго она любитъ; хотѣлось бы побывать на свадьбѣ, а это будетъ на той недѣлѣ. Васъ лично покидать мнѣ, можетъ быть, и жаль, но съ другой стороны, для роли развлекателя, если можно такъ выразиться, я считаю себя неспособнымъ, и буду ли я здѣсь или не буду, вамъ вѣдь отъ этого ни холодно, ни жарко.

— Желала бы я знать, что вы обо мнѣ вообще думаете?

— Что я о васъ думаю? Хм!.. Демченко налилъ полный стаканъ наливки и выпилъ его залпомъ, потомъ всталъ изъ-за стола, заходилъ взадъ и впередъ по балкону и заговорилъ:—Знаете ли, когда-то, будучи гимназистомъ, я гостилъ въ Волынской губерніи у своего дяди. Окрестности возлѣ его имѣнія были красивыя, и я каждый день, когда взрослые послѣ обѣда ложились спать, уходилъ гулять по долинѣ небольшой рѣченки. Во время одной изъ такихъ прогулокъ

Digitized by Google

я наткнулся на группу мальчиковъ-пастушковъ, которые, должно быть, отъ скуки занимались тѣмъ, что, поймавъ молодую галку, производили надъ ней разные жестокіе эксперименты. Они обрубали ей очень коротко крылья и, привязавъ за ногу веревочкой, пускали ее на волю. Всякій разъ, какъ только галка, захлопавъ своими обрубками и вытянувъ шею, порывалась бѣжать, самый старшій и, должно быть, самый жестокосердный мальчикъ сейчасъ же дергалъ за веревочку, и галка падала, а остальные, переглянувшись, принимались хохотать. Эта сцена меня ужасно взбѣсила; овладѣвъ собою, чтобы не закричать на пастушковъ, я медленно подошелъ къ нимъ и спросилъ, зачѣмъ они издѣваются надъ беззащитной птицей? Главный мучитель сначала посмотрѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ, а потомъ очень спокойно отвѣтилъ, что поймалъ галку и хочетъ отнести къ себѣ въ хату, гдѣ думаетъ ее за зиму приручить; а отрубилъ ей ножомъ крылья, чтобы она не улетѣла; но такъ какъ до захода солнца еще далеко и гнать домой скотину не пора, то они забавляются надъ галкой, которая, несмотря на то, что у нея отрубили крылья, все еще воображаетъ, будто можетъ куда-то улетѣть! Хладнокровіе, съ которымъ онъ говорилъ, возмутило меня еще больше, и я, не разспрашивая больше ни о чемъ, потребовалъ, чтобы они сейчасъ же перестали мучить бѣдную птицу или продали бы ее мнѣ. Мальчики меня не поняли и, кажется, рѣшили, что мнѣ самому хочется также поиграть съ галкой, и послѣ небольшого совѣта между собой уступили мнѣ ее за гривенникъ. Положивъ бѣдную птицу за бортъ куртки, я скорымъ ша-

Digitized by Google

гомъ вернулся въ усадьбу дяди и принялся устраивать для галки самодѣльное гнѣздо среди кустовъ сирени, думая, что на свободѣ она оправится. На другой день, не пивъ еще утренняго чая, я побѣжалъ въ садъ; но возлѣ того гнѣздышка, которое такъ заботливо устраивалъ, увидѣлъ только однѣ оставшіяся отъ галки перышки: должно быть, ночью ее съѣла кошка. Отнимая у пастушковъ галку, я не сообразилъ, что они успѣли ее уже искалѣчить, обезсилить, словомъ, сдѣлать безпомощной настолько, что на свободѣ она все равно не могла бы жить, и мнѣ стало ужасно досадно за то, что я ее взялъ отъ нихъ, гдѣ, можетъ быть, хоть и въ неволѣ, она еще долго жила бы и, пожалуй, дожила бы до тѣхъ поръ, пока совершенно успокоилась и примирилась бы со своею участью.

Демченко замолчалъ.

— Что же вы хотите этимъ сказать?—спросила дрогнувшимъ голосомъ Вѣра Николаевна.

— То, о чемъ вы меня спрашивали.

— А нельзя ли это разсказать какъ-нибудь яснѣе?

— Видите ли,—сказалъ онъ, остановившись и закладывая руки въ карманы тужурки,—разсказывая вамъ о такихъ вещахъ, какъ ваша жизнь, и, весьма вѣроятно, даже многаго въ ней не понимая, я могу наговорить лишняго, обиднаго, а можетъ быть, даже и несправедливаго; а потому вы лучше разрѣшите мнѣ объ этомъ больше не распространяться. Вѣдь вы же сами просили меня не говорить о вашихъ отношеніяхъ съ мужемъ.

— Ну, какъ хотите!.

Digitized by Google

— А если я въ своемъ разсказѣ сказалъ что-нибудь для васъ непріятное, то вы уже великодушно простите!

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего; только все-таки вы меня не понимаете...

— Можетъ быть, такъ я же и прошу извиненія.

— Что же вы больше ничего не кушаете?

— Спасибо! Не хочется. Вотъ наливки выпью: такую наливку, вѣроятно, уже не скоро придется пить (онъ снова налилъ полный стаканъ). Могу еще добавить, что галка попала въ неволю случайно, а вы...

— Для меня ясно только, что вы меня не понимаете. Теперь разскажите лучше о своей жизни въ городѣ. Влюблялись вы когда-нибудь, ухаживали, любили искренно?

— Всякое бывало...

— Разскажите мнѣ о современныхъ барышняхъ, о ихъ нравахъ; я вѣдь уже лѣтъ пять, какъ не была въ столицѣ.

— Да онѣ такія, какъ всегда были и будутъ. Есть серьезныя, любящія и работу, и науку, и искусство; а есть такія, что вотъ сегодня познакомишься, а завтра уже и „ты“ и „Андрюша“. Богъ ихъ знаетъ, разныя есть.

— Вотъ этого я рѣшительно не понимаю, какъ можно сегодня познакомиться, а завтра перейти на „ты“. Чувства, которыя заставляютъ ихъ это дѣлать, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть искренними.

— Ну да, тоже, въ такихъ романахъ да искренности захотѣли!

Вѣрѣ Николаевнѣ въ этой фразѣ послышалась какая-то затаенная грусть о томъ, что на свѣтѣ бываютъ такіе романы.

Digitized by Google

„Какой онъ хорошій, какой честный человѣкъ“, подумала она и молча стала ждать, когда Демченко снова заговоритъ, чтобы только слышать его голосъ. Демченко и въ самомъ дѣлѣ говорилъ искреннимъ, грустнымъ и даже нѣжнымъ тономъ.

Теперь, когда до отъѣзда оставалось всего полтора часа, а для разговоровъ еще меньше, страхъ (который его мучилъ цѣлое лѣто), что Вѣра Николаевна можетъ имъ серьезно увлечься, прошелъ. Отъ этого тона на душѣ у Вѣры Николаевны стало вдругъ такъ легко, какъ только бывало очень давно, во время разговоровъ съ любимымъ, теперь уже умершимъ братомъ. Примѣшивалось еще и чувство радости, почти счастья отъ мысли, что пренебрежительная манера, съ которой Демченко обыкновенно говорилъ съ ней, была только напускной.

— А вамъ случалось когда-нибудь, на другой же день послѣ знакомства съ барышней изъ общества, переходить на „ты“?—спросила она, не дождавшись, пока онъ снова заговоритъ.

— Случалось, только еще на первомъ курсѣ;—отвѣтилъ Демченко, закурилъ папиросу и, взглянувъ на лицо Вѣры Николаевны, подумалъ: „Какая она блѣдная сегодня!“

— Мнѣ кажется, что сказать въ первый разъ „ты“ можно только или мужу или человѣку, котораго узнаешь всего и полюбишь больше себя...

— Это, конечно, такъ, такъ...

Въ саду снова застучалъ сторожъ. Звуки колотушки полышались еще отчетливѣе, потому что поднялся вѣтеръ и деревья въ паркѣ глухо зашумѣли, какъ море.

Digitized by Google

— Какъ бы стекло на лампѣ не лопнуло,—сказалъ Демченко, убавляя огонь.

Пришла Дуняша и стала убирать со стола. Лицо у нея было почему-то красное и взволнованное.

— Теперь можно и лампу отсюда убрать, а то еще въ самомъ дѣлѣ стекло лопнетъ. Возьмите, Дуняша, и лампу!—сказала Вѣра Николаевна.

На балконѣ стало темнѣе.

Зеленый свѣтъ проходилъ только черезъ окно столовой и падалъ на ступеньки и трепещущіе мокрые листья дикаго винограда.

— Вамъ не холодно?—спросилъ Демченко.

— Мм...—Вѣра Николаевна отрицательно покачала головой.

— Кажется, мнѣ пора,—сказалъ онъ, зажигая спичку и смотря на часы.

— Посидите еще!

Когда брошенная спичка погасла на мокрыхъ доскахъ балкона, Демченко услышалъ, какъ Вѣра Николаевна снова сказала, какимъ-то другимъ, сжатымъ, тихимъ, но замѣчательно отчетливымъ голосомъ:

— Андрюша, принеси мнѣ стаканъ воды!

Демченкѣ сперва показалось, что онъ ослышался, потомъ, когда онъ понялъ, что не ослышался, ему вдругъ стало жутко, и вся кровь прилила къ головѣ. Овладѣвъ собой, онъ быстро отворилъ дверь въ столовую, налилъ дрожавшими руками воды, вернулся, подалъ стаканъ и, не глядя на нее, сказалъ:

— *Нате вамъ Вѣра Николаевна*, воды!

Она хотѣла взять стаканъ, но онъ выскользнулъ и, звеня и подпрыгивая, покатился по ступенькамъ балкона.

Digitized by Google

— Не над... не над...— послышался опять ея голосъ, перешедшій въ шопотъ. Вѣра Николаевна поднялась съ кресла и зашаталась. Демченко ее хотѣлъ поддержать, но она оттолкнула его и быстро-быстро, хотя все еще шатаясь, прошла черезъ открытую дверь въ домъ.

Демченко постоялъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ спустился съ балкона въ паркъ, сѣлъ на ближайшую лавочку и снялъ фуражку.

— Ахъ, какъ все это непріятно, какъ непріятно!..— шептали его губы.

Слышно было, какъ во дворѣ прогремѣла пролетка и остановилась.

Черезъ пять минутъ Демченко ѣхалъ съ вещами на станцію. На плотинѣ онъ оглянулся на усадьбу. Тамъ было совсѣмъ темно, и въ окнахъ столовой уже не свѣтился зеленый огонекъ лампы. Пошелъ дождикъ, мелкій и частый, и забарабанилъ по кожанымъ крыльямъ пролетки.

„Ахъ, какъ все это непріятно, какъ непріятно!..“ думалъ Демченко, глядя на покачивавшуюся передъ нимъ, такую же темную, какъ и небо, спину Ивана.

Digitized by Google

СИРЭНЪ.

(Антону Павловичу Чехову).

Въ одиннадцать часовъ вечера въ квартирѣ судебнаго слѣдователя Робустова всѣ домашніе уже спали. Самъ онъ, съ папироской въ зубахъ, сидѣлъ въ кабинетѣ и, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, заканчивалъ длинное постановленіе. Потихоньку чикали часы и слышно было, какъ въ сосѣдней комнатѣ храпѣла нянька. Дописавъ одинъ полулистъ, Робустовъ оставилъ его сохнуть, а самъ всталъ и такъ потянулся, что въ спинѣ у него что-то хрустнуло.

— Накурилъ я сильно, а это вредно, — подумалъ онъ, подошелъ къ окну и отворилъ его. Повѣяло ночною осеннею свѣжестью и недавно шедшимъ дождемъ. На голубоватомъ, матовомъ, точно обтянутомъ мокрой кисеей, небѣ не мерцали звѣзды и бѣлѣло только одно свѣтлое мѣсто тамъ, гдѣ спряталась луна. Маленькій безуѣздный городокъ притихъ. Залаяли гдѣ-то собаки и лаяли долго, ожесточенно, съ подвизгиваніемъ. Потомъ съ лѣвой стороны улицы послышались отчетливые солдатскіе шаги и у самыхъ воротъ вдругъ смолкли.

Робустовъ легъ бокомъ на подоконникъ, посмотрѣлъ на улицу и, увидавъ человѣческую фигуру, спросилъ:

Digitized by Google

— А кто тамъ?

— Телеграмма слѣдователю.

— Хорошо. Сейчасъ. Зайдите съ параднаго.—Господи Боже мой,—мало того, что за одну недѣлю поступило восемнадцать дѣлъ, еще и ночью не даютъ жить. Вѣроятно, отъ исправника о задержаніи Сазонова...— думалъ онъ, спускаясь по темнымъ ступенькамъ къ двери. Взявъ телеграмму, онъ расписался въ полученіи ея, отдалъ росписку и снова вернулся въ кабинетъ. Телеграмма была не отъ исправника, а изъ Петербурга отъ дяди и въ ней было напечатано: „Вчера состоялся приказъ о назначеніи твоемъ, какъ хотѣлъ товарищемъ прокурора. Поздравляю, Лавровскій". Робустовъ прочелъ еще разъ, улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

Потомъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, ступая на цыпочкахъ, пріотворилъ дверь въ спальную. Жена его Марія Николаевна спала, свернувшись калачикомъ на кровати, укрытая до самаго подбородка плюшевымъ одѣяломъ, и мѣрно дышала. Въ другой маленькой кроваткѣ сопѣлъ трехлѣтній ихъ сынъ Володя. На умывальникѣ мигалъ, въ зеленомъ стаканчикѣ, огонекъ лампадки. Было очень тепло. Робустовъ подошелъ къ женѣ, положилъ ей руку на плечо и тихо окликнулъ:

— Маруся, а Маруся...

— Что? Папиросы тамъ въ верхнемъ ящикѣ.

— Да я не о папиросахъ. Мы назначены въ губернскій городъ на Кавказъ... Товарищемъ прокурора.

Марія Николаевна открыла глаза, поднялась и сѣла. Одѣяло спало у нея съ плеча.

Digitized by Google

— Ну, что же, поѣдемъ,—сказала она и сонно улыбнулась.

— Ты рада?

— Да, конечно. Только переѣздъ, хлопоты, потомъ наемъ квартиры...

— Ну, это пустяки.

— Тебѣ все пустяки. Ты знаешь, у меня все время нылъ зубъ и меня знобитъ.

Она снова укуталась въ одѣяло и легла.

— Что ты! Здѣсь чуть ли не двадцать градусовъ. Это значитъ у тебя лихорадочное состояніе, нужно опять принять антифебрину.

— Да, а вотъ, говорятъ, на Кавказѣ такія лихорадки, что и умереть можно.

— Ну, спи.

Робустовъ поцѣловалъ жену сначала въ губы, потомъ въ лобъ и вышелъ. Постановленія онъ уже дописать не могъ, а легъ на тахту и долго думалъ. Будущее представлялось интереснымъ и счастливымъ. Во-первыхъ, ему еще нѣтъ и тридцати лѣтъ, а онъ уже назначенъ товарищемъ прокурора, значитъ, служба идетъ и будетъ идти хорошо, а не такъ, какъ у большинства товарищей, которые еще сидятъ кандидатами. Во-вторыхъ, они выѣдутъ изъ этого ужаснаго мѣстечка, въ которомъ невозможно даже собрать четырехъ партнеровъ въ винтъ, и гдѣ мѣстное почтовое отдѣленіе безъ всякаго затрудненія доставляетъ иногородныя письма съ адресомъ: „Хвотію Хвотіевичу“.

Въ городѣ же они абонируются въ библіотекѣ, станутъ посѣщать театръ, и ихъ жизнь хоть чѣмъ-ни-

Digitized by Google

будь будетъ отличаться отъ жизни семьи станового пристава, выслужившагося изъ фельдфебелей.

Природа на Кавказѣ величественная и типы интересные. Наконецъ, жизнь въ губернскомъ городѣ заставитъ Марусю хоть немного больше слѣдить за туалетомъ, подыметъ ея интересы, которые теперь всѣ сосредоточиваются на дѣтской, на ѣдѣ и на разговорахъ о томъ, повѣнчанъ или не повѣнчанъ докторъ съ той женщиной, съ которой пріѣхалъ.

— Удивительно, какъ быстро наши барышни опускаются послѣ замужества,—думалъ Робустовъ.—Всего шесть лѣтъ назадъ Маруся была изящнѣйшимъ созданіемъ. Была вдумчивой, отзывчивой на всѣ бѣды окружающихъ людей, отлично пѣла и считалась среди своихъ соученицъ по выпуску самой развитой. А теперь... Красота, правда, еще сохранилась, хотя вся фигура и расплылась, но подвижности, интереса къ книгамъ, веселаго смѣха,—всего этого уже нѣтъ. Цѣлуется точно по обязанности. Со дня рожденія Ксенички, которой уже скоро пойдетъ одиннадцатый мѣсяцъ, Маруся, кажется, не надѣвала никакого другого платья, кромѣ блузы. Ничто ее не интересуетъ, и сегодняшней телеграммѣ даже не рада. Выписали для какого-то чорта журналъ и всѣ восемь книжекъ, полученныя до сихъ поръ, лежатъ не разрѣзанными. Самъ я тоже ничего не читаю. Но у меня же нѣтъ ни одной секунды свободнаго времени. То я допрашиваю, то я въ отъѣздѣ, то я такъ устаю, что могу только лежать и курить.

Такая жизнь началась сейчасъ же послѣ университета. Женщины, въ которыхъ онъ влюблялся, театръ,

Digitized by Google

книги, споры,—все это уплыло страшно быстро и неизвѣстно куда.

— Уплыло и Богъ съ нимъ, — мысленно утѣшалъ онъ себя.—Мы съ Марусей честные люди, любимъ другъ друга и намъ нужно только вырваться изъ этой ямы, тогда снова явятся умственные интересы и счастье не будетъ мѣщанскимъ.

Мысли эти тревожили Робустова уже давно и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще. Ѣхалъ онъ съ докторомъ въ бричкѣ на вскрытіе, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ или просыпался ночью въ постели,—сейчасъ же начиналъ придумывать способы, при помощи которыхъ можно осуществить мечты. Робустовъ завелъ переписку съ жившимъ въ Петербургѣ важнымъ дядей, который служилъ въ министерствѣ юстиціи, и въ каждомъ письмѣ жаловался, что онъ огрубѣлъ, опошлѣлъ въ этомъ захолустьѣ и ему хотѣлось бы нравственно ожить. Однажды дядя полуоффиціально запросилъ его, желалъ ли бы онъ служить въ губернскомъ городѣ на Кавказѣ. Робустовъ отвѣтилъ утвердительно и сейчасъ же послалъ докладную записку. Черезъ два мѣсяца пришла, наконецъ, и телеграмма о новомъ назначеніи. А черезъ нѣсколько дней послѣ ея полученія уже пріѣхалъ старшій кандидатъ для принятія участка. Сутуловатый брюнетъ съ окладистой бородой, онъ казался гораздо старше Робустова, смотрѣлъ исподлобья, по-обезьяньи, и все время насвистывалъ одинъ и тотъ же мотивъ.

— Однако, вы, господинъ новый товарищъ прокурора, изволили сильно запустить участочекъ, кажется, до сорока штукъ придется принять отъ васъ, говорилъ онъ, перелистывая настольный реестръ.

Digitized by Google

— Да, видите ли, это только за послѣднее время. Трудно, знаете ли. заставить себя работать, когда всякіе счеты со всѣмъ этимъ въ сущности уже покончены.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ кандидатъ и снова начиналъ насвистывать свой мотивъ, и Робустову дѣлалось совѣстно, что онъ взваливаетъ такое количество работы на человѣка, который старше его годами, и, можетъ быть, способнѣе, но у котораго нѣтъ въ Петербургѣ дяди, и поэтому онъ будетъ жить въ этой трущобѣ и работать, работать...

Послѣ сдачи участка рѣшили сначала ѣхать всей семьей въ Екатеринославъ къ роднымъ жены. Тамъ Маруся останется до конца сентября, а Робустовъ поѣдетъ черезъ недѣлю одинъ на мѣсто службы устраиваться, а потомъ уже выпишетъ жену.

Екатеринославъ, въ которомъ они не были уже три года, всѣмъ очень понравился, и Робустовъ находилъ, что нѣкоторыя улицы даже напоминаютъ Петербургъ. Выходя отъ портного, у котораго онъ мѣрилъ новый сюртукъ и тужурку, онъ думалъ: „вотъ если бы служить въ этомъ городѣ“... И лица всѣхъ судейскихъ чиновниковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, казались ему симпатичными и умными. Побывали въ театрѣ. Маруся ходила все время въ платьѣ, а не въ блузѣ, и какъ будто помолодѣла и посвѣжѣла. Робустовъ успѣлъ прочесть нѣсколько книгъ новыхъ авторовъ, которыхъ всѣ знали и считали извѣстными, а ему лишь приходилось встрѣчать ихъ фамиліи въ объявленіяхъ о подпискѣ на журналы.

Уѣзжалъ онъ ночью со скорымъ поѣздомъ, который шелъ прямымъ сообщеніемъ съ западной границы до

Digitized by Google

Тифлиса. Съ женой разставались въ первый разъ въ жизни и крѣпко расцѣловались. Въ спальномъ вагонѣ, освѣщенномъ электричествомъ, было уютно и не тѣсно. Лежа на удобномъ диванѣ, раздѣтый и укрытый одѣяломъ, какъ у себя дома, Робустовъ долго не спалъ и волновался. Настроеніе было бодрое и радостное, и мысли о будущемъ бѣжали какъ въ тотъ вечеръ, когда получилась телеграмма. Думалъ онъ о женѣ, о томъ, что онъ въ сущности радъ, что ѣдетъ безъ нея и это гадко. Думалъ о своей предстоящей дѣятельности товарища прокурора.

— У публики составился ложный взглядъ на эту должность. Большинству кажется, что прокуроръ непремѣнно долженъ быть человѣкъ сухой и безсердечный, который вѣчно старается кого-то уличить, поймать, съ удовольствіемъ участвуетъ въ обыскахъ, а въ своихъ рѣчахъ всегда упрашиваетъ судей примѣнить высшую мѣру наказанія. Между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Будучи товарищемъ прокурора, можно сдѣлать очень много добра. Во-первыхъ, если на скамью подсудимыхъ случайно попадетъ человѣкъ невинный—можно отказаться отъ обвиненія. Можно слѣдить, чтобы въ тюрьмѣ съ арестантами не обращались жестоко. Можно наблюдать, чтобы состоящихъ подъ слѣдствіемъ не томили долго предварительнымъ заключеніемъ... Можно много сдѣлать полезнаго и хорошаго, и онъ непремѣнно такъ будетъ поступать...

Окна вагоновъ посвѣтлѣли и казались синеватыми. Потомъ заигралъ на занавѣскѣ розовый свѣтъ, электричество вдругъ потухло, только проволочки еще нѣкоторое время казались малиновыми, а затѣмъ стали

Digitized by Google

рыжими. Въ половинѣ шестого, когда стало совсѣмъ свѣтло, пріѣхали на какую-то большую станцію. Шипя и тяжело охая, прошелъ мимо оконъ огромный товарный паровозъ; потомъ долго мелькали красные товарные вагоны, а подъ конецъ сѣрыя цистерны съ керосиномъ.

Возлѣ огромной зеленой кадки съ надписью, сдѣланной бѣлой краской, умывались мужики и бабы въ лаптяхъ и тулупахъ: должно быть переселенцы. Ѣдущей со скорымъ поѣздомъ публики не было. Снова тронулись, и Робустовъ задремалъ. Ему приснилось, что онъ допрашиваетъ Сазонова, который убилъ жену и дѣтей, и тотъ на всѣ вопросы только отвѣчаетъ:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе...

Потомъ принесли откуда-то четыре телеграммы и во всѣхъ говорилось о назначеніи товарищемъ прокурора кандидата съ черной бородой, который принималъ участокъ. Прибѣжала Марусина сѣрая кошка, Бѣлка, сѣла и вдругъ замяукала громко и пронзительно, какъ свистокъ паровоза.

Около девяти часовъ Робустовъ снова проснулся и увидѣлъ, что противъ него сидятъ уже совсѣмъ одѣтые два господина и разговариваютъ по-нѣмецки. Одинъ пожилой говорилъ совершенно свободно, повидимому, это былъ его родной языкъ. Другой еще молодой, съ большимъ носомъ и черными усами, произносилъ слова съ восточнымъ акцентомъ.

Робустову стало неловко, что онъ лежитъ въ одномъ бѣльѣ передъ двумя уже одѣтыми и, должно быть, очень корректными людьми. Онъ наскоро одѣлся, поднялъ воротникъ тужурки и, захвативъ мыло и полотенце, пошелъ умываться.

Digitized by Google

Уборная была заперта и пришлось ожидать въ коридорчикѣ, въ который выходили двери двухъ дамскихъ купэ. Онъ прочелъ на стѣнкѣ надпись о томъ, когда и какъ слѣдуетъ останавливать поѣзда при помощи автоматическаго тормоза, потомъ опустилъ глаза и замѣтилъ, что дверь одного изъ купэ не совсѣмъ притворена. Невольно всматриваясь въ эту щель, онъ увидѣлъ сначала обнаженную до плеча руку, а потомъ рѣзко выдѣлявшееся на бѣлой подушкѣ, хорошенькое женское личико, окаймленное черными, сбившимися на одну сторону волосами. Оно поразило его прежде всего тѣмъ, что не было похоже ни на одно изъ женскихъ лицъ, видѣнныхъ имъ раньше. Робустову въ одну секунду стало понятно, что красота всей головки сильна сама по себѣ и не зависитъ ни отъ поворота ея, ни отъ прически, ни отъ освѣщенія. Если бы эта женщина или дѣвушка не лежала въ купэ перваго класса, а сидѣла бы укутанная платками на лавкѣ въ вагонѣ третьяго класса, прелесть ея личика производила бы такое же сильное впечатлѣніе. Такъ красивый голосъ чаруетъ и приковываетъ на мѣстѣ независимо отъ того, гдѣ звучитъ и кому принадлежитъ. И Робустовъ не отходилъ отъ двери, несмотря на то, что изъ уборной уже вышелъ съ полотенцемъ въ рукахъ старый генералъ. Въ купэ заговорили на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ. Одна женщина произнесла длинную фразу, другая коротко отвѣтила:

— Чэ.

Снова длинная, скороговоркой фраза, и опять прозвенѣло отрицательно:

— Чэ, чэ...

Digitized by Google

Послышался смѣхъ, какъ будто проиграли очень быстро на неизвѣстномъ, нѣжномъ инструментѣ гамму, и началась эта гамма высокой нотой, а окончилась низкой контральтовой.

Смѣялась та, которая лежала. Ея темные глаза съ длинными рѣсницами смотрѣли лукаво. Другой голосъ что-то строго проговорилъ, и сейчасъ же двинулась и плотно притворилась дверь.

Робустовъ пошелъ умываться и чувствовалъ себя неловко. Неловкость эта была какая-то странная, раньше имъ никогда не испытанная,—точно онъ обратился въ мальчика, которому показали очень простой фокусъ, но разгадать его нѣтъ возможности. Обливъ голову холодной водой и причесываясь передъ зеркаломъ, онъ вспомнилъ, какъ, будучи гимназистомъ пятаго класса, стоя въ церкви, отъ духоты упалъ въ обморокъ и какъ его потомъ обливали водой. И теперь ему казалось, что онъ приходитъ въ себя послѣ легкаго обморока. Будучи студентомъ, онъ часто увлекался женщинами, но со времени женитьбы ни одна изъ нихъ не заинтересовала его настолько, чтобы онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе увидѣть ее еще разъ. А сейчасъ это желаніе было, и казалось, что имъ онъ грѣшитъ передъ женой.

Вслушавшись въ разговоръ сидѣвшихъ противъ него двухъ пассажировъ, Робустовъ спросилъ по-нѣмецки того, который казался солиднѣе и старше, сколько времени идетъ поѣздъ отъ Волочиска до Ростова.

— Zwei Tage und einige Stunde, — отвѣтилъ тотъ и привѣтливо наклонилъ голову.

Digitized by Google

— Почти пятьдесятъ часовъ,—поправилъ его по-русски другой.

— Aber ich reise schon vier Tage, — сказалъ нѣмецъ и улыбнулся.

Изъ дальнѣйшаго разговора Робустовъ узналъ, что фамилія нѣмца Пестлеръ, что онъ миссіонеръ и ѣдетъ съ просвѣтительными цѣлями въ глубь мало-азіатскаго полуострова на цѣлый годъ, а дома оставилъ жену и ребенка, безъ которыхъ очень скучаетъ.

Молодой оказался чиновникомъ министерства земледѣлія, по происхожденію армянинъ и окончилъ два высшихъ учебныхъ заведенія.

— Скажите, пожалуйста, что значитъ и на какомъ это языкѣ слово *чэ*,—спросилъ Робустовъ чиновника.

— *Чэ*—по-армянски—значитъ нѣтъ, это отрицаніе, а что?

— Такъ, я слышалъ на одной изъ станцій, — и Робустовъ не могъ себѣ объяснить, зачѣмъ онъ солгалъ.

Нѣмецъ вынулъ фотографическій аппаратъ, а потомъ цѣлый рядъ портретовъ своей жены и принялся ихъ разсматривать. Узнавъ, что Робустовъ также въ первый разъ въ жизни разстался съ женой, онъ сдѣлалъ грустное лицо и выразилъ свое глубокое сочувствіе.

Около полудня подъѣзжали къ Ростову и рѣшили завтракать за однимъ столомъ. Выходя изъ вагона, Робустовъ догналъ въ дверяхъ ту самую дѣвушку, которую видѣлъ утромъ, и сильно покраснѣлъ. Одѣта она была элегантно и просто, безъ яркихъ цвѣтовъ въ костюмѣ. На видъ ей было лѣтъ восемнадцать и шла

Digitized by Google

она подъ руку съ пожилой дамой, вѣроятно, съ матерью. Онъ посторонился и пошелъ вслѣдъ за ними, а въ залѣ забылъ, что обѣщалъ нѣмцу и чиновнику сѣсть вмѣстѣ, и сѣлъ такъ, что хорошенькая армяночка и ея мать очутились противъ. Армяночка ѣла рыбу, потомъ пила кофе, щурилась, улыбалась и весело болтала съ матерью. Робустовъ спросилъ себѣ бифштексъ, но не успѣлъ его съѣсть, хотя поѣздъ стоялъ около получаса.

Какъ снова поѣхали, мать и дочь ушли въ купэ. Робустовъ попробовалъ возобновить разговоръ съ нѣмцемъ и съ чиновникомъ, но съ ними ему скоро стало скучно. Онъ легъ на диванъ и незамѣтно заснулъ. Вагонъ мѣрно покачивался, гудѣлъ и убаюкивалъ. Когда Робустовъ открылъ глаза, уже горѣло электричество. Настоящая ночь еще не наступила. Только облака сгустились и стали темно-лиловыми, а подъ ними протянулась черезъ весь горизонтъ ярко-оранжевая полоса.

Онъ причесался, застегнулъ на всѣ пуговицы тужурку и сталъ въ коридорчикѣ возлѣ открытаго окна.

Вѣяло степью и тепломъ.

Сбоку прошумѣла юбка, и къ слѣдующему окну подошла армяночка. Пришелъ чиновникъ и заговорилъ съ нею по-армянски, а потомъ съ Робустовымъ—по-русски, и разговоръ сталъ общимъ. Говорили о томъ, какъ менѣе утомительно проѣхать въ Кутаисъ по военно-грузинской или по желѣзной дорогѣ, черезъ станцію „Баладжары“. Чиновникъ постоялъ еще нѣсколько минутъ и вернулся въ свое отдѣленіе, а Ро-

Digitized by Google

бустовъ прислонился къ стѣнѣ и продолжалъ разговаривать съ дѣвушкой. Онъ узналъ, что она армянка, выросла и окончила гимназію въ одномъ изъ большихъ городовъ Кавказа. Ея отецъ, нефтепромышленникъ, остался по дѣламъ въ Парижѣ, а онѣ съ матерью возвращаются оттуда домой, потому что устали и соскучились за границей.

— Развѣ на Кавказѣ лучше, чѣмъ во Франціи?— спросилъ Робустовъ.

Она едва замѣтно дернула нижней губкой и, на минуту высунувъ голову въ окно, отвѣтила оттуда:

— Для меня лучше.

— Вы одна дочь у матери?

— Одна. Почему вы такъ думаете?

— Потому что видѣлъ, съ какою заботливостью она относится къ вамъ, это по ея глазамъ видно.

— Да, она меня любитъ, у меня славная мама.

— Какъ ваше имя?—спросилъ онъ опять.

— А вамъ зачѣмъ?

— Такъ, интересуюсь, потому что не знаю кавказскихъ... (онъ почему-то постѣснился сказать армянскихъ) именъ.

— Сирэнъ.

— Какъ?

— Си-рэнъ... Настоящее мое имя, впрочемъ, Сиранушъ, а Сирэнъ это уменьшительное, такъ меня зовутъ дома. Вотъ какъ у русскихъ, напримѣръ, есть имя Екатерина, а зовутъ Катя...

— Теперь понялъ,—сказалъ Робустовъ, досталъ изъ бокового кармана маленькую книжку и записалъ въ ней: „Сирэнъ“.

Digitized by Google

— Зачѣмъ вы записываете?

— Такъ, на память, это имя очень красиво звучитъ. А какъ ваше отчество и фамилія?

— Да зачѣмъ вамъ! Ну, зовутъ меня Сиранушъ Давидовна Бежаніанцъ.

Сирэнъ опять дернула нижней губкой и, приподнявшись на носкахъ, высунулась въ окно. Теплый, но сильный вѣтеръ заигралъ завитушками ея волосъ на затылкѣ и отъ нихъ запахло какими-то тонкими духами.

„Что, если бы ее сейчасъ поцѣловать въ эти завитушки?“— подумалъ Робустовъ и самъ испугался своей мысли.

— Вы женаты? — вдругъ спросила Сирэнъ.

— Да, женатъ, у меня двое дѣтей.

— А любите вашу жену?

— Очень.

— Это хорошо, русскіе рѣдко любятъ своихъ женъ.

Сирэнъ оперлась руками на раму опущеннаго окна и, должно быть, что-то мысленно напѣвая, стала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

„Вотъ талія,—думалъ Робустовъ,—и вѣдь безъ корсета. Есть въ ней что-то эластичное, змѣиное и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно-граціозное. Сколько этой Сирэнъ можетъ быть лѣтъ?“—и спросилъ:

— Вы давно окончили гимназію?

— Въ прошломъ году, и уже ничего не помню изъ того, что учила.

— Значитъ, вы были плохой ученицей?

— Не знаю, окончила съ серебряной медалью

— Какъ же такъ?

Digitized by Google

— Такъ. Если не читать ничего самостоятельно, то гимназія даетъ мало.

— А вы много читаете?

— Нѣтъ. Русскую литературу я знаю плохо. Французскую лучше, немножко итальянскую, хотя тоже слабо, д'Аннунціо мнѣ очень нравится. Вообще же мнѣ кажется, что нужно больше думать, чѣмъ читать и учиться.

— А надъ чѣмъ же думать?

— Не знаю,—надъ всѣмъ. Мнѣ кажется, если бы я поступила на какіе-нибудь курсы, я бы отъ скуки съ ума сошла. Вотъ пѣвицей или писательницей мнѣ бы хотѣлось быть, но у меня нѣтъ никакихъ талантовъ.

— Сирэнъ!—позвала ее мать.

Она безшумно отдернулась отъ окна и вошла въ купэ. Тамъ о чемъ-то поговорила и снова вернулась.

— Мамаша говоритъ, что пора спать. Уже двѣнадцать часовъ. Спокойной ночи.

Не подавая руки, она кивнула Робустову головкой и скрылась за дверью. Онъ остался у окна и смотрѣлъ на темную степь, на такое же темное небо и на звѣзды, которыя казались ему необыкновенно крупными, такими, какими онъ ихъ никогда не видалъ въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ прежде.

На слѣдующій день, когда онъ вошелъ въ коридорчикъ, Сирэнъ уже стояла на прежнемъ мѣстѣ у окна. Она была въ другой, блѣдно-голубой кофточкѣ, подпоясанной ремнемъ съ золотою пряжкой, тщательно причесанная, свѣжая и красивая, какъ цвѣтокъ послѣ дождя. Робустовъ поздоровался и сталъ рядомъ. Потомъ пришли нѣмецъ и чиновникъ. Снова завязался общій разговоръ. Робустовъ чувствовалъ, что Сирэнъ

Digitized by Google

говоритъ съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ, чѣмъ съ двумя другими спутниками, но нарочно отошелъ въ сторону и сдѣлалъ угрюмое лицо.

Начался уже Кавказъ. На станціяхъ вездѣ мелькали мохнатыя шапки, кинжалы, крашеныя бороды и слышался быстрый гортанный говоръ. Разговаривавшіе сильно жестикулировали и казалось, что они бранятся между собою. Пейзажъ тоже измѣнился. Степи уже не было. Поѣздъ шелъ по огромному луговому пространству, справа и слѣва окруженному холмами. Кое-гдѣ паслись стада и виднѣлся дымокъ, подымавшійся столбомъ къ чистому синему, синему небу.

Сирэнъ опять осталась одна, и Робустовъ сталъ рядомъ, совсѣмъ близко, возлѣ нея. Иногда вѣтеръ подхватывалъ тонкія пряди волосъ на ея вискахъ, и они своими концами касались на мгновенье его щеки, и тогда ему не хотѣлось ни о чемъ говорить и думать. Проѣхали такъ двѣ станціи. Робустовъ неожиданно для самого себя вдругъ сказалъ:

— Какъ мнѣ хорошо съ вами.

Сирэнъ сморщила носикъ и спокойно отвѣтила:

— Если вы будете говорить глупости, я уйду.

— Не буду.

— Впрочемъ, мы и безъ того скоро простимся. У насъ билеты только до станціи „Бесланъ“. Тамъ мы будемъ въ полдень. Оттуда поѣдемъ на Владикавказъ, а потомъ по военно-грузинской дорогѣ.

— Это ужасно досадно. Такія женщины, какъ вы, не на каждомъ шагу встрѣчаются.

— Я уйду.

Сирэнъ въ самомъ дѣлѣ повернулась и ушла въ купэ.

Digitized by Google

„Что она—кокетка или нѣтъ?—думалъ Робустовъ.—Если кокетка, то очень тонкая и умная, а если нѣтъ, то дѣйствительно такое существо, что... еще два дня съ ней и... можно свихнуться. Это хорошо, что онѣ уходятъ".

Поѣздъ прогремѣлъ по желѣзному мосту черезъ Терекъ. Вода въ рѣкѣ была мутная, съ водоворотами, въ которыхъ крутились вѣточки и сѣно, и бѣжала удивительно быстро. „Точно моя жизнь", — подумалъ Робустовъ.

Миновали станцію „Прохладную" и показались настоящія горы, которыя Робустовъ принялъ сначала за облака: до такой степени были нѣжны тоны и перелливы снѣга на вершинахъ. Всѣ онѣ — и Машукъ, и Эльборусъ, и Бештау и другія, названій которыхъ Робустовъ не зналъ, грандіозныя, неподвижныя, чистыя съ яркими голубыми и лиловыми переливами, точно во снѣ, мало-по-малу выступили изъ тумана и рѣзко обозначились на синемъ фонѣ неба. И тянулись онѣ Богъ знаетъ какъ далеко отъ желѣзнодорожнаго полотна, а Робустову казалось, что онъ чувствуетъ холодъ ихъ снѣга.

Онъ не могъ оторваться отъ окна и вдругъ понялъ, въ чемъ сила ихъ красоты. Видишь передъ собою зимній пейзажъ, чувствуешь, какъ провалился бы по колѣни, если бы пошелъ тамъ, по этому ослѣпительно сверкающему снѣгу, любуешься ярко лиловыми, падающими отъ этихъ великановъ, тѣнями... и въ то же время видишь, какъ освѣщаетъ солнце безчисленные стоги сѣна, раскинувшіеся по зеленой долинѣ Терека, какъ пасутся стада, тянутся по дорогѣ арбы и скачутъ

Digitized by Google

на коняхъ, стараясь обогнать поѣздъ, казачата, загорѣлые, безъ шапокъ, иной съ растегнутымъ воротомъ сорочки, и чувствуешь вокругъ себя теплый радостный лѣтній день. И глаза, не видавшіе никогда, какъ дружно могутъ жить по сосѣдству зима и лѣто, и нервы, никогда ничего подобнаго одновременно не ощущавшіе,—поражаются и точно затрудняются передать мозгамъ всю силу впечатлѣнія.

„Только среди такой природы и могутъ выростать и развиваться такія созданія, какъ Сирэнъ“,— думалъ Робустовъ.

— А знаете,—мама передумала. Она боится ѣхать по военно-грузинской дорогѣ. Значитъ, еще цѣлыя сутки будемъ ѣхать вмѣстѣ,—раздался вдругъ ея голосъ.

— Кисмэтъ—судьба значитъ,—отвѣтилъ Робустовъ, обернулся и глаза его засвѣтились радостью.

— Откуда вы знаете это слово?— спросила Сирэнъ, улыбаясь.

— Такъ вспомнилось: должно быть, читалъ гдѣ-нибудь.

На станціи „Бесланъ“ поѣздъ стоялъ очень долго. Робустовъ познакомился съ матерью Сирэнъ и по ея просьбѣ взялъ имъ билеты дальше. Послѣ обѣда гуляли по платформѣ вмѣстѣ съ нѣмцемъ и чиновникомъ. Нѣмецъ предложилъ снять группу, на что всѣ согласились. Потомъ Робустовъ сталъ рядомъ съ Сирэнъ, и нѣмецъ снялъ ихъ отдѣльно. Захотѣлъ сняться съ ней и чиновникъ. Сирэнъ согласилась, но какъ только открылся объективъ, засмѣялась и замотала головой. На станціи Робустовъ купилъ въ книжномъ шкафу два тома разсказовъ Чехова. Когда снова по-

Digitized by Google

ѣхали, Сирэнъ взяла книги и стала одну изъ нихъ перелистывать.

— Вы никогда не читали Чехова?—спросилъ Робустовъ.

— Никогда.

— Передъ выѣздомъ я прочелъ одинъ его разсказъ, который было уже забылъ, но теперь, увидавъ васъ, вдругъ вспомнилъ. Разсказъ называется „Красавицы“ и произвелъ на меня сильное впечатлѣніе вѣрностью тѣхъ ощущеній, которыя испытываетъ человѣкъ при видѣ красоты. Главное же, что героиня первой части разсказа—армянка, и теперь я не могу ее себѣ иначе представить, какъ съ вашимъ лицомъ.

Сирэнъ съ любопытствомъ задвигала губами и носикомъ, точно звѣрекъ, обнюхивающій воздухъ.

— Это интересно,—сказала она.—Прочтите мнѣ его вслухъ. Пойдемте сядемъ въ нашемъ купэ, а то у меня уже ноги устали.

— Съ удовольствіемъ, только, можетъ быть, ваша мама будетъ имѣть что-нибудь противъ этого.

— Ничего ровно. Знаете, сегодня съ утра она была недовольна тѣмъ, что я съ вами разговариваю, а когда узнала, что вы женаты, какъ будто, успокоилась; правда, это странно?

— Пожалуй.

Они пошли и сѣли рядомъ. Робустовъ читалъ громко и просто. Сирэнъ щурилась и часто улыбалась.

Проходившій мимо купэ нѣмецъ остановился у двери и нѣсколько времени внимательно слушалъ, потомъ, вѣроятно, ничего не понявъ, вздохнулъ и пошелъ дальше.

Digitized by Google

— Хорошо? — спросилъ Робустовъ, окончивъ разсказъ.

— Хорошо.

— А я думалъ, что вы обидитесь за то, что я васъ сравнилъ съ необразованной и простой дѣвушкой.

Сирэнъ снова улыбнулась, поправила машинально свою прическу и вмѣсто отвѣта спросила:

— Правда ли, будто русскіе убѣждены въ томъ, что всякая армянка должна быть непремѣнно глупа.

— Не знаю. Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ не я. Хотите, прочтемъ еще одинъ разсказъ, который называется очень странно: „Безъ заглавія“, только я боюсь, одобритъ ли его ваша мама. Видите ли, въ немъ говорится о такихъ вещахъ, о которыхъ съ молодыми дѣвушками говорить не принято.

— Ничего, читайте, во-первыхъ, потому что я не только дѣвушка, но еще и человѣкъ, а во-вторыхъ, потому, что мама вообще плохо понимаетъ по-русски, особенно если читать вслухъ.

Робустовъ взялъ другой томъ, разрѣзалъ въ немъ нѣсколько страницъ и сталъ читать. Въ разсказѣ говорилось о томъ, какъ настоятель одного древняго, глухого католическаго монастыря, глубокій старикъ, пошелъ въ городъ съ цѣлью учить и спасать людей отъ пороковъ. Тамъ онъ попалъ въ домъ разврата и все видѣнное произвело на него страшное и грустное впечатлѣніе. Возвратившись въ монастырь, онъ со слезами на глазахъ, картинно разсказалъ монахамъ о падшей женщинѣ необыкновенной красоты, которая продавала себя всякому, кто хотѣлъ ее имѣть. Монахи слушали очень внимательно. „Когда онъ на другое утро

Digitized by Google

вышелъ изъ келіи, въ монастырѣ не оставалось ни одного монаха. Всѣ они бѣжали въ городъ", — такъ заканчивался разсказъ. Сирэнъ слушала съ широко раскрытыми глазами, личико ея было грустно, а губы сложились въ презрительную улыбку. Она притихла и долго молчала.

— Разсказъ произвелъ на васъ тяжелое впечатлѣніе?— спросилъ Робустовъ.

— Не только это... Первый разсказъ, который вы прочли, написанъ красивѣе, и все-таки второй гораздо лучше его. Одинъ такой разсказъ стоитъ десяти проповѣдей.

„Да она въ самомъ дѣлѣ умна",— подумалъ Робустовъ.

Дремавшая на другомъ диванѣ мать Сирэнъ сказала ей что-то по-армянски: должно быть, ей не нравилось присутствіе посторонняго мужчины.

— Мама жалуется, что ей нездоровится,—перевела Сирэнъ.

— Видите, я говорилъ, что мы стѣснимъ вашу маму.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Нѣтъ, ужъ я пойду къ себѣ.

Робустовъ вышелъ. Сирэнъ посмотрѣла ему вслѣдъ и осталась. Въ мужскомъ купэ нѣмецъ сидѣлъ и писалъ что-то въ тетради, переложенной листочками папиросной бумаги и похожей на копировальную книгу. Чиновникъ лежалъ съ сигарой въ зубахъ и скучалъ. Старый генералъ ходилъ взадъ и впередъ и старался подбросить ногою подъ диванъ кусочекъ бумажки, видимо раздражавшій его.

— Что это вы дѣлаете, Herr Pestler, дневникъ пишете?—спросилъ Робустовъ по-нѣмецки.

Digitized by Google

— Да,—сухо и важно отвѣтилъ онъ и добавилъ,— это одновременно и дневникъ, и письмо женѣ. Подлинникъ остается у меня, а дубликатъ, на папиросной бумагѣ, я отсылаю ей. Папиросная бумага вѣситъ немного, такимъ образомъ, письмо можетъ быть очень длиннымъ, и не нужно добавлять на него второй марки.

— Prahtvoll, — отвѣтилъ Робустовъ. И вспомнился ему одинъ малороссъ-помѣщикъ, замѣчательный своей лѣнью. Когда ему говорили: „Ну, хорошо, Степанъ Даниловичъ, при своихъ средствахъ вы, конечно, можете лежать цѣлый день, но вѣдь думать вамъ все-таки приходится", онъ обыкновенно отвѣчалъ: „А на шо мини думать, я за себе нимця найму—шобъ думавъ".

— А вы очень скучаете безъ своей жены? — спросилъ Пестлеръ.

— Очень,—отвѣтилъ Робустовъ, глядя нѣмцу прямо въ глаза.

— А что вы сейчасъ читали вмѣстѣ съ этой Fräulein?

— Одинъ поучительный разсказъ.

— Какого автора?

— Чехова.

— Какъ!

— Чехова.

— Это очень остроумный писатель, — сказалъ чиновникъ.

— Можетъ быть, вы будете такъ добры, переведете этотъ разсказъ господину Пестлеру, — сказалъ Робустовъ, обращаясь къ нему.—Разсказъ не великъ, а вы владѣете языкомъ лучше меня.

— Съ удовольствіемъ, да я и самъ его не читалъ.

Digitized by Google

Чиновникъ взялъ книгу и глаза его забѣгали взадъ и впередъ по строчкамъ. Окончивъ читать, онъ сдѣлалъ недоумѣвающую физіономію и сказалъ:

— Нѣчто весьма туманное.

„Ну, братъ, тебѣ зажженую спичку поднести къ глазамъ, такъ и та покажется туманной“, — подумалъ Робустовъ.

Чиновникъ пододвинулся къ нѣмцу и медленно сталъ переводить. Тотъ наморщилъ лобъ и внимательно слушалъ, а когда чтеніе кончилось, покраснѣлъ и сказалъ:

— Такіе разсказы писать и даже читать большой грѣхъ. Этотъ авторъ напоминаетъ мнѣ француза Мопассана.

Чиновникъ весело захихикалъ.

— Да, это ужасный разсказъ,— снова проговорилъ нѣмецъ.—И Freulein не обидѣлась, когда вы его прочли?

— Нѣтъ; напротивъ, онъ произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе.

— Schrecklich.

— Ну, что же, значитъ мы съ вами въ литературныхъ вкусахъ не сходимся, а вотъ кстати у меня къ вамъ есть просьба. Я вамъ дамъ свой адресъ и оставлю денегъ, а когда вы отпечатаете тотъ снимокъ, который сдѣлали съ меня и съ этой Freulein, то, будете любезны, вышлите мнѣ его.

— Хорошо, хорошо, очень хорошо,—скороговоркой отвѣтилъ Пестлеръ, потомъ всталъ и пошелъ въ сосѣднее пустое купэ, гдѣ лежали его фотографическія принадлежности. Минуты черезъ двѣ онъ вернулся. Видъ у него былъ торжествующій.

Digitized by Google

— Ахъ, какое несчастье, какое несчастье... — сказалъ онъ.

— Что такое?—спросилъ Робустовъ.

— Вообразите, когда я снималъ, я забылъ перемѣнить пластинку и, такимъ образомъ, оба снимка вышли на одной пластинкѣ и окончательно испорчены.

Нѣмецъ и чиновникъ, точно сговорившись, вдругъ начали хохотать. Смѣялись они долго и весело, точно мальчики въ циркѣ.

„Неужели они завидуютъ тому, что Сирэнъ предпочитаетъ говорить со мною", — подумалъ Робустовъ, постарался улыбнуться и вышелъ въ коридорчикъ.

Сирэнъ стояла у окна на прежнемъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ ней и разсказалъ ей обо всемъ, что дѣлалось и говорилось въ мужскомъ купэ.

— Вотъ бѣдные,—сказала Сирэнъ и улыбнулась.

— Что бѣдные, это Господь съ ними, но меня вотъ что интересуетъ: Сирэнъ училась немного у папы и мамы, немного у людей въ синихъ сюртукахъ, которые ей давали тоже немногое, и понимаетъ... А тѣ—одинъ ѣдетъ просвѣщать темныхъ людей, другой окончилъ двѣ академіи, и оба дико хохочутъ послѣ прочтенія такого разсказа.

Рука Сирэнъ лежала на подоконникѣ, Робустовъ незамѣтно положилъ на нее свою и чувствовалъ, какъ ея ручка нѣжна и горяча. Сирэнъ минуты двѣ не отнимала ее, потомъ потихоньку освободила и едва слышно произнесла:

— Ну, зачѣмъ?..

Солнце подходило къ западу и снѣжныя вершины, уже значительно отдалившіяся отъ желѣзнодорожнаго

Digitized by Google

пути, стали ярко-оранжевыми и еще болѣе красивыми. Незамѣтно скоро совсѣмъ стемнѣло и по небу засвѣтились крупныя зеленоватыя звѣзды. На одномъ изъ разъѣздовъ, недалеко отъ станціи „Дербентъ“ ожидали встрѣчнаго пассажирскаго поѣзда и стояли очень долго. Сирэнъ надѣла верхнюю кофточку и попросила у матери позволенія погулять. Ступеньки вагона пришлись высоко надъ платформой и, помогая Сирэнъ сойти, Робустовъ почти снесъ ее на рукахъ. Охвативъ рукой ея гибкую талію, онъ невольно зажмурилъ глаза и ему захотѣлось, чтобы этотъ моментъ продолжался безконечно долго.

На второмъ пути стоялъ длинный товарный поѣздъ, часть его была внутри освѣщена и тамъ виднѣлись силуэты людей. Поѣздъ былъ воинскій съ возвращавшимися послѣ службы домой кубанскими казаками-пластунами.

Въ послѣднемъ вагонѣ они сидѣли цѣлымъ рядомъ, свѣсивъ ноги, и пѣли.

Одинъ голосъ, удивительно высокій и звенящій, какъ стальная струна, началъ:

По-вій ви-тре
На Вкра-и-и-ну...

А хоръ, небольшой и негромкій, тихо вступилъ:

Де по-о-кинувъ я ди-вчину,
Де-е поки-и-нувъ кар-р-ри очи...

И весь его снова покрылъ одинъ звенящій голосъ словами:

По-вій вит-ре и-из-зъ пивно-о-очи...

и сразу стихъ, точно уплылъ къ звѣздамъ.

Digitized by Google

Робустовъ слыхалъ этотъ мотивъ и раньше, но теперь не узналъ его. Нотнаго, искусственнаго, шлифованнаго въ немъ ничего не осталось. Пѣли, точно въ самомъ дѣлѣ обращаясь къ вѣтру, просили его слетать домой и вѣрили, что онъ ихъ слышитъ.

Начали другую,—веселую, съ присвистомъ и позвякиваніемъ тулумбаса, но монотонную, безъ остановокъ между куплетами, и вдругъ смолкли.

— А шобъ воны подурилы, дви станціи зосталось, та ни якъ не довезуть, — проговорилъ чей-то грубый голосъ, закашлялъ и затѣмъ послышался плевокъ.

— Живи будемъ—дойдемъ,—отвѣтилъ другой.

— Вотъ, если бы они еще разъ спѣли эту первую пѣсню,—сказалъ Робустовъ.

— Я не понимаю по-малороссійски, но мотивъ необыкновенно красивый и грустный, — отозвалась Сирэнъ.

Далеко на пути за краснымъ огнемъ семафора показались три ясныхъ дрожавшихъ точки поѣзда, котораго ждали. Ударили второй звонокъ. Робустовъ снова помогъ Сирэнъ войти въ вагонъ.

— Нужно пойти представиться мамѣ, чтобы она не подумала, что я осталась,—сказала она, ушла и черезъ минуту вернулась.

— Ну что?—спросилъ Робустовъ.

— Ничего, просила только долго не оставаться на площадкѣ.

Три фонаря приближавшагося поѣзда выросли въ огненный треугольникъ, а красный огонь на семафорѣ вдругъ сталъ бѣлымъ. Наконецъ, прохрипѣлъ мимо паровозъ и замелькали освѣщенныя окна. Сквозь гулъ

Digitized by Google

подходившаго поѣзда едва можно было разслышать третій звонокъ и свистки. Вагонъ легонько дернуло, и онъ поплылъ все скорѣе и скорѣе.

— Вотъ,—сказалъ Робустовъ,—встрѣтились мы съ вами, а завтра распрощаемся и, пожалуй, никогда больше не увидимся. Да, такъ вотъ что: хотѣлось бы мнѣ, Сирэнъ, знать, кто изъ насъ считаетъ себя счастливѣе и кто на самомъ дѣлѣ счастливѣе, не въ данный моментъ, а вообще.

— Что это вамъ пришло въ голову. Вы мужчина, вы самостоятельнѣе, слѣдовательно, ваше счастье у васъ въ рукахъ. Я женщина, мнѣ приходится считаться съ массою условностей, отъ которыхъ меня не спасутъ ни мама, ни деньги, никто, и эти условности всегда будутъ мнѣ отравлять лучшія минуты жизни...

— Значитъ, вы думаете, что я счастливѣе?

— Конечно.

— Нѣтъ, Сирэнъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Робустовъ и подумалъ: „это хорошо, что она не требуетъ, чтобы я называлъ ее по отчеству“. Правда, мужчина самостоятельнѣе женщины, но условности давятъ его еще больше, чѣмъ женщину. Вотъ я, напримѣръ, считаюсь честнымъ человѣкомъ, а принужденъ всю жизнь лгать, вѣрнѣе, никогда не быть вполнѣ искреннимъ. Если я въ судебной рѣчи скажу, что защитникъ знаетъ еще лучше меня, какой мошенникъ его кліентъ, но защищаетъ его только изъ-за денегъ,—меня остановятъ, будь это сама святая истина. Если я приду въ гости къ члену суда и солгу ему, что давно не былъ, потому что болѣлъ,—это ничего; если же я скажу, что въ его семьѣ мнѣ невыносимо скучно и ходить туда

Digitized by Google

противно,—меня сочтутъ за невѣжу и, пожалуй, за сумасшедшаго... У меня часто является непреоборимое желаніе, ну хоть въ теченіе одного часа говорить искренно обо всемъ, что думаешь и что чувствуешь... Кажется, если бы это было возможно, то получилось бы такое громадное удовлетвореніе, которое и описать трудно. И каждый разъ я себя сдерживаю и заставляю или молчать, или говорить о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Потому что завтра же, когда у меня измѣнится настроеніе, я съ ужасомъ буду думать: вотъ я лучшія мои мысли повѣрялъ существу, которое изъ всей моей исповѣди вынесетъ впечатлѣніе, что я психопатъ и что мнѣ скучно жить. Съ женой я еще могъ бы быть откровеннымъ, съ товарищами же или съ родными—никогда. Но и женѣ многаго нельзя говорить. Вотъ, напримѣръ, я не могу ей сказать, что, когда помогалъ вамъ сойти на платформу и на одну секунду взялъ васъ за талію,—я пережилъ чудную минуту. Она пойметъ, что этимъ я не измѣнилъ ей, но все-таки это ее встревожитъ. Самое ужасное въ моей жизни это вѣчное ощущеніе нравственнаго одиночества... Послѣ университета я сейчасъ же поступилъ на службу. Сначала пришлось путешествовать по всякимъ захолустьямъ, то въ качествѣ защитника, то въ качествѣ исполняющаго обязанности слѣдователя, когда настоящій слѣдователь уѣзжалъ въ отпускъ. Затѣмъ я женился и самъ сталъ слѣдователемъ. Послѣ рожденія перваго ребенка женѣ уже не было времени со мной разговаривать или у нея были разстроены нервы, и говорить съ ней, значило ее раздражать. Насъ поселили въ очень глухомъ мѣстечкѣ. Изъ интеллигенціи тамъ

Digitized by Google

жилъ докторъ, который считалъ меня только чиновникомъ и человѣкомъ, который глупѣе его, и потому мы съ нимъ никогда не говорили по душѣ. Жилъ тамъ еще приставъ, который считалъ меня умнѣе себя, и поэтому мы съ нимъ тоже никогда и ни о чемъ не говорили, а только иногда играли въ винтъ... Будучи студентомъ, я былъ знакомъ съ однимъ выдающимся писателемъ, необыкновеннымъ, чуднымъ человѣкомъ. Зная, что я увижу его, я волновался, какъ передъ встрѣчей съ любимой женщиной, и мечталъ о томъ, какъ я раскрою передъ нимъ всю свою душу, но, встрѣчаясь съ нимъ, я всегда смущался и говорилъ не о томъ, что хотѣлъ сказать, а о пустякахъ, или былъ неискренен. Эта боязнь, что въ слѣдующій разъ мнѣ будетъ передъ нимъ стыдно за все то, что я сказалъ, и тутъ портила дѣло.

...Въ дѣтствѣ я говорилъ съ отцомъ сначала только относительно моихъ гимназическихъ отмѣтокъ, а затѣмъ о томъ, сколько я могу истратить денегъ, и сколько не могу. Мать умерла рано и я ее не помню. И такъ прошла вся жизнь.

...Съ вами я сегодня говорю такъ, во-первыхъ, потому, что вы мнѣ кажетесь умной и понимающей все мое настроеніе, а во-вторыхъ, потому, что васъ больше не встрѣчу и говорить такъ не стану. Я радъ, что не увижу больше васъ. Я бы могъ вами увлечься, и изъ этого не вышло бы ничего хорошаго ни для васъ, ни для меня. Но за сегодняшній день—спасибо. Спасибо уже за то, что вы меня слушаете. Черезъ недѣлю я вступлю въ исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Буду дѣлать визиты, говорить только о дѣлахъ,

Digitized by Google

о цѣнахъ на квартиры, буду произносить судебныя рѣчи. И если меня кто-нибудь спроситъ о васъ, я сдѣлаю равнодушную физіономію и скажу: „да, ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ хорошенькой армяночкой".

— Знаете, я еще никогда не встрѣчала такого человѣка,—сказала Сирэнъ.

— Развѣ? — Робустовъ улыбнулся. — Эхъ, Сирэнъ, Сирэнъ, еще бы съ вами хоть сутки проѣхать.

— У меня есть отчество.

— Ну, Сирэнъ Давидовна. Это звучитъ некрасиво. Думайте обо мнѣ, что хотите, мнѣ это все равно. Кстати скажите, вы скоро собираетесь выходить замужъ?

— Пока не собираюсь. А что?

— Такъ, хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на этого счастливаго человѣка.

— Можетъ быть, и увидите.

— Ну, гдѣ же я увижу?

За ихъ спинами послышалось шарканье ногъ и потомъ голосъ чиновника:

— Mademoiselle, maman проситъ васъ къ себѣ.

— Хорошо.

Чиновникъ продолжалъ стоять.

— Я сказала—хорошо.

Тотъ повернулся и ушелъ. Сирэнъ посмотрѣла ему вслѣдъ и тоже ушла. „Мнѣ лучше остаться", — подумалъ Робустовъ, но уже черезъ минуту вздрогнулъ, точно услыхалъ, что его позвали, опустилъ голову и направился къ двери.

Сирэнъ возвратилась изъ купэ съ надутыми губками и стала у окна. Разговоръ больше не возобновлялся. Обмѣнивались только короткими фразами. Робустовъ

Digitized by Google

снова положилъ свою руку на ея нѣжную ручку, и Сирэнъ не отнимала ея.

„Она не отнимаетъ своей руки, вѣроятно, на зло матери, которая сдѣлала ей выговоръ за то, что она все время со мной, а можетъ быть, я ей и нравлюсь“,— мелькнуло въ головѣ Робустова.—„Теперь около одиннадцати часовъ. Маруся, вѣроятно, уложила дѣтей, стоитъ передъ зеркаломъ, усталая, съ кислой физіономіей и причесывается на ночь, а если думаетъ обо мнѣ, то жалѣетъ, что я трясусь въ вагонѣ... Можетъ быть, я поступаю подло, что сейчасъ стою возлѣ этой хорошенькой и оригинальной армяночки... Но жизнь такъ монотонна и будетъ и дальше такою же, а потому нелѣпо лишать себя того свѣтлаго молодого ощущенія, которое охватило меня. Кромѣ того, это вѣдь не измѣна, это такъ“...

— Сирэнъ, вы умненькая дѣвушка, вѣдь правда же, — нѣтъ ничего дурного въ томъ, что вы мнѣ такъ нравитесь.

— А завтра будетъ такъ же нравиться другая, а послѣ завтра третья,—сказала она и вдругъ выдернула свою руку.

„Она не поняла меня,—подумалъ Робустовъ.—Вотъ совсѣмъ юная, а женщина до мозга костей. Молчишь,— можно выражать ласку рукопожатіемъ. Заговорилъ,— нарушилъ настроеніе, сейчасъ же нужно показать, будто ея рука только случайно была въ моей“. — Онъ вспомнилъ, какъ, будучи гимназистомъ седьмого класса, ухаживалъ за шестиклассницей Лелей, которая въ темной комнатѣ всегда отвѣчала на его поцѣлуи, а въ свѣтлой, когда онъ только положилъ ей на плечо руку,

Digitized by Google

разсердилась и закричала. „Всѣ, всѣ, и русскія, и армянки, и польки, и нѣмки—всѣ одинаковы".

— Думайте, Сирэнъ, что хотите, но, право же, мнѣ будетъ ужасно тяжело завтра разставаться съ вами. За эти трое сутокъ я очень привязался къ вамъ. Глупо это, конечно...

— Да?

— Да,—отвѣтилъ онъ и подумалъ:—„Вотъ сейчасъ ей показалось, будто она грубо мнѣ отвѣтила и, желая загладить это, она не сказала ничего по поводу того, что я опять назвалъ ее только по имени"...

— Ну-съ, нужно итти къ мамѣ,—сказала она.

— Погодите еще, Сирэнъ.

— Нѣтъ, такъ лучше будетъ, спокойной ночи. Завтра еще увидимся, если вы не проспите.

Она посмотрѣла на Робустова не то съ недовѣріемъ, не то съ грустью, крѣпко пожала его руку и ушла.

Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ усталъ нервно и физически за цѣлый день. Ему захотѣлось пойти и лечь поудобнѣе и если нельзя быть больше возлѣ Сирэнъ, то хоть мысленно представлять ее себѣ.

Нѣмецъ и чиновникъ встрѣтили его молча съ угрюмыми и серьезными лицами. И ему почему-то вспомнилось выраженіе лица одного арестанта, отрицавшаго свою виновность, которому онъ долженъ былъ объявить, что все украденное нашлось у его соучастника.

Робустовъ раздѣлся и сладко потянулся на диванѣ, а потомъ, чтобы никого не видѣть, укрылся одѣяломъ съ головой, оставивъ отверстіе только возлѣ рта.

Вагонъ гудѣлъ и подъ подушкой мѣрно раздавался убаюкивающій звукъ—жам, жам, жам... „Какъ хорошо

Digitized by Google

вообще ѣхать,—думалъ онъ,—ты вездѣ и нигдѣ. Никто тебя не знаетъ. Никто не имѣетъ права упрекнуть въ томъ, что поступаешь такъ или иначе".

Несмотря на усталость, ему долго не спалось, и проснулся онъ рано, въ шесть часовъ утра, сейчасъ же одѣлся, умылся и сталъ у окна.

Пейзажъ рѣзко измѣнился. Горъ уже не было видно. Съ одной стороны стлалась степь, поросшая какими-то сорными травами, сѣрая и непривѣтливая, не похожая на донскую. Съ другой стороны все время тянулось Каспійское море, точно огромная грязная лужа, оставшаяся послѣ дождя. Въ одномъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полотна желѣзной дороги, толпились, хлопая крыльями, пятнадцать или двадцать огромныхъ орловъ и поѣздъ не пугалъ ихъ. Иногда мимо проходили, покачиваясь, верблюды, которыхъ вели некрасивые съ рѣдкими бородами люди въ халатахъ и въ странныхъ шапкахъ, похожихъ на половину арбуза. Попадались навстрѣчу такіе же всадники верхомъ на ослахъ, нагруженныхъ уже непомѣрнымъ вьюкомъ и, казалось, что огромному человѣку, сидѣвшему съ вытянутыми впередъ сверхъ вьюка ногами, не можетъ не быть совѣстно такъ эксплуатировать бѣдняка.

Сирэнъ тоже встала рано. Личико ея было утомлено и подъ глазами легли свѣтло-коричневые круги. Она не кокетничала, была привѣтлива и видимо грустна, и Робустовъ не зналъ, о чемъ съ нею говорить.

Послѣ долгаго молчанія она вдругъ сказала:

— Вотъ, вчера вы спросили: есть ли что-нибудь дурное въ томъ, что вы были все время возлѣ меня...

Digitized by Google

— Я не такъ сказалъ, я спросилъ: есть ли что-нибудь дурное въ томъ, что вы мнѣ такъ нравитесь.

— Ну, все равно, не въ этомъ дѣло. Такъ или не такъ,—ничего хорошаго и ничего дурного нѣтъ. Если что-нибудь случается, значитъ, нужно, чтобы оно случилось. Значитъ, или для васъ, или для жены вашей, или для меня изъ этого будетъ какая-нибудь польза. Какая,—этого нельзя знать, потомъ видно будетъ, можетъ очень не скоро.

— Почему вы такъ думаете?

— Ни почему. Такъ думаю, такъ вѣрю и больше ничего.

Робустовъ силился вникнуть въ смыслъ сказаннаго ею и не могъ, но ему казалось, что она права и что существа, живущія больше инстинктомъ, чѣмъ разсудкомъ, угадываютъ иногда то, чего нельзя опредѣлить логически. И ему казалось также, что самъ онъ жилъ эти дни, не разсуждая, и въ этомъ была ихъ прелесть. Ей грустно, и ему грустно, имѣютъ ли они нравственное право грустить или нѣтъ, встрѣтятся ли еще разъ или нѣтъ, зачѣмъ объ этомъ думать. Придешь къ такому или другому выводу, а настроенія не измѣнишь.

Вышла мать Сирэнъ, наскоро поздоровалась и позвала ее укладываться.

Робустову стало очень грустно. Онъ пробовалъ смѣяться надъ этою грустью и чувствовалъ, что у него сдавливаетъ горло.

Когда пріѣхали на станцію „Баладжары“, гдѣ нужно было разстаться, Сирэнъ и Робустовъ точно онѣмѣли. Сидя рядомъ съ нею, онъ пилъ кофе и все думалъ, что бы такое сказать на прощанье, вполнѣ искреннее

Digitized by Google

и сердечное, и не сказалъ ничего. Первымъ ушелъ поѣздъ, въ которомъ уѣзжала Сирэнъ, она ласково кивнула головой. Промелькнулъ послѣдній вагонъ, Робустовъ сильно закусилъ нижнюю губу и пошелъ разыскивать багажъ. Пересматривая свои вещи, онъ дергалъ плечами и ему казалось, что его отлично сшитая тужурка стала давить подъ руками, а носильщикъ говоритъ съ нимъ не-хотя и недостаточно почтительно.

На слѣдующій день утромъ Робустовъ былъ уже въ томъ городѣ, гдѣ долженъ былъ вступить въ новую должность.

Онъ никуда не пошелъ, а до самаго вечера сидѣлъ въ номерѣ гостиницы, пилъ чай и думалъ. Охватившее его со вчерашняго вечера тяжелое настроеніе давило еще долго и послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ визиты и пріѣхала семья. И было похоже это настроеніе на тоску столичнаго жителя, который прожилъ нѣсколько дней на свободѣ въ дѣвственномъ, задумчиво шумящемъ лѣсу и въ сырой туманный петербургскій вечеръ вернулся на цѣлую зиму въ свою квартиру въ пятомъ этажѣ съ окнами, выходящими на узкій, какъ колодецъ, дворъ.

Прошло оно только тогда, когда, желая себя зарекомендовать какъ можно лучше, онъ началъ каждый день писать не меньше пяти заключеній и сталъ долго готовиться къ каждому засѣданію, перелистывая у себя въ кабинетѣ до двухъ часовъ ночи дѣла.

Съ Сирэнъ Робустовъ встрѣтился только черезъ три года въ другомъ городѣ. Она ѣхала въ коляскѣ съ молодымъ, но некрасивымъ мужемъ, очень похожимъ на ихъ бывшаго попутчика чиновника.

Digitized by Google

Она замѣтно пополнѣла, не узнала его и не отвѣтила на поклонъ, и Робустовъ, пройдя десять шаговъ, уже сталъ сомнѣваться, дѣйствительно ли это была Сирэнъ.

Digitized by Google

ГЕЙША.

Море шумитъ однообразно и глухо, точно тоскуетъ. На бульварѣ темно и холодно. Свѣтъ только возлѣ небольшого лѣтняго театра, на крыльцѣ котораго стоятъ и курятъ мужчины. Антрактъ. Идетъ въ послѣдній разъ „Гейша“. За сценой вездѣ грязно, тѣсно и такъ же холодно, какъ на дворѣ. Пахнетъ сыростью, старымъ холстомъ, клейстеромъ и сѣномъ, которое должно изображать траву. Въ одной изъ уборныхъ съ досчатыми стѣнами, испещренными разными надписями и нецензурными рисунками, сидитъ антрепренеръ Песковскій. Одѣтъ онъ въ нелѣпый, не то китайскій, не то японскій костюмъ, съ золотою картонною саблей на боку, потому что играетъ губернатора. На другомъ стулѣ развалился бритый человѣкъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, съ черепаховымъ пенснэ на носу, въ котиковой шапкѣ и разстегнутой шубѣ. Оба молчатъ. Слышно, какъ на сценѣ поскрипываютъ доски подъ ногами рабочихъ и хористовъ. Въ сосѣдней уборной красивый женскій голосъ отчетливо напѣваетъ:

Будь, Гейша, вѣчно весела,
Со всѣми ты нѣжна, мила,
Пой и пляши, скро-о-ой боль души-и-и..

Digitized by Google

Вальсъ льется въ медленномъ темпѣ и мотивъ выходитъ грустнымъ и задумчивымъ. Испачканное гримомъ лицо Песковскаго по временамъ хмурится и тогда по краямъ его накрашенныхъ губъ ложатся двѣ глубокія морщины. Сегодня его все бѣситъ. Сердитъ онъ на артистку, которая напѣваетъ вальсъ, и на холодную погоду, которая разогнала публику; больше же всего раздражаетъ Песковскаго присутствіе человѣка въ котиковой шапочкѣ. Ему до страсти хочется выгнать вонъ изъ уборной назойливаго господина, но сдѣлать это рисковано,—завтра же въ мѣстной газетѣ можетъ появиться статья, въ которой труппу будутъ сравнивать со странствующимъ циркомъ.

Рецензентъ, точно почувствовавъ, что о немъ думаютъ, поднимаетъ голову и говоритъ:

— Такъ можно будетъ на завтра двѣ контромарочки?

— Скажите тамъ, въ кассѣ, — лѣниво отвѣчаетъ Песковскій.

— Вамъ, Феликсъ Александровичъ, можетъ быть, непріятно, что я вчера не похвалилъ госпожу Вандати,—снова говоритъ рецензентъ,—но каждый литераторъ, въ томъ числѣ и я, пишетъ прежде всего на основаніи своего внутренняго убѣжденія и это убѣжденіе должно быть свято, насиловать его никто не въ правѣ. Такъ вотъ, какъ сейчасъ, она очень даже можетъ пѣть, но на сценѣ вѣдь иное дѣло: ея совершенно не слышно. Какая же она Мимоза? Одной внѣшности недостаточно, тутъ вѣдь искусство...

Рецензентъ вздохнулъ; онъ вспомнилъ, какъ третьяго дня вечеромъ та, которая носила фамилію Вандати,

Digitized by Google

заперла предъ его носомъ дверь своей уборной, и добавилъ:

— Вы, Феликсъ Александровичъ, человѣкъ не глупый, и сами понимаете, что Вандати въ сущности не артистка, а такъ... Ужинаетъ въ такомъ кабакѣ, какъ Бель-Вю, съ какими-то, простите за выраженіе, прохвостами. Сегодня съ однимъ, а завтра съ другимъ... Вы знаете, почему она въ „Гейшѣ“ эффектна? Потому, что здѣсь роль какъ разъ по ней, вѣдь она въ сущности ничѣмъ не отличается отъ публичной женщины. Въ ней уже не осталось ничего человѣческаго.

Разсказъ начать хочу,
И тотчасъ сильно хохочу...

Раздается изъ сосѣдней уборной голосъ Вандати и вдругъ умолкаетъ, а потомъ капризно произноситъ:

— Ну, когда же я дозовусь парикмахера? Маша, да пошлите же ради Бога ко мнѣ парикмахера! У меня вся прическа разъѣхалась.

Антрепренеръ потеръ ладонью свою шею, которая чесалась отъ краски, и нахмурился еще больше. Когда-то онъ былъ близокъ съ Вандати, самъ уговорилъ ее поступить на сцену и называлъ своей женой. Теперь они встрѣчались только на репетиціяхъ и при раздачѣ жалованья, но если о ней говорили дурно, то Песковскому было больно, точно бранили его самого и всю труппу.

Это болѣзненное чувство было особенно непріятно потому, что онъ изо всѣхъ силъ старался его скрывать и не умѣлъ этого сдѣлать. Слушая рецензента, онъ мучился и, чтобы не обругаться въ отвѣтъ, нагнулся передъ зеркаломъ и сталъ поправлять немного

Digitized by Google

отставшій на лбу парикъ. Протрещалъ звонокъ, потомъ загудѣлъ и смолкъ поднявшійся занавѣсъ и запѣли скрипки въ оркестрѣ.

Въ уборную просунулась усатая, цыганская физіономія сценаріуса и сказала:

— Феликсъ Александровичъ, сейчасъ вашъ выходъ.

Песковскій вскочилъ и пошелъ скорымъ шагомъ, точно убѣгая отъ рецензента, тоже поспѣшившаго черезъ боковой проходъ въ зрительный залъ. Стало тихо. Слышно было, какъ свистѣлъ по деревяннымъ стѣнамъ настоящій холодный вѣтеръ, точно въ пьесѣ, поставленной въ московскомъ художественномъ театрѣ. Возлѣ кулисы о чемъ-то шептались два рабочихъ. Прильнувъ глазомъ къ дырочкѣ въ холстѣ, изображавшемъ дерево, стоялъ прокравшійся съ бульвара на сцену мальчишка въ оборванномъ ватномъ пальто. Сценаріусъ съ цыганской физіономіей тихо подошелъ къ нему и вдругъ, схвативъ за ухо, прошипѣлъ:

— Я уже второй разъ тебя гоню, животное ты этакое! Сказано нельзя быть за сценой, стало быть и кончено. Вонъ отсюда...

Мальчишка присѣлъ, дернулъ головою, чтобы освободить ухо и, шаркая своими стоптанными сапогами, бросился въ сторону.

— И откуда ихъ нечистая сила приноситъ,—сказалъ ему вслѣдъ сценаріусъ, заглянулъ въ брошюрку, которую держалъ въ рукахъ, и побѣжалъ налѣво къ уборнымъ.

Оркестръ игралъ что-то веселое, совсѣмъ не гармонировавшее ни съ холодомъ, который былъ за сценой, ни ситцевыми костюмами хористовъ и хористокъ, ни съ ихъ утомленными, припухшими лицами. Изъ

Digitized by Google

полуотворенныхъ дверей декораціоннаго домика съ вывѣской „Тысяча радостей“ можно было видѣть, какъ легко и граціозно двигалась хорошенькая Вандати въ туго обтянутомъ вокругъ бедеръ японскомъ платьѣ и какъ ломался Песковскій. Послѣ второго акта раздались аплодисменты, а потомъ крики: „Вандати, Вандати“...

Она вышла два раза подъ рядъ и, кланяясь и посылая воздушные поцѣлуи, чувствовала, какъ сладко млѣетъ ея сердце.

Въ эти моменты она забывала и о вздохахъ Песковскаго и о надоѣдливомъ рецензентѣ и о томъ холодѣ, который носился въ ея уборной. И казалось ей, что первые ряды хлопаютъ ей съ такимъ увлеченіемъ не только потому, что она самая красивая во всей труппѣ, но еще и самая талантливая.

Въ теченіе каждыхъ сутокъ такихъ моментовъ набиралось въ общемъ отъ пяти до восьми минутъ, и Вандати думала, что и ради нихъ стоитъ жить и что никогда и ни ради чего она не рискнула бы ихъ потерять.

Подняли и спустили нѣсколько разъ занавѣсъ, и все снова пошло своимъ чередомъ. Опять стучали молотками и таскали декораціи, съ которыхъ летѣла пыль. Песковскій съ папиросой въ зубахъ снова сидѣлъ въ своей уборной, а противъ него развалился на стулъ рецензентъ и, постукивая палкой, напѣвалъ:

Вотъ пе-ре-по-лохъ, охъ, охъ,
Нашъ хозяинъ плохъ, охъ, охъ...
Грустенъ такъ, что страхъ, ахъ, ахъ...
Въ сильныхъ онъ тискахъ, ахъ, ахъ...

и потомъ сказалъ:

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ, сборъ-то сегодня не важный. Песковскій ничего не отвѣтилъ и поковырялъ въ ухѣ мизинцемъ.

Слышно было, какъ возилась въ своей уборной Вандати, переодѣваясь въ новое платье, въ которомъ ей хотѣлось блеснуть въ послѣднемъ актѣ.

— Маша, дайте мнѣ фуляровый платокъ. Вотъ холодище. Въ Москвѣ, вѣроятно, уже на саняхъ ѣздятъ, а мы все еще играемъ въ лѣтнемъ театрѣ,—произнесла она.

Должно быть сняла лифъ,—подумалъ рецензентъ, потянулся и зажмурилъ глаза.

Все, все въ любви одной,
Рай, рай найдетъ земной—

опять запѣла Вандати; голосъ ея вибрировалъ, звенѣлъ, ударяясь о досчатыя стѣнки уборной, и казался красивѣе и сильнѣе.

— Существуетъ мнѣніе весьма компетентнаго лица, кажется, знаменитаго Ломброзо, что натуры безнравственныя, безсердечныя и вообще падшіе люди иногда поютъ особенно выразительно. Нѣжными звуками они какъ бы инстинктивно хотятъ замаскировать свою душевную пустоту,—сказалъ рецензентъ, снова потянулся и закурилъ папиросу.

— Ну, ужъ это извините. Мнѣ приходилось встрѣчать очень хорошихъ и нисколько не падшихъ людей, которые по выразительности своего пѣнія заткнутъ за поясъ любую оперную знаменитость, — отвѣтилъ Песковскій.

— Одно другого не исключаетъ.—Рецензентъ умолкъ и презрительно оттопырилъ нижнюю губу.

Digitized by Google

Изъ глубины сцены послышался какой-то неопредѣленный все усиливающійся шумъ. Казалось, что человѣкъ катитъ что-то тяжелое и постоянно спотыкается. Этотъ шумъ вдругъ смѣнился отчаяннымъ непрерывнымъ визгомъ, переходившимъ въ хрипъ, точно тамъ рѣзали поросенка.

Песковскій прислушался, потомъ вскочилъ и, опрокинувъ стулъ, выбѣжалъ изъ уборной, за нимъ вылетѣлъ и рецензентъ. Оба они наткнулись на взъерошеннаго съ разстегнутой манишкой сценаріуса, который тащилъ одной рукой за волосы, а другой за ногу мальчишку въ ватномъ пальто.

Мальчишка стучалъ свободной ногой объ полъ и продолжалъ визжать все сильнѣе и сильнѣе.

— Я тебѣ покажу, анафема, какъ прокалывать дырки въ декораціяхъ, я тебѣ покажу...—злобно шепталъ сценаріусъ, непрерывно ударяя колѣномъ мальчишку. Песковскій бросился на сценаріуса.

— Вы... вы съ ума сошли?...

Вандати собиралась надѣть другое новое японское платье и, осматривая на немъ крючки, думала о томъ, хватитъ или не хватитъ у Песковскаго денегъ, чтобы уплатить ей все жалованье.

Поклонники ограничивались обыкновенно только ужинами, да иногда плюшевой бомбоньеркой съ зеркаломъ и конфектами.

Между тѣмъ нужно было купить двѣ пары лайковыхъ ботинокъ, нужно было сдѣлать новую тунику для роли прекрасной Елены, заплатить за обѣдъ и выслать хоть двадцать рублей пьянствовавшему теперь быв-

Digitized by Google

шему второму тенору Леснеру, котораго Песковскій выгналъ изъ ревности къ ней.

Усиливавшійся съ каждой минутой шумъ и визгъ на сценѣ долетѣлъ и до нарумяненныхъ ушей Вандати.

Инстинктъ подсказалъ раньше чѣмъ мозги, что тамъ бьютъ человѣка и бьютъ жестоко. Она почувствовала, какъ у нея на затылкѣ точно съежилась кожа и сами собой задрожали колѣни.

Забывъ, что у нея на голыхъ плечахъ только одинъ фуляровый платокъ, Вандати выскочила изъ уборной, растолкала хористовъ и рабочихъ и, увидавъ, какъ сценаріусъ трясетъ на смерть перепуганнаго мальчишку, визгливо закричала:

— Оставьте, оставьте, оставьте...

Отъ волненія и отъ холода она вся дрожала, ея голыя руки и почти обнаженная грудь были едва прикрыты.

Рецензентъ подошелъ къ ней и впился глазами въ тѣло.

— Живодеры, подлецы, оставьте же его!—опять нѣсколько разъ прокричала она, притоптывая ногой въ розовомъ чулкѣ и бѣлой туфлѣ.

Рецензентъ, видимо, обрадовавшійся неожиданному развлеченію, постукивалъ своей палкой, кому-то подмигивалъ и придвинулся еще ближе къ ничего и никого не замѣчавшей Вандати. Вокругъ столпились хористы, хористки и рабочіе.

Сценаріусъ пересталъ бить мальчишку и, тяжело вздыхая, проговорилъ:

— Мнѣ приказываютъ, чтобы я слѣдилъ...

— Никто вамъ не можетъ приказывать такъ драться, мерзавецъ вы этакій,—скороговоркой прокричала

Digitized by Google

Вандати. Глаза у нея блестѣли и платокъ совсѣмъ сползъ съ одного плеча.

— А вы тоже такъ не выражайтесь...

— Феликсъ Александровичъ, или этотъ мерзавецъ больше у васъ не служитъ, или я не выйду на сцену, слышите?...

— Елена Васильевна, голубушка, успокойтесь, ради Бога не такъ громко, вѣдь въ публикѣ слышно,—умоляюще занылъ Песковскій.

— Это мнѣ все равно, а я повторяю: или онъ у васъ не служитъ, или я не выйду на сцену. Вѣдь этотъ господинъ уже не въ первый разъ позволяетъ себѣ такія штуки.

Мальчишка вдругъ рванулся и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ выходу. Никто не сталъ его догонять.

— Феликсъ Александровичъ, вы слышите, что я сказала? Я сейчасъ же уѣзжаю изъ театра,—еще тономъ выше произнесла Вандати.

— Слышу, родная, слышу... Ну, хорошо, хорошо. Идите, Перфильевъ, въ кассу, тамъ вамъ дадутъ что слѣдуетъ и... и... и можете отправляться.

— Изъ-за всякой, можно сказать, скандалистки...

— Ну, не разговаривать здѣсь,—пробормоталъ Песковскій,—я могу полицію позвать.

— Зови, очень я тебя боюсь, посмотримъ, что вы тутъ будете безъ меня дѣлать...—Сценаріусъ швырнулъ объ полъ либретто и, растолкавъ любопытныхъ, побѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, за своимъ пальто.

Послѣдній актъ прошелъ отлично. Сидѣвшіе въ первомъ ряду офицеры говорили, что никогда еще не

Digitized by Google

видали Вандати такой интересной и оживленной и что сегодня она въ ударѣ.

Рецензентъ ушелъ со сцены, ни съ кѣмъ не попрощавшись. Ужиная въ этотъ вечеръ съ первымъ билліардистомъ въ городѣ, отставнымъ подпрапорщикомъ Тутрюмовымъ, онъ разсказывалъ о томъ, какіе за сценой происходятъ иногда „неприличные скандалы“ и нѣсколько разъ ни съ того, ни съ сего повторилъ:

— Существуетъ мнѣніе весьма компетентнаго лица, кажется, знаменитаго Ломброзо, что натуры безнравственныя, безсердечныя и, вообще, падшіе люди поютъ особенно выразительно. Нѣжными звуками они какъ бы хотятъ замаскировать и наполнить свою душевную пустоту.

Digitized by Google

ДОКТОРЪ

Меня всегда интересовалъ нашъ земскій врачъ Ѳедоръ Петровичъ Орловъ. Онъ нанималъ квартиру въ усадьбѣ моей матери. Пріѣзжая на каникулы, я встрѣчался съ нимъ почти каждый день, но никакъ не могъ составить себѣ опредѣленнаго понятія о его внутреннемъ мірѣ.

Ясно для меня было только, что это человѣкъ спокойный и уравновѣшенный, хотя ему едва ли было тридцать лѣтъ. Казалось, страсти имъ никогда не владѣли. Ничѣмъ онъ особенно не огорчался и ничему не радовался. Иногда, на самую горячую тираду только погладитъ свою рыжую бороденку, скажетъ да или нѣтъ, и пойдетъ къ себѣ во флигель читать. Чаще же всего онъ отвѣчалъ на вопросы неопредѣленно: „хм"..., „значитъ", „нну", „возможно" и т. д.

Особенно меня интересовало отношеніе Ѳедора Петровича къ женщинамъ. Лѣтомъ въ нашемъ домѣ всегда кто-нибудь гостилъ, или тетушка пріѣдетъ съ тремя дочерьми, или у сестры подруга живетъ. Общество дамъ и барышень собиралось самое разнообразное. Бывали и подростки, и кисейныя барышни, и курсистки,

Digitized by Google

й молодыя вдовы, и писательницы, и ни на одну изъ нихъ докторъ никогда даже не взглянулъ внимательно. На разочарованнаго онъ похожъ не былъ, на больного тоже нѣтъ.

Опредѣливъ его какъ человѣка совершенно равнодушнаго къ женщинамъ я самъ почему-то не довѣрялъ своему діагнозу.

„Чѣмъ же нибудь да было вызвано это равнодушіе“, часто думалъ я,—„вѣдь нельзя же въ тридцать лѣтъ не желать душевной близости хорошей дѣвушки и нельзя смотрѣть на красивое тѣло только какъ на анатомическій препаратъ“...

Чтобы я лично былъ ему антипатиченъ и поэтому онъ былъ бы отъ меня особенно далекъ,—этого я тоже не могъ сказать. Ѳедоръ Петровичъ видѣлъ во мнѣ товарища, студента, который черезъ два года станетъ такимъ же врачемъ. Со мной однимъ онъ только и говорилъ какъ слѣдуетъ, хотя тоже рѣдко. Случалось, что мы разговаривали о медицинѣ, о крестьянахъ, объ университетѣ, но никогда о женщинахъ. Говорить о нихъ съ Ѳедоромъ Петровичемъ я положительно стѣснялся. Такъ стѣсняются напоминать людямъ о ихъ недавно умершихъ близкихъ родственникахъ, или авторамъ о непринятыхъ рукописяхъ. Но для этого у меня не было никакихъ данныхъ, одно только верхнее чутье мнѣ подсказывало, что для Ѳедора Петровича разговоръ о женщинахъ будетъ непріятенъ.

Правда, онъ былъ низкаго роста, ни ловокъ, ни красивъ и не интересовался ни однимъ изъ искусствъ, а средней женщинѣ такіе люди рѣдко нравятся. Но въ

Digitized by Google

то же время Ѳедоръ Петровичъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ образованныхъ и самыхъ сердечныхъ мужчинъ въ уѣздѣ.

Несмотря на множество работы, Ѳедоръ Петровичъ, съ тѣхъ поръ какъ поселился въ деревнѣ, началъ толстѣть и это его пугало. Чтобы не пріобрѣсти ожирѣнія сердца онъ пересталъ ужинать, рано вставалъ и сейчасъ же шелъ на прудъ купаться, а потомъ скорымъ шагомъ обходилъ вокругъ всей усадьбы, что составляло версты двѣ. Бывало, проснешься у себя на мезонинѣ часовъ въ пять утра, закуришь папироску и, почесываясь, выйдешь въ одномъ бѣльѣ на балконъ.

Надъ прудомъ туманъ повисъ, на деревнѣ пѣтухи голосятъ, коровы на выгонѣ ревутъ и людей еще не видно, а по одной изъ самыхъ дальнихъ дорожекъ сада уже движется низенькая фигура Ѳедора Петровича. Въ бѣлой фуражкѣ, въ парусиновомъ костюмѣ съ суковатой, самодѣльной палочкой въ рукахъ и съ перекинутымъ черезъ плечо полотенцемъ, идетъ онъ, опустивъ голову и чуть подогнувъ колѣни, быстро, быстро, точно къ больному спѣшитъ.

Двадцать пятаго іюля у насъ всегда особенно торжественно праздновались именины моей матери. Еще дня за два, за три въ усадьбу наѣзжали родные и знакомые чуть ли не со всего уѣзда. Почти каждая комната въ домѣ обращалась во временную спальню. Выгоняли изъ моего мезонина и меня, и я обыкновенно переселялся во флигель къ доктору.

Вѣроятно ни одинъ зоологъ такъ не радовался возможности видѣть близко жизнь рѣдкаго звѣрька, какъ радовался я случаю лишній разъ понаблюдать Ѳедора

Digitized by Google

Петровича, когда онъ у себя въ комнатѣ. Помню, въ субботу еще съ утра я уступилъ свой мезонинъ двумъ хорошенькимъ кузинамъ, Танѣ и Надѣ. Вечеромъ же, не смотря на то, что за ужиномъ собралось веселое общество и подавали холодныхъ карасей въ сметанѣ, я, захвативъ съ собою принадлежности туалета, бѣжалъ черезъ дворъ къ докторскому флигелю, а за мной летѣли, не понимавшія въ чемъ дѣло, собаки: Трезоръ и Ласкавый. У доктора еще свѣтился огонь.

„Вотъ, думалъ я, отдуваясь на бѣгу, не будь меня, Ѳедоръ Петровичъ уже давно бы спалъ, а я ему помѣшаю“... и сейчасъ же утѣшилъ себя: „одинъ разъ въ году можно, безъ вреда для здоровья, нарушить какой угодно режимъ“.

Когда я вошелъ въ комнату, докторъ сидѣлъ на, корточкахъ передъ чемоданомъ и перебиралъ бѣлье. По студенческой привычкѣ, несмотря на то, что и шкафовъ и мебели всякой во флигелѣ было довольно, Ѳедоръ Петровичъ всѣ свои вещи, кромѣ медицинскихъ инструментовъ и книгъ, хранилъ въ огромномъ рыжемъ, съ мѣдными застежками, чемоданѣ.

— А вы еще не спите, докторъ?— сказалъ я.

— Какъ видите.

— Ну такъ значитъ сегодня ночуемъ вмѣстѣ.

— Значитъ. А вы вотъ что мнѣ скажите, обязательно ли завтра нужно надѣвать накрахмаленную сорочку или необязательно?

— Мнѣ кажется, выраженіе „обязательно“ въ данномъ случаѣ неумѣстно. Правда, завтра за утреннимъ чаемъ будетъ много барыш...

Digitized by Google

— А все-таки скажите, какъ будетъ лучше, въ крахмалѣ или безъ крахмала?—перебилъ онъ меня.

— Думаю, что въ крахмалѣ.

— Хм... Значитъ ничего не подѣлаешь. Кажется, съ большимъ бы удовольствіемъ приступилъ къ самой трудной операціи чѣмъ къ этому вдѣванію запонокъ въ манишку...

— Да это не такъ трудно.

— Какой чортъ не трудно, я въ прошломъ году шесть запонокъ потерялъ, пока вдѣлъ двѣ. Выскочитъ изъ рукъ проклятая и закатится такъ, что о ея мѣстопребываніи и предположить нельзя. Потомъ лазишь, лазишь на четверенькахъ, точно мальчишка.

— Позвольте, я вамъ помогу.

— Нѣтъ, ужъ я самъ.

Глядя въ его чемоданъ, я невольно замѣтилъ, какъ среди бѣлья промелькнула кожанная рамка, изъ которой выглядывало прехорошенькое женское личико съ распущенными волосами.

Руки Ѳедора Петровича, точно руки ловкаго фокусника, сейчасъ же прикрыли ее какой-то наволокой.

— Однако, сегодня въ большомъ домѣ рано поужинали,—сказалъ онъ, подымаясь съ полу. По тону его голоса было слышно, что эту фразу онъ придумалъ только сейчасъ и безъ всякой надобности, на самомъ же дѣлѣ ему хотѣлось сказать:—„если ты видѣлъ карточку въ рамкѣ, то, пожалуйста, не спрашивай меня о ней“.

О карточкѣ я ничего не спросилъ, но она меня ужасно заинтересовала, и я рѣшилъ рано или поздно узнать, какое отношеніе имѣла къ Ѳедору Петровичу

Digitized by Google

изображенная на ней женщина. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на меня и, должно быть, пришелъ къ заключенію, что карточки я не замѣтилъ. Но выраженіе его лица стало необычайно грустнымъ. Потомъ, вѣроятно желая, какъ можно скорѣе остаться самому съ собой, онъ отрывисто произнесъ:

— Ну что же, будемъ раздѣваться, и искусственно зѣвнулъ во весь ротъ.

— Будемъ.

Черезъ двѣ минуты оба мы уже лежимъ въ своихъ кроватяхъ.

— Можно тушить свѣчку?—спрашиваю я. Вмѣсто обычнаго „какъ хотите“, онъ отвѣчаетъ:

— Да, пожалуйста.

Стало темно. Огненной точкой вспыхиваетъ только папироса Ѳедора Петровича. Время отъ времени онъ сдуваетъ съ нея пепелъ. Потомъ слышенъ плевокъ, а за нимъ тухнетъ и папироса.

За окномъ шумятъ тополя, гдѣ-то безъ умолку лаютъ собаки.

Нѣсколько минутъ назадъ докторъ былъ разговорчивъ и даже шутилъ по поводу запонокъ и крахмала, а теперь я чувствую, что его настроеніе круто измѣнилось. Такъ ли это? ужасно хочется провѣрить.

„Если онъ хандритъ, думаю я, то будетъ отвѣчать односложно“. Полежавъ минутъ пять, я спрашиваю:

— Слышите, какъ лаютъ собаки?

— Слышу.

— Надо полагать, кто-нибудь изъ гостей, не совсѣмъ знакомый съ расположеніемъ дома, вышелъ въ садъ и на него напали Ласкавый и компанія.

Digitized by Google

— Возможно,—отвѣчаетъ Ѳедоръ Петровичъ и, вздохнувъ, переворачивается на своей постели такъ, что въ тюфякѣ гудятъ пружины.

Меня ужасно радуетъ, что я угадалъ, какъ перемѣнилось настроеніе Ѳедора Петровича. Получается такое удовлетвореніе, точно на экзаменѣ быстро рѣшилъ трудную задачу. Теперь я глубоко убѣжденъ, что докторъ думаетъ о той барышнѣ, фотографію которой я видѣлъ въ его рыжемъ чемоданѣ.

— Ѳедоръ Петровичъ!—снова окликаю я.

— Что, голубчикъ?

— Если вы завтра утромъ пойдете купаться, возьмите съ собою и меня.

— Да вы не встанете такъ рано.

— А вы разбудите.

— Ну, хорошо.

Опять молчаніе и уже до утра. За этотъ очень короткій промежутокъ времени въ разговорахъ съ Ѳедоромъ Петровичемъ я, нервно, очень усталъ. Хотѣлось уже протянуться во весь ростъ и уснуть. Но сонъ не шелъ, я видѣлъ еще, какъ докторъ два раза закуривалъ папиросу. Потомъ огонь его папиросы расплылся въ большой красный кругъ и мнѣ стало что-то грезиться.

Казалось, не прошло и двухъ часовъ, какъ я почувствовалъ во снѣ легкій толчокъ въ бокъ и, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою уже одѣтаго въ парусиновый костюмъ доктора.

— Ну, collega, какъ будете спать, или идемъ купаться? —спросилъ онъ, улыбаясь.

— Охъ, знаете ли, спать дѣйствительно ужасно хочется, но я превозмогу себя и пойду.

Digitized by Google

— Что жъ, сила воли дѣло хорошее, ее нужно развивать, иначе жить на свѣтѣ будетъ очень тяжело,—сказалъ Ѳедоръ Петровичъ и снова улыбнулся.

„Ого-го, да онъ сегодня не только разговорчивый, а еще и веселый,—это очень пріятно“ думалъ я, натягивая на ноги носки.

Мы вышли... Было пять часовъ утра. Весь домъ еще спалъ, только возлѣ кухни сидѣла судомойка Настя и общипывала индюка съ окровавленной, безголовой шеей.

Мои глаза рѣзало и я постоянно зѣвалъ, но на душѣ было весело и бодро, какъ въ вагонѣ, когда подъѣзжаешь къ родной станціи.

Въ саду на травѣ еще кое-гдѣ бѣлѣла роса. Въ липовой аллеѣ, въ самомъ ея концѣ, насвистывала свои трели иволга и ее не могли перекричать разсѣвшіеся цѣлой стаей на одинокой, старой вишнѣ воробьи. Облака длинными бѣлесоватыми полосами протянулись по голубому небу и, недвигаясь, замерли. Мы спустились по тропинкѣ къ пруду. Запахло аиромъ и сыростью. Меня передернуло и я обмоталъ шею полотенцемъ. Холодно было и въ ноги,—ботинки промокли отъ росы.

Ѳедоръ Петровичъ вошелъ въ купальню первымъ и сейчасъ же сталъ раздѣваться. Я медлилъ. Послѣ теплой постели было жутко окунуться сразу въ необогрѣтую еще солнцемъ воду.

— Ну что же вы? спросилъ докторъ.

— Да, знаете ли, я еще обожду.

— Эхъ вы...

Ѳедоръ Петровичъ похлопалъ себя по бокамъ, потомъ нагнулся, помочилъ водою подъ мышками и вдругъ прыгнулъ на мертвую, дымившуюся еще поверхность

Digitized by Google

пруда, обдавъ меня блестящими, холодными каплями. Черезъ полъ-минуты онъ вынырнулъ возлѣ противуположнаго берега, помоталъ головою съ облипшими волосами, поковырялъ у себя въ ушахъ и громко фыркнулъ.

Испуганная семья утокъ съ крикомъ и пискомъ шарахнулась въ сторону, утята, изо всѣхъ силъ работая ножками и крылышками, силились догнать мать. Поглядѣвъ на довольную физіономію Ѳедора Петровича, я тоже быстро раздѣлся и поплылъ къ нему.

Послѣ купанья моя сонливость прошла, хотѣлось жить, думать и наблюдать.

Самымъ интереснымъ и, такъ сказать, малоизслѣдованнымъ въ моемъ кругозорѣ оставался все-таки докторъ.

Къ утреннему чаю мы вышли, я въ бѣломъ кителѣ, а Ѳедоръ Петровичъ въ „крахмалѣ“, который его ужасно мучилъ, въ черномъ суконномъ сюртукѣ и полосатыхъ брюкахъ. Ему пришлось сидѣть между Надей и Таней. Должно быть, желая обратить на себя вниманіе доктора, обѣ барышни постоянно просили его то пододвинуть молочникъ, то принести съ другого конца стола сухарики, то долить кипятку... Ѳедоръ Петровичъ молча исполнялъ все просимое, но сопѣлъ, какъ ежъ, до мордочки котораго дотрогиваются кончикомъ сапога. Видно было, что онъ злится и даже страдаетъ. Особенно сторонился онъ отъ Нади и постоянно отодвигался, точно боясь прикоснуться къ ея шелковой кофточкѣ.

Несмотря на усиленныя просьбы моей сестры занимать барышень, мы съ докторомъ, какъ только представилось возможнымъ, ушли въ садъ.

— Это чортъ знаетъ что,—заговорилъ Ѳедоръ Пе-

Digitized by Google

тровичъ,—подъ предлогомъ любезности нужно почему-то изображать изъ себя лакея. Терпѣть я этого не могу. И всегда эти госпожи садятся почему-то особенно близко и пахнетъ отъ нихъ потомъ и духами... Возмутительно, просто-таки возмутительно...

Желая его немного подразнить, я сказалъ:

— А все-таки, докторъ, вы напрасно мало обращали вниманія на Надю. Она удивительно симпатична и фигура у нея, какъ у Венеры... Просто-таки красавица.

— Н-ну, красота — это понятіе условное, хорошо развитъ слой подкожнаго жира,— вотъ вамъ и все. Красота должна быть вѣчной, а такихъ Венеръ, я думаю, вы не разъ видали въ анатомическомъ театрѣ на секціонномъ столѣ полуразложившимися; или въ клиникѣ во время родовъ и тогда, небось, мысль о красотѣ вамъ и въ голову не приходила.

— Да, пожалуй.

— Вотъ то-то же и есть. Красота такая,—это пустяки, а вотъ какъ бы мнѣ устроиться, чтобы за обѣдомъ сѣсть рядомъ съ вами, да подальше отъ этихъ принцессъ. Вѣдь обѣдъ это не чай, съ пирогомъ да съ закуской часа на два затянется. Это же мученье будетъ.

Я не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Скажите, Ѳедоръ Петровичъ, неужели на васъ никогда не производила сильнаго впечатлѣнія, попросту говоря, вамъ не нравилась ни одна дѣвушка или женщина?

Докторъ даже остановился.

— На меня?

— Ну да, на васъ.

— Мгм.. Что-же, развѣ я каменный? Конечно, да.

Digitized by Google

Только все это въ прошедшемъ времени и ни въ коемъ случаѣ не въ настоящемъ и не въ будущемъ... Онъ покраснѣлъ и замолчалъ.

Разговора о женщинахъ и любви я больше не поднималъ.

Мы долго пресмыкались по дорожкамъ сада. На мое приглашеніе уйти къ себѣ во флигель докторъ отвѣтилъ:

— Видите ли, какъ только я вступлю на порогъ собственнаго жилища, тогда уже меня никакія силы не остановятъ, — я сниму съ себя всѣ крахмалы и сюртукъ и уже къ обѣду не выйду, а это огорчитъ вашу мамашу, чего я вовсе не желаю...

Съ непривычки рано вставать, я уже чувствовалъ себя усталымъ. Полуденное, высоко поднявшееся солнце грѣло какъ раскаленная печка. Отъ духоты не спасала и тѣнь деревьевъ. Въ моемъ воображеніи замѣчательно отчетливо рисовалась огромная прохладная комната во флигелѣ, спущенныя на окнахъ шторы, полное отсутствіе мухъ, которыхъ докторъ выгонялъ какимъ-то порошкомъ, и наши уже прибранныя постели, со свѣжими, тонкаго полотна, наволоками на подушкахъ.

— Слушайте, Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ я,—вы вѣчно толкуете о силѣ воли и въ то же время сами себя подозрѣваете въ неспособности снова одѣться въ накрахмаленное бѣлье, разъ вы его снимете. До обѣда осталось не меньше трехъ часовъ, мы за это время отлично отдохнемъ и, наконецъ (я пустилъ самый сильный аргументъ), ни въ какомъ случаѣ уже не встрѣтимся съ барышнями.

Докторъ улыбнулся.

— Хм. Сладко, сладко пѣлъ душа соловушко...

Digitized by Google

— Причемъ тутъ соловушко, я вамъ говорю чистѣйшую истину.

— Развѣ? Н-ну, пойдемте.

Послѣ жары, во флигелѣ намъ обоимъ показалось дѣйствительно великолѣпно.

— Мои предки были сѣверяне, и должно быть я потому такъ плохо переношу ваше лѣто,—сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, разстегивая воротъ сорочки.

Одна запонка выскочила и со звономъ покатилась по полу.

— И не стану тебя подымать, проклятую, можешь хоть сквозь доски провалиться,—пробормоталъ ей вслѣдъ докторъ.

Снимая съ себя суконное платье, онъ одновременно приходилъ въ хорошее расположеніе духа. Лицо его изъ сердитаго превращалось въ спокойное и задумчивое. Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ похлопалъ себя по бедрамъ и сказалъ:

— Чу-удесно.

Мы легли каждый на свою кровать. Докторъ по обыкновенію закурилъ папиросу, а я просто подложилъ руки подъ голову. Нѣкоторое время молчали. Слышно было только, какъ Ѳедоръ Петровичъ сдувалъ пепелъ съ своей папиросы.

— Скажите, докторъ,—началъ я,—отчего вы пошли служить въ земство?

— Отчего я пошелъ служить въ земство? Хм. Да видите ли, собственно говоря, мнѣ хотѣлось остаться при клиникахъ, но тамъ чрезвычайно велика конкуренція,—хотѣлось еще поучиться. Заняться же сразу вольной практикой не хватало совѣсти, да и очень уже

Digitized by Google

мнѣ было противно это полученіе гонораровъ. Собственно не самые гонорары, а именно способъ втыканія ихъ въ руку. До сихъ поръ не умѣю сдѣлать въ себѣ анализа этого чувства, но однимъ словомъ,—органически противно. Вотъ тамъ у Гоголя, у Глѣба Успенскаго приходилось читать, какъ чиновники берутъ взятки, ну и мнѣ почему-то казалось, что въ этотъ моментъ и я похожъ на такого чиновника. Можетъ быть, это отвращеніе стало результатомъ моего перваго дебюта на поприщѣ врача. Былъ такой случай...

Ѳедоръ Петровичъ замолчалъ и закурилъ новую папиросу. Не дождавшись продолженія разсказа я спросилъ:

— Какой случай?

— Случай? Хм... Помните сегодня утромъ вы спросили, неужели на меня никогда не производила сильнаго впечатлѣнія ни одна женщина? Я, кажется, отвѣтилъ, что я не каменный; такъ этотъ именно случай и относится къ дѣвушкѣ, то-есть теперь уже къ женщинѣ, которая когда-то производила на меня сильное впечатлѣніе...

Я весь притихъ. Меня всего охватило желаніе узнать, какъ и кого могъ любить такой человѣкъ, какъ докторъ. Обождавъ нѣсколько моментовъ, я уже хотѣлъ было снова спросить его объ этомъ случаѣ, но какое-то, чутье подсказало мнѣ, что лучше молчать и ждать пока Ѳедоръ Петровичъ заговоритъ самъ. Я какъ будто зналъ, что если онъ начнетъ разсказывать послѣ моего вопроса, то это будетъ совсѣмъ не то, сравнительно съ разсказомъ, который польется у него отъ того, что назрѣла потребность высказаться.

Digitized by Google

— Причемъ тутъ со
шую истину.
— Развѣ? Н
Послѣ жар
дѣйствительн
— Мои г
тому такъ
Петрович
Одна
по пол
—
скво
док
г

молчалъ не долго,
у него всегда при-
заговорилъ:
экзамены были не
было очень трудно.
признавать никакихъ до-
что мы дескать медики и слишкомъ об-
только отнимаетъ время для
нашей спеціальности. — „Мнѣ
ли вы или естественникъ, не знаете,
говорилъ онъ.
товарищу Ш. поставилъ единицу
что тотъ не могъ сказать, какая разница
ареометромъ Фаренгейта и ареометромъ Трал-
Словомъ на физику нужно было приналечь. Вотъ
обрилъ себѣ голову, чтобы не иску-
ходить по театрамъ да по концертамъ, обло-
вдребезги изорванными лекціями профессора Ш.
учебниками и засѣлъ въ своей комнатѣ
Жилъ я тогда у родныхъ, которые тоже боя-
мою карьеру и потому старались меня охранять
всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Изрѣдка войдетъ
принесетъ стаканъ молока и хлѣба съ масломъ
уйдетъ, стараясь не скрипнуть дверью. И тѣмъ не
эти впечатлѣнія тревожили меня теперь больше
когда-либо. Сидя въ своей комнатѣ, точно въ
камерѣ, я сталъ обращать вниманіе на то, что
меня интересовало очень мало.

Выше или ниже нашего дома (улица шла въ гору), не помню, жила семья, въ которой было четыре дочери,

Digitized by Google

всѣ удивительно красивыя. Раза два въ день которая-нибудь изъ нихъ да проходила мимо моего окна.

Барышни эти стали все больше и больше меня интересовать. Особенно старшая, немного склонная къ полнотѣ блондинка, съ правильнымъ профилемъ, съ цѣлой кучей золотистыхъ волосъ на затылкѣ и съ такимъ выраженіемъ глазъ, какъ вотъ у знаменитой Cléo de Merode, вотъ которую изображаютъ на открытыхъ письмахъ. Ну, въѣхало мнѣ въ голову, что блондинка эта должна быть однимъ изъ самыхъ сердечныхъ, умныхъ и талантливыхъ существъ, и, главное, въѣхало безъ всякаго основанія... Она рѣдко ходила одна, — то съ какимъ-то штатскимъ съ тараканьими усами, то со студентомъ юристомъ, то съ вольноопредѣляющимся артиллеристомъ съ университетскимъ значкомъ на шинели и выразительными карими глазами, то съ какимъ-то оборваннымъ юношей съ лицомъ идіота изъ психіатрической клиники. И ко всѣмъ этимъ господамъ я ее ужасно ревновалъ. Чаще же всего она гуляла со студентомъ юристомъ.

Бывало, медленно подымаются они въ гору. Студентъ о чемъ-то горячо говоритъ, трясетъ бородою, машетъ руками, захлебывается, а она только щурится, да иногда отвѣтитъ медленнымъ кивкомъ головы. Я выгляну въ окно, увижу ихъ и сейчасъ же почувствую этакіе перебои сердца; а юристъ уже кажется мнѣ малоинтеллигентнымъ, крѣпостникомъ, кутилой, и такое мнѣніе о немъ составлялось у меня опять-таки безъ малѣйшаго основанія.

Ее же я мысленно всегда оправдывалъ. Думаю, не можетъ быть, чтобы она кѣмъ-нибудь изъ нихъ увле-

Digitized by Google

калась, просто они для нея объекты наблюденія и больше ничего.

Докторъ улыбнулся и добавилъ: „Ну все-таки физику я выдержалъ и на третій курсъ перешелъ, а вотъ моя психика тогда сильно пострадала.

Стала мнѣ эта самая барышня сниться, да раза два, а то и три, въ недѣлю. Чувствую, что заболѣлъ я. Едва экзамены выдержалъ. Лѣтомъ она куда-то уѣхала и мои нервы отдохнули.

Въ началѣ октября снова началась та же исторія. Иногда мнѣ дѣлалось стыдно,—медикъ, и вдругъ признаетъ какую-то влюбленность, да еще на самомъ себѣ... но въ то же время мнѣ смертельно хотѣлось познакомиться съ нею и бывать у нихъ въ домѣ. Я пустился на всѣ нелегкія, познакомился съ однимъ офицеромъ, который у нихъ бывалъ, тотъ сначала представилъ меня всѣмъ сестрамъ въ театрѣ и тутъ уже я былъ приглашенъ заходить.

Попалъ я туда въ воскресенье вечеромъ. Лиза, такъ звали эту блондинку, сейчасъ же меня подъ свою опеку взяла. Должно быть, чувствовала, что ради нея я и пришелъ; у всѣхъ женщинъ на счетъ этого нюхъ замѣчательный. Представила она меня своимъ отцу и матери. Ничего, люди хорошіе. Онъ оставной военный, она этакая насѣдка, въ дочеряхъ души не чаетъ. Все у нихъ въ домѣ такъ обстоятельно, чисто и даже изящно. Дочери всѣ симпатичныя, привѣтливыя, и изъ нихъ Лиза самая образованная и развитая. Она массу прочла, понимала искусство и много думала о взаимныхъ отношеніяхъ людей, — такъ по крайней мѣрѣ говорила. Разговаривать съ нею для меня всегда было огромнымъ

Digitized by Google

наслажденіемъ, особенно одинъ на одинъ. Рѣдко только это удавалось. У нихъ всегда бывало много народу, особенно въ воскресенье, и всякій изъ бывавшихъ тамъ былъ чѣмъ-нибудь замѣчателенъ.

Юристъ, съ которымъ гуляла Лиза, — пѣлъ, и довольно не дурно. Любимыми его романсами были: „Подъ душистою вѣткой сирени“ и еще другой, производившій на меня сильное впечатлѣніе. Особенно нравился мнѣ въ немъ куплетъ:

Намъ блаженства съ тобой
Не дадутъ, не дадутъ...
А тебя съ красотой,
Продадутъ, продадутъ...

Лиза тоже слушала эти слова съ особеннымъ, задумчивымъ выраженіемъ лица.

Бывалъ у нихъ еще другой юристъ,—тотъ артистически игралъ на балалайкѣ и на мандолинѣ. Потомъ приходилъ часто бухгалтеръ, — штатскій господинъ съ тараканьими усами, котораго я часто видѣлъ въ окно, онъ замѣчательно разсказывалъ анекдоты и звукоподражалъ.

Офицеры, ихъ бывало трое, всѣ вели себя солидно, настоящими женихами, изрѣдка только ревновали другъ друга, да и то не сильно.

Особенно весело бывало за ужиномъ: говоръ, смѣхъ, разсказы другъ о другѣ и все это просто, искренно.

Послѣ двухъ-трехъ посѣщеній я полюбилъ эту семью, больше чѣмъ свою. Не нравился мнѣ только Лизинъ юристъ, не любилъ я и его пѣнія. Мягко

Digitized by Google

льется, бывало, его сильный баритонъ подъ звуки рояля. Въ большой гостиной тишина. Лиза, подпершись рукой и положивъ ногу на ногу, сидитъ и съ юриста глазъ не сводитъ.

Прозвучатъ два-три послѣднихъ аккорда, голосъ ихъ покроетъ и потомъ, затихая, вдругъ умолкнетъ. Я тоже присмирѣю, но вмѣсто того, чтобы увлекаться пѣніемъ, начинаю думать о томъ, что въ животномъ мірѣ гармоническіе звуки играютъ огромную роль и, несмотря на всю ихъ поэзію, цѣль имѣютъ самую прозаическую. Вѣдь не поетъ же соловей послѣ того, какъ самка уже сидитъ на яйцахъ. Значитъ ему своимъ пѣніемъ нужно было только ее увлечь. И досадно мнѣ всегда дѣлалось отъ этихъ мыслей и больно и обидно за все живое и въ особенности за Лизу.

Ревность тогда меня не мучила, потому что Лиза, какъ мнѣ казалось, особаго вниманія юристу не оказывала, а со мною была ласкова и часто ходила гулять. Мѣсяца черезъ два я успѣлъ себя увѣрить, что она рано или поздно будетъ моей женой.

Да, вотъ до какихъ нелѣпостей дошелъ... Повторяю, что ни тогда ни теперь я не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что меня къ ней влечетъ. Если бы я вздумалъ писать о Лизѣ романъ, то я бы не сумѣлъ ее достаточно ясно охарактеризовать. Такъ вотъ близорукій человѣкъ: лежитъ передъ нимъ книга, всего въ полуаршинѣ разстоянія отъ глазъ, а прочесть онъ въ ней ничего не можетъ.

Несомнѣнно только, что Лиза была очень интересная дѣвушка, ну конечно и красота ея тоже отшибала у меня мозги. Она подарила мнѣ свою фотографію, на

Digitized by Google

которой была изображена съ распущенными волосами. До и послѣ встрѣчи съ ней мнѣ приходилось видѣть много женщинъ, и болѣе красивыхъ, и болѣе симпатичныхъ, но такой ни одной. Нужно сказать, что среда вокругъ нея во всю ея жизнь была въ достаточной мѣрѣ пустая. Съ самаго дѣтства Лизѣ никто не говорилъ о томъ, что такое добро и зло, никто ее не училъ любить искусство, никто не читалъ ей лекцій о психикѣ человѣка, но она все это понимала. Я часто удивлялся ея способности съ двухъ-трехъ встрѣчъ уже видѣть человѣка насквозь. Безжалостная только она была, вродѣ вивисектора...

Объектомъ ея изслѣдованій въ области человѣческой души былъ, конечно, и я. Мнѣ случалось испытывать замѣчательно острое наслажденіе послѣ того, какъ я совершенно откровенно разсказывалъ ей о всѣхъ своихъ тайныхъ и явныхъ поступкахъ и помыслахъ. Но Лиза, какъ и вивисекторъ выбрасываетъ послѣ своихъ изслѣдованій уже ненужный ему трупъ, такъ же быстро обдавала холодомъ человѣка, въ которомъ для нея уже ничего не оставалось непонятаго. Все это я сообразилъ только потомъ, а тогда въ своемъ невѣдѣніи былъ необыкновенно счастливъ, и только. Несомнѣнно, что для нея я уже былъ вполнѣ законченнымъ препаратомъ, но я этого не подозрѣвалъ и уже окончательно рѣшилъ выбрать удобный моментъ и сдѣлать ей предложеніе. Мнѣ даже казалось, что и ея родные смотрятъ на меня, какъ на жениха...

Но тутъ я совершенно неожиданно заболѣлъ. Сдѣлался у меня на щекѣ карбункулъ. Болѣзнь нелѣпая,

Digitized by Google

мучительная и опасная. Нужно было лечь въ клинику и поскорѣе сдѣлать операцію.

Родители мои сильно струсили. Струсилъ и я, но, ей Богу, смерти, какъ смерти, не боялся, а боялся только одного, что если умру, то конечно Лизы больше не увижу. Пришелъ я съ замотаннымъ горломъ въ операціонный залъ. Профессоръ-хирургъ, ординаторы, студенты,—все люди свои, шутятъ, подбадриваютъ, но мнѣ было не до шутокъ. Смотрѣть, какъ дѣлаютъ операціи другимъ, это совсѣмъ не то, что испытывать хлороформированье и дальнѣйшія прелести, буквально на своей шкурѣ.

Раздѣлся я окончательно и влѣзъ на мраморный столъ. Владѣю собою плохо, чувствую, что поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, холодно мнѣ, зубы сами собой постукиваютъ. Кругомъ пахнетъ карболкой, на полу кровь, передъ глазами мелькаютъ бѣлые фартуки. Среди ординаторовъ былъ у меня пріятель Сережка Воронцовъ. мы съ нимъ когда-то на брудершафтъ выпили. Спрашиваетъ онъ меня:

— О чемъ ты теперь думаешь?

— О томъ, говорю, думаю, что вся эта исторія казалась бы мнѣ пустякомъ, если бы здѣсь сейчасъ присутствовала одна женщина.

— Ну дуракъ же ты и больше ничего,—отвѣтилъ Воронцовъ и по знаку профессора наложилъ мнѣ на лицо маску. Стали капать на маску хлороформъ. Воронцовъ считаетъ, а я повторяю. Дошли до пятнадцати.

— Пятнадцать,—говорю я уже заплетающимся языкомъ, а самъ думаю: „навѣрное тотъ, кто пульсъ дер-

Digitized by Google

житъ, зазѣвается, передадутъ они хлороформу, станетъ сердце, тутъ мнѣ и конецъ. Прощай тогда отецъ съ матерью, и Лиза, и врачебная дѣятельность"...

— Шестнадцать!— какъ будто въ трубу кричитъ Воронцовъ.

— Шестнадцать,—едва повторяю я.

Наконецъ слышу уже,—тридцать два, я не въ силахъ повторить. Звонитъ у меня въ ушахъ, мозги одурманились.

— Тридцать два!—снова кричитъ Воронцовъ.

Я молчу и только думаю: „вотъ если бы Лиза была здѣсь".

— Ну, кажется, можно начинать,—говоритъ онъ.

Я собралъ всѣ силы и все-таки произнесъ:

— Тридцать два...

— Должно быть, водки много пилъ,—пробормоталъ профессоръ. И меня ужасно поразило это прошедшее время,—*пилъ*, такъ оно прозвучало, что, дескать, когда-то этотъ человѣкъ существовалъ, а теперь его уже нѣтъ.

Неудержимо хочется сорваться со стола и удрать. Убѣжденіе, что еще нѣсколько секундъ и... смерть,— не покидаетъ, хотя обрывки разсудка говорятъ, что должно быть больше надежды на жизнь. Какъ сквозь глубокій сонъ слабо слышится надъ самымъ ухомъ:

— Тридцать девять...

Я уже ничего не могу повторить и знаю навѣрное, что умираю. Это чувство очень сладкое, точно потягиваешься, только въ ушахъ шумитъ. Наконецъ уже и въ ушахъ не шумитъ и нѣтъ ничего, ни клиники, ни Лизы, ни свѣта, ни темноты, ни шума, ни не-шума.

Digitized by Google

Гдѣ и какъ я очнулся, точно не помню. Потомъ меня отвели въ ванную.

Въ клиникѣ мнѣ пришлось пробыть недѣли двѣ, а казалось, что просидѣлъ я тамъ мѣсяца два.

Возненавидѣлъ я за это время и ординаторовъ, и товарищей и даже сердился на родныхъ, которые меня слишкомъ часто навѣщали. Въ глубинѣ души я хотѣлъ, чтобы пришла Лиза, но она не пришла и это обстоятельство мучило меня больше всего. О томъ, что завтра я могу выписаться, мнѣ объявили съ вечера.

Я долго не спалъ и мечталъ о томъ, какъ найму саночки, буду быстро катить по улицамъ и дышать свѣжимъ морознымъ воздухомъ, какъ встрѣчусь съ Лизой и разскажу ей обо всемъ, что передумалъ и пережилъ за это время.

Но все вышло иначе. Не помню благодаря чему (кажется запропастилась куда-то моя одежда), но выѣхать изъ клиники я могъ только передъ вечеромъ. Вмѣсто зимы на дворѣ оказалась отвратительная погода. Была слякоть и сырость носилась въ воздухѣ, какъ въ банѣ паръ. Я нанялъ извозчика и поѣхалъ прямо къ Лизѣ. Съ полчаса я трясся на старыхъ дребезжащихъ дрожкахъ, запряженныхъ бѣлою лошадью, съ которой летѣла шерсть и обсыпала мое пальто вмѣстѣ съ брызгами лужъ. Гдѣ-то звонили къ вечернѣ, и звуки не плыли по воздуху, а обрывались, какъ будто самый колоколъ былъ обвязанъ мягкой матеріей. Кое гдѣ зажглись электрическіе фонари и свѣтъ ихъ едва мерцалъ фіолетовыми пятнами.

Digitized by Google

Наконецъ извозчикъ сталъ у знакомаго подъѣзда. Я ужасно волновался.

Обо всемъ этомъ черезвычайно больно вспоминать... Начну съ того, что Лиза встрѣтила меня болѣе чѣмъ холодно, даже не спросила, отчего я такъ долго не былъ.

Въ этотъ день у нихъ собралось много народу, и я утѣшалъ себя тѣмъ, что теперь ей просто не до меня. Однако на душѣ было неспокойно. Инстинктомъ я чуялъ, что за эти двѣ недѣли въ жизни Лизы произошло какое-то важное событіе. Природа удивительно предусмотрительна, она какъ будто знаетъ, что мозги серьезно полюбившаго человѣка функціонируютъ не совсѣмъ правильно и въ это время посылаетъ на помощь инстинктъ, который подсказываетъ правду не хуже мозговъ. Передъ самымъ ужиномъ младшая сестренка Лизы, Женя, какъ будто-бы не взначай, сказала мнѣ:

— А у насъ новость...

— Какая?

— Это секретъ.

— А мнѣ его можно узнать?

— А вы никому не скажете?

— Никому.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ну, слушайте... Лиза выходитъ замужъ, свадьба будетъ передъ масляной...

За кого,—я не спросилъ. Это мнѣ было все равно, да я и не сомнѣвался, что за юриста. Помню, что въ

Digitized by Google

этотъ вечеръ я удивительно хорошо владѣлъ собою и только въ ухѣ у меня долго звенѣло, какъ послѣ оглушительнаго выстрѣла. Я даже остался ужинать и за ужиномъ шутилъ и въ комическомъ тонѣ разсказывалъ объ операціи, которую перенесъ. Потомъ я принималъ участіе въ какой-то игрѣ и, наконецъ, раскланявшись, со всѣми, вышелъ на улицу.

Психологически вѣрно, что солдатъ, получившій въ пылу боя смертельную рану, первое время (конечно очень недолгое) можетъ ее не почувствовать и сваливается только потомъ. Такъ было и со мною. Только на улицѣ я вдругъ почувствовалъ, что изъ глазъ у меня, безъ всякаго плача покатились крупныя, горячія слезы... Валилъ мокрый снѣгъ. Я часто скользилъ и разъ упалъ, какой-то прохожій обернулся и сказалъ:

— Ишь студентъ насвистался...

На другой день я дѣйствительно насвистался и даже ночевалъ въ участкѣ... Да, нелѣпое было время.

Докторъ глубоко вздохнулъ и закурилъ новую папиросу. Я не удержался и спросилъ его:

— Неужели, Ѳедоръ Петровичъ, вы, такой врагъ алкоголя, когда-нибудь были способны напиться?

— Такъ какъ слѣдуетъ, до потери сознанія, я былъ пьянъ всего два раза въ жизни, вотъ именно въ этотъ день и потомъ, еще послѣ полученія диплома, но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Итакъ, пережившъ острый періодъ отчаянія, я успокоился довольно быстро. Только попросилъ перевести меня въ комнату, которая выходила окнами во дворъ, и затѣмъ на время потерялъ всякую способность учиться.

Digitized by Google

Пришлось остаться на второй годъ на курсѣ и пробыть въ университетѣ вмѣсто двухъ, еще цѣлыхъ три года. Конечно, я могъ перейти, но медицинскій факультетъ это не юридическій,—самому потомъ было бы хуже.

Лиза вѣнчалась въ январѣ, а потомъ они переѣхали на другую квартиру и я, къ моему благополучію, ее больше не встрѣчалъ. Лѣтомъ мнѣ говорили, что юристъ выдержалъ государственные экзамены и назначенъ въ провинцію земскимъ начальникомъ, куда отправился вмѣстѣ съ женой.

Слѣдующіе три года въ моей жизни прошли удивительно однообразно. Клиники, аудиторія, собственная комната, учебники и больше ничего. Ни въ театрѣ я ни разу не былъ, ни одной книги беллетристическаго содержанія не прочелъ, словомъ для внѣшней жизни совсѣмъ умеръ. Наконецъ наступили и наши окончательные экзамены. Какъ и всегда на медицинскомъ факультетѣ, дѣло было осенью.

Помню, за два или за три дня до полученія диплома кто-то мнѣ сказалъ, что Лиза пріѣхала погостить къ роднымъ. Извѣстіе это не произвело на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Такъ вотъ если человѣкъ просидѣлъ долго въ одиночной камерѣ, то даже онъ теряетъ способность реагировать на такое важное для него слово, какъ,—свобода.

Наконецъ полученъ дипломъ, да еще съ отличіемъ. Я немного ошалѣлъ. Очень уже страннымъ мнѣ показалось, что никогда не нужно будетъ волноваться и мучиться передъ экзаменами. Отъ радости я дошелъ до такого идіотства, что сейчасъ же прибилъ на парадной двери свою визитную карточку, а сверху огром-

Digitized by Google

ными буквами, на манеръ печатныхъ, сдѣлалъ надпись: „докторъ“. Вообще психическія потрясенія часто выражаются въ очень странной формѣ, говорю это къ тому, что раньше я всегда былъ ярымъ противникомъ всякихъ объявленій и оффиціальныхъ званій, тѣмъ болѣе, что на первую практику я еще и разсчитывать не могъ, да и не было въ ней надобности.

Вмѣстѣ со мною окончили курсъ два пріятеля—одинъ грузинъ Ахабадзе, другой русскій Вязновъ. Оба они еще во время экзаменовъ подговаривались къ тому, что по случаю полученія дипломовъ недурно было бы хорошенько выпить и повеселиться. Мы рѣшили устроить это въ моей квартирѣ, такъ какъ отецъ и мать еще не возвращались изъ деревни и стало быть мы никому не могли помѣшать. Вечеромъ мы накупили нѣжинской рябиновой, коньяку, шпротовъ, пикулей, грибковъ и всего, что для самаго здороваго человѣка противупоказано. Втащили въ комнату самоваръ, заперлись съ улицы и орудуемъ.. Запахло сургучемъ и алкоголемъ и мнѣ сразу стало противно. Выпилъ я двѣ рюмки коньяку, а больше не могу, не лѣзетъ, да и кончено. Я предоставилъ пріятелямъ дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію, а самъ отворилъ окно и легъ на подоконникъ. На улицѣ свѣжо, не пыльно, народу мало. Балалайка гдѣ-то тренькаетъ.

Лежалъ я такъ пока совсѣмъ стемнѣло, потомъ слѣзъ съ окна и снова подсѣлъ къ товарищамъ, они уже было какую-то пѣсню затянули. Вдругъ въ квартирѣ раздался отчаянный звонокъ. Слышно было какъ пробѣжалъ отворять, тяжело шлепая босыми ногами, дворникъ Степанъ, жившій въ квартирѣ. Стукнулъ

Digitized by Google

болтъ на двери и сейчасъ же заговорилъ женскій визгливый голосъ. Я вышелъ посмотрѣть въ чемъ дѣло и уже въ дверяхъ комнаты столкнулся со Степаномъ и съ какой-то женщиной въ платкѣ.

— Который здѣсь докторъ?—спрашиваетъ она.

Ахабадзе уставился на нее и кричитъ:

— Усѣ, матушка, доктора...

Я спросилъ, что ей надо?—Женщина такъ и засыпала горохомъ:

— А пожалуйста, пожалуйста, скорѣе идите, нашъ Святославчикъ кажись руку себѣ исломалъ, бариня очень безпокоятся...

— Какой такой Святославчикъ?—кричитъ Ахабадзе. Я махнулъ на него рукою, — молчи, дескать, пьяная рожа, и спросилъ женщину, далеко ли живетъ барыня, оказалось недалеко. Сильно волнуясь, я взялся за фуражку, и потомъ изъ какого-то новаго для меня чувства деликатности, спросилъ пріятелей:

— Можетъ быть изъ васъ, господа, кто-нибудь желаетъ пойти? а самъ думаю: „ну куда имъ идти,—войдетъ да еще на порогѣ и растянется“...

— Нѣтъ, нѣтъ—оретъ кавказецъ,—ступай самъ, ты хирургомъ хотѣлъ быть... ступай, пажалуйста ступай.

Выбѣжали мы съ этой бабой на улицу, не прошли и квартала, какъ вдругъ она остановилась у знакомаго подъѣзда. Меня такъ и дернуло за сердце. Намъ сейчасъ же отворили. Подымаясь по лѣстницѣ, я дѣлалъ огромныя усилія, чтобы овладѣть собою и это мнѣ удалось, какъ и всегда удавалось въ трудныя минуты.

Насъ встрѣтила Лиза въ полуразстегнутомъ пеньюарѣ, раскраснѣвшаяся, пышная такая. Пряди золотыхъ

Digitized by Google

волосъ на лобъ сползли. Она крѣпко пожала мою руку и, кажется, не узнала меня, потомъ сейчасъ же заговорила:

— Ахъ, докторъ, я не замѣтила, какъ онъ влѣзъ на комодъ и только прибѣжала на его крикъ, когда онъ уже упалъ. Теперь онъ только стонетъ, но я такъ боюсь, онъ такъ страшно кричалъ...

Вивисектора уже не было, а была мать, волнующаяся, любящая и потому прелестная. Я погладилъ рукою бороду и этакимъ солиднымъ баскомъ говорю:

— Будьте любезны, позвольте поглядѣть на больного.

— Пожалуйте сюда.

Мы съ Лизой вошли въ ярко освѣщенную спальню. На одной изъ кроватей лежалъ съ заплаканными глазами толстенькій мальчикъ лѣтъ двухъ и слабо всхлипывалъ. Увидѣвъ меня, онъ сейчасъ же замолчалъ и широко раскрылъ глаза.

Я осмотрѣлъ, а потомъ расправилъ сначала одну его руку, потомъ другую.

— Ни перелома, ни вывиха во всякомъ случаѣ нѣтъ, иначе бы онъ поднялъ страшный крикъ,—сказалъ я.—Вѣроятно онъ просто сильно ударился локтемъ, отъ такихъ ушибовъ болевыя ощущенія бываютъ чрезвычайно сильны. Теперь присутствіе посторонняго человѣка отвлекло его вниманіе, вотъ онъ и притихъ. Нужно посмотрѣть, нѣтъ ли у него на локтѣ ссадины. Будьте добры, снимите съ него рубашечку.

Лиза проворно начала раздѣвать сына. Я ей помогалъ. Наши руки часто встрѣчались. Раза два она задѣла своимъ бюстомъ о мой локоть. У меня чуть сперло дыханье, но я сейчасъ же овладѣлъ собою.

Digitized by Google

На локтѣ у мальчика дѣйствительно оказалась едва замѣтная ссадина.

— Можно положить компрессикъ, въ сущности же это пустяки.

Я перевязалъ ему ручку и, дѣлая эту въ сушности ненужную операцію, ощущалъ огромную, почти отцовскую нѣжность. Въ это время уже не Лиза, а я самъ наблюдалъ себя и самъ надъ собою смѣялся горькимъ смѣхомъ. „Вѣдь этотъ малышъ могъ бы быть съ такимъ же успѣхомъ и моимъ сыномъ“, думалъ я.

Сдѣлавъ перевязку, я вышелъ изъ спальни и взялся за фуражку. Лиза меня догнала.

— Простите, докторъ, что я васъ понапрасну потревожила. Папа и мама ушли въ гости, мужа тоже нѣтъ и я совсѣмъ растерялась...

Я улыбнулся и кивнулъ головою, дескать: „что же дѣлать, я васъ понимаю, вы мать“...

— Куда же вы, можетъ быть хотите выпить стаканъ чая?

Чаю мнѣ не хотѣлось, но посмотрѣть на Лизу еще, хотѣлось, и я остался. Такъ иногда хочется еще разъ взглянуть на лицо дорогого мертвеца, хоть и знаешь, что для тебя онъ уже никогда не оживетъ.

Мы перешли въ столовую. Лиза, шумя пеньюаромъ и улыбаясь глазами, принялась наливать чай. Я назвалъ по имени и отчеству и спросилъ:

— Вы меня не узнали?

— Ваша фамилія Орловъ?

— Орловъ.

Лиза закусила нижнюю губку и слегка покраснѣла.

Digitized by Google

— Теперь узнала, но какъ васъ измѣнила борода и этотъ штатскій костюмъ.

— И вы измѣнились.

— Къ лучшему или худшему?

— Къ лучшему.

О чемъ она говорила потомъ, я не помню, кажется о своей фигурѣ, потомъ о своемъ счастьи съ мужемъ. Я сидѣлъ и только глядѣлъ на ея лицо, какъ на портретъ давно умершей Лизы. Должно быть я былъ разсѣянъ и это ей не понравилось. Когда я всталъ, она меня больше не удерживала.

На прощанье она снова подала мнѣ руку и я сейчасъ же ощутилъ въ своей рукѣ два серебряныхъ рубля. До сихъ поръ не умѣю точно опредѣлить то брезгливое волненіе и злость, которыя вдругъ придавили меня. Женщина, на которую я молиться былъ готовъ, вдругъ даетъ мнѣ деньги, какъ лакею, какъ своему наемнику.

— Нѣтъ, ужъ вы это оставьте—прохрипѣлъ я.

— Но, докторъ, право вы меня ставите въ неловкое положеніе.

— Нѣтъ, ужъ...—Я выдернулъ руку.

Два рубля упали на полъ и покатились въ разныя стороны. Я не сталъ ихъ подымать и, не оборачиваясь, побѣжалъ съ лѣстницы. Стыдно, досадно, больно было. Конечно, оскорбительнаго въ ея поступкѣ не заключалось ничего, но, вѣроятно, такое же ощущеніе испыталъ бы всякій, получивъ отъ любимаго человѣка по физіономіи. Хотѣлось скорѣе уйти отъ самого себя. Я и ушелъ къ давно ожидавшимъ меня пріятелямъ. Уви-

Digitized by Google

дѣвъ какъ я вдругъ накинулся на выпивку, они рѣшили, что я отъ радости одурѣлъ.

— Паздравляемъ, съ первой практикой паздравляемъ—кричалъ Ахабадзе, наливая мнѣ рюмку за рюмкой. Потомъ они кричали вмѣстѣ и подбрасывали меня на „ура“...

Ѳедоръ Петровичъ вдругъ замолчалъ и далеко бросилъ окурокъ, а потомъ добавилъ:

— Вотъ эта... Наденька, что сегодня сидѣла возлѣ меня за утреннимъ чаемъ, о которой вы еще сказали, что она сложена вродѣ Венеры, такъ она очень напоминаетъ Лизу. Тяжело это...

Digitized by Google

ВЪ ЛѢСУ.

I.

У городского судьи Листова умирала отъ чахотки жена. Болѣзнь тянулась уже два года и сначала незамѣтно.

Юлія Ѳедоровна перестала выходить къ общему столу только въ концѣ февраля, а въ началѣ апрѣля слегла совсѣмъ. Теперь дѣти, Володя и Таня, часто уходили въ гимназію, не напившись чаю, потому что прислуга вставала позже хозяевъ. Плюшевая мебель въ гостиной покрылась пылью и на коврѣ цѣлую недѣлю валялся окурокъ. Въ домѣ ходили на цыпочкахъ. Обѣдали не во-время, часто на грязной, запачканной горчицей, скатерти. Вертѣвшагося, обыкновенно, подъ столомъ бѣлаго пойнтера Руслана выселили въ кухню.

По вечерамъ Володя училъ латинскія исключенія не нараспѣвъ, а шепотомъ, такъ что его сестрѣ Танѣ казалось, будто онъ читаетъ какую-то длинную молитву.

Особенно жутко бывало по ночамъ, когда больная начинала кашлять, захлебываясь и дѣлая передышки,

Digitized by Google

чтобы отпить изъ стакана воды. Потомъ она снова дремала и во снѣ невнятно бредила.

Слышно было, какъ на кухнѣ сопѣлъ, стучалъ когтями по полу и чмокалъ Русланъ, которому не давали уснуть жара и тараканы.

Послѣ одного изъ консиліумовъ доктора сказали Листову: „дѣла очень плохи, нужно приготовиться ко всему. Если бы теперь ее увезти въ сосновый лѣсъ, то, при полномъ покоѣ, конецъ, пожалуй, можетъ отдалиться“...

Листовъ выслушалъ это спокойно, только поблѣднѣлъ.

Съѣздить на первую станцію отъ города и нанять въ лѣсу дачу можно было скоро, но у дѣтей должны были начаться экзамены, хотѣлось также взять на лѣто отпускъ и для себя, а главное — необходимо было достать рублей четыреста денегъ.

Вечеромъ онъ писалъ въ Москву двоюродной сестрѣ Ольгѣ:

— ...„Хорошая моя, я совсѣмъ растерялся. Стыдно въ этомъ сознаваться, но вижу, что одинъ ничего не подѣлаю. Нужно сейчасъ же переѣхать на дачу, и нужно, чтобы кто нибудь близкій былъ съ дѣтьми. Я знаю, у тебя самой теперь экзамены, но говорятъ, что на курсахъ ихъ можно отложить до осени. Три года назадъ, когда мы лѣтомъ гостили у васъ, въ Спасскомъ, я все время любовался твоей энергіей и умѣньемъ владѣть собою. Пріѣзжай, голубчикъ, и помоги. Дѣти тебя тоже очень любятъ и помнятъ до сихъ поръ. Тебѣ двадцать три года, а мнѣ скоро сорокъ, но мнѣ кажется, будто ты старше меня и опытнѣе. Больше года уже, какъ мнѣ не съ кѣмъ слова

Digitized by Google

сказать, не съ кѣмъ посовѣтоваться. Тревожить бѣдную Юлю, посвящая ее въ разныя денежныя и вообще свои личныя дѣла,—не хватаетъ духу. Тяжко и физически и нравственно...

Вѣроятно, лѣтомъ тетя снова будетъ звать всѣхъ насъ къ вамъ, въ деревню, но Юля уже положительно не въ состояніи перенести далекую дорогу.

Если только можешь, пожалуйста пріѣзжай".

Запечатавъ письмо, онъ почувствовалъ, какъ на душѣ у него стало свѣтлѣе, потомъ откинулся на спинку кресла и думалъ:

„Чудная, необыкновенная дѣвушка, какъ это я раньше не догадался ей написать. Навѣрное броситъ все и пріѣдетъ. Если письмо получится въ среду, то Оля, вѣроятно, выѣдетъ въ пятницу вечеромъ со скорымъ и въ воскресенье будетъ уже здѣсь".

Листовъ прошелъ въ спальню къ женѣ.

Больная, облокотившись спиной о подушки, пила молоко. На маленькомъ столикѣ горѣла свѣча и слабо освѣщала желтое, худое лицо съ обострившимся носомъ и сбившіеся бѣлокурые волосы. Въ ея комнатѣ было жарко, попахивало бѣльемъ и скипидаромъ. Листовъ взялъ стулъ, пододвинулъ его къ кровати, сѣлъ и сказалъ:

— Ну-съ, такъ, значитъ, недѣльки черезъ полторы и на дачу! Ты довольна?

Юлія Ѳедоровна опустила голову и едва замѣтно улыбнулась, точно хотѣла сказать:

— Это рѣшительно все равно...

Чтобы не утѣшать жену и тѣмъ, какъ онъ думалъ, не раздражать, Листовъ притворился, что не понялъ

Digitized by Google

всей безнадежности ея кивка и, насколько могъ, веселымъ тономъ разсказалъ, что выписалъ Ольгу, а потомъ солгалъ, будто бы уже сговорился относительно найма очень хорошей дачи въ лѣсу.

И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ яснѣе сознавалъ свое безсиліе облегчить ея страданія.

Замолчавъ, онъ увидѣлъ, какъ по впалой щекѣ Юліи Ѳедоровны медленно сползала и потомъ повисла возлѣ уголка рта крупная, блестящая слеза.

— О чемъ ты, моя хорошая?

Листовъ любилъ это ласкательное слово и думалъ, что оно не банально и должно быть пріятно той, которой говорилось.

— Такъ, ни о чемъ. Отъ лежанія, вѣроятно, развинтились нервы... Сама не знаю, можетъ быть, о тебѣ и о дѣтяхъ. За себя мнѣ почему-то уже не страшно, вотъ такъ, какъ не страшно опоздать на поѣздъ, когда знаешь, что билетъ изъ кассы тебѣ уже выдали... Что у насъ будетъ гостить Ольга, — это хорошо. Она славная, и переѣзжать на дачу безъ нея я бы не хотѣла. Тамъ, пока устроимся, я тебя совсѣмъ замучаю, а еще лучше обождать, пока у дѣтей кончатся экзамены.

— Возможно, что ихъ переведутъ безъ экзаменовъ, это надняхъ должно выясниться.

— Да? Во всякомъ случаѣ, ѣхать всѣмъ вмѣстѣ гораздо лучше.

Юлія Ѳедоровна снова закашлялась и, передохнувъ, начала пить молоко, потомъ опять поперхнулась, покраснѣла и молоко пошло у нея черезъ носъ.

Digitized by Google

Зная по опыту, что помочь ей ничѣмъ нельзя, Листовъ только поднялся со стула и ждалъ пока жена успокоится, а потомъ сказалъ:

— Тебѣ вредно говорить, спи, моя хорошая, уже одиннадцатый часъ, и вышелъ.

II.

На другой день приходилъ содержатель конной почты Лейба Хикъ и, просидѣвъ довольно долго въ кабинетѣ Листова, ушелъ, а затѣмъ снова вернулся съ вексельнымъ бланкомъ, завороченнымъ въ сѣрую бумажку.

На прощаніе Листовъ подалъ Лейбѣ руку, чего никогда не дѣлалъ, потомъ снова еще долго говорилъ съ нимъ въ передней, и затворилъ дверь только потому, что Русланъ, почуявъ изъ кухни чужого человѣка, началъ громко лаять.

Получивъ деньги, Листовъ оживился.

Когда и какимъ образомъ онъ ихъ отдастъ, это его уже не безпокоило, радовала только возможность сейчасъ же поѣхать и нанять дачу.

Пріостановившаяся было въ началѣ апрѣля весна снова быстро двинулась впередъ, словно нагоняя время. За нѣсколько солнечныхъ дней кусты покрылись молоденькими листьями, а на опушкѣ лѣса рябили, волнуясь подъ легкимъ вѣтромъ, бѣлыя и желтыя головки цвѣтовъ. Хвойныя деревья пахли сильнѣе. На землѣ между прошлогодними сухими иглами, суетились большіе, рыжіе муравьи, а по ту сторону лѣса слышна была кукушка. Особенно поразила Листова тишина.

Digitized by Google

Мягко шумѣли однѣ сосны, покачивая своими золотыми отъ солнца вѣтвями.

Вспорхнула и сейчасъ же скрылась за просѣкой разноцвѣтная, какъ попугай, сиворакша. И опять Листовъ слышитъ только свои собственные шаги. Послѣ города дышится, какъ на улицѣ послѣ табачнаго и виннаго запаха ресторана.

„Все кругомъ молчитъ, но живетъ, думалъ Листовъ.—Какъ хорошъ этотъ міръ цвѣтовъ и деревьевъ, которыя мы почему-то называемъ неодушевленными. Вѣроятно, люди ошибаются. Душа—въ каждомъ растеніи, можетъ быть, даже сильно чувствующая, и оттого въ ихъ мірѣ нѣтъ вражды и насилія. Живутъ и наслаждаются. Осенью какъ будто умираютъ, но каждый мальчикъ знаетъ, что черезъ семь мѣсяцевъ всякая березка и всякій дубокъ — оживутъ. А когда наступаетъ настоящая смерть, онѣ отдаются ей безропотно.

А вотъ Юля вѣритъ въ загробную жизнь, каждый день молится и все-таки страшно мучается.

Говорятъ, что на свѣтѣ во всемъ гармонія,—можетъ быть, но контрастовъ больше“...

Вдали прокатился сначала одинъ, а потомъ другой свистокъ отходившаго поѣзда, и эхо также прокатилось два раза черезъ весь лѣсъ, — будто надъ верхушками деревьевъ кто-то махнулъ огромнымъ хлыстомъ.

— Поѣздъ ушелъ, а по росписанію онъ долженъ былъ стоять восемь минутъ,—промелькнуло въ головѣ Листова.—Значитъ, я иду столько же времени, и скоро должны показаться дачи.

Просѣка, по которой онъ шелъ, понемногу расширилась.

Digitized by Google

Впереди, между оранжевыми стволами деревьевъ, завиднѣлись красныя и сѣрыя пятна безтрубныхъ дачныхъ крышъ. Залаяла далеко собака, но ея не поддержали другія.

Тишина на улицѣ поселка была такая же, какъ и въ лѣсу.

Въ нѣкоторыхъ домахъ еще съ зимы окна оставались заколоченными.

Казалось, что недавно здѣсь свирѣпствовала повальная болѣзнь, и жители всѣ разбѣжались.

„А придетъ конецъ мая,—и подымется здѣсь суета, думалъ Листовъ. Полетятъ на велосипедахъ гимназисты и студенты, а по вечерамъ на балконахъ и возлѣ воротъ будутъ шептаться и смѣяться барышни. Закричатъ на разные голоса разносчики, станетъ такъ же пыльно и противно, какъ и въ городѣ. Нужно искать дачу гдѣ-нибудь подальше въ глубинѣ лѣса".

Онъ свернулъ налѣво, въ узенькій переулокъ, между двумя досчатыми заборами, и пошелъ по тропинкѣ, самъ не зная куда.

Тропинка кончилась у небольшого, бѣленькаго, каменнаго дома, не похожаго на дачу.

Передъ дверью, на скамейкѣ, сидѣла старуха и чистила картофель, который потомъ бросала въ стоявшее у ея ногъ ведро съ водою.

Листовъ остановился и, посмотрѣвъ на старуху, сказалъ:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,—отвѣтила она.

— Что, у васъ эта дача отдается?

Digitized by Google

Старуха поднялась со скамейки и вытерла о фартукъ руки.

— Да, хотимъ отдать, это вѣрно. Многіе уже спрашивали, только потомъ отказываются черезъ то самое, что далеко отъ вокзала.

— А можетъ быть здѣсь сыро?

— Нѣ. Какая сырость. Тутъ до марта мѣсяца всю зиму объѣздчики жили. Это казенный домъ былъ, а теперь его мой сынъ купилъ. Въ старшихъ рабочихъ онъ служитъ на ремонтѣ пути, такъ что лѣтомъ больше на линіи да по казармамъ ночуетъ.

— А сколько комнатъ?

— Комнатъ четыре, а сдавать буду три, одна самой мнѣ...

Чтобы не терять времени, Листовъ пошелъ прямо къ двери. Старуха еще разъ вытерла руки и, согнувшись, опередила его.

Комнатки были чистенькія съ вымазанными известью стѣнами и видно недавно вымытыми, некрашеными полами. Въ самой большой два окна были отворены настежь и подъ потолкомъ билась и гудѣла большая мохнатая бабочка.

„Можетъ быть, въ этой комнатѣ умретъ Юля“, подумалъ Листовъ и, чтобы отогнать отъ себя вдругъ нахлынувшій ужасъ, спросилъ неестественно громкимъ голосомъ:

— Ну, а цѣна?

Старуха поправила на головѣ платокъ.

— Да хотѣли за лѣто взять двѣсти рубликовъ. Домикъ хорошій.

Сошлись на полутораста.

Digitized by Google

Листовъ далъ въ задатокъ двадцатипятирублевую бумажку и сказалъ, что они переѣдутъ черезъ недѣлю.

Дома онъ засталъ телеграмму отъ Ольги съ извѣстіемъ, что она пріѣдетъ въ воскресенье скорымъ поѣздомъ.

— Значитъ, послѣзавтра,—сказалъ онъ самъ себѣ.— Какъ бы тамъ ни было, но жить станетъ много легче, не придется самому подводить счеты съ прачкой и браниться съ молочницей. Если Юлѣ станетъ хуже, я такъ не растеряюсь. Уйду за докторомъ — Ольга дома останется. А на дачѣ будетъ еще лучше.

Потребность дѣлиться съ кѣмъ нибудь своими мыслями всегда была у него особенно сильна. Говорить съ женой обо всемъ уже давно было невозможно.

Узнавъ однажды, что Володя получилъ двойку, Юлія Ѳедоровна потомъ не спала цѣлую ночь и представляла себѣ, какъ послѣ ея смерти его выгонятъ изъ гимназіи и онъ всю жизнь будетъ служить писцомъ въ какомъ нибудь страховомъ обществѣ.

Приходилось отъ нея скрывать и встрѣчи, и разговоры съ людьми, которыхъ она не любила.

Листовъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ шла на убыль духовная близость, установившаяся между нимъ и женой сейчасъ же послѣ свадьбы, и мучился этимъ еще больше.

„Жизнь провинціальнаго судейскаго чиновника тяжелая штука, думалъ онъ. Двѣнадцать лѣтъ мы везли ее вмѣстѣ и каждый годъ на эту невидимую повозку судьба прибавляла все больше тяжести. Теперь я остался одинъ. Вотъ, вотъ споткнусь и упаду. Теперь будетъ легче. Если за лѣто соберусь съ силами, то,

Digitized by Google

послѣ отъѣзда Ольги, осенью, смогу потянуть всѣ бѣды и одинъ.

Главное, передохнуть и выговориться. Нужно также, чтобы третье лицо указало, когда и въ чемъ я поступаю не такъ, какъ нужно. Самому не видно, точно зрѣніе притупилось. Думаешь слѣдующій день прожить извѣстнымъ образомъ, а когда наступаетъ утро, то оказывается, что вмѣсто разбора дѣла необходимо ѣхать въ гимназію, вмѣсто того, чтобы выдать на базаръ рубль двадцать копѣекъ, слѣдуетъ еще уплатить молочницѣ девять рублей, да по окладному листу двѣнадцать, и сорокъ копѣекъ сапожнику".

Когда во все это входила жена,—такъ почему-то не случалось...

III.

Ложась спать, Листовъ представлялъ себѣ, какъ онъ встрѣтитъ на вокзалѣ Ольгу и, еще по дорогѣ, разскажетъ ей о всѣхъ своихъ переживаніяхъ.

Онъ силился мысленно нарисовать себѣ выраженіе ея голубыхъ, смѣющихся глазъ и это не удавалось, зато все ея здоровое лицо, бѣлые зубы, смѣхъ и голосъ онъ будто сейчасъ видѣлъ и слышалъ.

Три года тому назадъ Листовъ съ семьей гостилъ цѣлое лѣто въ имѣніи у сестры своей покойной матери и тогда близко познакомился съ Ольгой, которую раньше видалъ дѣвочкой. И ему потомъ всѣ три года это лѣто казалось самымъ интереснымъ и счастливымъ въ его жизни. Всѣмъ было хорошо.

Digitized by Google

Жена поправилась, поздоровѣли и загорѣли дѣти.

Съ двадцатилѣтняго возраста онъ считалъ себя человѣкомъ съ вполнѣ установившимися взглядами и понятіями и притомъ самыми правильными.

Каждое явленіе, каждая отдѣльная личность у него легко укладывалась въ извѣстную формулу.

Курсистка—значило: идейное существо, лишенное женственности и страсти. Крестьянинъ, — дикій человѣкъ, съ врожденной неспособностью культивироваться умственно и нравственно, съ обрядностью, вмѣсто религіи, съ вѣчнымъ желаніемъ мстить и убивать тамъ, гдѣ нужно быть тактичнымъ и благоразумнымъ. Лошадь—низко одаренное животное, созданное для заработка извозчиковъ и удобства передвиженія господъ.

Эти и другіе подобные взгляды его, человѣка прожившаго на свѣтѣ тридцать пять лѣтъ, вдругъ опрокинулись и измѣнились, и не вслѣдствіе личнаго опыта или чтенія какихъ-нибудь трактатовъ, а только отъ близости и разговоровъ съ Ольгой.

Узнавъ, что она уже второй годъ на курсахъ, Листовъ сначала не хотѣлъ этому вѣрить.

Всегда красивая, художественно причесанная, въ изящномъ и удобномъ платьѣ, въ такой же изящной и удобной обуви, вѣчно веселая и со всѣми привѣтливая, Ольга понравилась ему съ перваго же дня ихъ знакомства.

Какъ-то вечеромъ, когда они вдвоемъ сидѣли на балконѣ, Листовъ сказалъ:

— Ты вотъ и голодающихъ крестьянъ кормишь и о моихъ дѣтяхъ и женѣ заботишься, словно они тебѣ

Digitized by Google

самыя близкія существа, и читаешь много, но на курсистку ты совсѣмъ не похожа.

— Почему?

— Да такъ. Манеры у тебя хорошія, ты ни на кого не шипишь, со вкусомъ одѣваешься и даже духами отъ тебя часто пахнетъ. Я видалъ курсистокъ, такъ тѣ, словно цѣпныя собаки, бросаются на человѣка за каждое несогласное съ ихъ вѣрованіями слово; сами угловатыя такія, всегда съ искривленными каблуками и пахнетъ отъ нихъ скверно, такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось.

Ольга засмѣялась и начала говорить, а ея блестящіе глаза все еще свѣтились улыбкой.

— Ты не понимаешь, въ чемъ дѣло. Это совсѣмъ не потому... Я лично, напримѣръ, получаю отъ мамы сто рублей въ мѣсяцъ, а у большинства курсистокъ и половины такихъ денегъ нѣтъ. Да и типовъ вродѣ тѣхъ, которыхъ ты описываешь, давнымъ давно не существуетъ. Если и есть, очень не большая, доля правды въ твоихъ словахъ, то потому что не только нравственные мѣщане, но даже доктора и образованные офицеры такъ ихъ бѣдныхъ „затюкали“, что онѣ въ каждой пустой фразѣ ожидаютъ нападенія, но сами онѣ ни на кого не бросаются, я въ этомъ смѣю тебя увѣрить. Многія изъ нихъ хотѣли быть женами и матерями и это почему-нибудь не удалось, ну, имъ и трудно безпристрастно разобраться въ такихъ вопросахъ, какъ любовь, личное счастье...

А что касается каблуковъ, такъ это отъ того, что приходится пропасть ходитъ и на лекціи и по урокамъ.

Digitized by Google

Многія принуждены жить въ сырыхъ квартирахъ, ну, и поэтому одежда часто пахнетъ плѣсенью. Рядовой курсисткѣ быть всегда любезной и кокетливой тоже очень трудно, нѣтъ времени въ этомъ упражняться, а безъ упражненія всякая техника портится. Такъ, братъ...

— Ну, а почему же ты ни съ кѣмъ не споришь и не чертыхаешься когда сердишься?

— Потому что я еще не озлоблена и лѣнива. Мнѣ лѣнь навязывать людямъ свои убѣжденія, если я знаю, что эти убѣжденія къ нимъ привиться не могутъ. Ну, а нѣкоторыя идеалистки все еще надѣются кого-нибудь научить или исправить. Вѣдь не станешь же ты разубѣждать раскольника въ томъ, что стричь бороду— значитъ, измѣнять образъ Божій — пропадетъ только время, которое пошло бы на что-нибудь другое, если не полезное, такъ пріятное. Такъ?

— Безусловно такъ. Хотя въ этомъ отношеніи я вотъ былъ вродѣ раскольника, а ты мнѣ объяснила то, чего я раньше не понималъ, а можетъ быть не хотѣлъ понимать... Знаешь, вотъ я уже порядочно живу на свѣтѣ и знаю, что русское общество, по взглядамъ, дѣлится на много партій, но въ которой изъ нихъ въ основу положена абсолютная истина, для меня и до сихъ поръ непонятно. Такъ вотъ: я знаю, въ чемъ суть магометанства, и знаю, въ чемъ суть, скажемъ, закона Моисеева, но какая изъ этихъ двухъ религій симпатичнѣе или не симпатичнѣе, рѣшить не могу.

— Но, зато, навѣрное, знаешь, что какъ магометане, такъ и евреи, могутъ быть людьми симпатичными и не симпатичными,—сказала Ольга.

Digitized by Google

— Это я знаю.

— Значитъ, нравственная физіономія человѣка далеко не всегда характеризуется тѣмъ, въ какой рубрикѣ общества онъ числится. Кто это помнитъ, тотъ всегда будетъ справедливымъ...

— Значитъ... Случалось, что, за чаемъ или въ саду, до захода солнца, въ этихъ разговорахъ, принимала участіе и Юлія Ѳедоровна и потомъ вечеромъ, ложась спать, говорила мужу: „что-то хорошее, естественное и искреннее есть въ Ольгѣ. Знаешь, сегодня дѣти ни за что не хотѣли уснуть, пока она ихъ не поцѣловала".

Но Листову всегда было пріятнѣе говорить съ Ольгой одинъ на одинъ, и тогда онъ испытывалъ такое же удовольствіе, какъ отъ чтенія интересной книги, когда кругомъ ничто не шумитъ и никто не надоѣдаетъ.

Для него стало потребностью погулять съ Ольгой послѣ ужина по темной аллеѣ когда всѣ уже разошлись по своимъ комнатамъ,

Обыкновенно доходили до самаго пруда, которымъ оканчивалась аллея, и потомъ медленно возвращались назадъ къ балкону. Года черезъ два послѣ этого лѣта Листову случилось быть въ другой, совсѣмъ чужой ему деревнѣ. И гуляя тамъ вечеромъ, возлѣ пруда, онъ долго не могъ сообразить, почему ему были такъ милы и запахъ водорослей, и тихая поверхность стоячей воды.

Однажды Ольга цѣлый день казалась ему грустной, а послѣ ужина особенно молчаливой и онъ спросилъ:

— Что это съ тобою сегодня случилось, ты точно пришибленная? это къ тебѣ не идетъ.

Digitized by Google

— Есть причина. Утромъ была непріятность.

— А ты подѣлись со мною, легче станетъ.

— Это правда,—сказала Ольга, садясь на ступеньку крыльца, когда—твое горе знаетъ еще одинъ человѣкъ, то, кажется, будто и онъ несетъ частицу его. Я подѣлюсь съ тобою, только ты сначала разскажи мнѣ, какъ ты полюбилъ Юлю, какъ женился, какъ дѣлалъ предложеніе, ну, какъ произошло все это?..

„Можетъ быть, Юлія ревнуетъ и сказала ей что-нибудь нелѣпое", мелькнуло у Листова въ головѣ, и онъ почувствовалъ, какъ у него прилила кровь къ вискамъ. Помолчавъ, онъ быстро овладѣлъ собою и спросилъ:

— Развѣ это имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ тому, что ты переживаешь?

— Не совсѣмъ, но имѣетъ—коротко отвѣтила Ольга, вздрогнула обоими плечами и сильнѣе закуталась въ платокъ, который былъ на ней.

— Прошло уже десять лѣтъ, многія мелочи изгладились,—началъ Листовъ.

— Я не о мелочахъ, а о сущности хочу знать, почему ты рѣшилъ, что будешь счастливъ именно съ ней и за что ее полюбилъ?

— Во-первыхъ, потому, что она безконечно добрый человѣкъ, всепонимающій человѣкъ. Во-вторыхъ, она нравилась мнѣ какъ женщина, и мнѣ хотѣлось тѣ поцѣлуи и ласки, которые я себѣ позволялъ, сдѣлать вѣчными, во всякомъ случаѣ, долгими. Ну... ну, вообще, я думаю, что полюбилъ ее потому, что полюбило мое сердце. Хочешь, считай меня идіотомъ, но я всегда думалъ и буду думать, что въ этихъ случаяхъ рѣшаю-

Digitized by Google

щее значеніе имѣетъ не разумъ, а инстинктивное влеченіе къ данному существу...

— Я съ этимъ тоже согласна и сегодня въ особенности,—заговорила Ольга.—Видишь ли, утромъ, когда вы всѣ еще спали, я была по дѣлу въ нашей школѣ. Учителемъ въ ней состоитъ нѣкто Зарудный, славный малый, честный, трудолюбивый...

„Значитъ, Юля здѣсь не при чемъ“ подумалъ Листовъ, вздохнулъ свободнѣе и закурилъ папиросу.

— ...Да, человѣкъ онъ, можно сказать, просто выдающійся,—продолжала Ольга.—Ему тридцать лѣтъ, у него есть сорокъ десятинъ земли и учительствуетъ онъ не изъ нужды, а по идеѣ. Ну-съ, такъ вотъ этотъ Зарудный, уже два года, при каждомъ удобномъ, и даже неудобномъ случаѣ, объясняется мнѣ въ любви, а сегодня сдѣлалъ настоящее предложеніе и даже плакалъ. Тяжело смотрѣть, когда такой человѣкъ плачетъ.

— Что же ты ему отвѣтила?—испуганнымъ голосомъ спросилъ Листовъ.

— Отказала.

— Почему, можетъ быть, боялась огорчить тетю?

— Нѣтъ, мама знаетъ, что мои рѣшенія непреклонны и я о ней тогда даже не думала. Просто, насколько мнѣ разумъ говоритъ, что Зарудный прекрасная личность, настолько же мое чувство мнѣ ничего не говоритъ. Ты, вотъ, подумай, можетъ ли женщина всю себя отдать тому, къ кому ее не тянетъ.

— Да, такая, какъ ты, конечно, не можетъ.

— Значитъ я хорошо поступила?

— Мнѣ кажется, хорошо,—отвѣтилъ Листовъ, бро-

Digitized by Google

силъ папироску и сталъ смотрѣть на созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

На деревнѣ запѣли пѣтухи, а потомъ слышно было, какъ защелкалъ перепелъ, висѣвшій въ рѣшетѣ надъ дверьми кухни.

— Поздно уже,—сказала Ольга,—идемъ.

— Мгм. Нужно идти спать.

Онъ всталъ и, вслѣдъ за Ольгой, началъ подыматься по ступенькамъ балкона. Прежде, чѣмъ отворить дверь, Листовъ снова спросилъ:

— Ну, а какого бы ты человѣка желала себѣ въ мужья?

— Право, не знаю. Трудно это рѣшить, ну.... хоть такого, какъ ты.

Она засмѣялась, потомъ снова вздрогнула обоими плечами и сказала:

— Ухъ, холодно, скоро разсвѣтъ,—и отворила дверь.

IV.

Теперь, съ того времени, прошло три года. Листовъ ходилъ по кабинету и волновался. Отъ пріѣзда Ольги онъ ожидалъ слишкомъ многаго.

Казалось ему даже, что и жена сейчасъ же начнетъ поправляться, и потомъ выздоровѣетъ совсѣмъ.

Въ воскресенье, въ семь часовъ утра, онъ выпилъ кофе и былъ уже одѣтъ, хотя поѣздъ приходилъ въ началѣ одиннадцатаго. Черезъ полтора часа, надѣвъ пальто, Листовъ прошелъ къ женѣ сказать ей, что

Digitized by Google

ѣдетъ на вокзалъ. Больная спала. Онъ поцѣловалъ ее въ желтый лобъ и, вздохнувъ вышелъ.

На улицѣ накрапывалъ весенній, прямой дождь и, одновременно свѣтило солнце, кое гдѣ переливаясь радугой въ прозрачныхъ капляхъ.

— Разомъ плачетъ и смѣется,—подумалъ Листовъ о природѣ, и мысленно добавилъ:—такъ и я сейчасъ.

Встрѣчающихъ на вокзалѣ было мало.

Жандармы и носильщики вышли на платформу только послѣ того, какъ станціонный колоколъ ударилъ одинъ разъ—это обозначало, что поѣздъ миновалъ уже послѣднюю стрѣлку. Паровозъ и багажный вагонъ точно вынырнули справа и пронеслись мимо, каждый слѣдующій вагонъ уже проплывалъ медленнѣе.

Зашипѣли тормозы, поѣздъ дрогнулъ и остановился. Побѣжали носильщики въ бѣлыхъ фартукахъ.

Въ одномъ изъ оконъ виднѣлась сѣрая фетровая шляпа съ черной лентой и улыбавшееся изъ-подъ нея знакомое лицо.

Листовъ и Ольга встрѣтились на площадкѣ вагона и крѣпко расцѣловались.

— Какъ я радъ, какъ я радъ, знаешь, вчера...—заговорилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, только сначала нужно получить по квитанціи багажъ... у тебя даже руки дрожатъ...

Когда ѣхали на извозчикѣ, Листовъ хотѣлъ какъ можно больше разсказать о женѣ, о дѣтяхъ и о своихъ переживаніяхъ, но связнаго разсказа не выходило, и послѣ каждой фразы онъ только повторялъ:

— Ужасно я радъ...

Digitized by Google

— Ну, и отлично, а ты мало измѣнился, сказала Ольга и подумала: „какъ онъ пожелтѣлъ и мѣшки подъ глазами появились, должно быть, спитъ мало, или почки не въ порядкѣ".

Увидѣвъ ее въ передней, дѣти завизжали отъ восторга, и Володя, вмѣсто того, чтобы шаркнуть ножкой, какъ его учили, повисъ у Ольги на шеѣ. Русланъ залаялъ на кухнѣ, услыхавъ возню. Потомъ дворникъ внесъ корзину—и все успокоилось.

Юлія Ѳедоровна тоже повеселѣла, но отъ разговоровъ скоро утомилась и въ восемь часовъ уже спала. Володя и Таня поперемѣнно кричали на своихъ кроваткахъ:

— Тетя Оля, а ты привезла тыквенныхъ сѣмечекъ?

— Тетя Оля, а ты помнишь, какъ въ Спасскомъ теленочекъ съѣлъ мой носовой платокъ?

Къ десяти часамъ утихли и они.

Листовъ и Ольга долго сидѣли въ кабинетѣ на диванѣ, разговаривая и совѣтываясь о здоровьѣ Юліи Ѳедоровны.

— Да, она сильно подалась,—говорила Ольга,—я даже не ожидала. Теперь самое главное не терять головы. Когда тебѣ станетъ очень тяжко, вспомни, что такая жизнь, какою живетъ Юлія, тяжелѣе и страшнѣе смерти; но пока эту жизнь нужно скрашивать насколько возможно. Прежде всего необходимо увѣрить Юлю, что до конца еще очень далеко. Если ей станетъ вдругъ плохо, слѣдуетъ говорить, что она простудилась, и вообще отвлекать ее отъ мыслей о болѣзни. Будемъ поперемѣнно читать ей вслухъ, сообщать всякія новости о близкихъ ей людяхъ... Скорѣе бы только на дачу въ лѣсъ.

Digitized by Google

— На той недѣлѣ непремѣнно переѣдемъ. Я даже думаю, что уже во вторникъ можно будетъ перевести часть вещей, а въ среду и двинемся. Вотъ завтра долженъ окончательно рѣшиться вопросъ о Володиномъ переводѣ безъ экзаменовъ. Относительно Тани я съ начальницей уже дѣло уладилъ. Да и самому мнѣ отдохнуть хочется. Каждый нервикъ болитъ. Иной разъ страшные часы приходилось переживать: закашляется она, жилы на вискахъ надуются, мученія видимо адскія, а помочь ничѣмъ нельзя, не только помочь, а даже и просто облегчить...

— Да, это ужасно.

— Еще она страшно волнуется за будущее дѣтей. А что же дѣти? Учатся хорошо, способныя, послушныя. Рано или поздно выйдутъ въ люди. Вѣдь и я росъ безъ матери... Невѣроятно тяжелый этотъ годъ. Векселей я выдалъ кучу и все безъ толку. Служба моя трещитъ. Была ревизія, а у меня масса неразсмотрѣнныхъ дѣлъ...

Листовъ всталъ и заходилъ взадъ и впередъ по ковру.

Ольга откинула голову на спинку дивана и, сдѣлавъ строгое лицо, что-то обдумывала.

Часы пробили три.

— Ну, прости, я пойду спать, устала,—сказала она и поднялась.

Листовъ молча поцѣловалъ ей руку и проводилъ до гостиной, гдѣ была приготовлена постель.

Вернувшись къ себѣ, онъ сталъ на подоконникъ, отворилъ форточку и, высунувъ голову, нѣсколько минутъ дышалъ свѣжимъ ночнымъ воздухомъ. Потомъ онъ вспомнилъ, что не взялъ изъ гостиной деревян-

Digitized by Google

ной коробочки съ папиросами, а въ портсигарѣ ихъ оставалось всего двѣ, и пошелъ за ними.

Ольга стояла передъ зеркаломъ уже безъ корсета и причесывалась.

— Фу, какъ ты меня испугалъ,—пробормотала она, закрываясь руками.

Листовъ сконфузился и затворилъ дверь.

— Тамъ, въ углу, на столикѣ, есть деревянная коробочка съ папиросами, — въ видѣ домика, дай мнѣ ее... Прости, пожалуйста, что я не постучалъ, я никакъ не думалъ, что ты успѣла уже раздѣться.

— Всегда нужно спрашивать,—недовольнымъ голосомъ отвѣтила Ольга и кистью руки просунула черезъ дверь коробочку.

„Да, неловко вышло, думалъ Листовъ, снимая въ кабинетѣ сапоги. Какая она однако эффектная съ распущенными волосами, а съ ея взглядами на бракъ, чего добраго, останется старой дѣвой“.

Ночью ему приснилась Ольга, съ распущенными волосами и голыми руками, и будто онъ цѣлуетъ ее. Онъ разозлился на себя за этотъ сонъ и, закуривъ папиросу, долго лежалъ на спинѣ. До самаго утра уже не спалось.

V.

На дачѣ долго не могли устроиться и портила настроеніе погода. Часто перепадали дожди, а по вечерамъ бывало сыро и казалось страшно въ одинокомъ домикѣ среди лѣса.

На дворѣ шумитъ и шумитъ, а что, дождь или деревья —не разберешь. Но уже въ серединѣ мая начались жаркіе, почти лѣтніе дни.

Digitized by Google

Юлія Ѳедоровна съ утра и до вечера лежала въ гамакѣ и говорила, что чувствуетъ, какъ оживаетъ вмѣстѣ съ природой.

Листовъ и Ольга и дѣти старались угадывать все, что она хочетъ, и дѣлать ей только одно пріятное. Ольга сама жарила для нея бифштексы, кипятила молоко и варила яйца. Послѣ города всѣ повеселѣли. Даже Русланъ какъ будто помолодѣлъ, дѣлалъ стойки на птицъ и гонялся за кошками, а ночью спалъ не въ кухнѣ, а на крыльцѣ, какъ настоящій сторожевой песъ.

Раза два въ недѣлю заходилъ докторъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, съ козлиной бородкой. Онъ мало говорилъ, а на каждую фразу отвѣчалъ только кивкомъ головы и, казалось, вѣчно куда-то спѣшилъ.

Уже всѣ дачи заселились. По вечерамъ издалека слышалась военная музыка, а возлѣ вокзала съ шумомъ взлетали ракеты и потомъ лопались подъ самыми звѣздами. Но обитателямъ бѣленькаго домика не было дѣла ни до этого шума, ни до людей, производившихъ его.

Юлія Ѳедоровна вставала рано и ложилась сейчасъ же послѣ захода солнца вмѣстѣ съ дѣтьми. Ложилась иногда съ нею и Ольга, но, проворочавшись часа два, снова одѣвалась и выходила на крыльцо.

Услыхавъ знакомые шаги, Листовъ сначала глядѣлъ на Ольгу черезъ открытое окно, а потомъ бралъ фуражку и шелъ къ ней самъ. Они садились рядомъ въ гамакъ и долго разговаривали.

Случалось, что Листовъ уже не слушалъ ея словъ, а только чувствовалъ возлѣ своего плеча теплоту ея тѣла, отдѣленнаго одной легкой кофточкой, и думалъ:

Digitized by Google

„вѣдь я же невиноватъ, что мнѣ съ нею такъ хорошо, вѣдь я же невиноватъ“...

На совѣсти было чисто.

Въ каждый данный моментъ онъ могъ бы, совершенно искренно, себѣ отвѣтить, что въ немъ не горитъ тайное желаніе рано или поздно овладѣть Ольгой, какъ женщиной, что любитъ онъ въ ней больше человѣка, умнаго и отзывчиваго.

И все-таки совѣсть его иногда болѣла до одурѣнія. Было стыдно отъ сознанія, что въ то время, какъ кончаетъ свои дни жена, невыразимо страдая физически и нравственно,—ему хорошо, онъ почти счастливъ.

Простившись съ Ольгой, Листовъ уходилъ въ свою комнату и часто не ложился спать, а до самаго разсвѣта сидѣлъ у окна и думалъ. Смотрѣлъ, какъ розовѣли при восходѣ солнца стволы сосенъ, слушалъ, какъ ворковала гдѣ-то далеко горлинка, и ему не хотѣлось двигаться съ мѣста.

Юлія Ѳедоровна часто говорила съ улыбкой Ольгѣ:

„Мнѣ вотъ двигаться тяжело, а такъ я совсѣмъ чувствую себя лучше, могу даже подъ-рядъ съѣсть три яйца. Вотъ только горло болитъ, это отъ того, что послѣ захода солнца было отворено окно“.

Самъ Листовъ желтѣлъ и сталъ молчаливѣе.

Однажды на дачу заѣхалъ навѣстить больную членъ суда Вяземцевъ. Оказалось, что Юлія Ѳедоровна спитъ, а Ольга ушла съ дѣтьми въ лѣсъ. Онъ прошелъ въ комнату Листова и засталъ его плачущимъ. Листовъ даже не замѣтилъ, что вошелъ посторонній человѣкъ, и, уткнувшись мокрымъ лицомъ въ горячую подушку, продолжалъ судорожно вздрагивать.

Digitized by Google

Вяземцевъ сѣлъ возлѣ него на кровать и спросилъ:

— Что съ вами, голубчикъ?

Листовъ поднялся и испуганно поглядѣлъ на товарища.

— Что съ вами, мой дорогой? — повторилъ тотъ.

— Да и самъ... самъ не знаю. Зашалили должно быть нервы, — отвѣтилъ онъ, вытираясь платкомъ, потомъ высморкался, сѣлъ на постели и потупился.

Вяземцевъ сдѣлалъ грустную физіономію, погладилъ его по рукѣ и цѣлыхъ полчаса разсказывалъ о случаяхъ полнаго выздоровленія чахоточныхъ и отъ словъ человѣка, который совсѣмъ не понималъ его настроенія, на душѣ было еще мучительнѣе. Когда членъ суда ушелъ, Листову стало страшно, точно онъ собрался въ далекую дорогу и скоро предстояло проститься навсегда съ женой и дѣтьми.

Только возлѣ Ольги сразу дѣлалось спокойно и мысли шли правильно.

Пятнадцатаго іюня послѣ жаркаго дня къ вечеру поднялся вѣтеръ. Облака клочьями бѣжали по небу, свѣтлѣли возлѣ неполной луны, темнѣли и опять прятались за верхушками сосенъ. Тѣни рябили по землѣ, какъ волны, оставляя то синеватыя, то фіолетовыя пятна и деревья шумѣли, какъ море.

Листовъ и Ольга сидѣли въ гамакѣ, утомленные духотой и хлопотами возлѣ Юліи Ѳедоровны, которой въ этотъ день было особенно худо. Ольга молчала, а Листовъ говорилъ:

— Самое вкусное въ разговорахъ съ тобой: — возможность говорить правду о чемъ угодно. Съ другими женщинами этого положительно нельзя. Кстати о жен-

Digitized by Google

щинахъ. Сегодня ночью я долго о нихъ думалъ и даже вывелъ извѣстный законъ, а именно, что полное обладаніе любимой женщиной оплачивается во всѣхъ случаяхъ чрезвычайно дорого, умопомрачительно дорого. Никакой писатель или пѣвецъ никогда не мечталъ и не можетъ мечтать о такихъ гонорарахъ. Ты думаешь, я такъ себѣ болтаю зря,—нѣтъ. Слушай, а потомъ критикуй. Вотъ три случая: первый, когда любимая женщина жена. Тогда мужчина за обладаніе ею часто платитъ всѣмъ своимъ здоровьемъ, всѣмъ своимъ денежнымъ содержаніемъ, служебной карьерой и будущимъ своихъ дѣтей,—такъ бываетъ. Гонораръ не маленькій!... Но въ этомъ случаѣ, какъ во всякомъ правилѣ, бываетъ исключеніе.—Люди, профессію которыхъ составляетъ искусство, иногда, но не всегда, не приносятъ въ жертву только этого искусства.

Второй случай, когда любимая женщина,—дѣвушка или чужая жена, тогда плата за нее возвышается еще прибавленіемъ ко всему перечисленному собственной совѣсти. Тоже хорошій гонораръ. Правда?

Разсмотримъ и третій случай, когда любимая женщина—падшая или содержанка. Тогда платой бываетъ еще полученіе извѣстной болѣзни, имѣя которую порядочный человѣкъ уже никогда себѣ не позволитъ жениться. Ну, и очень часто эти женщины берутъ все самолюбіе мужчины и даже его жизнь. Такъ вѣдь?

— Можетъ быть это и такъ,—произнесла Ольга, но женщина, разъ она любитъ, то она готова заплатить за эту любовь всегда и *всѣмъ* тѣмъ, что ты перечислилъ въ каждомъ изъ трехъ случаевъ, до жизни включительно.

Digitized by Google

— Согласенъ съ этимъ и я. Значитъ такъ или иначе, — любовь самое дорогое и для мужчины и для женщины.

— Да,—почти однѣми губами отвѣтила Ольга.

VI.

Когда было около двухъ часовъ ночи Юлія Ѳедоровна закашлялась и нѣсколько секундъ искала возлѣ себя стаканъ съ холоднымъ чаемъ, потомъ зацѣпила его локтемъ и опрокинула. Стаканъ упалъ и зазвенѣлъ по полу.

Передохнувъ немного, больная встала съ постели и, опустивъ свои худыя, какъ кости, ноги въ войлочныя туфли, хотѣла дойти до стоявшаго на подоконникѣ графина съ водой, но послѣ трехъ шаговъ у нея закружилась голова, и она сѣла на холодный полъ, поддерживая себя кулакомъ правой руки, а потомъ упала и вытянулась во всю длину изможденнаго тѣла. Зеленый лучъ луны, точно шнурокъ, тянулся сквозь щель ставни и скользилъ по бѣлой кофточкѣ Юліи Ѳедоровны.

Въ комнатѣ былъ тяжелый воздухъ. Пронзительно, не умолкая ни на одну секунду, пищалъ комаръ.

— Во-ло-я...—попробовала больная окликнуть спавшаго въ сосѣдней комнатѣ сына.

— Во-ло-и-чка...

Собравшись съ силами, она доползла наконецъ до окна, а потомъ отворила ставню. Зеленоватый лучъ расплылся по полу въ широкую ленту.

Digitized by Google

Въ окно былъ виденъ покачивавшійся между соснами гамакъ и въ немъ двѣ бѣлыя фигуры.

...„Если бы теперь воздуху, думала Юлія Ѳедоровна, если бы я могла отворить и раму!.. Вдохнула бы и сейчасъ бы стало легче. Они тамъ вдвоемъ, а я никогда, никогда ничего подобнаго не буду переживать. Нужно окликнуть ихъ“. Она оперлась тѣломъ о подоконникъ и изо всей силы дернула задвижку, но та не подалась.

Больная заплакала и, медленно опустившись на колѣни, снова свалилась на бокъ, и щека ея прикоснулась къ полу.

— Господи, пошли смерть, только смерть,—можетъ быть, я не вѣрю въ Тебя такъ, какъ нужно, но послушай меня, исполни послѣднюю мою просьбу, пошли смерть,—молилась мысленно Юлія Ѳедоровна.

Зазвенѣло въ ушахъ и комната вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ медленно поплыла вокругъ. Трудно было понять, какой это темный предметъ лежитъ возлѣ самаго лица, и нѣтъ силъ сообразить, почему во рту стало вдругъ тепло и солоно, а въ ногахъ и рукахъ сладко...

— Послушай, кажется Юлія въ окно стучитъ,—сказала упавшимъ голосомъ Ольга Листову и соскочила съ гамака.

— Нѣтъ, это тебѣ такъ показалось. Этого быть не можетъ. Она спитъ.

— Смотри: окно стало темнымъ, значитъ, ставня отворена.

Ужасъ сдавилъ голову Листову и ему стало трудно дышать.

Черезъ секунду оба они были въ комнатѣ. Юлія Ѳедоровна не двигалась.

Digitized by Google

— Зажги спичку,—хрипло сказала Ольга, и этотъ голосъ Листовъ потомъ помнилъ всю жизнь.

Руки у него тряслись и онъ долго не могъ найти коробочку со спичками.

Наконецъ свѣча, медленно разгораясь, освѣтила комнату, и лунный свѣтъ на полу пропалъ.

Въ двухъ шагахъ отъ окна лежала съ полураскрытымъ ртомъ и мутными глазами Юлія Ѳедоровна.

Возлѣ лица чернѣла лужа крови; красноватая густая жидкость дотекла до валявшагося, недалеко отъ покойной, одѣяла и расползлась въ двѣ стороны.

— Ну, за докторомъ скорѣе, можетъ быть, это еще обморокъ отъ потери крови, — повелительнымъ шепотомъ произнесла Ольга.

Разсудокъ подсказывалъ, что никакого доктора не нужно, но не было силъ вѣрить, что все уже кончилось такъ неожиданно и такъ просто.

„Теперь главное не растеряться и не разбудить дѣтей“, думала она и повторила:

— Иди же!

Листовъ побѣжалъ. Чтобы выиграть время, онъ пошелъ не по улицѣ, а черезъ лѣсъ, напрямикъ. Онъ не слышалъ шума деревьевъ и не видѣлъ нырявшаго впереди бѣлымъ пятномъ Руслана.

Докторъ жилъ возлѣ станціи. Листовъ задыхался, спотыкаясь о корни, и немного овладѣлъ собою, когда показались зеленые огоньки стрѣлокъ. Онъ помнилъ, что когда надавилъ кнопку звонка, то гдѣ-то недалеко военный оркестръ грянулъ „Торреадора“ и особенно отчетливо были слышны удары палокъ маленькаго бара-

Digitized by Google

бана. Докторъ еще не спалъ и, торопливо надѣвъ пальто, сейчасъ же пошелъ.

— Мы сидѣли... мы сидѣли...—началъ ему разсказывать на ходу Листовъ, и ничего не могъ разсказать.

Дошли быстро. Ольга встрѣтила ихъ въ дверяхъ. Она уже уложила трупъ на постель и молча отодвинулась, чтобы дать пройти.

Докторъ взялъ руку покойницы и, продержавъ ее съ минуту, бережно положилъ обратно. Затѣмъ разстегнулъ кофточку и приложилъ ухо къ теплому еще тѣлу... Поднявъ голову, онъ подошелъ къ невытертой лужѣ крови, поглядѣлъ на нее и сдѣлавъ, виноватое лицо, сказалъ:

— Я уже ничѣмъ не могу помочь...

Листовъ тихо плакалъ, облокотившись о комодъ обѣими руками.

Докторъ взялъ его за талію, какъ ребенка, и вывелъ на балконъ. Вслѣдъ за ними вышла и Ольга.

— Я знаю, что утѣшать въ такихъ случаяхъ безполезно,—говорилъ докторъ.—Но конецъ былъ неизбѣженъ. Теперь нужно думать о томъ, что она уже не страдаетъ и не будетъ страдать. Отъ кашля вѣроятно лопнулъ какой-нибудь сосудъ. Если бы этого не случилось сегодня, то случилось бы черезъ нѣсколько дней, и никто въ этомъ не виноватъ.

— А мнѣ кажется, что я виноватъ!—глухо произнесъ Листовъ.

— Нѣтъ. Я слѣдилъ за теченіемъ болѣзни полтора мѣсяца. Вы образованный человѣкъ и не можете не понимать, что если свѣча догорѣла,—она должна потухнуть...

Digitized by Google

И Ольга и Листовъ въ эту ночь не спали, но не разговаривали. Не говорили они между собой и на слѣдующій день.

Ольга старалась утѣшить дѣтей, но послѣ своихъ же толковыхъ и звучавшихъ какъ будто спокойно фразъ не выдерживала и начинала плакать вмѣстѣ съ Володей и Таней.

Нѣсколько разъ приходила старуха хозяйка. Она же и обмывала тѣло, и когда вышла изъ комнаты за водой, то по дорогѣ спросила Листова, останется ли онъ на дачѣ?

— Деньги заплачу всѣ,—отвѣтилъ онъ и отвернулся.

Цѣлыя сутки въ бѣленькомъ домикѣ была суета, слышались голоса чужихъ людей, пѣніе и пахло ладономъ.

Хоронили Юлію Ѳедоровну рано утромъ. Гробъ несли на сельское кладбище крестьяне, съ перевязанными платками руками.

Процессія медленно двигалась по лѣсной просѣкѣ.

... Свя-тый без—смерт-ны-ы-ый

заливался въ хорѣ теноръ, и мягко прикрыли его густые басы:

по-ми-луй... на-а-а-ас...

И пѣніе привлекло, мало-по-малу, цѣлую толпу дачниковъ.

Ольга уѣхала черезъ недѣлю послѣ похоронъ, когда Листовъ снова переселился въ городъ.

— Не сердись, голубчикъ,—говорила она, стоя на площадкѣ вагона,—не подумай, что изъ эгоизма бросаю тебя одного въ такіе тяжелые дни. Теперь тебѣ безъ меня будетъ легче. Не съ кѣмъ будетъ говорить о ней и мучить себя. Гувернантка, которую рекомендовалъ

Digitized by Google

Вяземцевъ, отличная женщина и дѣти скоро привяжутся къ ней такъ же, какъ и ко мнѣ.

Когда ударилъ второй звонокъ Листовъ сказалъ:

— Знаешь, вотъ этотъ... докторъ сдѣлалъ сравненіе: — „если свѣча догорѣла, такъ должна потухнуть". А мнѣ кажется, что дунулъ на свѣчу я..

— Нѣтъ, нѣтъ, и не мучь себя. Тебѣ такъ кажется, потому что ты хорошій человѣкъ и совѣсть у тебя болѣзненно чутка. Придутъ въ порядокъ нервы—не будетъ казаться. Работай больше, о дѣтяхъ думай. Мнѣ пиши порѣже....

Ударилъ третій звонокъ.

Листовъ все же писалъ Ольгѣ почти черезъ день, хотя она отвѣчала рѣдко и коротко. Только въ концѣ сентября Ольга написала ему длинное письмо и заканчивалось оно такъ: „можетъ быть, этимъ поступкомъ я противорѣчу самой себѣ, но отказать Зарудному еще разъ не хватило силъ. Такой онъ здоровый душою, такой честный и нетронутый городскою грязью, человѣкъ. Вдвоемъ съ нимъ можно сдѣлать людямъ много добра"..

Digitized by Google

БѢДНЯКИ.

I.

Засѣданіе по дѣлу о растратѣ и подлогахъ въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго кредита затянулось на нѣсколько дней, и присяжный повѣренный Бережновъ, защищавшій одного изъ подсудимыхъ, привыкъ ходить въ судъ, какъ на службу. Физически онъ не утомлялся, но нервы за это время разстроились сильно. Особенно раздражалъ Бережнова его кліентъ Ивановъ, глупый и больной человѣкъ, который, перегнувшись черезъ барьеръ, отдѣлявшій подсудимыхъ, все время шепталъ свои оправданія въ томъ, въ чемъ его не обвиняли, и этотъ шепотъ мучилъ, какъ нарывъ въ ухѣ.

Резолюцію суда прочли на пятыя сутки въ девять часовъ вечера. Иванова приговорили къ отрѣшенію отъ должности. Онъ ожидалъ бо́льшаго наказанія и не огорчился, но все-таки просилъ написать ему кассаціонную жалобу и снова все тѣмъ же шепотомъ сталъ доказывать свою невиновность въ томъ, за что его не судили.

Digitized by Google

Проговоривъ съ нимъ цѣлый часъ на парадной лѣстницѣ суда, Бережновъ обѣщалъ написать жалобу и, надѣвъ пальто, почти выбѣжалъ на улицу. Свернувъ направо, онъ пошелъ по доскамъ возлѣ забора, окружавшаго усадьбу городского головы. Въ большомъ домѣ было темно, должно быть всѣ куда-то уѣхали, а изъ сада тянуло сыростью и недавно зацвѣтшимъ жасминомъ. Свѣтлая ночь легла надъ крышами губернскаго города. Ѣзда пріутихла.

Неполная еще луна одинаково нѣжно ласкала своимъ зеленоватымъ свѣтомъ головы и спины Бережнова и шедшаго по другой улицѣ Иванова, и другихъ подсудимыхъ, которыхъ конвойные, съ блестѣвшими шашками, вели на край города въ тюремный замокъ.

Домой, въ свою холостую квартиру, Бережнову идти не хотѣлось.

„Въ комнатѣ навѣрное душно, думалъ онъ, новыхъ книгъ въ библіотекѣ я давно не мѣнялъ, значитъ читать нечего, а спать еще рано, да и не мѣшало бы поѣсть“.

Ужинать онъ рѣшилъ въ городскомъ собраніи и, чтобы подольше подышать чистымъ воздухомъ, пошелъ медленнѣе и окольной пустынной улицей.

Кліентъ и его шепоть все еще не выходили изъ головы, но раздраженіе, выроставшее противъ него съ каждымъ днемъ, теперь улеглось. Уже казалось, что сердиться на Иванова за то, что онъ глупъ и надоѣдливъ, такъ же несправедливо, какъ и на бѣдняка калѣку за то, что онъ голоденъ, грязенъ и проситъ милостыню. И казалось еще Бережнову, что большинство жителей города, которыхъ онъ зналъ, въ сущно-

Digitized by Google

сти такіе же бѣдняки, потому что каждый изъ нихъ, живя, вѣчно проситъ о чемъ-то другихъ людей, а самъ не даетъ никому и ничего, не двигая впередъ ни мысли, ни искусства, подчиняясь только инстинктамъ самоохраненія и самовоспроизведенія. И самъ онъ, окончивъ только пять лѣтъ назадъ университетъ, уже тяготится своими обязанностями и до сихъ поръ не знаетъ своего настоящаго мѣста въ обществѣ.

У подъѣзда городского собранія, къ которому подошелъ Бережновъ, стояло нѣсколько экипажей съ дремлющими на козлахъ кучерами, а за освѣщенной стеклянной дверью слышна была военная музыка. Въ тотъ вечеръ тамъ ставили любительскій спектакль съ благотворительной цѣлью, послѣ котораго должны были начаться танцы.

Въ просторныхъ сѣняхъ собранія Бережнова обдало теплomъ, запахомъ буфета и духовъ. Онъ оправилъ передъ зеркаломъ фракъ, пригладилъ волосы и съ удовольствіемъ узналъ отъ швейцара, что спектакль уже окончился. Смотрѣть даже пустую пьеску въ исполненіи любителей для него всегда было такъ же непріятно, какъ и слушать въ судѣ рѣчь необразованнаго и изолгавшагося ходатая по дѣламъ. Въ залѣ только что окончили танцовать pas d' Espagne и готовились къ кадрили. Армейскій офицеръ въ аксельбантахъ, съ букетикомъ цвѣтовъ на груди и съ вѣеромъ въ рукахъ, подходилъ къ каждой сидѣвшей парѣ и, щелкнувъ шпорами и улыбаясь, что-то объяснялъ. Бережновъ надѣлъ пенснэ, прищурился и, поминутно боясь споткнуться, осторожно прошелъ за стульями къ окнамъ. Здѣсь сидѣли и стояли пожилые мужчины, дамы и

Digitized by Google

дѣвицы, которымъ перешло за двадцать пять, давно потерявшія надежду танцовать, но все еще ѣздившія на вечера. Если къ которой нибудь изъ нихъ подходилъ молодой мужчина и, не приглашая танцовать, садился возлѣ, то барышня ни къ селу ни къ городу вдругъ произносила: „я ужасно люблю театръ и не пропускаю ни одного любительскаго спектакля“.

Бережнову хотѣлось смотрѣть на всѣхъ этихъ людей и въ то же время хотѣлось быть одному. Онъ сѣлъ въ самомъ концѣ зала и укрылся за спиной толстаго полковника, какъ за ширмой. Почти каждое лицо было Бережнову знакомо и, какъ это бываетъ въ провинціи, всѣ знали его.

Когда заиграла музыка, пары поднялись и задвигались такъ быстро, что трудно было наблюдать за отдѣльными людьми.

Не дождавшись конца кадрили, онъ ушелъ въ буфетъ и заказалъ подошедшему лакею отбивную котлетку. Справа отъ него помѣстилась цѣлая компанія. Ужинавшіе громко разговаривали и смѣялись. Центромъ сосѣдняго стола, повидимому, была сильно декольтированная, сидѣвшая спиной къ Бережнову, дама. Рядомъ съ нею наклонился надъ столомъ пожилой господинъ съ проборомъ посреди головы и съ утомленнымъ дѣловымъ выраженіемъ сѣрыхъ выцвѣтшихъ, какъ старыя обои, глазъ. Лѣвѣе дамы раскачивался изъ стороны въ сторону и чему-то смѣялся инженеръ путеецъ Червинскій. Его дочь, молоденькая, недавно вышедшая замужъ, но уже не жившая съ мужемъ и тоже сильно декольтированная, нехотя отвѣчала на вопросы присосѣдившагося чиновника канцеляріи губернатора.

Digitized by Google

II.

И Бережновъ сразу вспомнилъ тотъ городъ, въ которомъ десять лѣтъ назадъ еще учился въ гимназіи и длинную, обсаженную тополями улицу, спускавшуюся къ базару и двухъэтажный краснаго кирпича домъ, стоявшій на этой улицѣ. Въ верхней квартирѣ жилъ докторъ Новиковъ съ женой и дочерью Соней. Нижній этажъ занималъ самъ домовладѣлецъ, купецъ Припасовъ. Обѣ семьи по своему строю рѣзко различались.

Наверху вставали поздно и обѣдали въ шесть часовъ. Всѣ комнаты тамъ были устланы, какъ въ вагонѣ, мягкой клеенкой и потому казалось, что и безъ того молчаливая Соня и ея мать не ходятъ, а плавают по воздуху. Докторъ имѣлъ самую большую практику въ городѣ и, кромѣ какъ въ пріемные часы, никогда не бывалъ дома. Окна у Новиковыхъ отворялись даже зимой, и въ комнатахъ всегда было прохладно. Подруги къ Сонѣ ходили рѣдко и сама она, несмотря на полную свободу, которая ей давалась, нигдѣ не бывала.

Въ домѣ было много книгъ и журналовъ, но Соня ихъ не читала, а больше сидѣла за учебниками. Всегда немного вялая и блѣдная, съ темно-синими глазами и длинными рѣсницами, тринадцати лѣтъ физически она уже развилась въ женщину. Отецъ и мать никогда не знали, что дѣлается у нея на душѣ.

Въ нижнемъ этажѣ вставали въ шесть часовъ утра. Цѣлый день тамъ раздавались громкіе голоса и слышался топотъ дѣтей, которыхъ было семь. Въ празд-

Digitized by Google

ники вставали еще раньше и непремѣнно пекли пирогъ: запахъ луку и тушеной капусты слышался даже на парадной лѣстницѣ. Форточекъ никогда не отворяли и зимой въ квартирѣ было такъ же душно, какъ и лѣтомъ. Практика давала доктору Новикову не больше семи тысячъ въ годъ; а годовой оборотъ Припасова превышалъ сто тысячъ, но, побывавъ въ обѣихъ квартирахъ, каждый бы сказалъ, что докторъ вѣроятно богаче чѣмъ домовладѣлецъ. Общаго въ этихъ двухъ семьяхъ было только то, что и тамъ и тамъ родители никогда не интересовались тѣмъ, о чемъ думаютъ и чего хотятъ ихъ дѣти. Со старшимъ сыномъ Припасова, Сережей, Бережновъ учился съ перваго класса гимназіи и они нѣсколько лѣтъ подъ рядъ просидѣли на одной партѣ. Вмѣстѣ остались на второй годъ въ четвертомъ классѣ и затѣмъ перешли въ пятый.

Кромѣ дѣда, отставного полковника, доживавшаго свой вѣкъ на хуторѣ въ другой губерніи, у Бережнова родныхъ не было, и во все пребываніе въ гимназіи онъ жилъ или, какъ говорили въ городѣ, „стоялъ“ на квартирѣ у учителя чистописанія Смирновскаго. Помѣщался онъ въ отдѣльной комнатѣ, одиноко и самостоятельно, какъ студентъ, и единственнымъ близкимъ для него существомъ былъ Сережа Припасовъ.

Встрѣчаясь утромъ, они сейчасъ же дѣлились впечатлѣніями минувшаго вечера, если не проводили его вмѣстѣ. Товарищи подсмѣивались надъ этой дружбой и называли ихъ мужемъ и женой. Подвижной, предпріимчивый, рѣшавшій все съ одного слова и окончательно, Припасовъ въ трудные моменты совѣтовался съ Бережновымъ и давалъ иногда ему прочитывать

Digitized by Google

свои дневники. До пятаго класса въ тетрадкахъ Сережи то записывались впечатлѣнія послѣ прочитанныхъ книгъ, то сыпались ругательства на нелюбимыхъ учителей, то выражалось глубокое горе о томъ, что ни отецъ, ни мать не умѣютъ и не желаютъ его понять. Когда Припасовъ перешелъ въ шестой классъ, ему было восемнадцать лѣтъ. Дневники стали осмысленнѣе. Появились разсужденія на религіозныя темы. Видно было, что его мучаетъ вопросъ о возможности существованія послѣ смерти души каждаго человѣка, какъ отдѣльнаго индивидуума. Часто выражалась радость о томъ, что его сочиненіе оказалось однимъ изъ лучшихъ въ классѣ. Потомъ пошли отрывки о чувствахъ къ какой-то Машѣ, временно жившей у нихъ въ семьѣ въ качествѣ домашней швеи. Онъ описывалъ эту дѣвушку, какъ необычайно чистое существо, и бранилъ себя за испорченность, выражавшуюся въ томъ, что, взявъ Машу только за руку, уже чувствовалъ усиленное сердцебіеніе, задыхался и долженъ былъ дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы удержать себя отъ желанія ее обнять.

Въ одинъ изъ дней въ дневникѣ вмѣсто обычныхъ замѣтокъ въ тетрадкѣ была написана длиннѣйшая импровизированная, горячая молитва къ Богу, въ которой Сергѣй просилъ Его милосердія за совершенный страшный грѣхъ. Грѣхъ заключался въ томъ, что Припасовъ ночью пробрался въ спальную къ Машѣ и, ставъ возлѣ кровати на колѣни, цѣловалъ ея шею и грудь, а потомъ вдругъ упалъ въ обморокъ. Увидѣвъ Сергѣя на другой день, Маша, вмѣсто того, чтобы, какъ онъ ожидалъ, сгорѣть со стыда—только расхохо-

Digitized by Google

талась и назвала его „кисляемъ". На этомъ окончился весь романъ, и дневникъ надолго оборвался.

Въ филипповъ постъ Сережа, къ удивленію родныхъ и Бережнова, началъ говѣть и до самыхъ рождественскихъ праздниковъ ничего не ѣлъ, кромѣ овощей и хлѣба. Онъ сильно похудѣлъ, сталъ разсѣянъ и получилъ въ четверти нѣсколько двоекъ, а по словесности тройку, чѣмъ нисколько не огорчился.

Послѣ романа съ Машей Бережновъ полюбилъ Сережу Припасова еще сильнѣе, смотрѣлъ на него, какъ на святого, и въ великій постъ даже стѣснялся на большой перемѣнѣ ѣсть въ его присутствіи колбасу.

Подъ новый годъ жена доктора Новикова, въ первый разъ за все время, пока они жили въ домѣ Припасова, рѣшила устроить для Сони елку и танцовальный вечеръ, на который пригласили нѣсколько гимназистокъ, а въ числѣ кавалеровъ попали Сергѣй и Бережновъ. Дичившійся вначалѣ Сережа подъ конецъ необыкновенно разошелся, выпилъ за ужиномъ нѣсколько рюмокъ вина, раскраснѣлся, безъ умолку говорилъ и даже танцовалъ съ Соней мазурку. Бережновъ не узнавалъ его и ему стало какъ будто страшно, когда Сережа подошелъ къ нему и сказалъ:

— Что ты, братъ разсѣлся такой копной, иди-ка лучше танцовать, вѣдь и жизнь, и молодость, за всю вѣчность, даются только разъ.

Сидя въ углу, Бережновъ смотрѣлъ, какъ Сережа и Соня шли въ первой парѣ и думалъ, что онъ еще никогда не видалъ двухъ такихъ красивыхъ лицъ, и ему было непонятно, какъ юноша, недавно простаивавшій цѣлыя ночи на колѣняхъ, могъ такъ веселиться.

Digitized by Google

Соня томно и ласково улыбалась своему кавалеру, а умные глаза Сережи блестѣли отъ счастья.

Дневники Припасова возобновились, и имя Сони повторялось на каждой страницѣ по нѣскольку разъ.

Десятаго февраля у Новиковыхъ праздновался день рожденія Сони, ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, и снова былъ танцовальный вечеръ, на который пригласили Припасова и Бережнова. Сережа опять танцовалъ съ Соней, но не одну мазурку, а всѣ танцы. На другое утро они встрѣтились, и Сережа проводилъ Соню до гимназіи, а потомъ они стали такъ ходить каждый день.

Бережновъ долго ждалъ, пока Сережа заговоритъ съ нимъ о своихъ новыхъ переживаніяхъ, но тотъ, противъ обыкновенія, молчалъ и даже пересталъ носить съ собой въ гимназію дневникъ, а дома запиралъ тетрадку подъ замокъ.

Незамѣтно прошло время до масляной. На первой недѣлѣ поста гимназисты и гимназистки говѣли. Припасовъ, какъ всегда, постился и не ѣлъ рыбы, но въ церкви какъ будто скучалъ и по его задумчивому лицу Бережновъ видѣлъ, что онъ далекъ отъ молитвы. Уже роздали отмѣтки за третью четверь и стали поговаривать объ экзаменахъ. На вербной недѣлѣ сильно потеплѣло, и многіе изъ учениковъ ходили уже безъ пальто. По улицамъ текли ручьи грязной воды и особенно рѣзко гремѣли извозчичьи дрожки. Въ квартирѣ Новиковыхъ всѣ окна стояли настежъ и оттуда слышался частый крикъ Сонинаго любимца попугая.

Бережнова давила неоткровенность Сережи и ему часто хотѣлось на урокѣ или на перемѣнѣ спросить

Digitized by Google

объ его отношеніяхъ и разговорахъ съ Соней, но какой-то инстинктъ подсказывалъ, что объ этомъ спрашивать не нужно, и что, несмотря на кажущуюся холодность, Сережа его еще больше любитъ и уважаетъ за эту деликатность.

Первый день Пасхи Бережновъ, какъ и нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, провелъ у Припасовыхъ. Когда онъ вошелъ, вся семья, кромѣ Сережи, сидѣла за столомъ. Нужно было обойти вокругъ и похристосоваться съ каждымъ. Отъ старика Припасова пахло англійской горькой, отъ его жены — французской горчицей, которой она намазывала каждый кусокъ ветчины. Отъ дѣтей не пахло ничѣмъ, но у каждаго изъ нихъ были такія сальныя губы, что Бережновъ до самыхъ дверей Сережиной комнаты вытирался носовымъ платкомъ.

Сергѣй лежалъ на своей кровати, блѣдный и невыспавшійся въ разстегнутомъ мундирѣ. Они похристосовались.

— Нездоровъ?— спросилъ Бережновъ и сѣлъ возлѣ него на краюшекъ постели.

— Нѣтъ ничего. Такъ, усталъ...

— А я совсѣмъ не былъ у заутрени, кажется въ первый разъ въ жизни.

Сережа ничего не отвѣтилъ и молчалъ. Слышно было, какъ въ столовой стучали ножами, а на улицѣ гремѣли экипажи, развозившіе визитеровъ.

— Да, усталъ,—неожиданно и съ разстановками заговорилъ Сергѣй,—но усталъ не физически, хотя со вчерашняго вечера еще не раздѣвался и не ложился спать. И усталость эта сладкая, сладкая. Каждый свой нервикъ чувствуешь, слышишь, какъ кровь пульси-

Digitized by Google

руетъ на вискахъ. Необыкновенная, полная чудесъ была эта ночь... Я къ заутрени пошелъ въ соборъ. Забрался на хоры, сталъ возлѣ придѣла и молился и все объ одномъ... Понимаешь, вотъ уже три недѣли, какъ мнѣ кажется, что Соня меня любитъ. А сегодня я просилъ Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ узнать это навѣрное... Можетъ быть грѣшно такъ молиться, впрочемъ, не думаю... Да, ушелъ я еще до конца обѣдни, только что евангеліе прочли. На душѣ у меня угаръ какой-то. Дошелъ домой, только хотѣлъ вынуть ключъ изъ кармана отъ парадныхъ дверей, какъ слышу изъ окна второго этажа голосъ Сони:

— Это вы?

— Я,—отвѣчаю.

— Изъ церкви?

— Да.

— А я еще не ложилась спать, смотрю, какъ начинается разсвѣтъ, ужасно красиво. Облака еще не разошлись, а уже видно, гдѣ лягутъ лучи, точно розовыя костяжки огромнаго вѣера, а вамъ не видно?

— Нѣтъ.

Она засмѣялась, а потомъ снова говоритъ:

— Кто выше, тому всегда видно, а кто не хочетъ подняться наверхъ, тотъ никогда ничего не увидитъ.

У меня отъ этой фразы даже въ ушахъ зазвенѣло.

— Я также хочу все видѣть,—говорю.

— Ну такъ идите на верхъ.

И снова засмѣялась, а смѣется она очень рѣдко. Дверь ихъ балкона выходитъ прямо на парадную лѣстницу, я однимъ духомъ до второй площадки добѣжалъ. Встрѣтились мы у самой двери.

Digitized by Google

-- Христосъ воскресе!

— Воистину воскресъ.

Я набрался храбрости и потянулся для поцѣлуя. Встрѣтились наши губы да минуты три и не отрывались, чувствую ея горячія ручки на своей шеѣ... Сердце тукаетъ ужасъ какъ, а у меня или у нея или у насъ обоихъ вмѣстѣ,—нельзя разобрать. Очнулись мы и вышли на балконъ.

— Теперь все видѣлъ и все понялъ? — спрашиваетъ она.

— Все, моя любимая, все, моя жизнь!..

Больше, кажется, ничего не говорили. Прохладно стало передъ разсвѣтомъ, и на желѣзныхъ перилахъ балкона роса выступила, а намъ не холодно. Бѣлыя трубы на противоположномъ домѣ стали розовыми. Воробьи живкаютъ. Вотъ-вотъ солнце встанетъ. Удивительное это было утро и умирать буду, не забуду его.

У Припасова глаза вдругъ стали влажными, и онъ отвернулся къ стѣнкѣ, а потомъ сказалъ другимъ, немного хриплымъ голосомъ:

— Слушай, Бережновъ, я вѣдь только разсказалъ все это тебѣ одному... Но если ты когда-нибудь вздумаешь надъ этимъ посмѣяться, то я тебя въ ту же минуту убью чѣмъ попало.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? ты же меня знаешь,— протянулъ Бережновъ.

— Ну, вотъ и все. Хотя мнѣ восемнадцать лѣтъ, а Соня или будетъ рано или поздно моей женой, или я жить не буду... А теперь давай говорить о чемъ нибудь другомъ.

Но о другомъ не говорилось, и Бережновъ скоро

Digitized by Google

ушелъ. Медленно ступая по тротуару, онъ раздумывалъ о только что слышанномъ, и ему стало грустно. Казалось, что Сережа для него теперь не то умеръ, не то сталъ какимъ-то другимъ человѣкомъ, вродѣ Тургеневскаго Инсарова.

— Это у него пройдетъ, это у него пройдетъ,—мысленно утѣшалъ онъ себя.

III.

Иногда Бережновъ встрѣчалъ Соню и Припасова вмѣстѣ и шелъ съ ними гулять. Соня стала его интересовать гораздо больше... Во время этихъ прогулокъ онъ невольно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ словомъ, за выраженіемъ лица и думалъ: „интересно, какъ блестѣли твои глаза и какъ ты дышала, когда призналась въ первый разъ Сергѣю, что любишь его“.

Верхняя чуть приподнятая губка Сони и очерченныя правильнымъ полукругомъ почти сросшіеся брови дѣлали ее похожей на дѣвушку восточнаго происхожденія, чего на самомъ дѣлѣ не было. Когда она улыбалась, ея лобъ чуть морщился, и все личико принимало удивленное выраженіе.

Большіе темные волосы не укладывались въ прическу, и она заплетала ихъ въ одну тяжелую косу. Если Припасовъ предлагалъ идти далеко гулять, Соня сейчасъ же соглашалась; если онъ хвалилъ лошадь или человѣка, то хвалила ихъ и Соня и наоборотъ.

Бережнову всегда казалось, что у нея нѣтъ характера. Онъ очень удивился, услыхавъ однажды, какъ

Digitized by Google

Соня спокойно и настойчиво доказывала матери, что родители, не будучи друзьями своихъ дѣтей, не вправѣ требовать отъ нихъ полной откровенности.

Экзамены въ этомъ году начались почти сейчасъ же послѣ Пасхи. И Сережа Припасовъ, и Соня, несмотря на полное бездѣлье, почему-то ихъ выдержали и перешли въ седьмой классъ, а Бережновъ получилъ вторую награду. Настроеніе у всѣхъ троихъ было необыкновенно радостное. На каникулы Бережновъ уѣхалъ гостить къ дѣду, а Припасовъ остался въ городѣ, но почти каждый день ѣздилъ на дачу, гдѣ жила Соня съ матерью. Самъ докторъ былъ цѣлое лѣто въ командировкѣ за границей.

За три мѣсяца Сережа написалъ Бережнову только два письма, оба восторженныя, съ извиненіями за долгое молчаніе, съ длинными описаніями природы и съ отрывистыми, раздѣленными многоточіями фразами о своемъ счастьи съ Соней.

Иногда Бережновъ желалъ мысленно нарисовать себѣ картины этого счастья и не умѣлъ. То ему казалось, что оно состоитъ единственно въ поцѣлуяхъ, то въ безконечныхъ самыхъ искренныхъ разговорахъ или во взаимномъ желаніи сдѣлать другъ для друга самое трудное и серьезное дѣло. Припасова онъ еще могъ вообразить экзальтированнымъ, говорящимъ безъ умолку и жестикулирующимъ, какимъ иногда видалъ его, но чѣмъ онъ могъ отличаться, когда былъ съ Соней, одинъ на одинъ,—для Бережнова было мало понятно.

Соню же въ роли возлюбленной онъ почти совсѣмъ не могъ себѣ представить.

Digitized by Google

„Вѣроятно красивая, блѣдная, молчаливая, отвѣчающая односложными фразами: да, нѣтъ... Спроситъ ее Сережка сегодня о какой-нибудь прочитанной книгѣ, „нравится вамъ?“—отвѣтитъ: нравится, а спроситъ о той же книгѣ завтра, „не нравится вамъ?“—отвѣчаетъ: „не нравится“. Не разберешь, что у нея на душѣ, должно быть ничего нѣтъ.

Бывало еще зимой, сидитъ въ лунную ночь у окна, смотритъ своими синими глазами въ одну точку, напѣваетъ что-то, а потомъ встанетъ и скажетъ: вотъ если бы завтра въ циркъ пойти, говорятъ тамъ есть замѣчательно дрессированный пѣтухъ.

Мнѣ бы съ ней скучно было. Вѣроятно съ Сережкой она не такая“.

И Бережнову было понятно только, что у Сергѣя завелся свой новый особый міръ и что товарищи и всѣ остальные люди для него теперь не существуютъ.

Осенью, когда начались уроки, всѣ снова съѣхались въ городъ. Бережновъ едва узналъ Припасова, такъ онъ похудѣлъ, загорѣлъ, возмужалъ и обросъ бородкой. Перемѣнилась и Соня; она какъ будто еще похорошѣла, уголки ея рта обозначились рѣзче, а выраженіе глазъ стало серьевнѣе, точно ее преслѣдовала какая-то неотступная мысль.

Однажды Бережновъ и Припасовъ вмѣстѣ провожали Соню въ гимназію. Бережновъ всю дорогу молчалъ и лицо у него было грустное. Когда Соня попрощалась, и они повернули обратно, Припасовъ сказалъ:

— Я знаю, — тебѣ Соня непонятна. Мнѣ кажется... впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь, что ты ее нахо-

Digitized by Google

дишь... ну, какъ бы это выразиться... ну, для гимназистки, хотя бы и послѣдняго класса, недостаточно развитой и недостаточно нравственной, а между тѣмъ это не такъ. Она — существо, готовое всю себя отдать не ради личнаго наслажденія, а лишь для счастья того, кого она любитъ. Понимаешь?.. Ну, если бы для моего удовольствія потребовалось переписать въ день сорокъ листовъ бумаги, она бы переписывала и находила бы въ этой работѣ наслажденіе. И привязалась она ко мнѣ такъ сильно потому, что считаетъ меня несчастливымъ, живущимъ въ семьѣ, гдѣ я чужой и одинокій.

Бережновъ ничего не отвѣтилъ и подумалъ:

„Не нравственна она и не безнравственна, а просто въ ней проснулась женщина. Не она увлеклась, а увлекся Сережка и видитъ въ ней не то, что есть на самомъ дѣлѣ. Рано или поздно это увлеченіе начнетъ проходить и тогда на душѣ у него останется пустота, которой онъ не заполнитъ ни молитвами, ни водкою“.

Припасовъ и Бережновъ по прежнему сидѣли на одной партѣ, но ихъ уже не называли мужемъ и женой.

Въ классѣ успѣли пронюхать о романѣ Припасова, и какой-то анонимный пріятель вырѣзалъ на его партѣ славянскими буквами цѣлую молитву, которая читается во время вѣнчанія; на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ текстѣ стояло „имя рекъ“ были имена Сергѣй и Софія.

Припасовъ молча соскоблилъ буквы перочиннымъ ножикомъ и обозвалъ писавшаго идіотикомъ.

Какъ и въ прошломъ году, Бережновъ деликатничалъ и не спрашивалъ Сергѣя о его личной жизни; онъ только съ ужасомъ замѣчалъ, что Припасовъ окон-

Digitized by Google

чательно пересталъ учиться. Старыя знанія языковъ и математики, которыми онъ держался въ прошломъ году, всѣ ушли, а новыхъ не было.

Когда роздали первую четверть, у Припасова оказалось только двѣ тройки—по закону Божіему и по словесности, всѣ остальныя отмѣтки были неудовлетворительныя.

Въ концѣ ноября, вечеромъ, Припасовъ пришелъ совершенно неожиданно къ Бережнову и, не снимая фуражки и пальто, сѣлъ на стулъ.

— Что же ты не раздѣваешься?—спросилъ Бережновъ.

— Да, такъ, лѣнь. Не хочется. Я на минутку. Зашелъ посмотрѣть, какъ ты живешь, давно не былъ.

— Живу какъ и жилъ, читаю, зубрю, ѣмъ, сплю...

— И тебя это удовлетворяетъ?

— Удовлетворяетъ, не удовлетворяетъ, а какъ же иначе будешь жить,—отвѣтилъ онъ, зажигая лампу и гремя стекломъ.

Когда въ комнатѣ стало совсѣмъ свѣтло, его поразило блѣдное совсѣмъ больное, лицо Сергѣя. Бережновъ помолчалъ, поправилъ фитиль на лампѣ и сказалъ:

— Ты меня извини, Сережа, но я тебя послѣднее время совсѣмъ не понимаю. Ты вотъ любишь и любимъ, значитъ счастливъ, а между тѣмъ на физіономіи у тебя такъ сказать одна грусть. Мнѣ жалко тебя, а чѣмъ я могу тебѣ помочь—не знаю.

— Мнѣ помочь трудно,—отозвался Припасовъ. — Я люблю и любимъ—это вѣрно, и счастье есть... только какое-то странное, можетъ быть отъ того, что очень ужъ его много перепало на мою долю... Соня меня тре-

Digitized by Google

вожитъ, очень ужъ необыкновенная она стала. На дняхъ я былъ тамъ. Мамаша и родитель отсутствовали. Кажется рай съ неба къ намъ въ гостиную спустился, да не надолго. Отъ любви перешли къ простымъ разговорамъ. Я спросилъ, послѣ котораго урока она завтра выйдетъ изъ гимназіи. Она не разслышала, я повторилъ. Снова какъ будто не разслышала, потомъ черезъ минуту отвѣтила: „послѣ четвертаго“ и еще два раза повторила: „послѣ четвертаго, послѣ четвертаго, четвертаго...го...го“... И засмѣялась, и смѣхъ этотъ сейчасъ же перешелъ въ плачъ да въ такой страшный, безнадежный.

Я бросился ее успокаивать — не помогаетъ, вижу совсѣмъ близка къ обмороку, пришлось ее немного разстегнуть, водой взбрызнуть. Да. Мало-по-малу очнулась. Я сталъ добиваться, о чемъ она плакала. Говоритъ: „ни о чемъ,—сама не знаю“. По голосу слышно, что говоритъ искренно, хотя я этому не совсѣмъ повѣрилъ. Отъ одной мысли, что у нея могутъ быть отъ меня тайны, мнѣ стало жутко, ужасно жутко. Вѣдь въ прошломъ году все было такъ же, а слезъ этихъ не бывало. Что-нибудь да есть.

И не въ этомъ только мое горе. Понимаешь ли, я самъ себя презирать сталъ, а мнѣ кажется,—не можетъ быть большей муки для человѣка, какъ не уважать самого себя. Звѣря во мнѣ сидитъ много, и звѣрь этотъ боретъ человѣка. Разстегивая ей кофточку, я невольно, а можетъ быть и вольно, дотронулся до ея прекраснаго тѣла. И, несмотря на то, что она билась въ рыданіяхъ, все-таки получилось сильное чувственное наслажденіе. Вѣдь это же возмутительно!... Когда-то я былъ увѣренъ, что это меня смущаетъ дьяволъ, хо-

Digitized by Google

тѣлъ себя заморить постомъ и безсонными ночами, не помогало и это. Сны стали сниться такіе, что и товарищу разсказать, — языкъ не повернется.

Теперь, конечно, въ дьявола я не вѣрю и знаю, что въ мои годы это въ достаточной мѣрѣ естественно, но отъ этого не легче.

Вся моя душа волнуется и не можетъ понять, зачѣмъ такое чистое, такое въ сущности прекрасное чувство, какъ любовь, такъ неразрывно связано съ чисто физіологическимъ отправленіемъ. Не хочу я этому вѣрить, не могу, не желаю, не желаю,—понимаешь...

И тѣмъ не менѣе это вѣрно. Что же послѣ этого я? Животное, чей-то рабъ, котораго господинъ можетъ заставить сдѣлать какую угодно мерзость, бѣднякъ, да бѣднякъ такой же, какъ и послѣдній воришка; онъ, можетъ быть, и знаетъ, что воровать не хорошо, а при случаѣ уворуетъ...

Испугавшись своего порыва, Припасовъ вдругъ замолчалъ, потомъ сказалъ другимъ, тихимъ голосомъ:

— Дай, братъ, папиросочку.

Бережновъ подалъ ему папиросу и, подойдя, услыхалъ шедшій отъ Сергѣя легкій запахъ спирта.

— Ты кажется водку пилъ?—не смѣло спросилъ онъ.

— Да, такъ, малость потянулъ изъ бутылки передъ ужиномъ. Это ничего, пустяки! Алкоголика изъ меня не выйдетъ, не бойся. Захотѣлъ выпилъ, не захотѣлъ— не выпилъ, а тамъ... захотѣлъ не захотѣлъ, рано или поздно подчинишься не извѣстно кому и не извѣстно почему...

— Мнѣ кажется, что ты обо всемъ этомъ сталъ такъ усиленно думать потому, что совсѣмъ пересталъ рабо-

Digitized by Google

тать. Ты бы каждый день рѣшалъ десятка два задачъ, вотъ бы тебѣ и легче было.

— Пробовалъ. Не могу. Все изъ рукъ валится...

— Но вѣдь тебя исключатъ изъ гимназіи.

— Это я знаю, да я и самъ собираюсь уходить, надоѣла мнѣ эта канитель до смерти.

— Куда же ты уйдешь?

— Да хоть бы въ кавалерійское училище, благо шесть классовъ окончены.

— Н-ну...

— Что ну... Развѣ тамъ люди хуже насъ съ тобой?

— А Соня?

— Что Соня?

— Какъ же ты съ ней разстанешься?

Припасовъ ничего не отвѣтилъ, только засопѣлъ носомъ и покраснѣлъ.

— Можетъ быть и чувство твое къ ней уже ушло?

— Прости, братъ, но это не твоего ума дѣло,— сказалъ Сергѣй и вздохнулъ такъ, что огонь на лампѣ дрогнулъ.

— Ты, видишь ли, ангелъ, а не человѣкъ, а я совсѣмъ противуположное. Поэтому ты меня не поймешь и говорить объ этомъ я не люблю, но разъ ты задѣлъ за эту больную струну, она уже не можетъ не звучать. Дѣло въ томъ, что чувство не ушло, а разгорѣлось такъ, что можетъ и меня и ее сжечь. Да...

Конечно, уѣзжать тяжко, но это нужно, иначе въ одинъ прекрасный день улетитъ и послѣдняя порядочность... Не знаю я, ничего не знаю...

Бережновъ почти не слушалъ его, глядя на блѣдное лицо и блестѣвшіе глаза Сергѣя, думалъ:

Digitized by Google

„Что-то съ нимъ происходитъ скверное, дѣйствительно мало понятное. Постоянно употребляетъ загадочныя сравненія, заикается, останавливается на полусловѣ, волнуется".

И ему казалось, что онъ уже никогда не увидитъ прежняго веселаго Припасова, не услышитъ отъ него простыхъ разговоровъ о книгахъ, объ учителяхъ и о прогулкахъ за городъ, до которыхъ тотъ былъ такой охотникъ.

Бережновъ всталъ со стула, заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и сказалъ:

— Какъ ты однако за одинъ годъ измѣнился.

— Это вѣрно, — задумчиво отвѣтилъ Сергѣй. — Но, знаешь, наливающаяся пшеница, которую вдругъ побьетъ градомъ, за нѣсколько минутъ такъ измѣняетъ свой видъ, что ее и не узнаешь, а потомъ сколько ни свѣти на нее солнце,– изъ тѣхъ же зеренъ новые стебли не вырастутъ.

— Сравненіе не совсѣмъ удачное.

— Можетъ быть, можетъ быть. Однако кто его знаетъ что страшнѣе, градъ ли для пшеницы или страсть для человѣка... но одно ясно, что и то, и другое—сила стихійная, и намъ съ нею можно драться сколько угодно, только безрезультатно, — все равно погибнемъ и скушаетъ насъ эта самая матушка природа, а подъ какимъ соусомъ — это все равно.

Послѣ ухода Сергѣя Бережновъ съ полчаса ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и думалъ, потомъ взялъ Горація и латинскій словарь и сѣлъ выбирать слова къ переводу, который былъ заданъ на завтра.

Digitized by Google

IV.

За всю зиму Припасовъ больше ни разу не заговорилъ о своихъ отношеніяхъ съ Соней. Все шло своимъ чередомъ. Каждый день ходили въ гимназію. На праздникахъ нѣсколько разъ танцовали у Новиковыхъ, на масляной катались на саняхъ и ѣли блины, а на слѣдующей недѣлѣ говѣли и ходили въ церковь. Съ вечерни Припасовъ и Соня часто возвращались подъ руку, и надъ этимъ никто не смѣялся. Также никто изъ товарищей не удивился, когда весной, передъ Пасхой, стало извѣстно, что Сережа Припасовъ не допущенъ до экзаменовъ.

Узнавъ объ этомъ, старикъ Припасовъ, казалось, не взволновался, но послѣ обѣда не легъ спать, какъ обыкновенно, а когда развернулъ газету и сталъ надѣвать пенснэ, руки его задрожали, и оно упало на полъ.

Низенькій, сѣденькій, въ длинномъ коричневомъ пиджакѣ, съ толстой золотой цѣпочкой на черномъ бархатномъ жилетѣ, онъ какъ будто сталъ еще ниже, когда вошелъ въ комнату Сергѣя.

Тотъ по обыкновенію лежалъ на постели, но при входѣ отца приподнялся и сѣлъ.

— Хотѣлъ кое о чемъ съ тобою поговорить,—началъ старикъ.—По настоящему лишнее это, ну, да сынъ же ты мнѣ, не могу я... Да. Я тебѣ ничего не запрещалъ и ничего не приказывалъ, полагалъ, что ты самъ свою дорогу видишь и по ней идешь. Такъ оно и было, а вотъ за послѣдніе полтора года ты свернулъ куда-то въ сторону. Посуди самъ, что мнѣ было дѣлать. Если бы

Digitized by Google

я вздумалъ тебя, девятнадцатилѣтняго человѣка, запереть на ключъ, вѣдь ты бы въ окно ушелъ. Бить тебя въ такомъ возрастѣ тоже не приходится...

Старикъ замолчалъ, постучалъ массивнымъ перстнемъ о спинку стула и облокотился на нее обѣими руками. Слышно было его тяжелое, хрипящее дыханіе. Немного погодя, онъ спросилъ:

— Что теперь думаешь дѣлать? Вѣдь въ гимназіи оставаться трудно и стыдно, года большіе, да и учителей озлилъ,—все равно выгонятъ, только время потеряешь.

Лицо и шея Сергѣя вдругъ покраснѣли.

— Не сердитесь, папаша, оправдываться я конечно не могу ничѣмъ. Тяжко мнѣ очень.

— Почему жъ тебѣ тяжко?

Сергѣй ничего не отвѣтилъ, покраснѣлъ еще сильнѣе, и изъ глазъ его выкатились двѣ крупныя слезы.

— Не зн... не знаю я, папаша. Уѣхать бы мнѣ. Позвольте мнѣ поступить въ кавалерійское училище, я его въ два года окончу.

— Это значитъ въ офицеры. А я полагалъ, изъ тебя ученый будетъ или писатель,—хорошо вѣдь когда-то по сочиненію шелъ. Эхъ, Сережа, Сережа...

Слезы сына, котораго онъ никогда не видалъ плачущимъ взволновали, и растрогали его.

Подходя къ комнатѣ Сергѣя, онъ собирался говорить обо всемъ томъ, что обдумалъ въ кабинетѣ, о пагубности любви въ молодые годы, о развращенности Сони (такою она ему представлялась) и о томъ, будто Новиковы нарочно его заманивали, зная о ихъ большомъ состояніи. Теперь же старикъ Припасовъ вдругъ

Digitized by Google

почувствовалъ, что не только ничего этого не скажетъ, но вообще не въ силахъ продолжать разговоръ съ сыномъ, потому, что не умѣетъ и никогда не умѣлъ говорить съ дѣтьми. Онъ постучалъ еще разъ перстнемъ о спинку стула, вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты, шаркая ногами.

Это лѣто Бережновъ провелъ на урокѣ въ уѣздномъ городѣ, гдѣ занимался съ тремя неспособными и избалованными учениками. Случалось сильно утомляться, но за то іюнь и іюль пробѣжали очень быстро.

Въ двадцатыхъ числахъ августа онъ снова сидѣлъ въ восьмомъ классѣ. Здѣсь отсутствіе Припасова его сильно поразило. Первое время даже не вѣрилось, что Сергѣй уже никогда не придетъ и не сядетъ съ нимъ рядомъ.

„Такъ, ни за что, ни про что, способный человѣкъ никогда не попадетъ въ университетъ. Хоть бы выгнали, а то самъ взялъ и ушелъ. Разлѣнился, распустился и все изъ-за пустой сантиментальной дѣвченки“, часто думалъ онъ.

Встрѣчая Соню, Бережновъ глядѣлъ на ея хорошенькое личико и, вмѣсто удовольствія, въ немъ подымалось то самое тяжелое чувство, которое онъ испытывалъ при видѣ публичной женщины.

Окончивъ седьмой классъ, Соня вышла изъ гимназіи совсѣмъ. Одѣвалась она изящно, обыкновенно въ матеріи темныхъ цвѣтовъ, и всегда особенно щикарно несла юбку. Незнакомые люди часто принимали ее за даму. Завидѣвъ Бережнова, она еще издали ласково

Digitized by Google

ему улыбалась, а здороваясь крѣпко жала руку и глядѣла прямо въ глаза.

Бережновъ шелъ съ нею рядомъ, слушалъ, какъ шуршитъ ея нижняя шелковая юбка, и думалъ:

„Вотъ съѣла человѣка, какъ кошка мышь, а смотритъ, точно святая.—И тогда ему хотѣлось сказать Сонѣ что нибудь до слезъ обидное.

При имени Сергѣя она краснѣла, но черезъ минуту лицо ея снова становилось блѣднымъ и спокойнымъ, какъ поверхность пруда въ раннее утро.

Однажды, получивъ отъ Сергѣя письмо, въ которомъ онъ жаловался на тяжесть военной дисциплины и нравственное одиночество, Бережновъ сказалъ Сонѣ:

— Пропалъ Сережка. Съ его характеромъ служить въ военной службѣ все равно, что, не умѣя плавать, затѣять переплыть широкую рѣку. Отвѣтитъ кому нибудь дерзостью и готово,—подъ судъ, а другимъ и горя мало будетъ.

Соня испуганно посмотрѣла и опустила голову.

— Простите за нескромный вопросъ,— продолжалъ Бережновъ,—вѣдь вы такъ умѣли вліять на Сергѣя, отчего вы не уговорили его остаться въ гимназіи?

Глаза Сони какъ будто потускнѣли.

— Вы ошибаетесь, вы ошибаетесь,—произнесла она, —я не имѣла на него ровно никакого вліянія, да мы съ нимъ никогда и не говорили объ этомъ. Но вы увидите,—онъ не пропадетъ нигдѣ, я знаю...

Нѣсколько кварталовъ прошли совсѣмъ молча.

Соня еще ниже опустила голову. Она вспоминала прошлое лѣто и горячіе поцѣлуи Сергѣя. Особенно ясно представилось ей послѣднее свиданье, ранней весной,

Digitized by Google

въ рощѣ, возлѣ кадетскаго корпуса. Тогда она ушла изъ дому, совсѣмъ вечеромъ, не спросясь, и, если бы ей сказали, что по возвращеніи мать ее убьетъ, она все равно пошла бы. Въ рощѣ было темно, пахло сырой древесной корой и лѣсными цвѣтами. Безконечно трещали кузнечики.

Сергѣй молчалъ и гладилъ ея руку своей шероховатой ладонью. Потомъ слышно было, какъ въ огромномъ зданіи корпуса пробилъ барабанъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ, мужской, должно быть, очень большой хоръ запѣлъ:

„Богородице, дѣ-во ра-ду-у-у-йся"...

Когда голоса смолкли, снова трещали кузнечики, но какъ будто тише. Вернулись домой только около двѣнадцати часовъ ночи. И тогда казалось страннымъ и не нужнымъ говорить о томъ, будетъ ли она его также любить, если онъ станетъ юнкеромъ или, окончивъ гимназію, пойдетъ въ университетъ, точно такъ же, какъ и о томъ, сколько времени она могла бы ждать, пока имъ можно будетъ жениться. О другомъ тогда не думалось.

Соня мысленно представила себѣ Сережу, улыбнулась и, поднявъ голову, сказала Бережнову:

— Знаете, онъ прислалъ мнѣ свою фотографію. Какъ къ нему идетъ кавалерійская форма.

Эта фраза разозлила Бережнова, ему захотѣлось плюнуть и отвѣтить:

— А какъ къ нему будетъ идти арестантскій халатъ, когда за какую нибудь выходку его осудятъ въ каторгу!—Но онъ сдержался и не сказалъ ничего, а, пройдя еще нѣсколько шаговъ, снялъ фуражку и попрощался.

Digitized by Google

Съ этихъ поръ онъ сталъ избѣгать встрѣчаться съ Соней.

Грустныхъ и длинныхъ писемъ отъ Припасова больше не получалось. Приходили только иногда хорошенькія открытки съ не совсѣмъ приличными картинками. На послѣдней изъ нихъ было написано: „выѣду въ началѣ двадцатыхъ чиселъ, скоро увидимся.“

Бережновъ ждалъ Сергѣя въ сочельникъ, потомъ на первый день праздника и на новый годъ, но его не было.

Больше всего о Сергѣѣ можно было узнать отъ Сони, и Бережновъ каждый день собирался пойти къ ней, но, представивъ себѣ мысленно спокойное, почти холодное выраженіе ея личика, и тонъ, которымъ она будетъ говорить о Сергѣѣ, сейчасъ же откладывалъ свое намѣренье.

V.

Третьяго января день выдался теплый и солнечный... Сильно таяло, но на главной улицѣ было много катающихся. Часто слышалось щелканье подковъ засѣкавшагося отъ быстраго бѣга рысака и непріятный звукъ полозьевъ о камни мостовой.

Бережновъ шелъ въ библіотеку перемѣнить книгу и думалъ о томъ, успѣетъ ли онъ до Пасхи повторить весь гимназическій курсъ по математикѣ. Когда онъ переходилъ черезъ улицу, въ нѣсколькихъ шагахъ пролетѣлъ щегольской козырекъ съ прижавшимися другъ къ другу домой и военнымъ. Ни лицъ, ни костюмовъ Бережновъ, по близорукости, не разсмотрѣлъ,

Digitized by Google

но почему-то, не сомнѣвался, что это были Соня и Сережа Припасовъ. Онъ еще разъ посмотрѣлъ въ ту сторону. Видна была только голубая сѣтка, прикрывавшая рысака, и отчетливо слышался звукъ ударявшихся о передокъ комьевъ мокраго снѣга: ща, ща, ща...

Бережновъ пошелъ своей дорогой. Вечеромъ, когда онъ лежалъ у себя на диванчикѣ и читалъ, въ слѣдующей комнатѣ послышался звонъ шпоръ, а затѣмъ вошелъ улыбающійся и раскраснѣвшійся отъ мороза Сергѣй.

Бережновъ прищурился, вскочилъ съ дивана и засопѣлъ отъ волненія. Они поцѣловались. Отъ Припасова пахло немного виномъ, холодомъ и любимыми Сониными духами.

Первыя минуты разговоръ не клеился.

Бережновъ разсматривалъ пріятеля и нашелъ, что онъ растолстѣлъ и похорошѣлъ. Малиновый верхъ кивера шелъ къ его смуглому цвѣту лица и чернымъ усамъ. Припасовъ почувствовалъ этотъ взглядъ, снялъ киверъ и, встряхнувъ его, сказалъ:

— А на дворѣ опять снѣгъ! — Потомъ, не снимая шинели и чуть прихрамывая и звеня шпорами, заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Этотъ здоровый, коротко остриженный юнкеръ былъ мало похожъ на прежняго блѣднаго, всегда носившаго длинные волосы Сережу. Прежнимъ остались только каріе, добрые, немного безпокойные глаза.

— Когда же ты пріѣхалъ?—спросилъ Бережновъ.

— Пріѣхалъ? Да пріѣхалъ довольно давно, а что не заходилъ, такъ ты, братъ, уже прости по велицѣй твоей милости. Все старая вѣдь исторія.

Digitized by Google

Припасовъ остановился, заложилъ руки назадъ и, облокотившись о теплую печку, потупился.

Чтобы оправдаться окончательно, онъ добавилъ:

— Теперь настали другія времена. Войди въ мое положеніе только, что пріѣхалъ, а послѣ завтра уже и назадъ. Вы тутъ Крещенскій вечеръ будете проводить, а я трястись въ вагонѣ... Я думалъ тебя встрѣтить у Новиковыхъ на новый годъ, а ты и носа не показалъ туда. Почему ты, въ самомъ дѣлѣ, у нихъ не бываешь?

— Я нигдѣ не бываю. Аттестатъ зрѣлости виситъ надъ головою, если добрался до восьмого класса, такъ нужно кончить,—наши вѣдь съ тобой товарищи давно студенты,—отвѣтилъ Бережновъ.

— Ну отъ того, что ты сдѣлаешь визитъ на новый годъ, науки твои не пострадаютъ Интересно, что тебѣ дастъ твой аттестатъ? Я конечно юнкеръ et pas plus, какъ выражаются мой эскадронный командиръ, но зато я хлебнулъ хоть немного счастья, а ты, мнѣ кажется, такъ весь свой вѣкъ будешь что-то зубрить и неизвѣстно зачѣмъ.

— И ты вѣришь въ то, что это счастье никогда отъ тебя не уйдетъ; вспомни, что ты о немъ говорилъ шесть мѣсяцевъ назадъ.

— Мало ли что говорится, такое настроеніе тогда было, расклеились нервишки, вотъ и все. Если Соня будетъ моей женой—счастья не можетъ не быть. Ты вѣдь ее совсѣмъ, совсѣмъ не знаешь! Это необыкновенная дѣвушка, нѣтъ ничего такого на свѣтѣ, чего бы она не сдѣлала, только для того, чтобы доставить мнѣ хоть минуту радости. Удивляетъ меня иногда какъ

Digitized by Google

она могла привязаться къ такому безшабашному и въ сущности весьма прозаическому господину, какъ я... Знаешь, третьяго для кончилось ровно два года съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней познакомились не шапочно, а кажется будто вся моя жизнь прошла возлѣ нея и зависитъ только отъ нея.

„Ослѣпъ Сережка, снова, ослѣпъ...“ думалъ Бережновъ и спросилъ:

— Ну, а настоящей своей жизнью ты доволенъ?

— Какъ тебѣ сказать... разно бываетъ. Конечно, послѣ полной свободы сначала круто показалось, ну, а теперь обтерся. Все отъ настроенія. Не нужно только глубоко забирать мозгами, и тогда чувствуешь себя отлично. Къ сожалѣнію, я не могу еще отучиться отъ этой дурной привычки и иногда впадаю въ мерихлюндію. Хотя, когда болитъ отъ ѣзды спина и ноютъ ноги, тогда больше хочется спать, чѣмъ думать. Какъ видишь, все имѣетъ свою хорошую сторону. Спасаютъ и Сонины письма. Да, необыкновенная эта дѣвушка! Если бы ты зналъ, какая это поэтическая натура, за что только она меня любитъ въ то время, когда кругомъ масса такихъ хорошихъ, уравновѣшенныхъ, трудолюбивыхъ людей.

— Опять за свое, — сказалъ Бережновъ и махнулъ рукой.—Мнѣ кажется, ничего особеннаго въ томъ, что она тебя любитъ, нѣтъ, и произвелъ ты на нее сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что никогда не былъ такимъ, какъ другіе. А молоденькихъ барышень ужасъ какъ интересуетъ все выдающееся. Ты же выдаешься, главнымъ образомъ, своей способностью быстро мѣняться. Сегодня ты монахъ, а завтра гусаръ. Если бы

Digitized by Google

твою жизнь изобразить графически, то получалась бы не волнистая линія, а ломаная съ очень острыми углами.

— Эту ломаную ты выдумалъ вѣроятно подъ вліяніемъ повторенія геометріи, — сказалъ Сергѣй и засмѣялся, а потомъ подошелъ къ столу и взялся за киверъ.

— Ты разсердился?—спросилъ Бережновъ.

— Ничуть. Вотъ хоть ты и говоришь, что я часто мѣняюсь, а на тебя я никогда разсердиться не сумѣлъ бы, потому что очень тебя люблю. А все-таки, — до свиданія.

— Куда же ты?

— Да все туда же.

— Эхъ ты!

— Эхъ я. Вотъ что: приходи ты послѣ завтра на вокзалъ къ почтовому поѣзду, а впрочемъ... Впрочемъ меня вѣроятно будетъ провожать Соня. Лучше мы съ тобою увидимся завтра, утромъ. Я зайду часовъ въ десять.

Сергѣй крѣпко пожалъ ему руку и, придерживая шашку, пошелъ къ двери. Бережновъ проводилъ его со свѣчею въ рукахъ, вернулся назадъ и, погасивъ свѣчку, снова легъ на диванъ. Читать онъ уже не могъ и долго думалъ о Припасовѣ.

„Странный человѣкъ, но не пошлый и не скучный. Или совсѣмъ молчитъ, или поступаетъ и говоритъ только искренно. Жаль, что онъ не будетъ въ университетѣ, хотя такіе люди и безъ университета иногда дѣлаются замѣчательными. Должно быть изъ Сергѣя тоже, въ концѣ концовъ, выйдетъ необыкновенный человѣкъ, если его не сгубитъ эта женитьба,

Digitized by Google

А женится онъ на Соничкѣ навѣрное, если даже и разлюбитъ".

На другой день Бережновъ всталъ раньше обыкновеннаго и долго ходилъ по комнатѣ въ ожиданіи Сергѣя, но тотъ не пришелъ и уѣхалъ не прощавшись.

Вспоминая Сергѣя, Бережновъ часто точно мысленно кого-то спрашивалъ:

„Неужели любовь къ женщинѣ — сила, которая можетъ заставить честнаго человѣка солгать другу, оставить образованіе, перемѣнить убѣжденія, забыть отца и семью и неужели это сила когда нибудь скрутитъ и меня".

— Возможно, что скрутитъ, — отвѣчалъ онъ самому себѣ, и ему становилось такъ же жутко, какъ иногда отъ сознанія неизбѣжности смерти.

Прошелъ незамѣтно еще годъ. Бережновъ сталъ студентомъ и жилъ въ столицѣ въ другомъ климатѣ, среди совсѣмъ новыхъ людей. Съ самаго августа онъ собирался побывать въ музеяхъ и на выставкахъ, но, кромѣ университета, былъ только два раза въ оперѣ, а большую часть дня проводилъ или на урокахъ, или у себя въ комнатѣ, и за все первое полугодіе не познакомился близко ни съ одной семьей.

Ему долго казалось, что здѣсь люди не живутъ какъ у нихъ въ городѣ, каждый по своему, а только подчиняются какому-то не преоборимому закону, въ силу котораго ходятъ на службу, читаютъ газеты, посѣщаютъ рестораны и выставки, точно отбываютъ повинность, а сами не радуются и не печалятся, и хвалятъ не то, что имъ нравится, а только то, что принято хвалить.

Digitized by Google

Если бы онъ здѣсь встрѣтилъ рыжаго лавочника, у котораго они съ Припасовымъ когда-то покупали на большой перемѣнѣ халву, то обрадовался бы ему гораздо больше, чѣмъ извѣстному профессору физики, если бы тотъ вздумалъ вдругъ зайти къ нему на квартиру.

И Бережнова часто начинало мучить острое чувство одиночества. Онъ написалъ Сергѣю два длинныхъ письма, въ которыхъ подробно описывалъ свое настроеніе, но ни на одно изъ нихъ не получилъ отвѣта. Въ началѣ марта Бережновъ возвращался изъ театра. Былъ сильный морозъ, отъ лошадиныхъ мордъ клубами подымался паръ, на улицахъ горѣли костры и колеса каретъ рѣзко скрипѣли по снѣгу.

Прибѣжавъ къ себѣ въ комнату, Бережновъ затоптался на мѣстѣ, быстро размоталъ и бросилъ на столъ заиндевѣвшій башлыкъ и сталъ разстегивать пальто.

Башлыкъ свѣсился однимъ концомъ со стола и медленно сползъ на полъ, потянувъ за собою какой-то толстый конвертъ, оказавшійся письмомъ отъ Сергѣя.

Бережновъ зналъ, что если Припасовъ пишетъ закрытое письмо, то оно будетъ похоже на цѣлый разсказъ, и, чтобы сдѣлать удовольствіе отъ чтенія письма еще большимъ, не сталъ разрывать конверта, пока не обогрѣлся и не подали самоваръ.

VI.

Сергѣй писалъ: „не сердись, мой дорогой, за безконечное молчаніе, во всякомъ случаѣ оно не значило, что я тебя забылъ. За послѣднюю недѣлю не было ни

Digitized by Google

одной ночи, чтобы я не думалъ о тебѣ и о твоей жизни. Сейчасъ я лежу въ госпиталѣ, гдѣ сплю большею частью днемъ, чтобы ни съ кѣмъ не разговаривать, а ночью лежу, открывъ глаза, курю папиросу за папиросой и мысленно пробѣгаю свое прошедшее. Будущее меня не интересуетъ, ибо жизнь въ сущности кончена, и во всякомъ случаѣ такою, какъ я себѣ ее рисовалъ, она уже быть не можетъ.

Не хотѣлось мнѣ, мой хорошій, даже и тебѣ писать обо всемъ, что случилось, но за эти дни душа такъ наболѣла, что нѣтъ силъ не подѣлиться хоть съ кѣмъ нибудь своимъ горемъ. Кромѣ тебя и тѣхъ, съ чьей точки зрѣнія это горе не представляется даже особой непріятностью, о немъ никто не знаетъ и не долженъ знать.

Видишь, я тяну фразу за фразой, чтобы не такъ скоро приступить къ изложенію самой сути. Тѣмъ не менѣе, суть вотъ въ чемъ: я заболѣлъ мерзкой болѣзнью и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Первымъ признакамъ болѣзни я долго не вѣрилъ и не лечился, а теперь уже не вѣрить нельзя. Если я еще не пустилъ себѣ пулю въ лобъ, то это не значитъ, что я ее еще не пущу...

Не успокаивай, не утѣшай, не уговаривай и не смѣйся, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей.

Объ этомъ потомъ...

Глупо все такъ случилось, что просто ужасъ. Въ этотъ день я получилъ отъ Сони письмо, показавшееся мнѣ холоднымъ и неискреннимъ, а въ такихъ случаяхъ я всегда злюсь, и мнѣ хочется, точно на зло ей, сдѣлать какую-нибудь гадость.

Digitized by Google

Съ утра у меня болѣла голова, я принялъ фенацетину—ничего не помогло. Потомъ, такъ какъ это было воскресенье,—пошелъ съ двумя товарищами пообѣдать въ ресторанъ,—есть тутъ такое заведеніе спеціально для юнкеровъ.

Чтобы освободиться отъ физической и нравственной боли, я выпилъ лишнее, а потомъ мы очутились въ такомъ омутѣ, гдѣ въ трезвомъ видѣ и дышать нельзя. Въ результатѣ теперь оба мои товарища пребываютъ въ добромъ здоровьи, а я провонялся весь госпиталемъ, и голова моя точно набита раскаленнымъ пескомъ. Все это случилось мѣсяца полтора назадъ. Самыми лучшими теперь кажутся тѣ часы, въ которые на меня нападаетъ полная апатія.

По ночамъ иногда хочется молиться, но нѣтъ силъ, уже не умѣю я... Что ужаснѣе, всего не вѣрю я, чтобы Богъ захотѣлъ меня спасти.

Сосѣди по койкѣ все время рѣжутся въ карты и къ болѣзни своей относятся шутливо, а меня, кажется, побаиваются.

Однажды я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ выразилъ предположеніе, что болѣзнь у меня бросилась на мозги, на что другой отвѣтилъ:—„нѣтъ, такъ скоро не можетъ, еще мѣсяцевъ черезъ пять“.

Тоже доктора нашлись!... Хотя можетъ быть они и правы. Теперь два часа ночи. Всѣ спятъ. Улеглись и картежники. Пахнетъ табакомъ и іодоформомъ. Въ коридорѣ храпитъ дежурный фельдшеръ и слышно, какъ пулькаетъ вода въ ванной.

Сейчасъ я бы ни за какія тысячи не пошелъ въ эту ванную; прошлой осенью тамъ застрѣлился одинъ

Digitized by Google

юнкеръ, котораго я не зналъ, и это обстоятельство никогда не приходило мнѣ въ голову и не тревожило. Теперь же мнѣ кажется, что, если я туда войду, то увижу его. И вчера, и позавчера, и сегодня я стараюсь угадать, о чемъ онъ думалъ прежде, чѣмъ спустить курокъ,—это до сладострастія интересно. Что онъ увидалъ послѣ этого момента? Не вѣрится, чтобы ничего.

Удивительнѣе всего, что я совсѣмъ не думаю о Сонѣ, какъ будто бы ее нѣтъ на свѣтѣ и никогда не бывало, а было только существо, отъ близости котораго у меня кружилась голова, а теперь голова кружится отъ уколовъ которые мнѣ дѣлаетъ докторъ. Послѣ этой операціи онъ всегда улыбается, а у меня голубѣетъ въ глазахъ и сами собою выступаютъ слезы.

Понимаешь,—прежняя жизнь, со всѣми ея надеждами, кончена... Допустимъ, что я даже вылечусь, но я увѣренъ,—такъ же какъ и въ томъ, что сейчасъ передо мною горитъ лампа,—что я вездѣ и всегда буду самому себѣ въ тягость. И если бы Соня стала моей женой, то вмѣстѣ съ этимъ стала бы и самой несчастной женщиной. Я заднимъ умомъ крѣпокъ. Да. Помнишь, ты говорилъ, что моя жизнь похожа на ломанную линію съ очень острыми углами, это вѣрно,—такъ было. А теперь мою жизнь можно изобразить въ видѣ ряда вертикальныхъ линій. Одна другой совсѣмъ не касается, такъ и дни моей жизни не имѣютъ зависимости одинъ отъ другого. Обиднѣе обиднаго, больнѣе больного сознавать, что я погибъ въ сущности отъ того, что физическое я побороло мое духовное я. Господи, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело временами.

Digitized by Google

Ну, да туда и дорога! Года черезъ два-три и ты съ этимъ согласишься и такъ скажетъ всякій, кто прочтетъ это письмо, только ты его порви. Въ случаѣ чего я своему родителю напишу другое, но ты, ради Бога, ничего ему не пиши, ты его не знаешь,—меня не спасешь, а его ударъ хватитъ. Впрочемъ, я вѣдь не собираюсь и не рѣшилъ окончательно умереть, я только сознаю, что это будетъ лучше. Въ моей груди какъ будто сидитъ еще кто-то, маленькій, теплый, горько плачетъ и все приговариваетъ: „нужно жить, нужно жить".

А тамъ, въ ванной пахнетъ отъ стѣнъ мокрой известью, пулькаетъ вода... Страшныя минуты переживалъ тамъ человѣкъ такой же какъ и я, а теперь онъ для всѣхъ точно и не существовалъ.

Вѣрю ли я въ загробную жизнь? Много я надъ этимъ думалъ и ничего не придумалъ. Вѣрю, что существованіе мое не уничтожится, но я не буду существовать самъ по себѣ, а буду составлять одно цѣлое со всѣми тѣми, кто умеръ раньше. Обидно это невыразимо. О, если бы знать, что каждый останется самимъ собою,— тогда бы смерть не была страшна совсѣмъ. Если бы я теперь могъ молиться, то молился бы только такъ: „Господи, сохрани послѣ физической смерти мою индивидуальность".

Ну, братъ, записался, — ужъ и бумаги не хватаетъ. Ты все-таки не волнуйся. Не могъ я написать ничего путнаго. Не бойся этого набора словъ, я ихъ пускалъ какъ сами вылетали. Все-таки напиши да побольше о себѣ, а не обо мнѣ. Удовлетворяетъ ли тебя университетъ? Что за люди студенты въ массѣ? Очень ли они

Digitized by Google

серьезны?.. А вотъ мнѣ сейчасъ легче стало, — знаю, что читать будешь и искренно посочувствуешь. Вотъ, братъ, тебѣ и необыкновенный человѣкъ, и геній, какъ ты меня когда-то называлъ. Ну, будь счастливъ. Сергѣй П"

Дочитавъ письмо до конца, Бережновъ поджалъ губы, опустилъ голову и чуть не заплакалъ. Первою его мыслью было ѣхать въ тотъ городъ, гдѣ лежитъ въ госпиталѣ Сергѣй.

Потомъ онъ вспомнилъ одного гимназиста, который заболѣлъ такъ же, какъ и Припасовъ, и пришелъ еще въ большее отчаяніе, но не покончилъ съ собою, а послѣ поѣздки на Кавказъ совсѣмъ пересталъ думать о своей болѣзни.

— Нужно написать Сережкѣ письмо, большое и убѣдительное; онъ страшно быстро мѣняется и нельзя ручаться, что завтра же отъ него не получится другое, въ шутливомъ и жизнерадостномъ тонѣ,—думалъ Бережновъ и сейчасъ же вынулъ изъ стола почтовую бумагу и конверты. Нѣсколько листовъ пришлось порвать: начало каждаго изъ нихъ выходило банально и сухо. Когда наконецъ содержаніе письма показалось ему достаточно теплымъ и убѣдительнымъ, онъ долго не могъ его запечатать и надписалъ на конвертѣ адресъ и отправилъ его заказнымъ только на другой день. Ночью Бережнову спалось плохо, а подъ утро приснился Сергѣй въ порванномъ бѣльѣ, въ халатѣ, желтый и худой. И нѣсколько дней было трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого сна.

Сначала думалось, что все обойдется благополучно, но подъ конецъ недѣли Бережновъ, былъ убѣжденъ что

Digitized by Google

Сергѣй уже не существуетъ и даже не удивился, когда почтальонъ принесъ его собственное письмо съ надписью, что оно возвращается за смертью адресата. И все-таки вѣрить не хотѣлось и вечеромъ и на другой день, казалось, что все это только продолженіе того тяжелаго сна. Но нераспечатанное письмо съ надписью лежало на столѣ.

Припасовъ точно уѣхалъ съ поѣздомъ, который будетъ летѣть безъ остановки цѣлую вѣчность и каждую секунду, будетъ все дальше и дальше отъ Сони, отъ отца и отъ него. А когда умрутъ онъ самъ и Соня, Сергѣй будетъ уже безконечно далеко и они его не догонятъ и никогда не увидятъ. Бережновъ ходилъ на лекціи, но не слыхалъ ничего изъ того, что читали профессора и безъ конца думалъ о смерти Сергѣя.

— Услышана ли его странная молитва: „Господи, сохрани послѣ физической смерти мою индивидуальность". Это и не молитва, а вопль души, которая оскорблена тѣмъ, что, просуществовавъ извѣстный промежутокъ времени, она должна обратиться въ ничто и слиться съ неодушевленными предметами. Хотѣлось написать и напечатать біографію Сергѣя, но сейчасъ же приходило въ голову, что нигдѣ такой біографіи печатать не станутъ и кому какое дѣло до смерти юнкера, если бы даже онъ былъ и геніаленъ, но не сумѣлъ показать этой геніальности людямъ... Иногда думалось, что Соня, узнавъ о смерти Сергѣя, сойдетъ съ ума или тоже покончитъ самоубійствомъ, и это казалось справедливымъ и нестрашнымъ...

Digitized by Google

VII.

Теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Сергѣя, было несомнѣнно, что здѣсь въ городскомъ собраніи, рядомъ съ инженеромъ Червинскимъ, котораго онъ хорошо зналъ—сидитъ живая Соня Новикова. Увидѣвъ ее, Бережновъ также растерялся и разволновался, какъ и въ тотъ вечеръ, когда вернулось его письмо къ Сергѣю. Уголовное дѣло, въ которомъ онъ сегодня защищалъ, свидѣтели, подсудимые и всѣ другіе люди, о которыхъ онъ думалъ въ этотъ вечеръ, для него уже не существовали.

— Такая же, только еще красивѣе стала,—думалъ онъ.—Какъ она сюда попала и за кѣмъ замужемъ? Нужно къ ней подойти. Подойду къ Червинскому и спрошу его, отъ чего онъ сегодня такъ веселъ, что ли, а потомъ поклонюсь ей. А вдругъ встрѣча со мной ее взволнуетъ?

— Ну что же, пускай волнуетъ,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ и, стараясь быть спокойнымъ, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣла съ компаніей Соня. Замѣтивъ Бережнова, Червинскій обрадовался, какъ радуются охмѣлѣвшіе люди всякому знакомому лицу. Онъ долго не выпускалъ его руки.

— А... нашъ знаменитый защитникъ, почему же вы, душечка, не въ судѣ?

— Да вотъ наконецъ кончили это дѣло совсѣмъ,— отвѣтилъ Бережновъ.

— И... и... вашего кліента, разумѣется, закатали по всѣмъ правиламъ юридической науки?

Digitized by Google

— Почему же разумѣется? Да, обвинили, но могли бы и оправдать.

— Однако же не оправдали и поэтому вы, душечка, находитесь въ грусти, понимаю. Ну а затѣмъ, выражаясь на вашемъ тарабарскомъ языкѣ, дабы безотлагательно пресѣчь вышеупомянутую грусть, предлагаю вамъ выпить за процвѣтаніе новой желѣзной дороги, которую собрался строить мой пріятель.

Бережнову былъ противенъ тонъ Червинскаго и то, что онъ называлъ его душечкой. Но нужно было побороть это отвращеніе, и онъ вмѣсто того чтобы уйти, какъ сдѣлалъ бы это въ другой разъ, отвѣтилъ:

— Выпить за хорошее дѣло не мѣшаетъ.

— Только не за уголовное. Ха, ха, ха... Господа, позвольте вамъ представить будущаго Миронова, а пока еще только провинціальнаго говоруна.—И онъ произнесъ фамилію такъ, что ничего нельзя было разобрать.

Бережновъ, здороваясь, обошелъ вокругъ стола, потомъ взялъ стулъ и умышленно сѣлъ между Червинскимъ и Соней.

То, что рядомъ съ нею очутился новый человѣкъ, повидимому не произвело на Соню никакого впечатлѣнія. Лицо ея оставалось такимъ же матовымъ и спокойнымъ, и въ синихъ ея глазахъ нельзя было прочесть, о чемъ она думаетъ... Бережнову хотѣлось только смотрѣть на нее, а не отвѣчать на пьяные вопросы инженера.

„Если я заговорю съ ней, то Червинскій сейчасъ же начнетъ перебивать. Лучше молчать“, подумалъ онъ, но не выдержалъ, повернулся къ Сонѣ и спросилъ:

— Простите, ваша дѣвичья фамилія была Новикова?

Digitized by Google

— Да,— спокойно отвѣтила она.—А вы это какимъ образомъ знаете? вѣдь мы здѣсь проѣздомъ.

— Я помню васъ еще въ К.

— А какъ ваша фамилія? Я не разслышала, когда васъ представляли.

— Бережновъ.

— Да, да, помню.

Она сжала губы, и лицо ея приняло равнодушное выраженіе, только обѣ полуобнаженныя груди стали подыматься и опускаться чаще.

— Эге-ге, да нашъ юристъ кажется не на шутку и съ мѣста уже увлекся своей сосѣдкой. Такъ-таки и не спускаетъ съ нея глазъ,—прохрипѣлъ Червинскій.—По этому случаю нужно выпить. Господа, я предлагаю выпить за здоровье прекрасныхъ дамъ.

— Николай Григорьевичъ, право надоѣло, — нараспѣвъ произнесла Соня и затѣмъ, обращаясь къ мужу,— пожилому господину съ проборомъ посреди головы,— сказала:

— Здѣсь жарко и пахнетъ кухней. Мнѣ хотѣлось бы въ залъ,—тамъ, кажется, уже не танцуютъ; проводи меня.

Она встала изъ-за стола, и подбирая одной рукой шлейфъ, вышла вмѣстѣ съ мужемъ.

„Это она отъ меня уходитъ, не хочетъ переживать прошлаго даже на словахъ, подумалъ Бережновъ. А можетъ быть ей хотѣлось бы поговорить со мной одинъ на одинъ, сейчасъ же пришло ему въ голову, и онъ тоже отодвинулъ свой стулъ и пошелъ въ залъ.

— Тра-та-та, тра-та-та,— запѣлъ имъ вслѣдъ Червинскій, забарабанилъ пальцами по столу и выпилъ цѣлый бокалъ шампанскаго.

Digitized by Google

Въ залѣ было такъ же душно, какъ и въ ресторанѣ. Музыка не играла. Нѣсколько паръ ходили взадъ и впередъ. Большинство сидѣло на стульяхъ, двумя длинными рядами, вдоль стѣнъ. Слышался говоръ и смѣхъ и пахло духами.

Увидѣвъ Соню съ мужемъ, сидѣвшихъ въ самомъ концѣ зала, на плюшевомъ диванчикѣ, Бережновъ подошелъ къ нимъ и тоже сѣлъ. Въ ближайшемъ огромномъ окнѣ была открыта форточка и изъ нея тянуло ночною свѣжестью.

— Принеси мнѣ пожалуйста мою накидку,—сказала Соня мужу,—я боюсь простудиться.—Онъ молча всталъ и пошелъ, видимо привыкнувъ исполнять безпрекословно всѣ ея желанія.

— Я ужасно, ужасно удивлена,—задумчиво проговорила Соня и внимательно еще разъ посмотрѣла на Бережнова, какъ будто хотѣла еще разъ убѣдиться, что это дѣйствительно онъ.—Какъ васъ измѣнила борода. Я уже видала васъ здѣсь. Вотъ странно,—вчера и сегодня утромъ я безъ всякаго повода думала о Сережѣ, бѣдный, бѣдный мальчикъ!.. Знаете, я тогда тоже чуть не умерла,—у меня было воспаленіе мозга. И въ самый разгаръ моей болѣзни старикъ Припасовъ потребовалъ, чтобы мы немедленно оставили квартиру. Папѣ пришлось пережить много непріятностей. Онъ тоже умеръ въ позапрошломъ году, а Припасовъ еще живъ. Говорятъ, онъ до сихъ поръ не можетъ слышать моего имени, хотя... чѣмъ же я виновата?..

— Какимъ образомъ вы очутились въ нашемъ городѣ?—спросилъ Бережновъ.

— Видите ли, мой мужъ помѣщикъ, и живемъ мы

Digitized by Google

всегда въ деревнѣ. Тамъ у него есть сахарный заводъ, къ которому онъ затѣялъ проводить подъѣздной путь. Червинскій составлялъ для этой дороги смѣту, онъ дальній родственникъ мужа, мы у него и остановились. Я хотѣла еще вчера уѣхать, да уговорили остаться, чтобы сегодня быть на этомъ благотворительномъ и, правду сказать, прескучномъ вечерѣ.

Слово „мужъ“ она произносила, точно названіе какой-то должности, и было слышно, что съ этимъ звукомъ у нея не соединяется представленіе о близкомъ человѣкѣ.

„Продалась“ мелькнуло въ головѣ у Бережнова и онъ спросилъ:

— Скажите,—вы скоро узнали о смерти Сережи?

— Скоро,—отвѣтила Соня, а потомъ добавила другимъ, холоднымъ тономъ:—не будемте объ этомъ больше говорить,—право, не время и не мѣсто.

Присутствіе Бережнова ей было непріятно. Хотѣлось молча встать и уйти и сдѣлать это не позволяло только приличіе. Теперь воспоминаніе о ранней молодости и обо всемъ томъ, что тогда переживалось, походило на смутное представленіе о какой-то длинной, темной улицѣ, гдѣ былъ только одинъ фонарь... его свѣтъ давно скрылся, а глаза успѣли привыкнуть къ абсолютной темнотѣ и при одной мысли объ этомъ свѣтѣ имъ ужѣ непріятно и больно.

— Ну, а лично вы счастливы?—несмѣло произнесъ Бережновъ.

— То-есть какъ? Конечно, счастлива. Прошлую зиму мы провели частью въ Парижѣ, частью въ Италіи возлѣ Генуи...

Digitized by Google

„Я ее о личномъ счастьи и спрашиваю, а она мнѣ отвѣчаетъ гдѣ была", подумалъ Бережновъ и снова спросилъ:

— Ну, а въ деревнѣ что вы дѣлаете?

— Тамъ у насъ тоже не скучно, часто бываютъ сосѣди помѣщики, пріѣзжаютъ изъ города офицеры, катаемся на тройкахъ, устраиваемъ пикники, а зимой въ худую погоду винтимъ. Не правда ли, какая это умная игра; я ужасно къ ней пристрастилась, съ удовольствіемъ могу сыграть пятнадцать роберовъ подъ рядъ.

Бережновъ молчалъ. Ему представился Сергѣй такимъ, какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ, и вспомнились его слова о Сонѣ: „Если бы ты зналъ, какая это поэтическая натура". При мысли о поэзіи ему вдругъ пришла въ голову книжка въ желтенькой обложкѣ съ біографіей малорусскаго поэта Шевченко, которую онъ случайно прочелъ вчера вечеромъ, и отрывокъ изъ письма Шевченко—солдата, къ одному изъ друзей, о комендантшѣ Усковой: „а моя нравственная, моя единственная, опора и та въ настоящее время пошатнулась и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной, —картежница и больше ничего"...

— Ну, гдѣ же это мужъ? Вѣроятно онъ не можетъ до сихъ поръ найти накидки,—нараспѣвъ произнесла Соня.—Пойдемте ужъ отсюда.

Она поднялась съ дивана и взяла Бережнова подъ руку.

Испытывая неловкость отъ близости ея обнаженнаго тѣла и чувствуя, что эта женщина совсѣмъ для него чужая, онъ довелъ ее до дверей зала, возлѣ которыхъ

Digitized by Google

встрѣтился мужъ. Соня неслышно сняла свою руку и на секунду остановилась. Брови ея поднялись и все лицо приняло злое выраженіе.

— Можно было бы вернуться и скорѣе,—сказала она мужу.

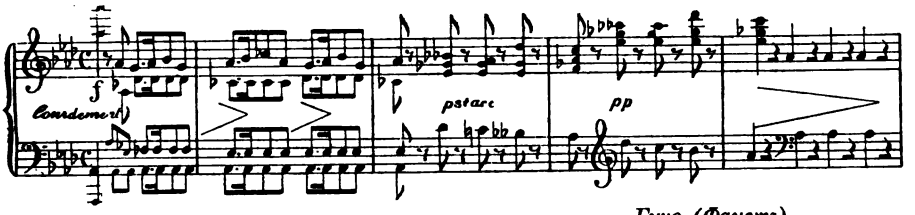
Бережновъ умышленно отсталъ отъ нихъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, спустился внизъ.

Пока швейцаръ, съ билетикомъ въ зубахъ, разыскивалъ его пальто, Бережновъ думалъ о Сонѣ: „купленная за большія деньги породистая собачка и больше ничего.“

Надѣвъ пальто, онъ вышелъ на улицу.

До разсвѣта было еще далеко. Луна уже зашла и дулъ холодный вѣтеръ. Монотонно гудѣли телеграфныя проволоки, словно нѣсколько далекихъ голосовъ, какъ жрецы въ „Аидѣ“, въ унисонъ тянули одну и туже ноту.

Digitized by Google



Гуно (Фаустъ).

ЭЛЕГІЯ.

(Изъ найденной тетради).

Я сижу у себя въ кабинетѣ и занимаюсь. Работа срочная и неинтересная, необходимо закончить годовой отчетъ того учрежденія, въ которомъ служу. Но вмѣсто того, чтобы писать,—нѣтъ, нѣтъ, да встанешь и подойдешь къ окну. На дворѣ январь, хотя солнце свѣтитъ какъ въ концѣ марта. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что я служу въ одномъ изъ самыхъ южныхъ городовъ. Черезъ открытую форточку иногда врывается ласковый и свѣжій, какъ щечка молоденькой дѣвушки, вѣтерокъ, онъ скользитъ по моему лицу и снова улетаетъ.

Слышно „живканье“ воробьевъ. Небо синее, какъ на картинѣ Верещагина. Реомюръ показываетъ двѣнадцать въ тѣни.

Уже третій день такой. Я знаю, что скоро, можетъ быть, даже завтра, погода измѣнится, но мнѣ не хочется этому вѣрить.

Испещривъ цифрами нѣсколько разграфленныхъ страницъ, я беру кожаную подушку, затѣмъ, подложивъ

Digitized by Google

ее подъ голову, ложусь на тахту и зажмуриваю глаза. Вѣки мои все же чувствуютъ солнечный свѣтъ, а щеки—дуновеніе вѣтерка и мнѣ хорошо.

Кажется, что на дворѣ и въ самомъ дѣлѣ мартъ. Кажется, что я не здѣсь, а въ другомъ, родномъ далекомъ городѣ, который, — когда къ нему подъѣзжать по желѣзной дорогѣ, — издали весь тонетъ въ свѣтло-фіолетовой дымкѣ и блеститъ золотыми куполами своихъ церквей... Кажется, что я не чиновникъ того учрежденія, въ которомъ числюсь, а еще студентъ третьяго курса.

Чуть пріоткрываешь глаза и снова видишь письменный столъ, на немъ листы не оконченнаго отчета и разставленныя въ безпорядкѣ фотографіи, которыхъ никакъ не соберусь спрятать. Женское, молодое, неподвижное лицо встрѣтилось своими умными, блестящими глазами съ моимъ взглядомъ и точно гипнотизируетъ меня. Боишься повернуть голову и выпустить его изъ виду.

Съ этимъ лицомъ также связано воспоминаніе о томъ городѣ, который издали кажется потонувшимъ въ свѣтло-фіолетовой дымкѣ и блеститъ золотыми куполами своихъ церквей.

Знаешь, что лицо глядящей на меня женщины только фотографія, что самый оригиналъ въ это время можетъ быть мирно ѣстъ супъ и думаетъ, — какъ бы кухарка не пережарила котлетъ, — и не хочется этому вѣрить!

Въ голову прокрадывается ни на чемъ не основанная увѣренность, что эта дѣвушка...—нѣтъ, не дѣвушка, а уже давно принадлежащая другому мужчинѣ женщина,—въ эти минуты думаетъ именно обо мнѣ, вспоминаетъ тотъ же періодъ времени, который сейчасъ тре-

Digitized by Google

вожитъ и меня, и ей хочется говорить со мною или написать мнѣ письмо. Вспоминается почему-то безпроводный телеграфъ, дѣйствіе котораго я видѣлъ на одномъ изъ военныхъ кораблей; невольно самъ улыбаешься своей фантазіи и снова закрываешь глаза.

Но женское лицо все же рисуется совершенно ясно, оно даже перестаетъ быть неподвижнымъ. Я вижу какъ щурятся глаза этой женщины, какъ едва замѣтно двигаются уголки ея рта, какъ пошевельнулась и спала на высокій лобъ небольшая прядь волосъ, кажущихся при свѣтѣ рыжеватыми.

Изъ форточки снова повѣяло весеннимъ вѣткомъ и залетѣлъ съ вокзала далекій свистокъ паровоза. Лицо женщины, ощущеніе свѣжаго воздуха и свистокъ быстро создаютъ въ моихъ мозгахъ картину, которой никогда и никто не увидитъ, такъ какъ въ жизни людей не повторяется съ точностью ни одинъ моментъ.

Но десять лѣтъ назадъ, да, цѣлыхъ десять лѣтъ, тотъ, кто гулялъ двадцать четвертаго марта по полотну желѣзной дороги недалеко отъ моего родного города,— видѣлъ какъ возлѣ рельсъ шли медленной походкой студентъ въ Николаевской шинели и барышня въ простой черной кофточкѣ и въ фетровой, съ двумя торчащими бантами, шляпѣ. Это были я и она.

Въ рукахъ у нея небольшая тетрадка съ карандашемъ, на половину заполненная талантливыми набросками.

Тогда такъ же свѣтило солнце, такъ же чирикали воробьи и пахло растворившейся землей.

Обыкновенный, кажется, былъ день и послѣ него промелькнуло нѣсколько тысячъ другихъ дней, луч-

Digitized by Google

шихъ и худшихъ, но я не въ силахъ его забыть и увѣренъ, что, умирая, вѣроятно, вспомню его со всѣми деталями, какъ сейчасъ.

Мы дошли до желѣзнодорожнаго переѣзда и свернули вправо, къ огромному, теперь уже закрытому кладбищу, больше похожему на запущенный паркъ.

— Пойдемте туда, я немного порисую, — говоритъ она и указываетъ глазами на каменныя, почернѣвшія отъ дождя, ворота кладбища.

Я молча соглашаюсь и, черезъ нѣсколько минутъ, наши ноги шуршатъ по прошлогоднимъ сухимъ листьямъ, которыми усыпаны дорожки между могилами.

Мраморные, гранитные и деревянные покосившіеся кресты молча встрѣчаютъ насъ и остаются позади, а на встрѣчу идутъ цѣлыя сотни такихъ же молчаливыхъ памятниковъ о жизни какихъ-то людей.

Когда-то, для другихъ, и мы съ нею будемъ „какими-то“ думаю я, и вмѣсто ужаса, при этой мысли, на душѣ у меня поворачивается пріятное и спокойное, совсѣмъ новое чувство глубокаго сознанія, что тогда только взаимныя отношенія наши и могутъ быть закрѣплены окончательно.

Все неискренное, а главное непонятое, и потому самое ужасное, что несомнѣнно не даетъ насъ другъ другу на этомъ свѣтѣ,—уйдетъ тогда отъ насъ навсегда и абсолютно.

Снова сворачиваемъ уже влѣво и пробираемся черезъ могилы, обтаптывая прошлогоднюю блѣдно-желтую траву на карнизахъ фундаментовъ плитъ.

Вотъ деревья стали тѣснѣе, а могилы порѣдѣли, вѣрнѣе, провалились и сравнялись съ землею. Ноги

Digitized by Google

мягко ступаютъ по непросохшей глинистой почвѣ, иногда подъ ними трещитъ сухая вѣтка. Вокругъ ни звука. Не видно ни одного живого существа. Сильнѣе пахнетъ душистымъ перегноемъ листьевъ. Дошли до обрыва. Кладбищу конецъ, только справа высится высокій, черный, желѣзный крестъ, окруженный полуразвалившейся деревянной оградкой. Внизу стелется желѣзнодорожное полотно.

Мнѣ кажется, если-бы его передавать на картинѣ, то слѣдовало бы положить побольше краски, называемой jaune de Naple.

За желѣзной дорогой высится амфитеатромъ огромный городъ, который я порою безумно люблю, а порою безумно ненавижу, какъ и мою спутницу.

Чтобы изобразить сейчасъ этотъ городъ, нужно перекомбинировать цѣлую гамму красокъ и ихъ оттѣнковъ, которыхъ мой глазъ не профессіональнаго рисовальщика охватить не въ силахъ.

Но дѣвушка, съ которой я иду, несомнѣнно видитъ и чувствуетъ эти тоны, хотя, вѣроятно, никогда не станетъ передавать ихъ на холстѣ.

— Сядемъ здѣсь, — быстро говоритъ она, — я хочу набросать этотъ высокій крестъ вмѣстѣ съ оградой и тѣмъ сухимъ деревомъ... Смотрите, его стволъ кажется совсѣмъ синимъ. И, какъ бы угадавъ мои мысли, она добавляетъ:

— А вѣдь не рисующій человѣкъ навѣрное запротестовалъ бы и сказалъ, что тамъ никакого кромѣ чернаго цвѣта нѣтъ, а меня бы назвалъ декаденткой. Вы знаете, есть очень много образованныхъ людей, которые и не подозрѣваютъ, что въ природѣ абсолютно чер-

Digitized by Google

наго цвѣта не существуетъ, какъ не существуетъ и абсолютно прямой линіи.

— Да, меня это всегда удивляло, — отвѣчаю я, — кажется, такъ ясно выраженъ цвѣтъ, а вотъ находятъ возможнымъ отрицать даже очевидное, что же тогда говорить о тѣхъ, которые отрицаютъ только чуть-чуть не ясное. Впрочемъ, вѣдь и вы даже, не въ краскахъ, а кое въ чемъ другомъ иногда начинаете отрицать очевидное...

— Вы большой любитель аналогій всякаго рода, но не всегда удачно ихъ примѣняете.

— Можетъ быть...—отвѣчаю я и думаю: — „говори, что хочешь, только не уходи отсюда, дай насмотрѣться на тебя, пока ты никѣмъ не замучена и не изгажена“...

* * *

Она садится на краю вросшей въ землю могильной плиты и, вынувъ маленькій перочинный ножикъ, чинитъ карандашъ.

Потомъ надѣваетъ пенснэ и закусываетъ нижнюю губку, — значитъ, сейчасъ начнетъ рисовать.

Если я волнуюсь, то мнѣ не сидится, и потому я хожу взадъ и впередъ, наблюдая за ея работой.

Въ данномъ случаѣ я знаю, что говорю съ моей спутницей одинъ на одинъ и совершенно откровенно,— въ послѣдній разъ.

Скоро я долженъ уѣхать и знаю, что когда вернусь въ сентябрѣ, то между мною и ею будетъ цѣлая пропасть.

Физически сегодня мы похожи на двѣ линіи, вы-

Digitized by Google

ходящія изъ одной точки подъ небольшимъ угломъ. Какъ ни малъ этотъ уголъ, но линіи уже никогда, рѣшительно никогда не сойдутся.

Если-бы кто-нибудь посторонній заглянулъ ко мнѣ въ душу, то, вѣроятно, удивился бы такому выводу, потому что между мною и этой дѣвушкой не произошло ни малѣйшей размолвки и затѣмъ она пока не объявлена ничьей невѣстой. Тѣмъ не менѣе, для меня болѣе чѣмъ ясно, что сегодня мы прощаемся, хотя психически будемъ вмѣстѣ всю жизнь.

Разсудокъ мнѣ говоритъ, что стоитъ употребить нѣсколько ловкихъ маневровъ—и она можетъ стать моей женой. Но что-то менѣе опредѣленное, но болѣе сильное, чѣмъ разсудокъ, въ свою очередь, точно грустно улыбаясь: говоритъ: „когда ты вернешься, она уже будетъ принадлежать другому и никто и ничто не въ силахъ этого измѣнить".

Сознаніе правоты этого голоса меня угнетаетъ. Хочется протестовать и возражать, но некому.

Хочется доказать этому „кому-то", что хотя онъ силенъ, но не правъ.

Я хожу взадъ и впередъ, и, обращаясь къ своей дорогой спутницѣ, начинаю излагать свои мысли по этому поводу. Говорю я искренно, съ жаромъ и даже мало забочусь о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ мои слова на дѣвушку.

— ...Вотъ мы съ вами два года были знакомы или даже больше и бывали чудные дни, когда вы принадлежали мнѣ...

— Я вамъ принадлежала?—съ удивленіемъ перебиваетъ она, отрывая на секунду карандашъ отъ тетрадки

Digitized by Google

и, чуть приподнявъ голову, щурится своими длинными рѣсницами.

— Да, да, слушайте.

— Слушаю,—отвѣчаетъ она, улыбаясь однимъ уголкомъ своихъ губъ.

— Я этихъ дней не забуду,—продолжаю я,—за два года ихъ наберется десятка два, а можетъ и больше. Сейчасъ мнѣ особенно ясно припоминается одинъ изъ этихъ первыхъ дней. Можетъ быть, и вы его помните, хотя врядъ ли... Я только что оправился послѣ воспаленія въ легкихъ. Всѣ удивлялись моему выздоровленію. Слабость была еще ужасная. Я шелъ съ палочкой по каштановой аллеѣ университетскаго сада.

Полдень былъ горячій такой.

На одной изъ лавочекъ сидѣли вы съ подругой по рисовальной школѣ. Я поклонился и подошелъ. Вы спросили меня о здоровьи, я отвѣтилъ что-то банальное и сѣлъ рядомъ. Смотрѣть вамъ въ глаза мнѣ было почему-то непріятно.

И васъ и меня задѣла красота солнечныхъ просвѣтовъ, яркими пятнами ложившихся на сыроватомъ черноземѣ дорожки, укрытой тѣнью широколистыхъ каштановъ. И вы и я одновременно вспомнили, какъ зимою разсматривали вмѣстѣ французскій иллюстрированный журналъ и любовались акварелью, на которой были изображены такіе же просвѣты и такъ смѣло, смѣло...

Снизу аллеи мимо насъ медленно прошла дѣвушка, которая меня когда-то любила, она очень много изъ-за меня выстрадала, но ни жалость, ни любовь не шевельнулись во мнѣ. Чтобы уйти отъ своей совѣсти, я взгля-

Digitized by Google

нулъ въ ваши глаза, словно прося защиты, и вы приласкали меня ими.

Помню, я тогда подумалъ: если бы мнѣ предложили оставить и науку и искусства и поступить лакеемъ въ вашу семью, я, самолюбивѣйшій человѣкъ, не колеблясь ни минуты, пошелъ бы на эту должность, чтобы только видѣть васъ каждый день...

Дико это. Можетъ быть, для васъ даже совсѣмъ ново, но если говорить, то ужъ все, а тамъ думайте, что хотите... Да, вы приласкали меня, полубольного, только взглядомъ и я сразу повеселѣлъ. Тогда вы еще дали мнѣ маленькій пучекъ ландышей—они у меня и до сихъ поръ сохраняются, не красивые, сухіе и, какъ все сантиментальное, — нелѣпые. Тѣмъ не менѣе смотрѣть на нихъ мнѣ иногда бываетъ ужасно больно, но боль эта сладкая, томная, словно подъ хлороформомъ ее ощущаешь.

Да, да, все это было.

Вы ушли, а я все еще сидѣлъ на лавочкѣ, до самаго захода солнца, и думалъ о васъ. Соловей пѣлъ гдѣ-то далеко, на гимназической горкѣ. Свѣтовыя пятна на дорожкѣ давно померкли и расплылись, стало сыро и откуда-то вѣяло хвоей.

Въ этотъ день только въ теченіе получаса мы съ вами параллельно думали другъ о другѣ... Я сознавалъ, какъ вамъ совершенно и с к р е н н о было жаль меня, еще не оправившагося отъ болѣзни, и, совершенно б е з к о р ы с т н о, хотѣлось чѣмъ-нибудь меня порадовать.

И этими двумя чувствами вы уже принадлежали мнѣ...

Digitized by Google

* *
*

Помните еще одинъ день—зимой?

Въ драматическомъ театрѣ по какому-то случаю былъ дневной спектакль. Мы съ вами спѣшили туда. Былъ сильный морозъ. Въ воздухѣ летали крошечныя льдинки. По улицѣ тянулся обозъ съ дровами, и полозья саней и оглобли все скрипѣло отъ мороза. У возчиковъ усы и бороды были бѣлыя.

Мнѣ тяжело было идти въ гору и дышать, но я ловилъ каждый моментъ и говорилъ вамъ о своей любви. Вы сняли свою муфту и велѣли мнѣ ее держать передъ лицомъ. Шелковистый холодный мѣхъ прикоснулся къ моимъ губамъ и я не въ силахъ былъ удержаться, чтобы, украдкою отъ васъ, его не поцѣловать.

Тогда мнѣ хотѣлось простудиться и умереть, чтобы не переживать жизни врозь, которая должна была рано или поздно наступить, и вотъ теперь наступаетъ. Я подѣлился съ вами этой мыслью. Вы сказали:

— Посмѣйте только заболѣть...

Пьесы я не видалъ, хотя сидѣлъ рядомъ съ вами въ партерѣ съ лѣвой стороны,—все помню. Когда мы вернулись домой, то передъ обѣдомъ пошли вмѣстѣ мыть руки. Въ спальнѣ было темно, наши руки встрѣчались подъ холодной струей воды. У меня звенѣло въ ушахъ и качалась передъ глазами освѣщенная дверь въ гостиную.

Пообѣдавъ вдвоемъ, мы ушли въ вашу комнату. Чистенько такъ, уютно было въ ней. На кругломъ столѣ горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ и отражалась на завѣшенныхъ сукномъ стеклахъ вашего книжнаго

Digitized by Google

шкафа. На столѣ томикъ Алексѣя Толстого и растрепанныя тетради съ рисунками. По стѣнамъ этюды.

Всѣ куда-то ушли, и въ домѣ было совсѣмъ тихо. Слышно было, какъ гудѣла въ передней затопленная печка и дребезжала ея дверца.

Тогда я разсказалъ вамъ свою предыдущую жизнь. Разсказалъ искренно и подробно. Помню, когда я умолкъ, было уже одиннадцать часовъ вечера.

Вы слушали меня и принадлежали мнѣ своимъ взглядомъ, своими мыслями, своими нервами и такъ никогда и никому уже принадлежать не будете, потому что никто другой уже не отдастъ вамъ такъ всей своей души цѣликомъ.

Тогда я зналъ, что жгу свои корабли. Такія дѣвушки, какъ вы, прощаютъ все, кромѣ искренности. Она ихъ гипнотизируетъ, но только на нѣсколько часовъ.

Ну, да съ меня и тѣхъ часовъ достаточно, ибо цѣнность всего того, что не можетъ повториться, чрезвычайно велика...

Все до послѣдней вещицы въ вашемъ домѣ мнѣ было дорого. Когда я надѣвалъ пальто, собираясь уходить въ переднюю, вошелъ вашъ бѣлый пойнтеръ и ласково постучалъ хвостомъ по ножкѣ стола, и это привѣтствіе пса тронуло меня до глубины души. Вѣроятно, инстинктъ ему подсказалъ, что въ эти моменты я былъ больше, чѣмъ вашимъ другомъ. Вы проводили меня до самаго низу лѣстницы и когда подали руку, я сказалъ, улыбаясь: «дайте и другую» и вы протянули ее, нѣжную и бархатистую, какъ кошачья лапка.

Домой я вернулся совсѣмъ разбитымъ. Я не скрылъ отъ васъ, что мнѣ тогда уже были извѣстны объятія

Digitized by Google

женщинъ. Но какія пустяки то нервное потрясеніе, которое переживаешь послѣ этихъ объятій, въ сравненіи съ тѣмъ потрясеніемъ, которое я пережилъ только отъ сознанія, что въ этотъ вечеръ вся ваша душа была моею.

Желая успокоиться, я легъ въ постель и взялъ свою любимую книгу: одинъ изъ томовъ Байрона. Открылось прелестное стихотвореніе «Аѳинской дѣвушкѣ». Каждая его строфа заканчивается точно въ мелодекламаціи звучнымъ, написаннымъ греческими буквами, стихомъ: «*Ζὼγ μοῦ, σὰς ἀγαπῶ!*» («Жизнь моя, всю тебя люблю»). И я не могу уйти глазами отъ этой милой строчки.

***

Теперь напомню вамъ еще одинъ вечеръ. Мы также сидѣли въ вашей комнатѣ. Вы только что получили письмо съ объясненіемъ въ любви отъ вашего товарища по школѣ, отъ того самаго, который пришелъ пѣшкомъ изъ Иркутска, чтобы учиться рисовать.

Письмо было написано рыжими каракулями на сѣрой бумагѣ и запечатано въ исначканный конвертъ. Юноша этотъ имѣлъ несчастье полюбить васъ. Для него это было ужаснымъ горемъ.

Васъ испугало сильное чувство мальчика, который любитъ въ первый разъ. Вы знали, что такіе люди, полюбивъ, погибаютъ, подобно собакѣ, которая до послѣдняго издыханія гонится за поѣздомъ, гдѣ въ одномъ изъ вагоновъ сидитъ ея хозяинъ, равнодушный ко всякому проявленію любви.

Въ концѣ концовъ собака, конечно, отстанетъ и, задыхаясь, грохнется о землю, съ безумными глазами и кровавой пѣной у рта.

Digitized by Google

Не вѣрю, чтобы васъ не взволновало это письмо. Не вѣрю, чтобы вы спали спокойно въ ту ночь. Когда со слезами просятъ хлѣба, имѣть возможность подать только кусокъ камня,—большое горе.

Подѣлиться этимъ горемъ вы пришли ко мнѣ.

Если въ это время вы любили кого-нибудь другого такъ, что думали даже стать его женой, то все же съ нимъ вы врядъ ли бы подѣлились этимъ событіемъ, ну хотя бы не желая возбудить его ревности.

Значитъ, я вамъ былъ ближе всѣхъ. Вы чувствовали, что одинъ я способенъ былъ понять вашу печаль и, можетъ быть, самъ невыразимо страдая, совершенно объективно подать совѣтъ, какъ успокоить безумца. Сказавъ все, что я могъ сказать по этому поводу, я почувствовалъ огромное нравственное удовлетвореніе отъ сознанія, что и въ этотъ моментъ вы принадлежали только мнѣ.

* * *

Я замолчалъ. Она закрыла тетрадку и поглядѣла на меня серьезно. Одна щека ея горѣла. Вѣтеръ чуть шевелилъ ленту на ея шляпѣ.

— Вы странный человѣкъ,—сказала она,—я васъ понимаю, но не совсѣмъ...

— Я бы могъ выразить то, что я думаю еще яснѣе, но боюсь оскорбить вашъ слухъ. Вѣдь вы сами на дняхъ сказали, что мы съ вами совсѣмъ чужіе.

— Это такъ, но продолжайте. Никому другому я не позволила бы говорить всего, что позволяю вамъ...

„Еще разъ и послѣдній ты принадлежишь мнѣ“, подумалъ я и заговорилъ снова.

Digitized by Google

— Ну, такъ слушайте же. Что я люблю васъ, это вы и сами хорошо знаете. Мнѣ тяжко отъ мысли, что я никогда не буду вашимъ мужемъ, но хотите вѣрьте, а хотите — не вѣрьте, я не завидую тому, кто имъ станетъ! Я никогда не пытался поцѣловать васъ, хоть, можетъ быть, для этого и были удобные моменты. Все или ничего. И тѣмъ не менѣе я думаю, что взялъ все, а тому другому достанется сравнительно немногое... Тѣло...

Вы знаете, что вы красивы, но еще болѣе красивое тѣло я могу пріобрѣсти за деньги. Душевно, какъ и тѣлесно, женщина можетъ отдать себя только разъ, а остальное будетъ повтореніемъ и все менѣе интереснымъ. Ваши лучшія и самыя чистыя душевныя движенія первый взялъ я. Я это чувствую, мнѣ это говоритъ особый инстинктъ, который меня никогда не обманываетъ.

Съ каждымъ годомъ брака ваша душа будетъ дальше отъ души вашего мужа, а къ моей ближе. Только въ матерьяльномъ мірѣ существуютъ несправедливости, но въ другомъ мірѣ каждый получитъ то, чего заслужилъ, а я ли васъ не заслужилъ, отдавъ вамъ свою совѣсть и спокойствіе отца, котораго люблю...

Черезъ двадцать лѣтъ ваше тѣло (изъ-за него только, въ сущности, всѣ ваши бывшіе поклонники готовы другъ другу перегрызть горло) — тѣло это станетъ ни для художника, ни для меня, ни для вашего мужа неинтереснымъ. Стоитъ ли жалѣть о немъ, если и черезъ двадцать лѣтъ къ моимъ услугамъ будутъ десятки тѣлъ болѣе молодыхъ, красивыхъ и пылкихъ, и, наоборотъ, воспоминанія о первыхъ моментахъ вашихъ луч-

Digitized by Google

шихъ интеллектуальныхъ и душевныхъ движеній съ каждымъ годомъ будутъ казаться поэтичнѣе и дороже, и эти моменты были, есть и будутъ мои.

Вы и теперь бывали искренни и откровенны относительно рѣдко, а дальнѣйшая жизнь заставитъ васъ изолгаться, какъ бы вы ни упирались. Но не мнѣ придется съ горечью сознаваться, что ваши слова—ложь и трогать эта ложь меня не будетъ.

Ваша правда была моей, съ меня и этого довольно!..

Больше говорить я не могъ. Нервы были слишкомъ напряжены. Казалось, что этотъ часъ говорилъ не я, а говорилъ моими губами кто-то другой, болѣе сильный, чѣмъ мой разумъ, приспособленный только для оцѣнки самыхъ простыхъ явленій человѣческой жизни.

Она встала. Глаза ея были влажны и на щекахъ румянецъ сгустился. Мы медленно пошли съ кладбища. На переѣздѣ пришлось обождать, пока пролетѣлъ курьерскій поѣздъ, его колеса не крутились, а точно плыли. Мелькнулъ послѣдній вагонъ и скрылся за поворотомъ, но рельсы еще съ минуту щелкали. Опять стало тихо. Говорить не хотѣлось ни мнѣ, ни ей. Далеко грохоталъ своими экипажами городъ, который порою такъ же люблю, а порою такъ же ненавижу, какъ и ее.

Возлѣ вокзала мы простились. Она крѣпко пожала мнѣ руку и, не глядя въ глаза, вошла въ вагонъ трамвая, который сейчасъ же двинулся.

Все это было давно, очень давно, по крайней мѣрѣ, съ моей точки зрѣнія, но теперь припомнилось детально точно. Я долго еще лежалъ на тахтѣ, — не хотѣлось встать и вспугнуть витавшія возлѣ меня воспоминанія.

Digitized by Google

Ихъ разогнала вошедшая въ мою комнату сестра. Она принесла мнѣ стаканъ чая и, поглядѣвъ на мое лицо, спросила, отчего я такой грустный, и я не сумѣлъ ей ничего отвѣтить.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1) Любовь Константиновна	3
2) Счастье	28
3) Въ степи	63
4) Машинистъ	79
5) Не выдержалъ	107
6) Совѣсть	122
7) Человѣкъ	165
8) Отъѣздъ	184
9) Сирэнъ	197
10) Гейша	233
11) Докторъ	243
12) Въ лѣсу	274
13) Бѣдняки	305
14) Элегія	351

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google